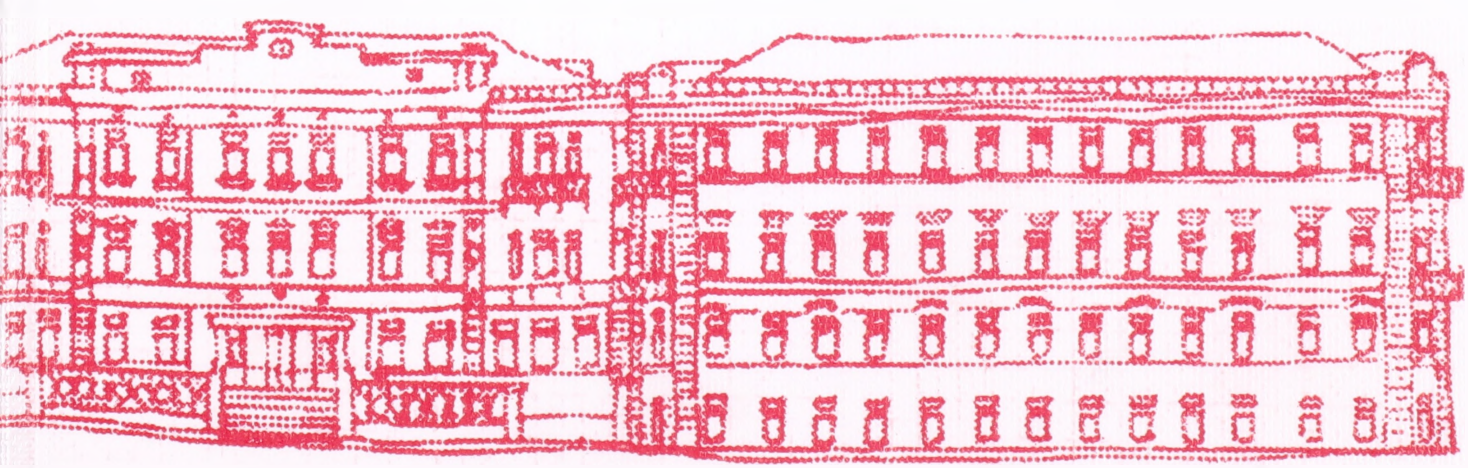
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ

БЮЛЛЕТЕНЬ

(NEWSLETTER)

21

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ РОССИИ

БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)

21

**Материалы
VII международной конференции
"Источники по истории кочевников
средневековой Евразии"**

**Москва
ИВ РАН
2014**

ББК 78.37
Б98

Б98 **Бюллетень Общества востоковедов. – Вып. 21: Материалы VII международной конференции "Источники по истории кочевников средневековой Евразии**. — М.: Институт востоковедения РАН, 2014. — 348 с.

ISBN 978-5-89282-608-2

Составители: Т.А. Аникеева, Д.Д. Васильев, А.А. Столяров.

В издание включены статьи, подготовленные участниками VII международной конференции "Источники по истории кочевников средневековой Евразии (Звенигород, 20 – 22 ноября 2013 г.).

Сборник выпущен к IX съезду Российских востоковедов, организованному при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда, грант No 14-01-14016г

Составители wne несут ответственности за стиль и библиографическое оформление статей сборника.

ББК 78.37
Б98

ISBN 978-5-89282-608-2

© Институт востоковедения РАН, 2014
© Столяров А.А (компьютерная вёрстка) 2014

Содержание:

Д.Д. Васильев 5
Предисловие
З.В. Анайбан, М.Х. Маннай-оол 7
Этногенез кочевников Центра Азии. История вопроса
Л.А. Бобров 16
«Без копей битца не мошна…».
Российские казаки и степной копейный бой XVII-XIX вв.
Г.Ф. Валеева-Сулейманова 56
Памятники ювелирного искусства
как источник изучения этнокультурных процессов
А.Д. Васильев 64
Заметки генерала Куропаткина
о французском опыте управления кочевниками
Д.Д. Васильев 73
Работы эпиграфической экспедиции
Института востоковедения РАН в 2012-2013 гг.
и новые находки древнетюркских рунических надписей
М.В. Горелик 79
Новые находки древневенгерского вооружения
Г.-Р.А.-К. Гусейнов 90
Кумыкский эпос «Анжи-наме» как один из источников
по истории средневековых тюркских племен Северного
Кавказа, Дагестана и Восточной Европы (Паннонии)
В.В. Досовицкая 105
Внешнеполитические мероприятия Японии в первой трети
XX в. и положение кочевого населения Монголии
Ю.И. Дробышев 114
Ойрато-китайский конфликт 1449 г.
в свете представлений о легитимности верховной власти
И.Л. Измайлов 130
Военно-политические контакты Волжской Булгарии
с тюркскими кочевниками Нижнего Поволжья и Южного
Приуралья (конец X – первая треть XIII в.)

Б.А. Илюшин 145
Военное дело служилых татар XV-XVII вв.
А.Ш. Кадырбаев 161
Чингиз-хан и первые жертвы его завоеваний —
монголы, уйгуры, тангуты и чжуржэни
О.Н. Мошеева 183
Такие привычные необычные бусы сарматов
Л.Ф. Недашковский 194
Кочевники и города в Нижнем Поволжье
в золотоордынское время
И.Р. Нигаматзянов 218
Г.А. Федоров-Давыдов
как исследователь истории кочевников Восточной Европы
Саболч Полгар 226
Восточная Европа и этногенез древних венгров
(новые исследования по археологии и лингвистике)
Поогоо Чултэмсурэн 235
Средневековая почта Монголии,
или «Монгольский закон в три дня»
В.В. Прудников 244
Норманнская и сельджукская конница в Малой Азии
XI-XII вв.: копье и лук как преимущества завоевателей
Т.Д. Скрынникова 265
Значение линиджа и рода
в социальной структуре монгольского улуса начала XIII в.
С.Д. Сыртыпова 285
Искусство выколотки по металлу в Монголии:
ХӨӨМӨЛ от средневековья до наших дней
Д.М. Тимохин 312
Тюркские кочевники в составе хорезмийской армии
при Ала ад-Дине Мухаммаде ибн Текише
и Джалал ад-Дине Манкбурны
В.В. Тишин 329
К вопросу о клане и патронимической организации
у древних тюрков VI–VIII вв.
А.Х. Тухватулин 345
«Родословная туркмен» и «Родословная тюрок» Абу-л-Гази
как источники для мусульманских историков рубежа XIX-XX вв.

Д.Д. Васильев
(ИВ РАН, Москва)

Предисловие

Институт востоковедения РАН имеет давние традиции в исследовании кочевых цивилизаций Евразии и располагает специалистами, исследующими эту тему. Венгерские ученые неоднократно приглашались в ИВ РАН и участвовали в специальных конференциях. Российские специалисты также регулярно получают приглашения Венгерской АН для совместной работы в венгерских фондах, где имеются богатейшие коллекции, собранные европейскими экспедициями в Сибири и Центральной Азии. В ИВ РАН один раз в два года проводится международная конференция «Источники по истории Евразии в средние века», где традиционно принимают участие также и венгерские коллеги. По материалам этих конференций выпущено девять сборников. Наша конференция проводится на средства гранта Российского гуманитарного научного фонда, поддержавшего мою заявку и оценившего важность нашего совместного проекта.

Сотрудники Института востоковедения РАН уже несколько лет участвуют в совместном исследовательском проекте «Источники и документы по истории народов Центральной Азии и восточные истоки культуры евроазиатских кочевников», существующем в плане межакадемического сотрудничества между РАН и ВАН. Проект предусматривает сбор полевых материалов, выявление музейных данных и архивных источников по этно-историческому изучению коренного населения Центральной Азии и их потомков, дошедших до территорий Восточной и Центральной Европы.

Работа проводится в Москве, С.Петербурге, Кызыле, Минусинске, Абакане, Горно-Алтайске, а также в музеях и рукописных фондах Венгрии. Конечной целью проекта является издание фундаментальной коллективной монографии и серии сборников статей по

отдельным темам проекта. В Институте востоковедения РАН по данной теме уже изданы три сборника статей российских и венгерских ученых «Hungaro-Russica», венгерской стороной регулярно проводятся двухсторонние конференции по изучению источников по истории кочевых цивилизаций. Такие конференции состоялись в Сегеде, Ясберене, Мишкольце, Каире и теперь — в Звенигороде. Опубликованные материалы конференций имели научный успех и востребованы как ценные исследования.

Обоюдный научный интерес сотрудничающих сторон, сложившиеся сотрудничающие коллективы, плодотворные результаты работы в виде конференций, изданных сборников, архивно-музейных и полевых изысканий свидетельствуют необходимость продолжения сотрудничества с Венгерской АН по межакадемическому проекту «Источники по истории культуры евроазиатских кочевников». Мы надеемся, что конференция в Звенигороде продолжит научные традиции востоковедов наших стран.

З.В. Анайбан, М.Х. Маннай-оол
(ИВ РАН, Москва, ТИГИ, Кызыл)

Этногенез кочевников Центра Азии: История вопроса

Вопросы происхождения современных тувинцев — одного из древнейших тюркоязычных народов, издавна населяющих географический центр Азиатского материка и Саяно-Алтайское нагорье, — всегда привлекали внимание научного сообщества. Эта проблема нашла отражение в трудах как дореволюционных отечественных и иностранных ученых-путешественников, так и современных исследователей. В данной работе, говоря об историографическом аспекте этого вопроса, остановимся лишь на работах дореволюционных авторов.

Первые работы отечественных ученых, в которых специально или попутно рассматривались вопросы происхождения тувинцев, появились в XVIII в. Они положили начало так называемой «миграционной теории», согласно которой тувинцы рассматривались лишь как простое ответвление самодийских племен. Среди них, прежде всего, следует назвать труды академика П.С. Палласа, по мнению которого, тувинцы — «остатки самоедов, вытесненных со своих старых мест обитания»[1].

В своей работе, посвященной «описанию всех в Российском государстве обитавших народов» русский этнограф и натуралист И.Г. Георги сообщает о «племени саят иначе называемых также суйотами пли сойотами», и относит их к самодийцам, что якобы «доказывается их видом, языком и житейскими обычаями»[2]. Отметим, что данная концепция относительно этнического родства ту-

---

[1] *Паллас П.С.* Путешествие по различным провинциям Российского государства. Кн. 1. Ч. 3. СПб., 1788. С. 523-524.

[2] *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитавших народов, а также их житейских обрядов, верований, обыкновений, жилищ, одежды. СПб. 1779. Ч. 1–3. С. 15.

винцев с самоедами и о самодийском этническом компоненте как главной составляющей в этногенезе тувинского народа, высказанная авторитетнейшими учеными, в научной среде конца XVIII в. получила широкую поддержку и на протяжении длительного времени не вызывала особых дискуссий.

В 1847 г. в Туве удалось побывать А.М. Кастрену — финскому ученому-языковеду с мировым именем, внесшему большой вклад в финно-угроведение, изучение самодийских, монгольских, тюркских и палеоазиатских языков. Факты и материалы для своих исследований он черпал не из книг, а добывал в трудных и долгих путешествиях, совершенных им по заданию и на средства Петербургской Академии наук. А.М. Кастрен собрал богатый материал по языкам народов Западной Сибири и считал, что все они так или иначе связаны с самодийской средой. В своих исследованиях он писал, что сойоты действительно говорили на том же наречии, что и минусинские татары-хакасы, но в их языке остались следы, свидетельствующие о том, что часть сойотских племен, несомненно, «самоедского происхождения»[1].

Ученые XIX – начала XX в., особенно те, которые побывали в Туве, ближе подошли к решению отдельных вопросов этногенеза тувинцев. Так, исследователь древностей Сибири Г.И. Спасский на основании записанных им свидетельств тувинцев на Саянах впервые правильно определил принадлежность тувинцев к тюркоязычным народам[2].

Выдающийся тюрколог академик В.В. Радлов после посещения Западной Тувы в 1861 г. пришел к заключению, что тувинцы «говорят на турецком (т.е. тюркском. — *Авт.*) языке», а по происхождению они «представляют смешанную из киргизов, самоедов и енисейских остяков народность»[3].

Важные сведения о родоплеменном составе тувинцев имеются в трудах известного географа и путешественника Г.Н. Потанина, посетившего Туву в 1876-1879 гг. и высказавшего предположение о том, что тувинцы — «потомки древних уйгуров»[4]. Он также считал, что некоторые монгольские группы являются омонголившимися тюрками. Так, в своей монографии «Очерки Северо-

---

[1] *Кастрен А.М.* Магазин землеведения и путешествий. Географический сборник. Собрание старых и новых путешествий. Т. 6, Ч. 2. М., 1860. С. 402.

[2] *Спасский Г.* Изображение обитателей Сибири. СПб., 1820. С. 146.

[3] *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. I. СПб., 1866. С. 14.

[4] *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. С. 13.

Западной Монголии» он отмечает: «В средней части Монгольского Алтая находится Халхасский хошун Тачжи-Урянхай, теперь это настоящие монголы, но имя хошуна вполне совпадает с именем урянхайского поколения Тачжи-Урянхай. Не было ли то тюркское поколение, впоследствии омонголившееся, но удержавшее свое имя?»[1]. Г.Н. Потанин также считал, что «дархаты, по-видимому, не что иное, как омонголившиеся урянхайцы, таких же омонголившихся тюрков можно принять и население пяти хошунов Западной Монголии[2]. Кроме того, в этой же работе в разделе «Урянхайцы» он описал не только общественный, семейный и религиозный быт, но и дал новые данные относительно административно-племенного разделения урянхайцев, выявил названия отдельных родов[3].

Не утратила своего источниковедческого значения по определению этнического состава тюркоязычных народов, включая тувинцев, работа востоковеда-тюрколога И.Л. Аристова[4]. В ходе исследования он приходит к выводу, что в формировании этнического состава тувинцев иняли участие турки-тюкю, а именно телесы и кыргызы. И далее замечает, что «принимая в свой состав многие примеси, урянхайцы должны были и со своей стороны участвовать в составе других народов. Несомненно, участие их в образовании западных монголов, в котором они играли роль в числе других лесных племен[5]. Он также заключает, что «урянхаи так называются монголами, сами же зовут себя туба или тува, как отуреченные самоеды северных склонов Алтая и Саянского хребта; именуют их также сойотами, соитами, сойонами[6]. Недостатком этой работы следует считать недооценивание комплексных источников и изучение этнического состава тех или иных племен, народностей преимущественно на основе данных этнонимики.

Французский географ Жан Жак Элизе Реклю, участник Парижской коммуны, в многотомном груде «Земля и люди. Всеобщая география» разделяет тувинцев на сойотов, урианхов (урянхайцев. — *Авт.)* и сойонов. По его мнению, сойоты «говорят диалектом, близко подходящим к наречию самоедов» и «представляют помесь

---

[1] Там же. С. 654.
[2] Там же. С. 653.
[3] Там же. С. 10-13.
[4] *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Год шестой. Вып. III-IV. С. 277–456.
[5] Там же. С. 348.
[6] Там же. С. 347.

финской расы с тюркской», урианхи «считаются принадлежащими к тюркской расе, и они имеют тюркский тип лица, и большинство их говорит татарским наречием», а сойоны – «другой тюркский народ, отличный от урианхов и дархатов, но более или менее смешанный с киргизами»[1]. Этот ученый, не посетивший Туву, и, вероятно, использовавший компилятивные источники, ошибочно разделял тувинцев на сойонов, сойотов и урианхов. Как мы знаем, сойотами и урянхайцами называли тувинцев монголы, а вслед за ними китайцы и русские. Известно, ни финской, ни тюркской расы не существует. Жан Жак Элизе Реклю, говоря об этих расах, вероятно, имел в виду тюркские и финские этносы.

В «Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре на 1899 год» также затрагивался вопрос о происхождении тувинцев. В нем они отмечались как «остатки некогда многочисленного племени, не раз упоминаемого китайскими историками под названием туба, а именно: сойоны или сойоты. Все говорят тюркским языком»[2].

В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона поставлен вопрос о происхождении «населения верхнего бассейна Енисея (тувинцев. — *Авт.)* в пределах Сибири и Китая», которое якобы «состоит из монголов, финнов и тюрков, представляющих разнообразное смешение племен...»[3].

В 1889 г. с исследовательской целью Туву посетил тюрколог Н.Ф. Катанов. Специально занимавшийся изучением тувинского языка, он не согласился с лингвистическими выводами М.Л. Кастрена. «Сравнивая урянхайские слова своего собрания, — писал он, — с самоедскими словами, собранными М.Л. Кастреном... не нашел я сходства урянхайского языка с самоедским в лексическом отношении. Большая часть урянхайских слов, совпадающих с самоедскими, в частности, со словами камаринского наречия самоедского языка, оказались тюркского происхождения или монгольского, но не самоедского»[4]. Н.Ф. Катанов впервые на основе данных лингвистики научно доказал, что «тувинцы в основном говорят на одном и том же языке с самыми слабыми отклонениями, вполне по-тюркски,

---

[1] *Реклю Э.* Земли и люди. Всеобщая география. Кн. 4. Т. 6, 7. СПб., 1898. С. 676.

[2] Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1899 год. Томск, 1899. С. 362.

[3] Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 30. СПб., 1900. С. 718.

[4] *Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием важнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань. М., 1903. С. 17.

а не по-самоедски и не по-остяцски»[1]. Исходя из опыта своих исследований, он делает вывод, что фонетика и морфология тувинского языка всецело тюркские [там же, с. 18]. Касаясь вопроса о происхождении тувинцев, он констатирует, что «они составились из элементов тюркских, монгольских и самоедских и известны были под именем дубо в древнее время». В то же время Н.Ф. Катанов подчеркивает важную роль уйгуров, которые те сыграли в происхождении тувинцев. Существующие в этот период на сей счет разные точки зрения, он объясняет тем, что «на основании того, что в XVII в. русские в южной части Енисейской губернии сталкивались более всего с финскими племенами, некоторые ученые убежденно говорят, что нынешние сойоты по происхождению своему остяки или самоеды»[2].

Одними из первых обратившихся к изучению антропологического типа тувинцев были И.П. Слинич и К.И. Горошенко. В 1897 г. И.П. Слинич исследовал 11 черепов тувинцев, К.И. Горошенко — 92, из них 20 женских. Однако их выводы, построенные на основании далеко недостаточных данных, оказались поспешными [Слинич, 1901, с. 70; Горошенко, 1901, с. 72]. В 1907 г. антропологические типы тувинцев изучал А.А. Ивановский, который опираясь на материалы К.И. Горошенко, впервые правильно отнес их к монголоидной расе.

В 1897 г. Восточную Туву посетил этнограф П.Е. Островских, который собрал обширные этнографические и антропологические материалы, проливающие свет на этногенез тувинцев-тоджинцев[3]. К сожалению, в большинстве своем эти материалы не были изданы, опубликованы лишь краткие отчеты об экспедиции и статьи. В появившейся в 1899 г. в «Известиях Русского Географического Общества» статье, посвященной обоснованию русской колонизации и развитию торговли в Урянхайском крае, автор в том числе дает ценные сведения о численности населения Тоджинского хошуна, включая численность взрослых и детей[4].

Этнографические данные о тюркоязычных народах долины Енисея содержатся в сводном труде русского революционера Е.К.

---

[1] Там же.

[2] Там же. С. 3.

[3] *Островских П.Е.* План поездки в страну сойотов // Известия РГО. 1897. Т. 33; *он же.* Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли // Известия РГО. 1898. Т. 34. Вып. 4; *он же.* Значение Урянхайской земли для Южной Сибири // Известия РГО. 1899. Т. 35. Вып. 3.

[4] *Островских П.Е.* Значение Урянхайской земли для Южной Сибири // Известия РГО. 1899. Т. 35. Вып. 3. С. 340.

Яковлева. Следует пояснить, что самому Е.К. Яковлеву так и не удалось побывать в Туве, так как, будучи политическим заключенным, он не имел возможности выехать за пределы России. Вместе с тем, данное обстоятельство ни в коей мере не умаляет ценности и значения его трудов: он собрал важные материалы по материальной культуре тувинцев и их общественному быту. В своей работе, говоря о тувинцах, Е.К. Яковлев указывает «на сильную метизацию и на, несомненно, разное происхождение отдельных родов или разное прошлое в смысле влияний»[1].

В 1901 г. Восточный отдел РГО обратился к Феликсу Кону, тоже политическому ссыльному, осуществить этнографическую экспедицию в Сойотию (Туву). Основной задачей данной экспедиции было изучение истории, культуры и быта местного населения. В опубликованной в 1934 г. книге Ф. Кона получили всестороннее освещение разные стороны материальной и духовной культуры жителей Тувы: занятия, (скотоводство, охота и рыболовство, земледелие, ремесла), жилище, одежда, пища, брак и семья, верования, народные празднества и т.д. В работе специальный раздел посвящен также исследованию тувинского рода (клана). Так, в ходе исследования он резюмирует, что «вся Урянхайская земля в административном отношении делится на девять хошунов. Хошун подразделяется на четыре рода (клана) – «сумо». В свою очередь «сумо» делится на «кости» — «сююк»[2]. Безусловно, Ф. Кон является одним из видных исследователей этнографии и этногенеза тувинцев до революции.

Исследователь народностей Сибири И.Т. Савенков на основании сравнительно-этнографического изучения эволюции шахматной игры пытался выяснить вопросы происхождения и направления передвижений народностей, их родства, культурных и этнических сношений. Такой подход к этногенетическим вопросам привел к тому, что тувинцы, по его мнению, «состоят из монголов, финнов, тюрков и тюркоалтайцев, представляющих разнообразное смешение племен».

История этнографического изучения тувинцев в начале XX в. отмечена, кроме всего прочего, проявлением интереса к этой теме европейских ученых. В частности, вопроса происхождения тувинцев

---

[1] *Яковлев Е.К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела Музея. Минусинск, 1900.

[2] *Кон Ф.Я.* За пятьдесят лет. Кн. III. Экспедиция в Сойотию. М.: Издательство Всероссийского общества политкаторжан и ссыльнопереселенцев, 1934. С. 143-144.

касался английский путешественник Д. Каррутерс, посетивший Туву в 1910 г. Он пессимистически предсказывал будущность тувинцев, как «угасающих племен верхнего бассейна Енисея» и со свойственной ему амбициозностью заявлял, что они представляют «... из себя потомков нации, образовавшейся путем смешения аборигенов территорий, прилегающих к реке Енисею, с древними тюркскими и угорскими племенами, на которых сильное влияние оказали, в свою очередь, монголы»[1].

Далее следует сказать о фундаментальном труде известного путешественника и исследователя Центральной Азии Г.Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край», издание которого было завершено в 1930 г. Несмотря на некоторые общеметодологические недостатки, работа Г.Н. Грумм-Гржимайло, написанная па основе изучения колоссального количества разнообразных источников (письменных, археологических, антропологических, этнографических), представляет большой интерес. Фактически это была первая обобщающая работа, посвященная истории и этнографии тувинского народа. Рассматривая проблему происхождения тувинцев, Г.Н. Грумм-Гржимайло отмечает сложный этнический состав этого народа, в который входят тюркские, самодийские, монгольские, кетские этнические компоненты. В антропологическом отношении он сближает тувинцев с монголами. В предисловии этой книги, говоря о важности подобных научных изысканий и наибольшей достоверности полученных материалов, автор особо подчеркивает, что «этнографические исследования от исследователя, помимо знания языка изучаемой им народности и соответствующей подготовки, требуют стационарной работы среди нее и продолжительности пребывания»[2].

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что изучению этногенеза и этнической истории тувинцев посвящена довольно обширная литература. Несмотря на то, что дореволюционные исследователи придерживались самых различных точек зрения на проблему происхождения тувинцев, важность и значимость трудов дореволюционных исследователей, внесших не только существенный вклад в изучение проблем этногенеза тувинцев, но и всей этнической истории Тувы, не вызывает сомнений. Исходя из рассмотренной нами литературы, можно констатировать, что процесс

---

[1] *Каррутерс Д.* Неведомая Монголия. Урянхайский край. Т. I. Пг., 1919. С. 198.

[2] *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Т. 3. Вып. I. Л., 1926. С. 1.

образования этнического ядра тувинцев был не только достаточно длительным и сложным, но и в его формировании на отдельных этапах приняли участие самые разные этнические группы.

Литература

Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Год шестой. Вып. III-IV. С. 277–456.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитавших народов, а также их житейских обрядов, верований, обыкновений, жилищ, одежды. СПб. 1779. Ч. 1–3.

Горошенко К. Сойоты // Русский антропологический журнал. М., 1901. № 1.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Т. 3. Вып. I. Л., 1926.

Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Урянхайский край. Т. I. Пг., 1919.

Кастрен А.М. Магазин землеведения и путешествий. Географический сборник. Собрание старых и новых путешествий. Т. 6, Ч. 2. М., 1860.

Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием важнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань. М., 1903.

Кон Ф.Я. За пятьдесят лет. Кн. III. Экспедиция в Сойотию. М.: Издательство Всероссийского общества политкаторжан и ссыльнопереселенцев, 1934.

Островских П.Е. План поездки в страну сойотов // Известия РГО. 1897. Т. 33.

Островских П.Е. Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли // Известия РГО. 1898. Т. 34. Вып. 4.

Островских П.Е. Значение Урянхайской земли для Южной Сибири // Известия РГО. 1899. Т. 35. Вып. 3.

Паллас П.С. Путешествие по различным провинциям Российского государства. Кн. 1. Ч. 3. СПб., 1788.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883.

Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. Л., 1969.

Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. I. СПб., 1866.

Радлов В.А. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. 9. СПб., 1907.

Реклю Э. Земли и люди. Всеобщая география. Кн. 4. Т. 6, 7. СПб., 1898.

Савенков И.Т. К вопросу об эволюции шахматной игры: Сравнительно-этнографический очерк // Этнографическое обозрение. 1905, №1.

Слинич И.П. К краниологии сойот // Русский антропологический журнал. М., 1901, № 1.

Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1899 год. Томск, 1899.

Спасский Гр. Изображение обитателей Сибири. СПб., 1820.

Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 30. СПб., 1900.

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела Музея. Минусинск, 1900.

Л.А. Бобров
(Новосибирский государственный университет)

«Без копей битца не мошна...». Российские казаки и степной копейный бой XVII-XIX вв.[1]

Одним из интереснейших элементов военного искусства российских казаков XVIII - начала XX вв. является конный копейный бой с применением длинных кавалерийских пик. В отечественной историографии это оружие именуется «исконным», «традиционным» и «коренным» оружием казаков. Однако комплексный анализ вещественных, изобразительных и письменных источников позволяет сделать вывод, что кавалерийская пика превратилась в массовый вид оружия донских, яицких (уральских) и сибирских казаков достаточно поздно. На протяжении XVI - первой половины XVII вв. воины российского степного пограничья, как и запорожские казаки, предпочитали вести бой в пеших порядках с акцентом на использование ручного огнестрельного оружия и полевых укреплений. В конном же строю применялись саадаки, сабли и пистолеты[2]. Число казаков владевших искусством конного боя на копьях было относительно невелико. Массированные кавалерийские атаки с пиками наперевес прославившие донцев и уральцев XVIII-XIX вв. для более раннего исторического периода были, в целом, не характерны. В данной связи значительный интерес представляют истоки появления

---

[1] Исследование проведено в рамках Задания № 2718 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

[2] *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. С картами и планами. СПб., 1906. Т. I. С. 13, 14; *Курбатов О.А.* Тихвинское осадное сидение 1613 г. М.: Цейхгауз, 2006. С. 11, 18, 32; *он же.* Армия эпохи Ренессанса // Сержант. 2007, № 4(41). С. 7; *Пенской В.В.* Великая огнестрельная революция. М.: Яуза, Эксмо, 2010. С. 311, 312; *Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI – XVII вв. Вооружение и военная организация: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2012.

и особенности распространения кавалерийского длиннодревкового оружия, техники владения пикой и тактики ведения конного копейного боя у российского казачество эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

В отечественной историографии неоднократно высказывалось мнение, что искусству владения пикой казаки научились (наряду с другими воинскими приемами) у своих ближайших соседей — тюркских кочевников Восточной Европы. Однако данная версия представляется маловероятной, так как у самих позднесредневековых тюркских номадов длиннодревковое оружие также имело весьма ограниченное распространение[1]. В войсках крымских татар XVI-первой половины XVII вв. копьями, рогатинами, пиками были вооружены лишь отдельные ополченцы и воины элитных панцирных соединений, а у ногаев конный копейный бой к началу XVII в. был и вовсе вытеснен из широкой военной практики. Однако было бы серьезной ошибкой приписывать данную тенденцию только лишь армиям западной части Великой степи. Сокращение числа конных копейщиков в войсках было общим трендом развития военного дела большинства народов Европы, Малой, Передней и Средней Азии. Пистолет и палаш на Западе, саадак и сабля на Мусульманском Востоке уверенно теснили старое доброе кавалерийское копье. К началу XVII в. казалось, что искусство конного копейного боя уходит в прошлое, однако произошло нечто прямо противоположное- длиннодревковое оружие не только восстановило утраченные позиции, но и существенно расширило традиционный ареал своего распространения.

Процесс возрождения кавалерийского копья и искусства конного копейного боя в Европе шел с Востока на Запад. В XVIII в. пики получили широкое распространение среди российских казаков и польских улан[2]. Блестящие действия восточноевропейской копьеносной конницы привлекли внимание Наполеона Бонапарта, который стал горячим сторонником данного вида оружия. Готовясь к войне с Российской империей, великий завоеватель последовательно

---

[1] *Дмитриев С.В.* Крымское ханство в военном отношении (XVI-XVIII вв.)// Тюркологический сборник. Россия и тюркский мир. М.: Вост. лит., 2003. С. 210-228; *Пенской В.В.* Военный потенциал Крымского ханства в конце XV - начале XVII в. // Восток (Oriens). 2010, № 2. С. 59, 60.

[2] Вслед за казаками длиннодревковое оружие стали осваивать и полки регулярной российской кавалерии. Так, в 1765 г. были сформированы «пикенерные полки», преобразованные в 1783 г. в легкоконные. Полковником Луганского пикенерного полка в 1777 г. был назначен М.И. Кутузов.

наращивал число конных копейщиков в своих войсках. К полкам польских улан добавились собственно французские части, укомплектованные пикинерами (шеволежерами). Параллельно начался массовый перевод в шеволежеры солдат линейной и легкой кавалерии. В 1811 г. шесть драгунских полков, а так же часть конных егерей были вооружены пиками и переведены в категорию шеволежеров. В императорской гвардии появились полки польских и голландских («красных») улан. В результате военных преобразований, в состав Великой армии в 1812 г. влилось 25 (!) полков улан и шеволежоров (французов, поляков, немцев и др.). Кроме того, пиками были снабжены и французские гусары, а уже в ходе военной кампании было принято решение о формировании отрядов «польских казаков» («кракусов») практически поголовно вооруженных «пиками казачьего типа»[1]. Наполеон надеялся, что эта гигантская масса конных копьеносцев поможет его кавалерии прорывать построения противника и эффективно сражаться с российскими казаками[2]. Примеру французов последовали пруссаки и австрийцы. За первое десятилетие XIX в. численность улан в прусской армии возросла втрое, а в 1813 г. копьеносная кавалерия королевства пополнилась многочисленными национальными и ландверными полками[3]. Австрийское командование традиционно отдавало приоритет гусарам, но и оно не осталось в стороне от модного оружейного тренда и в 1813 г. дополнило три своих уланских полка новой пиконосной воинской частью набранной в Галиции[4]. Учителями французов, голландцев и немцев в искусстве копейного боя стали польские офицеры. Полковник Ян Конопка был назначен шефом-инспектором шеволежерских полков французской армии[5]. В 1811 г. К. Красинский опубликовал в Париже первую специальную брошюру «Очерк о приемах с пикой», основанную на опыте «обращения с этим оружием, который есть в Польше, России и Австрии». Начиная с эпохи Наполеоновских войн и вплоть до начала XX в. пики продолжали оставаться важным видом оружия ближнего боя регулярной европейской кавалерии.

---

[1] *Венков А.В.* Казаки против Наполеона. От Дона до Парижа. М.: Вече, 2013. С. 224, 266-270, 290; *Соколов О.В.* Битва двух империй. 1805-1812. М.—СПб., 2012. С. 623-626.

[2] *Венков А.В.* Казаки против Наполеона. С. 290; *Соколов О.В.* Битва двух империй. С. 623-626.

[3] Венков А.В. Казаки против Наполеона. С. 235-237.

[4] Там же. С. 238.

[5] Там же. С. 250.

Таким образом, можно считать установленным, что возрожденное искусство владения пикой в Западной Европе не восходило напрямую к военной практике западноевропейского рыцарства, а было привнесено в регион с территории Восточной Европы. Однако возникает закономерный вопрос- как искусство владения кавалерийской пикой распространилось среди самих поляков и российских казаков?

К началу XVII в. польская кавалерия была последней конницей Европы широко использующей длиннодревковое оружие. В армии Речи Посполитой тяжелыми ударными копьями были вооружены знаменитые «крылатые» гусары. Однако конструкция гусарского «древа» и способ его боевого применения существенно отличались от конструкции и техники владения уланской пикой. С легкой руки Я. Вильхорски в литературе распространилось мнение о «рождении» кавалерийской уланской пики в результате эволюции восточноевропейской «рогатины» («влочни») состоявшей на вооружении воинов польско-литовских «казачьих» («панцырных») хоругвей.[1] Данная версия представляется маловероятной, так как классическая рогатина XVI- первой половины XVII вв. по своей конструкции (широкое перо листовидной формы, мощное толстое древко) является прямой антитезой пике («антипикой») главными отличительными признаками которой было узкое граненое перо и древко небольшого диаметра. Тезис об одинаковой длине польских рогатин и уланских пик также является весьма условным, так как самые длинные рогатины (1,9-2,6 м.) были короче самых коротких пик польских улан (от 2,65 м.) не говоря уже про пики российских казаков имевших длину более 3 м[2]. Тот факт, что в начале XVIII в. пики польских улан (татарского происхождения) некоторое время именовались «рогатинами» говорит о сохранении старого термина, а не о бытовании старой конструкции оружия, что хорошо видно при сопоставлении подлинных экземпляров рогатины-«влочни» XVI-XVII вв. и уланской «псевдорогатины» начала XVIII в.

---

[1] *Wielhorski J.* "Ułani księcia Józefa". L., 1963; *Wielhorski J.* Lanca // http://www.napoleon.org.pl/taktyka/lanca.php

[2] *Курбатов О.А.* «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. Вып. II. С. 229, 230. <http://www.milhist.info/2013/04/23/kyrbatov_2> (23.04.2013); *Венков А.В.* Казаки против Наполеона. С. 74, 75, 248.

При этом Я. Вильхорски, совершенно справедливо указывает, что появление первых специальных воинских подразделений легких пикинеров в армии Речи Посполитой связано с боевой практикой польских и литовских татар («липки»). Другой вопрос, когда конный копейный бой распространился среди самих липков? Вплоть до второй половины XVII в. никакой массовой копейной конницы у польских и литовских татар не наблюдается. Главным оружием липков XVI-первой половины XVII вв. (как и у их восточных соседей -крымских татар и ногаев) был «саадак» (лук и стрелы). Согласно описям и реестрам XVI в. стандартный набор вооружения зажиточных татар в составе польских и литовских армий включал «сагадак и шаблю (саблю)»[1], а длиннодревковое оружие (копья, рогатины, пики, дротики) применяли лишь отдельные воины. Собственно же пиконосные подразделения польско-литовских татар (за которыми закрепляется термин «уланы») набирают популярность лишь в период правления Августа Сильного и Августа III в., то есть в первой половине XVIII в.[2], что примерно совпадает по времени с широким распространением пик среди российских казаков, ногаев и крымских татар. Таким образом, объяснить триумф пики в XVIII-XIX вв. особенностями эволюции военного искусства позднесредневековых тюркских кочевников Восточной Европы не представляется возможным. Где же тогда стоит искать первоисточник Третьей революции длиннодревкого кавалерийского оружия, вернувшей пику в широкую военную практику европейских народов?[3] Для того, чтобы ответить на данный вопрос необходимо более внимательно присмотреться к тенденциям развития оружейного комплекса кочевников восточной части Великой степи.

После крушения Юаньской империи монголы были вытеснены из Китая и вступили в длительную полосу междоусобных конфликтов. В этих столкновениях воины противоборствующих степных армий использовали сходное оружие дистанционного боя (сложносоставные луки «монгольского типа»), одинаковый конский

---

[1] Акты издаваемые Виленскою коммиссіею для разбора древних актов. Авторы о литовских татарах. Т. XXXI. Вильна: Типография «Русскій Почин», 1906. С. 123, 124.

[2] *Wielhorski J.* "Ułani księcia Józefa"; *Wielhorski J.* Lanca // http://www.napoleon.org.pl/taktyka/lanca.php

[3] Первая «революция кавалерийского длиннодревкового оружия» — принятие на вооружение легкие метательных копий и дротиков, вторая — распространение ударных копий как оружия тяжелой конницы, третья — распространение пик, как массового оружия легкой конницы.

парк и идентичную тактику ведения сражения. Битвы кочевников Монголии и Ойратии в этот период не редко представляли собой столкновение гигантских «хороводов» конных лучников расстреливающих друг друга с минимальной дистанции. Победу в таких сражениях одерживала та сторона, которая могла разорвать «хоровод» и смешать воинские порядки противника. Подобная ситуация закономерно вела к росту значения защитного вооружения и рукопашной схватки, в ходе которой и можно было максимально быстро нарушить «хоровод» вражеских стрелков. Чем больше конных панцирников было в армии, тем более устойчивой она была в дистанционном и ближнем бою, тем успешней была атака, направленная против вражеских лучников. Главная роль отводилась первому удару, разрывавшему вражеский строй. Идеальным оружием такого удара были длинные копья и пики. Поэтому монгольские и ойратские латники, сохранили копья, как массовый вид вооружения. Неизвестно, кто из центральноазиатских военачальников первым додумался до следующего шага- изящного и гениального в своей простоте. Если победа в сражении зависит от массированной атаки конных копейщиков, то почему бы не снабдить копьями не только панцирников, но и легковооруженных воинов и тем самым усилить мощь кавалерийского удара по вражескому строю? Придя к такой мысли монгольские и ойратские полководцы, нарушили неписанный закон эпохи раннего и развитого Средневековья и начали массово снабжать копьями и пиками своих легких лучников.[1] Центральноазиатские военначальники старались добиться едва ли не 100%-го обеспечения своих лучников пиками. Поэтому в походе всадник иногда вез с собой не одно, а два или даже три копья.[2] Некоторый запас длиннодревкового оружия перевозили в обозе и накануне боя выдавали воинам. Первоначально легкие копейщики поддерживали в атаке своих панцирных товарищей, но впоследствии их стали сводить в самостоятельные воинские подразделения.

---

[1] В раннем и развитом Средневековье длиннодревковое оружие применялось преимущественно конными панцирниками, в то время, как легковооруженные номады использовали копья лишь эпизодически.

[2] Так, например, в 1647 г. татары, наблюдавшие колонну ойратской конницы, с удивлением отмечали: «Видели де они в степи ис подполья западши и смотря калматцких людей по смете человек за 200, у всякого колмака по 2 копья, а у иных де и по 3…» (Миллер, 2000, с. 608).

В результате создались условия для появления новой разновидности конницы составленной из легковооруженных копейщиков[1].

Как показали военные конфликты XVII-XVIII вв. решение снабдить конных стрелков длиннодревковым оружием, при всей своей простоте оказалось весьма эффективным. В столкновении двух лавин легковооруженных воинов, отряд снабженный луками и копьями имел очевидные преимущества перед отрядом вооруженным только луками. Легкие копейщики могли стремительно атаковать вражеских лучников, опрокинуть их строй, нанести значительные потери в ближнем бою и вести активное преследование поражая отступающего врага все теми же пиками. В случае необходимости, воин мог забросить снабженное погонным ремнем копье за спину и взять в руки лук. В столкновении с панцирниками противника легковооруженные копейщики так же имели определенное преимущество перед обычными лучниками, так как длинные пики позволяли вести бой на средней дистанции, не подпуская вражеского латника на расстояние сабельного удара.

Отмечая боевую эффективность длиннодревкового оружия, нельзя не упомянуть и о том психологическом эффекте, который производила на противника массированная атака копьеносной конницы. Вид сотен и тысяч несущихся во весь опор всадников склонивших длинные копья и пики оказывал деморализующее воздействие на вражеских воинов, даже знакомых с подобным оружием и тактикой. Интересно, что это правило характерное для военных конфликтов XVII в., в значительной степени сохранило свою актуальность даже в начале XX в. Во время Первой мировой войны в ходе кавалерийских сражений с донскими казаками «австрийцы не выдерживали вида пик и до стычки падали с лошадей». Еще большее впечатление копейная атака оказывала на солдат, не имевших опыта столкновения с конными пикинерами. В ходе Русско-Японской войны в кавалерийском сражении под Юдзятунем (17.05.1904 г.) сошлись две сотни 8-го Сибирского казачьего полка и

---

[1] *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 538, 567; *Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Учебное пособие. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 126-129, 166; *Бобров Л.А.* О казахском влиянии на комплекс вооружения российских казаков в XVII - середине XIX вв. // Наследие Л.Н. Гумилева и современная евразийская интеграция. Астана, 2012. С. 62, 63.

эскадрон японских драгун. Командир последних майор Танака увидев сибирцев вооруженных длинными пиками насмешливо крикнул им: «Русские, уберите ваши оглобли!». Однако через несколько секунд японскому офицеру было уже не до смеха: «Казаки вылетели на насыпь и бросились вниз, на ходу перестраиваясь в лаву, ощетинившись пиками. Казачий неожиданный удар пришелся во фланг переднего эскадрона и, по свидетельству очевидцев, *японские драгуны, совершенно не знакомые с казачьими пиками, растерялись, смешались и отмахивались словно дети. В первый же момент стена острых пик буквально пронзила ряды японских кавалеристов, десятки из них были вышиблены из седел* (здесь и далее курсив наш. — *Л.Б.*). В это время казаки, вооруженные шашками, обходили их с флангов, не давая уйти обезумевшим от страха драгунам. Дело было сделано буквально в несколько минут. На поле боя остались около сотни трупов».

Отметим, что разгромленные японские драгуны, вооруженные клинковым оружием могли хотя бы «отмахиваться» от казачьих пик. Что же говорить о ногайской коннице начала XVII в., в которой саблями были вооружены лишь самые обеспеченные воины. Массированная атака ойратской копейной конницы (панцирной и легкой) буквально сметала ногайских стрелков с поля боя. Сформировавшие «хоровод» лучники не успевали набрать разбег и выпустить первые стрелы, как им уже приходилось разворачивать коней и спасаться бегством, чтобы не оказаться жертвой длинных калмыцких пик. Ойратские кони были не хуже татарских или ногайских и оторваться от свирепых косоплетов было очень сложно, не говоря уже о том, чтобы перестроиться и повторить атаку. В тактическом плане ойратский «копийный напуск» стал «убийцей хороводов» конных лучников и существенно сократил возможности применения классического варианта маневра «тулгама».[1] Столкнувшись на полях сражений с ойратским «копийным напуском» ногаи испытали настоящий шок, который не укрылся от внимания их российских союзников: «...нагаиским людем они, калмыцкие люди, страшны гораздо и *против них не стаивали они, нигде и биться с ними не умеют*».[2] Не меньшее впечатление копейная атака ойратов произвела и на крымских татар. Потерпев целую серию серьезных пораже-

---

[1] *Бобров Л.А.* Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV- XVI вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч.I. СПб: «ВИМАИВиВС», 2013. С. 245-247, 254, 255

[2] Там же. С. 246.

ний в полевых сражениях, крымцы стали избегать ближнего боя с калмыками. Чигиринский полковник Карпов (Карпович) с воодушевлением отмечал: «Калмыков татаровя и турки боятца...И естли...калмыков послать на Украину, и *татаровя де бой их знают, и увидев их битца с ними не станут, побегут*...». Военное превосходство ойратов был вынужден признать даже османский путешественник Э.Челеби, который с горечью констатировал, что: «Калмыки всегда возвращаются, побивая крымчаков...».[1]

Массированная копейная атака ойратов и монголов, проводимая силами панцирной («куяшной») и легкой конницы сразу же обратила на себя внимание современников. Приведем лишь некоторые из свидетельств:

Российские посланцы к ойратам Т. Петров и И. Куницын (1616 г.): «А бой де у колматцких людей лучной и копейной, и сабельной...А на бой ездят в куяках железных да в шишаках, а в куяках доски железные шириною пол ладони, стрела из лука и сабля [их] не имет. А напуска де у них на боех живет по 3ж: первый напуск с луки, другой с копьи, 3-й с сабли. А только де они в 3 напуска на бою каких людей не сломят, и они отходят прочь».

Ю. Крижанич, хорватский священник и военный теоретик (1663 г.): «Что касается военного дела, то калмыки выходят на бой прекрасно вооруженные, т.е. в шлемах, с копьями и в кольчугах...Калмыки держатся гусарского строя: носят копья, лук и саблю и латы и закрывают железом локти и бедра или носят кольчуги».

Османский путешественник Эвлия Челеби о калмыках (конец 1666-начало 1667 гг.): «Все они носят луки, стрелы и копья...Сабли же встречаются редко. Но непременно требуется, чтобы в руках были копья. В самом крайнем случае вооружение состоит из [одной только] пики».[2] В качестве синонима слова «воин» по отношению к калмыкам, Э.Челеби применяет слово «копье»: «Не обращаясь к чьей-либо помощи, всего лишь с семьюдесятью копьями Мончак-шах из [племени] калмыков напал на Азов, и азовский везир Мустафа-паша был убит копьем, [направленным] руками калмыков».[3]

Автор «Летописи самовидца» (вторая половина XVII в.): «Вправді, люд военній, *с копием всідает на коня*, а нікоторіе и са-

---

[1] *Эвлия Челеби.* Книга путешествий (извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в.) Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Наука, 1979. С. 246.

[2] Там же. С. 170, 171.

[3] Там же. С. 195.

гайдаки и стріли великіе с площиками широкими. *Тилко найбольше до потреби копій заживают кожен, бо справне уміют вбити копіем*, в нікоторих и панціри, а инніе и наго идут до потреби».

С.У. Ремезов о калмыках (1697-1698 гг.): «Обыкновенное им военное оружие было лук, стрелы, копья и сабли, по большей части военное у них платье: пансыри и доспехи, также шишаки и поручни».

О широком распространении длиннодревкового оружия среди воинов Западной Монголии второй половины XVI-начала XVII вв. свидетельствуют и собственно ойратские материалы. Так, например, в знаменитом историческом сказании «О походе Убаши-хунтайджи на ойратов» (традиционно датируется 1587 г.) ойратские воины армий Сайн-Серденге (2 тыс. всадников) и хойтского Есельбеина-Сайн-Ка (4 тыс. всадников) поголовно вооружены копьями[1].

В начальный период «Малого монгольского (ойратского) нашествия» (первая половина-середина XVII в.) ойратские войска действовали на огромном фронте от Причерноморья и Северного Кавказа на западе до Саяно-Алтая на востоке, и от Западно-Сибирской равнины на севере до пустынь Мавераннахра на юге. Успех военных предприятий ойратов, на протяжении данного периода, был в значительной степени обусловлен эффективным применением копейной (легкой и «куяшной») конницы. Не удивительно, что многие степные народы, испытав на себе мощь копейных ойратских атак, поспешили последовать примеру своих монголоязычных соседей. Одними из первых, кто воспринял новый тактический прием, были кочевники Казахстана и Южной Сибири, за которыми последовали другие воины Великой Степи. Так, например, уже после первых схваток с калмыками, весной 1663 г. крымский хан Мухаммед-Гирей поручил горским черкесам изготовить 4 500 копий по представленному им образцу, так как «биться им с копьи против калмыков, а перекопский де Мустафа-бей копий сделал немало»[2]. На другом конце Великой Степи к похожему выводу пришел российский военачальник Я.О. Тухачевский. Готовясь к походу против енисейских кыргызов, он сообщал в Москву в 1639 г.: «И тех твоих государевых изменников всех знаю и бой видел... и сними, государь, изменники, твоим государевым людем *без копей битца не*

---

[1] *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии. С. 295.

[2] *Тепкеев В.Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. С. 321.

мошна». Российские власти прислушались к предостережениям Тухачевского и почти поголовно снабдили отправляющихся в экспедицию служилых людей длиннодревковым оружием. [1]

Военные контакты русских с ойратами, монголами и их тюркскими вассалами происходили практически на всем протяжении южной и юго-восточной границы Российского государства. Так, например соседями донских и яицких казаков были волжские калмыки (торгоуты, хошоуты и др.), казаков Западной Сибири – т.н. «чакарские» калмыки (дербеты, хошоуты и др.), в Южной Сибири русские контактировали с джунгарами, енисейскими кыргызами, телеутами, а в Забайкалье с монголами. Характер таких контактов варьировался от прямых боевых столкновений до участия в совместных военных акциях против общего противника.[2]

Длительное соседство и разностороннее взаимодействие не могли не привести к различным заимствованиям в военной сфере. Одним из важнейших стало распространения среди российских казаков длиннодревкового оружия и конного копейного боя центральноазиатского образца. По всей видимости, первоначально длинные копья и пики применялись российскими служилыми в пешем строю

---

[1] *Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI – XVII вв. Вооружение и военная организация: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2012. С. 20. По единодушным отзывам современников кочевники сохраняли высочайший уровень мастерства владения пикой вплоть до середины XIX в. (История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 5. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX в. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. с. 433-439; *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб.: Типографии Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. С. 265; *Аткинсон Т.* Путешествие в Казахские степи // Простор. 1972, № 3. С. 43). Обучение владению пикой у номадов носило преимущественно индивидуальный, а не коллективный характер. Главными наставниками молодого бойца обычно являлись его старшие родственники и боевые товарищи. Большое значение имел практический опыт владения длиннодревковым оружием, который нарабатывался и оттачивался в ходе охот, соревнований, народных праздников, барымты, междоусобных столкновений (История Казахстана. С. 469, 470, 479, 480; *Симаков Г.Н.* Народные развлечения и военное воспитание киргизов // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып. 2. Москва: Наука, 1990. С. 68). Специализированное коллективное обучение копейному бою получало распространение в период роста военной опасности и интенсификации боевых действий (*Бекмаханов Е.* Казахстан в 20-40-е годы XIX в. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. С. 295).

[2] Так, например, материалы XVII вв. свидетельствуют, что в ходе боевых действий на территории современной Украины действовали сводные отряды, составленные из калмыков, донских и запорожских казаков (*Тепкеев В.Т.* Калмыки в Северном Прикаспии. С. 323-329).

для отражения конной атаки кочевников.[1] Однако со временем, казаки стали все активней осваивать и конный бой на пиках. Так, например, во второй половине XVII в. конные казаки Прибайкалья и Забайкалья несли службу, будучи вооруженными по степному образцу- с пиками и саадаками. Причем наряду с копьями и пиками российского производства применялись их аналоги, изготовленные монгольскими и бурятскими мастерами.[2] Со второй половины XVII в. кавалерийские пики все активнее используются воинами с берегов Дона и Яика. В этот период длиннодревковое оружие степного образца привлекает внимание не только казаков и служилых степного пограничья, но и столичных мастеров. Так, например, в 1663 г. мастер Кузьма Плотников преподнес царю Алексею Михайловичу «копье калмыцкое из красного железа по местам золочено». [3]

Учитывая значительное влияние номадов на конный копейный бой российских казаков, необходимо хотя бы кратко остановиться на основных тенденциях развития центральноазиатского комплекса длиннодревкового оружия ближнего боя эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Интенсификация и рост популярности копейного боя закономерно привели к изменениям в конструкции длиннодревкового оружия кочевых народов Центральной Азии и Южной Сибири. На протяжении столетий копья являлись оружием первого удара, после которого конный панцирник брался за саблю или топор. У легкого степного лучника XVII-XIX вв. копье было главным (а часто и единственным) оружием ближнего боя. Не удивительно, что в подобной ситуации боевое назначение кавалерийского копья претерпевает значительные изменения. Теперь его пытаются сохранить на протяжении всего сражения, чтобы использовать при преследовании бегущих вражеских войск. Появляется запрос на универсальное оружие многоразового использования, которое с одной стороны было бы легким и надежным, а с другой позволяло бы эффективно по-

---

[1] Число пеших копейщиков в российских отрядах, действовавших на южных границах Сибири не редко составляло 50% и более от общего числа воинов. Так, например, в отряде А. Дубенского в 1626 г. из 303 человек длиннодревковым оружием были снабжены 270 чел. (*Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Русские воины на южных рубежах Сибири. С. 20).

[2] *Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Русские воины на южных рубежах Сибири. С. 114.

[3] *Орленко С.П.* К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских до и после Смутного времени// Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012.

ражать, как бездоспешных, так и панцирных воинов противника. Таким оружием стала кавалерийская пика, увенчанная наконечником с узким граненым (треугольным, или ромбическим в сечении) пером и конической втулкой с шаровидным ограничителем («яблоком»). Наконечник насаживался на очень длинное (3-5 м.) и тонкое (около 3,0-3,5 см. в диаметре) деревянное древко, которое позволяло поражать противника на максимально возможном расстоянии, не подпуская его на дистанцию сабельного удара. Сильные колющие удары, наносимые «бронебойным» наконечником разрывали панцирное покрытие. Еще большую опасность пика представляла для вражеских воинов лишенных защитного вооружения. Поражающий эффект достигался не столько за счет большой кровопотери вызванной широкой рваной раной (как при ударе широколезвийным копьем или рогатиной), сколько благодаря глубокому проникновению узкого граненого пера поражавшего внутренние органы. В то же время округлое «яблоко» на шейке наконечника не позволяло перу проникать в тело противника слишком глубоко, что затруднило бы его последующее извлечение. Вооруженный пикой воин мог нанести стремительный колющий удар, а затем быстро извлечь оружие из тела противника и продолжить бой.

В отличие от западноазиатских и российских пик XVI в. с узким (квадратным в сечении) «шиловидным» пером, их центральноазаитские аналоги имели более массивное «кинжаловидное» (обычно ромбическое в сечении) перо, позволявшее эффективно пробивать не только кольчуги, но и популярные в Центральной Азии пластинчато-нашивные доспехи. Чтобы облегчить вес «кинжаловидного» наконечника его стали снабжать широкими долами, благодаря которым перо приобретало почти крестообразное сечение. Подобные наконечники снискали большую популярность и у российских казаков, которые продолжали применять их вплоть до регламентации казачьего длиннодревкового оружия в XIX в.

Интересно, что вместе с наконечниками были переняты и некоторые разновидности усилителей древка пики, в том числе и знаменитый копейный «отрез». Последний, представлял собой вытянутую, треугольную в сечении, железную пластину удлиненно-прямоугольной, или удлиненно-трапециевидной формы. В отличие от пожилин, «копейный отрез» не наклепывался на древко, а крепился к нему встык, образуя достаточно широкое железное «ребро». Внешняя сторона железной пластины затачивалась, превращая «отрез» в разновидность рубящего оружия. Такой клинок не только защищал несущую часть пики от рубящих ударов противника, но и

не позволял вражескому воину ухватиться за древко. В свою очередь копейщик мог чередовать традиционные колющие удары наконечника с мощными рубящими ударами клинком «отреза», который фактически представлял собой палаш на длинном древке. Объектом атаки могли выступать, как незащищенные участки тела противника (голова, руки, плечи) и его боевого коня, так и древко вражеского копья.[1]

Наиболее активно пики с «отрезами» применяли кочевники Центральной и Средней Азии – ойраты, казахи, киргизы, а в Восточной Европе – волжские калмыки. Вероятно, именно от номадов идея применения копейных «отрезов» была усвоена представителями оседло-земледельческих народов, в том числе и российскими воинами степного пограничья. Анализируя вооружение донских казаков второй половины XVIII в. И. - Г. Георги отмечал: «Вооружение их состоит, во-первых, из пики, или копья, козаками называемого дротиком, который состоит из трёхгранного остроконечного железа с трубкой, двумя дырками для гвоздей, которая более четверти аршина [более 17, 75 см], надевается на ратовьё, длины двух сажень [около 304 см], липовое или сосновое, укрепляется ремнём, а *от дротика по ратовью прибивается ребром острое железо длиной в аршин [71 см] и называется отрезом, потому что когда неприятель при ударе хватается за дротик, то руки при сопротивлении обрежет*, но сии отрезы, как и железные скобки, мало прибивают ...».[2]

Отмечая заимствования в военной сфере необходимо отметить, что российские воины степного пограничья творчески перерабатывали и совершенствовали оружие центральноазиатского образца. Так, например, казаки отказались от использования громоздких пятиметровых пик, заменив их на более компактные образцы длиной 3-4 м. Наряду с наконечниками центральноазиатского типа применялись их различные российские аналоги. В XIX в. появились регламентированные образцы казачьих пик конструкция и система оформления которых учитывала богатый опыт степного и казачьего

---

[1] *Бобров Л.А.* Копейный «отрез» - оригинальный конструктивный элемент длиннодревкового оружия народов Великой степи и сопредельных территорий позднего Средневековья и раннего Нового времени // Вестник НГУ. Сер.: История, филология, 2013. Т. 12. Вып. 3. С. 183–195.

[2] *Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей. СПб.: Русская симфония, 2005. С. 583.

длиннодревкового оружия эпохи позднего средневековья и раннего Нового времени.

Техника конного копейного боя.

Значительный интерес представляют приемы владения пикой в ходе конного боя применявшиеся кочевниками Центральной и Средней Азии XVII-середине XIX вв., а также эволюция данных приемов в военной практике российского казачества XVIII-XIX вв.

В ходе копейной атаки кочевниками применялось два способа удержания пики — фиксированный и свободный. В первом случае, пика прижималась к корпусу воина. Сокрушающий «таранный» эффект достигался за счет сочетания неподвижности пики (жестко зажатой рукой/руками воина) помноженной на скорость идущего галопом коня. При свободном способе, древко не прижималось к корпусу всадника, а поражающий эффект достигался путем укола (тычка) наносимого пикой удерживаемой рукой/руками воина. При этом сила укола, в первую очередь, зависела не от скорости движения коня, а от умения и мускульной силы копейщика. Для каждого из двух способов удержания пики были характерны определенные варианты копейного хвата, от которых, в свою очередь, зависели объект и направление атаки, а также сила наносимых ударов. Рассмотрим их более подробно.

«Подмышечный хват» (рис. 1, *1, 2*). При фиксированном способе удержания пики применялся подмышечный хват древка, позволявший наносить, так называемый «таранный удар». При «таранном ударе» древко пики удерживалось согнутой в локте рукой, которая была плотно прижата к корпусу воина, а положение копейного древка дополнительно зафиксировано подмышкой. Классический подмышечный хват копья для нанесения «таранного» удара применялся средневековыми европейскими рыцарями. Однако, судя по данным изобразительных и письменных источников, он не был чужд и кочевникам Центральной и Средней Азии (рис. 2; 3). В то же время «таранный удар» номадов несколько отличался он рыцарского аналога, что было обусловлено особенностями воинского и конского снаряжения, а также и посадки всадника[1]. Седла кочевников не имели высокой задней луки (на которую мог бы опереться всадник в момент боевого соприкосновения), а при езде применялись не длинные, а короткие стремена. В результате, «таранный» удар,

[1] Что в свою очередь определялось различиями в вооружении и тактике ведения боя воинами Западной Европы и Центральной Азии.

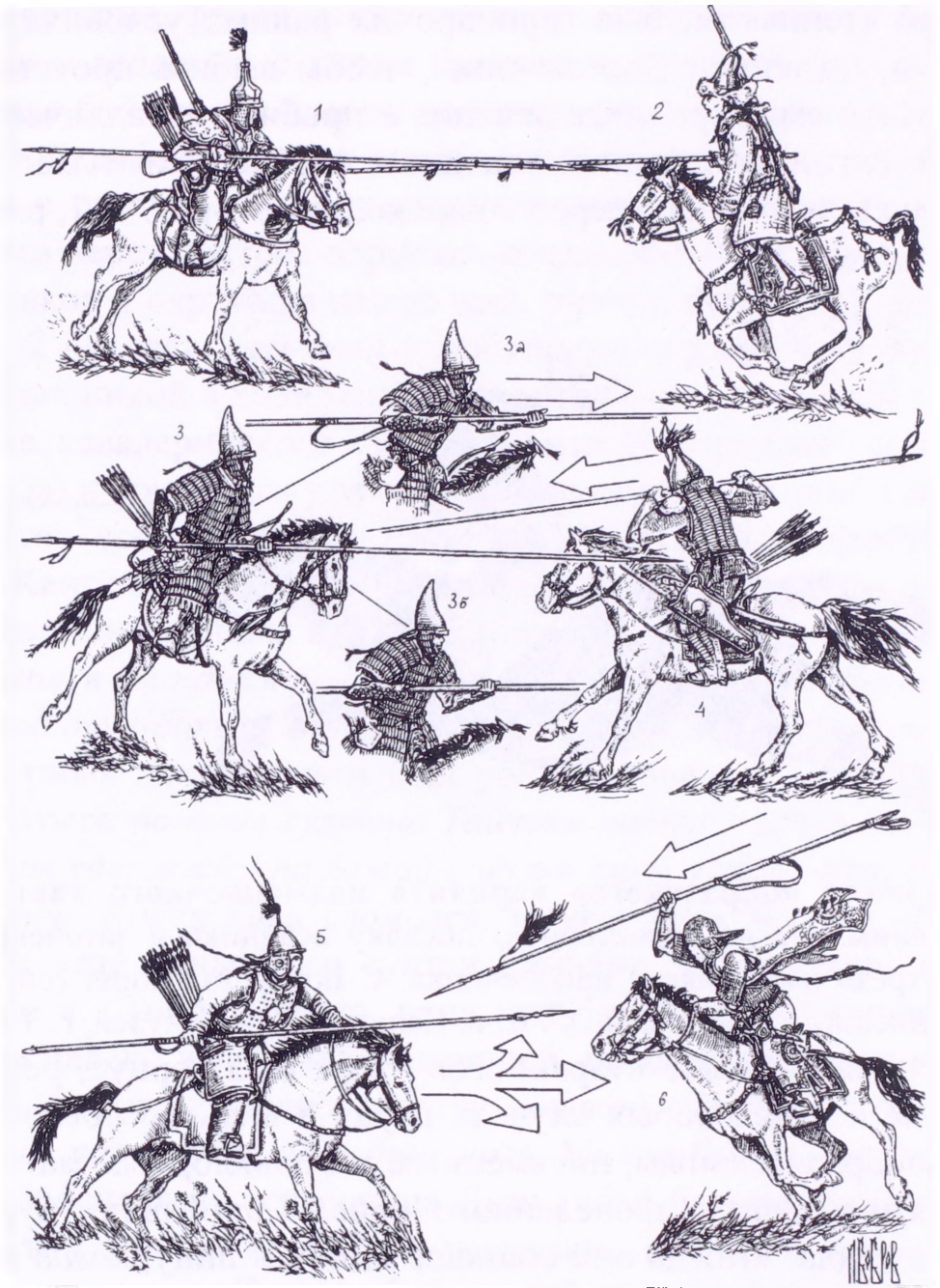

Рис. 1. Способы нанесения удара пикой кочевниками Центральной и Средней Азии XVII - первой половины XIX вв.

1,2. - Фиксированный способ удержания древка, «подмышечный» хват пики для нанесения «таранного» удара (1 - «ойратский» вариант подмышечного хвата, 2 - «казахский» вариант подмышечного хвата).

3. Комбинированный способ удержания древка. Нижний «штыковой» хват пики (3а - свободный способ удержания древка, укол вперед, 3б - фиксированный способ удержания древка, усиленный «подмышечный» хват для нанесения «таранного» удара).

4. Свободный способ удержания древка. Верхний «штыковой» хват пики. Укол сверху вниз.

5. Свободный способ удержания древка пики. Нижний («кистевой») хват. Возможны уколы в разных направлениях и фехтование древком.

6. Свободный способ удержания пики. Верхний («дротиковый») хват. Укол сверху вниз.

наносимый степняком, был (при прочих равных условиях) слабее рыцарского, но вполне достаточным, чтобы выбить противника из седла, нанести ему серьезные ранения и пробить металлический доспех. В момент атаки степной копейщик плотно обхватывал ногами корпус коня и склонялся вперед к конской гриве (рис. 1, *1*; рис. 2; 3).

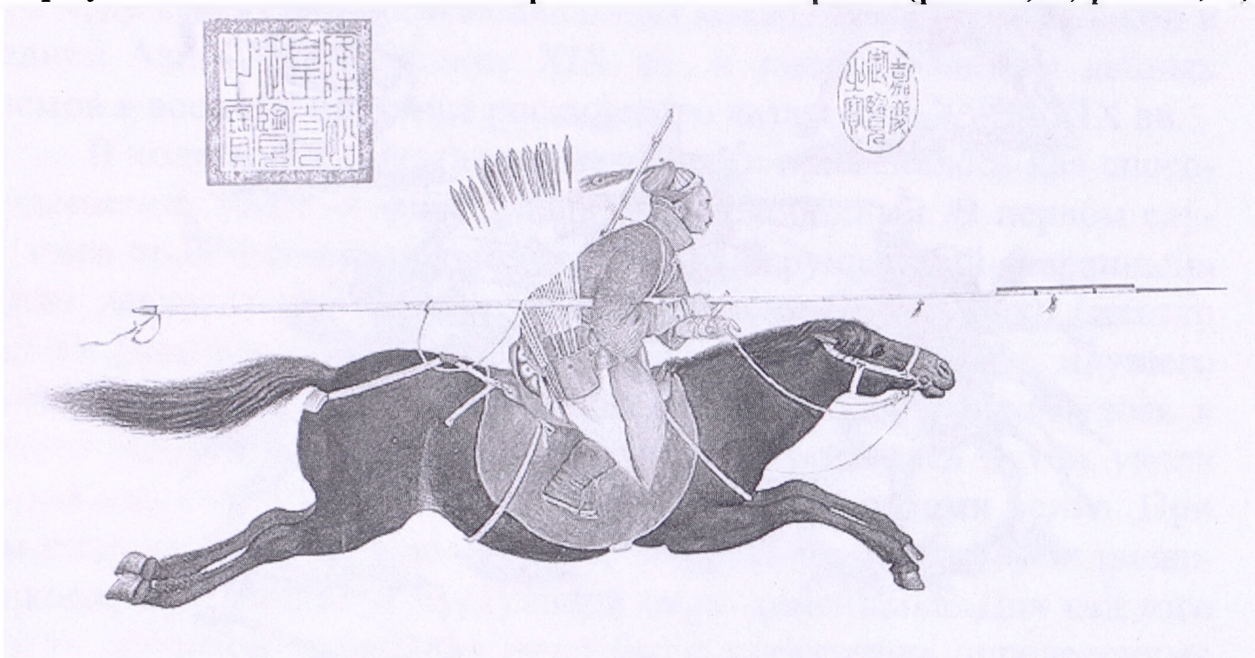

Рис. 2. Пример «ойратского» варианта подмышечного хвата пики. Обратите внимание на характерную посадку всадника и заточенный копейный «отрез» на древке у наконечника. С портрета Аюши (ойратского воина на цинской службе), сер. XVIII в. Императорский музей, г. Тайбэй.

Основной целью «таранного» удара был корпус, реже лицо противника, а в некоторых случаях грудь и шея его боевого коня. Судя по изобразительным, письменным и фольклорным материалам в результате успешно проведенного приема противник буквально вылетал из седла: «Когда они сошлись лицом к лицу, *когда сломали копья, Бедер-батырь полетел со своего коня, как падает тюбетейка с головы*».[1] Правильно поставленный «таранный» удар имел поистине страшные последствия. Пика пробивала не только череп и грудную клетку, но и металлический панцирь, как азиатского, так и европейского образца. Башкирский панцирник Джантюри сообщал В. Зефирову о схватке башкир с наполеоновскими «латниками» (кирасирами или карабинерами) во время Заграничного похода российской армии: «…человек с пятьдесят [башкир], поставили на сторожевой пикет. Не знаю, как проглазели, только на заре наткнулись на нас человек с 20 французов, вот тех, что носят стальные доски на

[1] Султаны Кенесара и Садык. Биографические очерки султана Ахмета Кенисарина. Обработано для печати и снабжено примечаниями Е.Т. Смирновым. Таш., 1889. С. 32, 33.

груди (вероятно, французские латники); мы вскочили на коней, *пики приперли к седлам* и с гиком бросились на злодеев. *Лошадь подо мной была бойкая, я навылет проколол одного и вынимал уже пику*, как другой, собака, сильно хватил меня палашом, кольчуга не устояла, и я с разрубленным плечом повалился с лошади и обеспамятел...Часа через полтора вдруг из-за леса вылетела целая сотня донских казаков и окружила нас со всех сторон. Французы, их осталось только 12 человек, струсили и попросили пардону». О силе ударов наносимых пикой в ходе маневренного конного боя свидетельствует описание кавалерийского сражения между отрядами казахов (400 всадников) и кокандцев у урочища Кара-мурун: «В этой стычке трое кокандских военачальников: Бектибай-батырь и Айдарбек-батырь, из рода Канглы, и Тиль-ходжа-батырь, из рода Кунград, увидав пред собой султана Тайчика, напали на него сразу все трое. Султан Тайчик *бросился им на встречу и на пути пронзил пикою Бектибая, сына Джалантус-батыря; острие пики, попав в рот, вышло в затылок.* Бектибай этим ударом был убит наповал. В это время Тиль-ходжа-батырь *поразил султана Тайчика пикою в левое плечо, спереди. Тайчик удержался на лошади, но от силы удара седло съехала ей на крестец. Конец пики сломался, и одна пядь железа осталась в теле.* От этой раны умер султан Тайчик». В сражении казахов и киргизов: «...Томача-батыр, видя, что [киргизский] манап увлекся слишком далеко и не имел товарищей, повернулся назад и *воткнул копье под самую грудинку лошади с такой силой, что благородное животное разом село на задние ноги.* Манап быстро соскочил с лошади и бросился на сергелинца Джаулубай-батыра; канджигалинец Исет-батыр, увидев опасность товарища, *дал удар копьем- манап повалился на землю.* Томача-батыр, он был низкого росту, но с великой душой, он сел на него и распорол живот - это был сокол, затравивший лебедя». [1]

На основании особенностей удержания древка можно выделить два варианта подмышечного хвата, которые, с некоторой долей условности, можно определить, как «ойратский» и «казахский». В первом случае пика удерживалась примерно посредине древка в горизонтальном положении, что обеспечивало оптимальную балансировку оружия при ударе (рис. 1, *1*). На картинах и гравюрах XVII-XVIII вв. данный вариант подмышечного хвата наиболее часто используют ойратские воины (рис. 2; 3). Однако он был известен и

---

[1] *Валиханов Ч.Ч.* Исторические предания о батырах XVIII в. Собр. соч. в 5-ти т. Т. 1. Алма-Ата: Наука, 1984. С. 220.

другим кочевникам: монголам, казахам, киргизам и др. Так, например, на свитках из Государственного Эрмитажа такой «таранный удар» применяют монгольские всадники цинской армии.

Наряду с «ойратским» можно выделить «казахский» вариант подмышечного хвата. Его главная особенность заключалась в том, что воин удерживал пику не в центральной, а в нижней части древка, что позволяло поражать противника на максимально возможном расстоянии (рис. 1, *2*). По мнению современников, именно такой способ удержания копья был характерен для казахских кочевников.[1] Данный вариант подмышечного хвата имел свои преимущества и недостатки. При прочих равных условиях, всадник использующий «казахский» вариант подмышечного хвата мог поразить противника на большем расстоянии. Однако баланс пики был радикально смещен в сторону наконечника, который неизбежно клонился к земле. В результате, воину приходилось прикладывать дополнительные усилия, чтобы удержать пику в горизонтальном положении. Эту особенность «казахского» варианта подмышечного хвата детально описал уральский казак и этнограф И.И. Железнов: «У Киргизов [казахов][2] вообще пики длинныя, длиннее казачьих вполтора, если не больше. При нападении Киргиз держит пику за самый почти конец, упирая его под мышку или, по крайней мере, прижимая его под мышкой, и напрягая притом всю силу, чтобы по возможности соблюсти равновесие и удержать другой, острый, конец, т.е. лезвее пики, в горизонтальном положении. Эту манеру ила этот прием держания пики Киргизы основывают на том, что дальше можно достать неприятеля. Конечно, это нелепость, и пусть Киргизы остаются при этой нелепости, нам же, Русским, лучше; это нелепо потому, что пика, когда ее таким образом держат; какой бы силач ею ни владел, все-таки гнется и жиблется, и острый конец ея, от давления воздуха, все-таки клонится долу и ставить Киргиза в неловкое положение».[3]

В целом, «подмышечный» хват копья был не слишком характерен для кочевников раннего и развитого Средневековья. Рост его популярности приходится на XVII-XVIII вв. и совпадает по вре-

---

[1] *Железнов И.* Очерки быта уральских казаков. Часть I. Картины казацкой жизни. М.: Типография Александра Семена, 1858. С. 105-108.

[2] В российских документах XVIII-XIX вв. казахи традиционно именуются «киргизами», «киргиз-кайсаками», или «киргиз-касаками» в то время, как собственно тянь-шаньские киргизы определяются, как «кара-киргизы», «дикокаменные киргизы», или «буруты».

[3] *Железнов И.* Очерки быта уральских казаков. С. 108, 109.

мени с максимальным распространением в Центральной Азии защитного вооружения.[1] Это дает основание полагать, что первоначально «подмышечный» хват применялся для поражения воинов одетых в кольчатые (ойраты, казахи, узбеки), пластинчато-нашивные (ойраты, монголы) и «мягкие» (стеганые на вате) панцири. Наиболее часто «подмышечный» хват использовался конными панцирниками, действовавшими в сомкнутом строю, так как зафиксированное в горизонтальном положении копье не мешало соседям. Слабость подмышечного хвата была обратной стороной его достоинств. При подмышечном хвате воин мог эффективно наносить удар, только разогнав коня и атакуя противника находящегося непосредственно перед ним (справа или слева от головы коня). Для того, чтобы поразить врага, нападающего сбоку, с тыла, или парировать копейный удар противника было необходимо поменять хват, что требовало дополнительного времени.

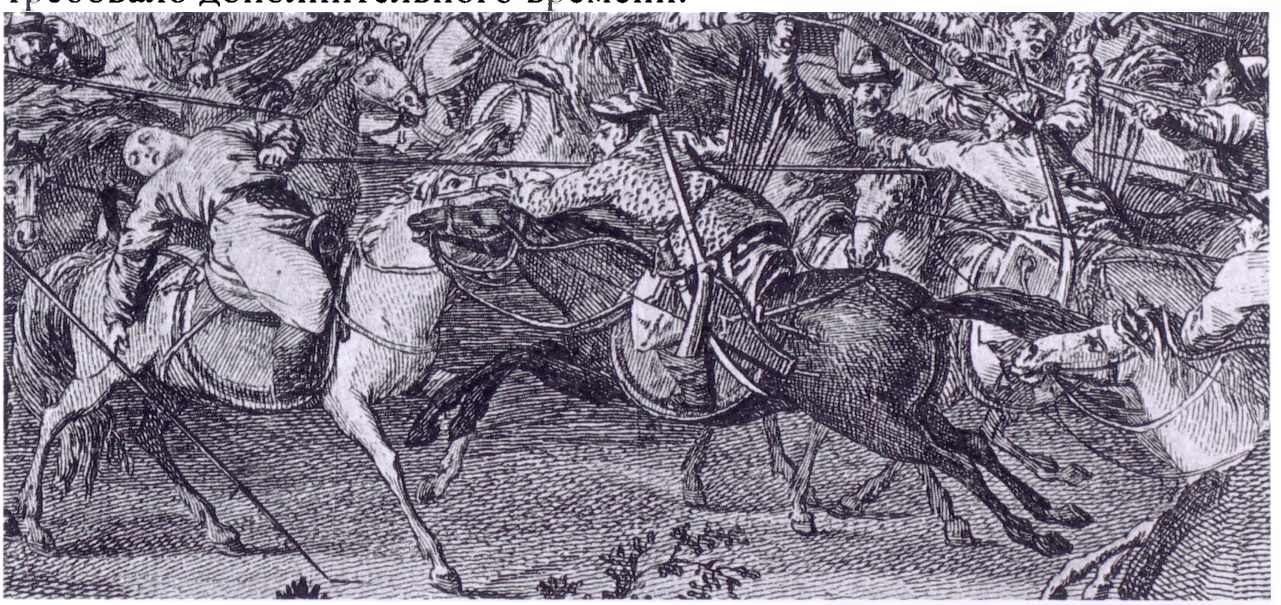

Рис. 3. «Таранный» удар, наносимый при помощи «ойратского» варианта подмышечного хвата пики. Обратите внимание, что воин «таранит» противника не только пикой, но и грудью своего боевого коня. С гравюры «Битва у Гэдэн-Ола», середина XVIII в.

Еще одной разновидностью фиксированного способа удержания пики был *«хват с упором»*, позволявший наносить страшный по силе «таранный» удар по противнику. Данный способ ведения боя на копьях многократно упомянут в фольклорных произведениях народов Центральной, Средней Азии и в письменных источниках. Некоторые современники утверждали, что для совершения такого

[1] *Бобров Л.А.* Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX в. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии XV – первой половины XVIII вв.: Автореф. дис. … докт. ист. наук. Барнаул, 2011.

удара воин упирал пяту древка в переднюю луку седла. Однако это кажется маловероятным, так как удержать многометровую пику подобным способом в момент атаки было бы крайне сложно. Возможно, для нанесения копейного удара с упором конская сбруя снабжалась специальными приспособлениями для дополнительной фиксации древка. Исследовавший материалы казахского эпоса А.К. Кушкумбаев отмечает, что «иногда практиковался такой прием, при котором конец древка упирался в луку седла или в углубление под лукой, куда вставлялись войлочные колпаки. В некоторых случаях для опоры древка использовали боковую часть ленчика седла и наносили удар силой скачущего коня»[1].

Рис. 4. Подмышечный хват пики в исполнении российского казака (на переднем плане справа). Обратите внимание на типичную для степняка посадку всадника при нанесении удара: корпус вперед, ноги поджаты (ср. с рис. 2 и 3). Картина «Первые казаки в Берлине», начало XIX в.

Из всех вариантов степного боя на пиках «таранный» удар, наносимый с использованием подмышечного хвата, получил среди российских казаков XVIII - первой половины XIX вв. наименьшее распространение. И это вполне объяснимо. В военном искусстве кочевников «таранный удар» применялся преимущественно воина-

[1] *Кушкумбаев А.К.* Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 61.

ми-панцирниками в столкновениях с врагом, также использующим защитное вооружение. Донцы, уральцы и оренбуржцы практически не имели доспехов, а их главным противником в западных военных кампаниях XVIII–начала XIX вв. являлась такая же легкая бездоспешная конница (татары, ногаи, европейские уланы, гусары и т.д.). Что касается противоборства с азиатскими панцирниками, то российскими казаками была разработана целая система противодействия «таранному» удару кочевников с помощью различных приемов фехтования древком (см. ниже). В тех же случаях, когда воины российского пограничья все же применяли «таранный» удар они в точности копировали посадку и приемы своих «учителей» из Великой степи: пика зажата подмышкой примерно по центру древка («ойратский» хват), корпус и голова склонены вперед к конской гриве, ноги поджаты (рис. 4).

«Штыковой» (двуручный) хват. Промежуточное положение между фиксированным и свободным способом удержания копейного древка занимал «штыковой» (двуручный) хват, когда одна рука удерживала, а другая направляла пику (рис. 1, *3, 4*). Выделяется два основных варианта «штыкового» хвата пики — «нижний» (древко на уровне живота или нижней части груди, левая рука согнута в локте ладонью вверх, правая отведена назад и обращена ладонью вниз) (рис. 1, *3*) и «верхний» (древко на уровне верхней части груди, шеи и лица, обе ладони обращены вверх) (рис. 1, *4*).

Специфика нижнего «штыкового» хвата заключалась в том, что применяющий его воин, в зависимости от боевой обстановки, мог нанести свободный колющий (тычковый), или «таранный» удар. В первом случае, в момент боестолкновения воин выбрасывал руки с пикой вперед (рис. 1, *3а*). Во втором случае, всадник крепко прижимал древко предплечьем к правому боку и дополнительно фиксировал пику согнутой в локте левой рукой (рис. 1, *3б*). Достаточно часто древко дополнительно зажималось подмышкой. В этом случае «штыковой» хват фактически превращался в усиленный «подмышечный», а наносимый удар приобретал ярко выраженный «таранный» эффект. Объектом атаки при нижнем «штыковом» хвате обычно были корпус, бедро и лицо противника.

Нижний «штыковой» хват активно применялся номадами в эпоху Древности и раннего Средневековья. Его, в частности, широко использовали сарматы, древние тюрки, а также их военно-политические приемники в Центральной Азии, Южной Сибири и

Восточной Европе.[1] Судя по изображениям XVII-XIX вв., нижний «штыковой» сохранил свою популярность среди кочевников и в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени. На наш взгляд, причины этого кроются в многофункциональности данного хвата позволявшего наносить как мощные «таранные» удары, так и легкие уколы пикой, быстро менять способ удержания древка с фиксированного на свободный и с двуручного на одноручный, фехтовать им и т.д. Кроме того, практика удерживания пики двумя руками позволяла не только более надежно зафиксировать древко, но и скорректировать направление удара перед самым моментом боевого столкновения.

В отличие от нижнего «штыкового» хвата, который мог быть как свободным, так и фиксированным, верхний «штыковой» (двуручный) хват был только свободным. В момент боевого столкновения воин выбрасывал руки вперед, нанося пикой колющий (тычковый) удар (рис. 1, *4*). Главным преимуществом верхнего «штыкового» была способность поражать противника сверху вниз в голову или верхнюю часть корпуса. Двуручность хвата позволяла корректировать и направлять удар практически в момент его нанесения. Вероятно, нацеленный в лицо удар имел и определенный психологический эффект, заставлявший противника уклоняться, или уходить от столкновения поворачиваясь к копейщику боком или спиной. Особо востребован он был в столкновении всадника с пехотинцем. Рост популярности верхнего «штыкового» хвата среди номадов пришелся на период раннего Средневековья.[2] В XVIII в. верхний «штыковой» не редко применялся в ходе рукопашной схватки, когда теснота среди сражающихся не позволяла эффективно использовать пику альтернативным способом.

Нижний двуручный «штыковой» хват пики, получил достаточно широкое распространение среди российских казаков, что подтверждается различными видами источников. Пожалуй, самое знаменитое изображение подобной атаки приведено на картине А.-Ж. Дезарно «Преследование казаками отступающих французов» (1827

---

[1] *Нефедкин А.К.* Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб.: Филологический факультет ГУ, 2011. С. 162, 163, 166, 189; *Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. I. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2003. С. 147. Рис. 34: 8, с. 148, рис. 35, 1б; *он же.* Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2006. С. 219. Рис. 73: 1, 2, 6.

[2] *Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. I. С. 147. Рис. 34: 1б, с. 148, рис. 35: 9

г.). Донской казак, наклонившись вперед, удерживает пику в центральной части древка и наносит колющий удар в левую часть корпуса французского гусара (рис. 5). С силой выбросив руки с пикой вперед, он сбросит противника с коня. Считается, что Дезарно изобразил на картине схватку, в ходе которой, он сам попал в плен к русским казакам, что свидетельствует о высокой достоверности передаваемых событий.

Рис. 5. Нижний «штыковой» (двуручный) хват в исполнении донского казака. Картина А.-Ж. Дезарно «Преследование казаками отступающих французов» (1827 г.), Государственный Эрмитаж.

Еще более выразительна посадка донского казака на рисунке конца XVIII-начала XIX вв.: снабженная бунчуком (!) пика удерживается примерно по центру древка, корпус всадника склонен к конской гриве, ноги поджаты, левая рука согнута в локте, правая- отнесена назад и в бок (рис. 6). Описание данного способа владения пикой (не характерного для европейских улан, но в точности повторяющего приемы кочевников Великой степи) составил в конце XVIII в. И.-Г. Георги: «...во время сражения, сняв с ноги [пику], держит в правой руке наперевесе и, гонясь за неприятелем, приноравливает удар сделать в левый пах, *прихватывая при ударе под левую мышку ратовье, налягает рукой и плечом [чтобы] неприятеля свалить...*».[1]

[1] *Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. С. 583.

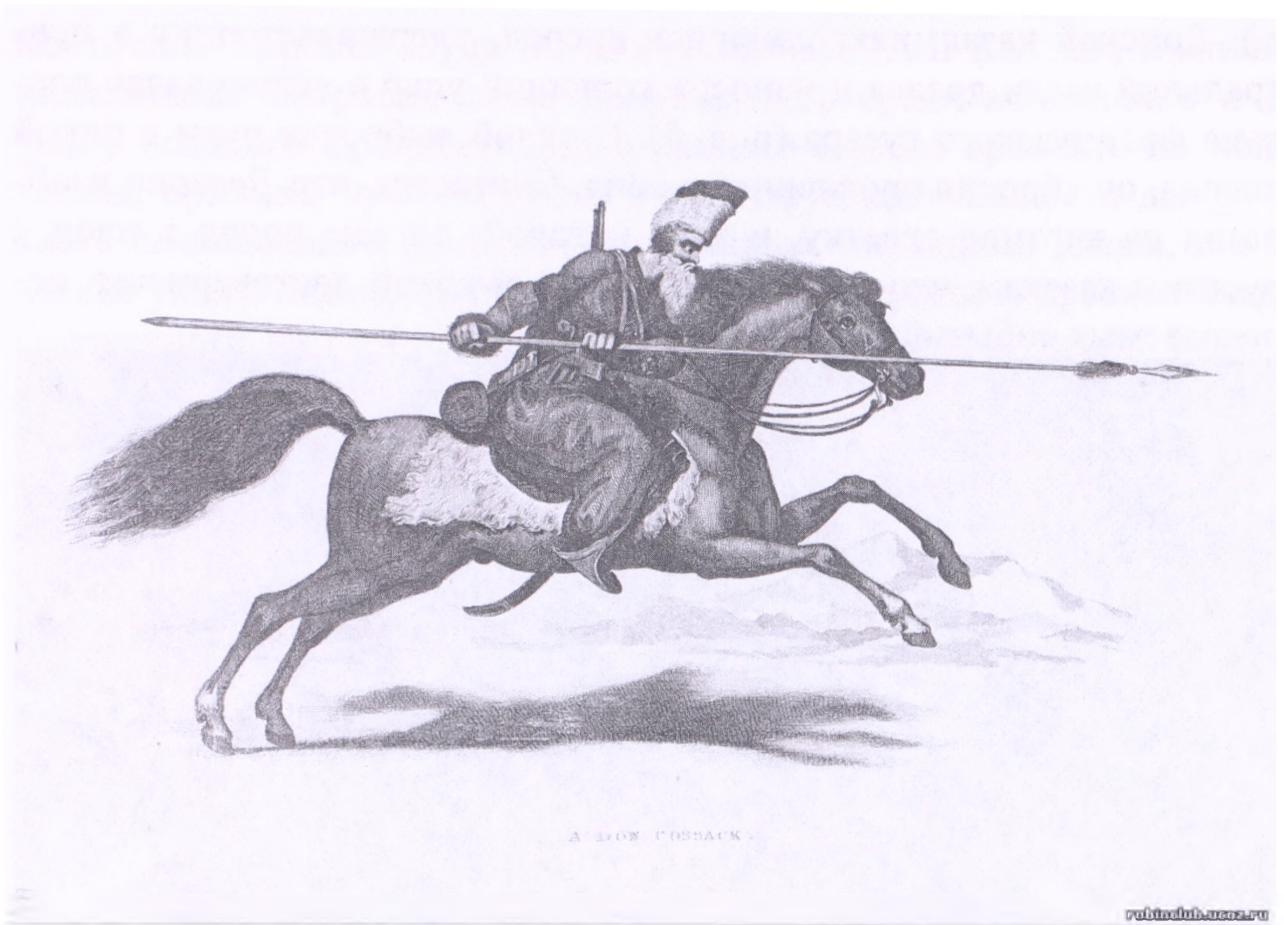

Рис. 6. **Нижний «штыковой» (двуручный) хват в исполнении донского казака.** С рисунка конца XVIII- начала XIX вв.

Значительно реже использовался казаками верхний «штыковой» двуручный хват пики (древко на уровне верхней части груди, шеи, или лица). Как и у кочевников, основным объектом атаки, при его применении, были голова и корпус вражеских пехотинцев. В конном бою он был актуален в условиях тесной рукопашной схватки.

Свободный способ предполагал удержание древка в полусогнутой (часто отведенной назад или, наоборот вынесенной вперед) руке.[1] Можно выделить два варианта хвата- нижний («кистевой») (рис. 1, *5*) и верхний («дротиковый») (рис. 1, *6*). При нижнем хвате, пику удерживали одной рукой в горизонтальном положении на уровне бедра, пояса или груди воина не прижимая к корпусу. В момент боестолкновения всадник выбрасывал руку с пикой вперед, вбок, или назад нанося колющий (тычковый) удар. Такой удар был

[1] При начале атаки воин мог удерживать пику, зажав ее подмышкой, так как это позволяло экономить силы и не перетруждать руку, удерживавшую древко. И только незадолго до столкновения копейщик отводил руку от корпуса и наносил укол пикой. По данной причине достоверно определить применяемый воином хват пики на картине или гравюре можно только в момент его соприкосновения с противником.

намного более слабым, чем «таранный», но позволял фехтовать древком, отклоняя вражеское копье и нанося неожиданные для противника уколы пикой. В условиях динамичного конного боя способность отводить и отбивать удары противника древком нередко имело принципиальное значение.

Свободный способ удержания копья был известен кочевникам раннего и развитого Средневековья, однако во второй половине XVIII в., его популярность резко выросла, так как по мере исчезновения массового доспеха, для поражения противника часто было достаточно и укола пикой наносимого мускульной силой руки. В отличие от «таранного» удара, который был обычно направлен в корпус или голову противника, при свободном хвате пики объектом атаки служили также руки, живот, бедра и спина вражеского воина, а также голова, шея и корпус его боевого коня. Кроме того кистевой хват был основным при преследовании бегущего противника.

Номады добились выдающихся успехов в фехтовании пикой. Однако расцвет техники нижнего кистевой хвата и фехтования древком, связан с военным искусством российских казаков. Усвоив идею кочевников, они довели ее до совершенства. Наибольшее развитие получили фехтовальные приемы пикой в ходе встречного боя с вражеским копейщиком, при обороне от преследующего противника и для поражения бегущего врага.

Уральские казаки начала XIX в. считали, что фехтовальные приемы при свободном хвате пики особенно эффективны против «таранного удара» казахских воинов. В столкновении со степняком использующим «казахский» вариант подмышечного хвата[1] надлежало нанести резкий удар древком своей пики по вражескому копью сверху вниз, в результате чего и без того клонящийся вниз вражеский наконечник почти утыкался в землю, а казаку оставалось только направить свою пику в грудь противника (рис. 7). Этот прием подробно описан И.И. Железновым: «У казаков [в отличие от кочевников], напротив, пики короткия, и казаки держут пики не за конец, как толковые и предусмотрительные Киргизы, а поперек или, как говорится, на перевес. У казака, когда он идет в атаку или когда бросается один-на-один на неприятеля, положим на Киргиза, у казака в это время лезвее лики вперед от лошадиной головы высовывается только на пол-аршина или немного больше, потому вопервых, что пика у казака, как сказано, короче, а вовторых потому, что казак относит руку немного назад, чтобы при ударе был размах; но не

[1] Длинное древко удерживается за конец (рис. 1, *2*).

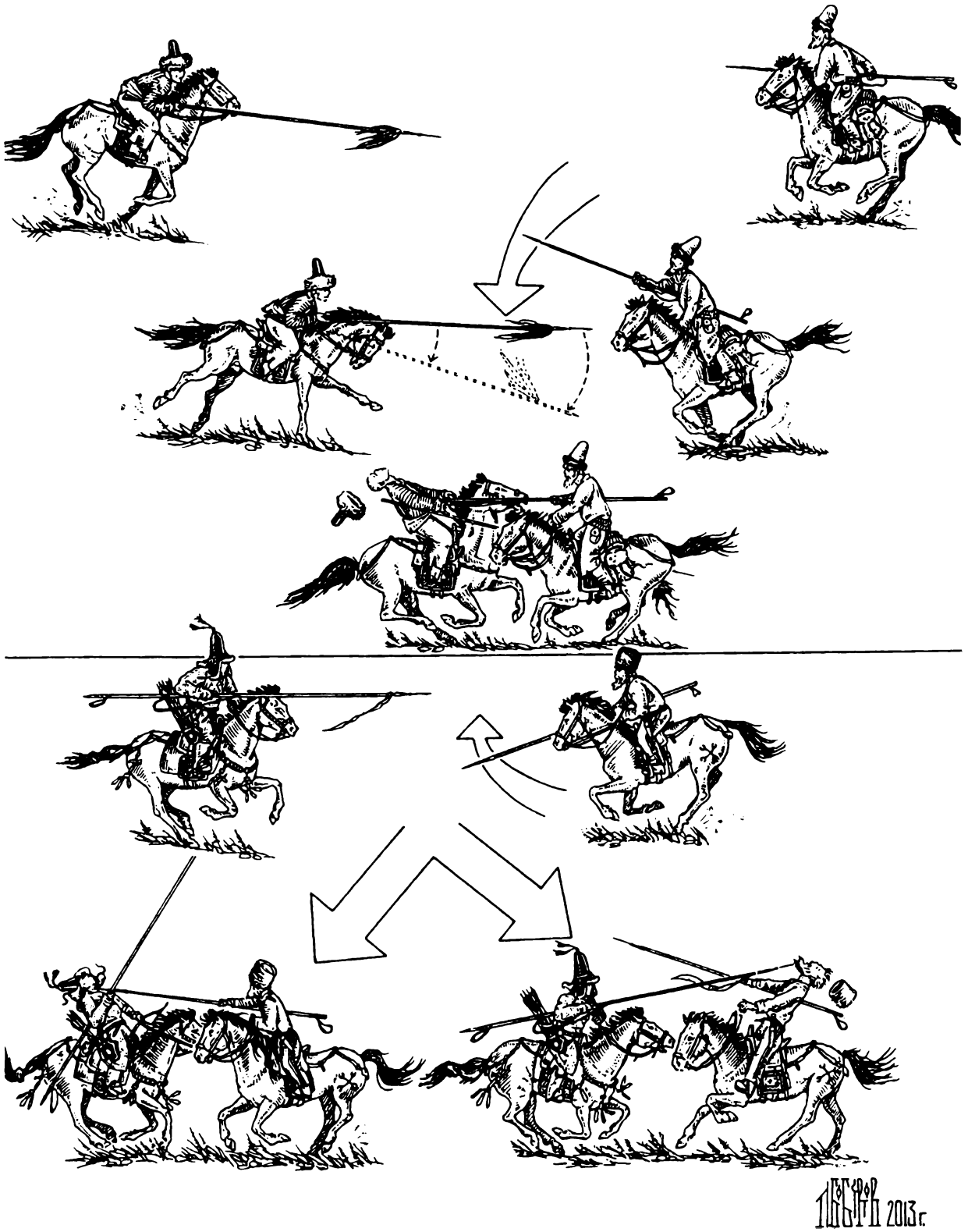

Рис. 7. Реконструкция фехтовальных приемов пикой на основе описаний И.И. Железнова (первая половина XIX в.).

смотря на то, это лезвее скорее и вернее достигает цели. *При столкновении с Киргизом, казак ударяет сверху вниз концом своей пики по концу киргизской пики, и последняя, без того к низу клонящаяся, от удара мгновенно ныряет и утыкается в землю. Тогда казаку остается только подставить свою пику и Киргиз грудью или животом сам налетит на нея.* Разумеется, все это делается далеко скорее,

нежели мы разсказываем; все это совершается в одно мгновение, не больше».[1]

Фехтовальные приемы древком считались основными и в схватке с противником применяющим «ойратский» вариант подмышечного хвата.[2] Здесь предлагалось бить по вражескому копью древком своей пики не сверху, а снизу, чтобы вражеский наконечник «взвился» вверх (рис. 7). Однако такой прием был намного более рискованным: «При столкновении же с таким неприятелем, у котораго пика не длиннее казацкой, или который держит пику не по-киргизски, то-есть, не за самый тупой конец, а на перевес — казак отводит неприятельский удар, то есть, неприятельскую пику иным манером: он ударяет по ней не сверху вниз, а уже снизу вверх, так, чтобы неприятельская пика взвивалась вверх и проносилась мимо казака, или через голову или через плечо. Но эта уловка, эта сноровка, следует заметить, трудновата: тутъ нужна ловкость, ловкость, да и ловкость, — а главное: безстрашие, безстрашие, да и безстрашие!»[3]. Ошибка в исполнении данного приема могла стоить жизни копейщику: «... Семен Азовсков, мы видели, попался в просак, и он куда был ловок и безстрашен; он так искусно владел пикой, как только можно владет ею ловкому и безстрашному казаку. Киргиз, устремившийся на него, нечаянно ли, без сознания, или сознательно, с обдуманной целью — неизвестно, держал пику на перевес; казак заметил это уже тогда, когда враг висел, что называется, у него на носу, оттого-то он и не успел изловчиться и отвести, как следует, киргизскую пику. Правда, он ударить — ударил по ней снизу вверх, но не ловко; правда, пика Киргиза взвиться — взвилась вверх, но не высоко, а в самую, как выражаются казаки, «припорцию»: киргизская пика ударила Азовскову в лоб, над левой бровью. Азовсков опрокинулся назад, но удержался, с лошади не упал. Хотя пику свою он уронил, поводья из рук выпустил, но за то обеими руками ухватился за киргизскую пику. Повернулись они с Киргизом на месте раз-два; киргизская пика изломалась. Сцепились они с Киргизом, как Ермак с Махмет-Кулом, крутились, крутились и, не один, а оба наземь свалились. Тут, как орлы, налетели казаки и прикололи голубаго[4]...Приостановились казаки, подосадовали, поскрипели зубами на Киргизов, перевязали Азовскову рану платком (рана

---

[1] *Железнов И.* Очерки быта уральских казаков. С. 109.

[2] Древко пики удерживается в центральной части (рис. 1, *1*).

[3] *Железнов И.* Очерки быта уральских казаков. С. 109, 110.

[4] Имеется в виду казахский копейщик одетый в «голубой чапан» (*Железнов И.* Очерки быта уральских казаков. С. 107).

сначала казалась не опасной, но в последствии была смертельной)...»[1].

Если для нанесения эффективного «таранного» удара требовалось разогнать лошадь, то при свободном кистевом хвате можно было поражать противника в независимости от скорости движения боевого коня, что открывало широкое поле для боевых импровизаций. Б.Р. Хрещатицким был записан рассказ о поединке казака с пикой с французским генералом вооруженным палашом в битве под Лейпцигом в 1813 г.: «Вырвался я это из фронта и несусь. Генерал также увидел меня и повернул навстречу. Весь он закован в латы, так и сверкает весь медью и сталью, а в руках громадный палашище. Смекнул я, что противник мой — не новичок в нашем деле: ведет коня- прямо, в разрез, да так и норовит ударить грудью его в бок моего мерина. Ну а ударь он, так я бы со своим маштаком-то раза три перевернулся бы кубарем. Вижу, так будет не ладно. Надо слукавить...Мерин у меня был добрый, из отцовского дома, голоса моего слушал. Чуть только поравнялся я с французом, метнул коня в сторону, да как крикну: тпру! Он и уперся всеми четырьмя ногами. Отнес я пику в сторону, да как махну ею наотмаш — прямо угодил в генеральское брюхо, так и просадил его насквозь...»[2].

Свободный способ удержания пики при нижнем кистевом хвате был основным для поражения бегущего противника, или, напротив, для нанесения удара по преследователю. Интересно, что уральские казаки считали, что настигать отступающего следует с правой стороны: «Забирать вправо», т.е. держаться самому правой стороны, а преследуемаго неприятеля оставлять в левой стороне, значит выигрывать перевес над неприятелем по самой простой, физической причине: справа влево ловко бить пикой, стоит только размахнуть рукой, а для этого достаточно одного момента. Слева же вправо бить пикой не только не ловко, но и совсем неудобно; для этого приведется изгибаться на лошади, но как ни изгибайся, удар не ловок, следовательно и не верен будет; для этого приведется поворачивать самую лошадь, а неприятель ждать не будет: пока ты

---

[1] *Железнов И.* Очерки быта уральских казаков. С. 110, 111. Судя по цинским изображениям XVIII в. описанный И.И. Железновым эпизод с борьбой копейщиков ухватившихся за древко пики противника был не таким уж редким явлением в конном бою (рис. 8).

[2] *Венков А.В.* Казаки против Наполеона. С. 75. Информация о том, что казак пробил «насквозь» генерала «в латах» тычковым ударом пики на совести Б.Р. Хрещатицкого и его информатора. Однако сам эпизод эффективного поражения противника пикой из стационарного положения весьма показателен.

будешь поворачивать лошадь, а лошадь, следует заметить, и поворачивается вправо не так легко и скоро, как влево; пока ты поворачиваешь лошадь, неприятель, сделав только пол-оборот налево на седле, взмахом руки может сколоть тебя»[1].

Когда копейщик настигал убегающего врага он с силой выбрасывал руку с древком вперед пытаясь ударить наконечником в нижнюю часть корпуса противника: «Старались пониже, в поясницу, где ни увернуться, разве что на скаку под коня нырнуть. Удар страшный, и, если правильно попал, рана смертельная, неизлечимая»[2]. Иногда били и в верхнюю часть спины или бедро, а если пленник представлял большую ценность, чем его лошадь, то поражали пикой конский круп.

Таким образом, основными преимуществами нижнего свободного («кистевого») хвата были несильные, но неожиданные уколы пикой, наносимые в корпус, голову и конечности противника, а также возможность фехтования древком. Последнее свойство усиливали за счет применения «копейного отреза» (см. выше). «Отрез» не только защищал деревянное древко, но и позволял наносить мощные рубящие удары по корпусу и конечностям противника, а также древкам вражеских копий. Судя по отзывам современников, неожиданный раскрученный удар древком пики валил с коня, а наносимые при этом раны были сопоставимы с сабельными. Так, например, французский офицер Ф. Де Брак писал: «Под Эйлау (битва при Прейсиш-Эйлау в 1807 г. — *Л.Б.*), в одной из наших атак на казаков, он [капитан Бро] уже думал уложить одного из них, взяв его с левой стороны, причем казак держал пику «вперед направо»; но вдруг, *приподнявшись на стременах, казак быстро сделал «кругом отбей», и сбросил капитана на землю*... Я присутствовал при перевязке капитана; *плечо его было рассечено, как сабельным ударом*».

Еще одной разновидностью свободного способа удержания древка был верхний («дротиковый») хват, при котором пика удерживалась одной рукой над головой всадника (ладонью вверх), а колющий удар наносился сверху вниз (рис. 1, *б*). Удержать многометровую пику в таком положении было непросто, поэтому боевое

---

[1] *Железнов И.* Очерки быта уральских казаков. С. 105, 106.

[2] При фронтальном столкновении российские казаки не редко наносили удар пикой в пах противника. При такой атаке всадник практически не мог увернуться, а рана в нижнюю часть корпуса была очень болезненной и опасной (*Венков А.В.* Казаки против Наполеона. С. 75). В схватке с кочевником такой прием был более сложен, так как седла номадов имели высокую и достаточно массивную переднюю луку.

применение «дротикового» хвата носило ограниченный характер. В большинстве случаев он применялся для поражения вражеских пехотинцев или в условиях тесной рукопашной схватки (рис. 8).

Рис. 8. Верхний («дротикового») хват пики в условиях рукопашной схватки. Картина А.О. Орловского «Битва казахов с уральскими казаками», 1826 г.

Копейная атака как тактический прием.

Массированная копейная атака, проводившаяся силами панцирной и легкой конницы, стала важным элементом военного искусства кочевников Центральной Азии во второй половине XVI-первой половине XVII вв. На протяжении XVII-XVIII вв. атака легких конных копейщиков вошла в военную практику большинства тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы, а также российских казаков. Ретрансляторами центральноазиатского конного боя на пиках в западной части Великой степи являлись ойраты (волжские калмыки).

Излюбленным построением ойратских войск на поле боя был «Лук-ключ»- центр армии отогнут назад, крылья выдвинуты в сторону противника. В ходе сражения ойратская конница опрокидывала фланги врага и заходила ему в тыл.[1] Альтернативой этого

[1] *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири. С. 569.

построения был «Бычий рог» предполагавший нанесения мощных (часто парных) ударов разрывавших построение противника.

В XVII в. ойратами применялись различные виды построения копейной конницы в ходе атаки («копийного напуска»). Современники отмечают наличие у них сомкнутого развернутого шереножного строя, который Ю. Крижанич сравнил со строем «крылатых» польских гусар (см. выше). Другим вариантом сомкнутого построения был клин-«хошуун». Так же применялись рассыпной строй («нохой хэрэл») и лава («нуман жагсаал»)[1].

По мере вытеснения защитного вооружения из широкого военного обихода возрастает роль разряженных построений. В современной литературе любой рассыпной строй конницы часто именуется лавой, что не соответствует военной терминологии XVIII-XIX вв. Основная разновидность разряженного построения кочевников данного периода представляла собой колонну легких конных копейщиков, которая могла быть развернута как по фронту, так и в глубину. Всадники двигались на некотором расстоянии друг от друга, чтобы не мешать соседям маневрировать конем, и действовать пикой. Российские и европейские офицеры, привыкшие к шереножным построениям эскадронов регулярной кавалерии, именовали группы атакующих номадов «скопищем», «толпой», «лавиной», «роем ос» и т.д. С их точки зрения атака степняков была «беспорядочной» и «хаотичной», тем большее удивление европейцев вызывало способность военачальников номадов успешно управлять своими «скопищами» и решать поставленные тактические задачи. То что офицеру регулярной армии казалось беспорядочной толпой в действительности представляло собой совокупность небольших отрядов тесно и умело взаимодействующих между собой. Атакующая конная лавина была исключительно подвижна и эластична. При необходимости масса всадников стремительно рассыпалась, а затем также стремительно вновь собиралась в единый ударный кулак. Нахлынув как волна, кочевники могли быстро отступить, увлекая за собой противника, который ломал свой строй и становился жертвой вновь собравшегося и атакующего «скопища». Несущаяся по степи под рев родовых уранов волна всадников, над которой реял лес косматых бунчуков и матерчатых значков, производила на современников неизгладимое впечатление. Первый натиск был самым страшным для противника: «со всею лютостью, не наблюдая никакого порядка, устремляются они друг на друга, произнося ужасный крик,

[1] Там же.

пуская стрелы и бросая камни. Столкнувшись, таким образом, вступают в ручной бой, кому как заблагорассудится, или один на один, или толпами. Первый удар бывает всегда необыкновенно силен и даже опасен для регулярного строя...»; «....Первый удар их, или первая атака...,бывает всегда сильна, и устоять против оной нелегко. В ней совокупляют они всю храбрость свою...»; «...В нападении иногда бывают отважны, и при малейшем успехе, наглы до неограниченности...Вступают в дело перестрелкою с неприступных мест метанием стрел, и наконец стремительным нападением толпою с криком ги! (Козаки по тому говорят, услышав ги, что Орда загичала). Горе тем, которые не выдержав хладнокровно их натиска, покажут тыл, тогда жестокость кровопролития бесконечна».[1]

В отличие от «лавины», классическая «лава» представляла собой не разряженную колонну, а растянутую цепь всадников, иногда изогнутую в форме полумесяца (миниатюрная версия строя «лук-ключ»). Казачья лава второй половины XVIII-начала XIX вв. являлось результатом творческого развития строя «нуман жагсаал». Она состояла из центра, выдвинутых вперед флангов («крылышек») и резерва («маяка»). В задачи казаков на «крылышках» входил охват построения противника и участие в поединках (фланкировании). Формировавшие «маяк» наиболее опытные воины страховали своих соратников, наносили решающий удар по противнику, а, при необходимости, прикрывали отступление. [2]

Длинная цепь составляющих лаву копейщиков позволяла казакам легко охватывать вражеские построения, заходить в тыл, стремительно атаковать и так же стремительно отступать, провоцируя врага на нарушение боевых порядков. В случае мощной фронтальной атаки противника лава раздавалась в стороны, и казаки атаковали врага с флангов и с тыла. Характерен пример сражения 7(19) августа 1813 г.: «...сильный отряд конницы...построился в сомкнутую эскадронную колонну; фланкеры пристроились к флангам. Затем французы двинулись рысью, плотно сомкнувшись, чтобы не дать русским возможность прорваться в интервалы, прямо на наш центр, *который немедленно раздался, и казаки бросились на тыл и фланг колонны.* Французы, не встречая с фронта никакого сопротив-

---

[1] Отечественные записки. Ч. 42. СПб: Департамент внешней торговли, 1830. С. 175, 176; *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: САНАТ, 1996. С. 324; История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 5. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX в. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 437.

[2] *Венков А.В.* Казаки против Наполеона. С. 85, 86.

ления, остановились, а их мучители начали колоть фланговые ряды и стрелять в густую массу, где скоро возник совершенный беспорядок, лишивший возможности сделать какое-либо перестроение. *Казаки даже и не пытались произвести общую атаку и продолжали колоть и стрелять, производя частные нападения, где представлялась к тому возможность».*[1]

Стремясь не допустить охвата флангов, противник был вынужден также растягивать свой строй. Для регулярной кавалерии это было серьезной ошибкой, так как в индивидуальных схватках и в рассыпном строю справиться с казаками, было крайне сложно. Знаменитый военный теоретик Г. Жомини писал что: «Для атак развернутым строем нет лучшего примера для подражания, чем действия турок и казаков»[2].

Следует подчеркнуть еще одну особенность копейной атаки воинов Великой степи действующих в рассыпном строю. В любой момент, в течение нескольких секунд, конный копейщик мог превратиться в конного стрелка. Для этого надо было лишь забросить пику за спину (зафиксировав древко парой кожаных петель на плече и лодыжке) и взять в руки лук. В течение сражения один и тот же воин мог попеременно действовать, то как копейщик, то как лучник. Подобный прием существенно повышал эффективность действий легкой степной конницы. Это идея приглянулась и российским казакам. Авторы первой половины XVIII в. свидетельствует, что, например, в Сибири имелись конные казачьи отряды, насчитывавшие несколько сотен (!) конных стрелков из лука[3]. Так же сохранились сведения о применении саадака донцами, уральцами и оренбуржцами. Из широкого военного обихода лук вышел только в середине- второй половине XVIII в. Однако, он продолжал использоваться молодыми донскими казаками в качестве тренировочного оружия даже в первой четверти XIX в., а атаман М.И. Платов в 1807 г. лично демонстрировал французским гостям искусство конной стрельбы из лука.[4] На смену саадаку в качестве оружия конного дистанционного боя пришли пистолеты и ружья. По эффективной дальности стрельбы пистолеты значительно уступали лукам (30 м и 100 м соответственно), зато стрельба из пистолета не требовала столь длительного обучения. Как и номады, казаки, нередко, начи-

---

[1] Там же. С. 232, 233.

[2] Там же. С. 86, 87.

[3] *Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI – XVII вв. С. 50.

[4] *Венков А.В.* Казаки против Наполеона. С. 77.

нали боевое столкновение со стрельбы, а затем наносили удар пиками.

Лава была рассчитана в первую очередь на охват и окружение противника, ведение маневренного конного боя. Однако в тех случаях, когда вражеская кавалерия еще не успевала построиться или находилась в замешательстве, казачья лава могла нанести стремительный и мощный фронтальный удар. Атаманом А.К. Денисовым описан такой бой с участием сводного отряда казаков и польского авангарда (300-400 сабель): «Я решился взять из Орлова полка сто человек, да из Янова полка человек 50, с капитаном Красновым, очень храбрым. А как полки были вместе и готовы, то в момент сия команда составилась...Майор Иловайский *поставил оную лавою*, отдал нужный офицерам пред казаками приказ, взял в руки дротик и...пошел прямо на неприятеля шагом, а сам на удалом коне впереди. Неприятельская застава, видя сие, начала устраиваться и обнажила палаши. Иловайский, подошед на ружейный выстрел, пустился рысью и ударил с такой храбростию, что в минуту опрокинул всех и прогнав несколько верст, ретировался и гнал перед собой человек 50 пленных, да убитыми осталось на месте, по крайней мере, столько же».[1]

И «лавина» и «лава» представляли собой разновидность разряженного (рассыпного) строя и обладали, как своими ярко выраженными достоинствами, так и недостатками. Лава была менее уязвима для вражеского и артиллерийского огня, более маневренна и легко управляема, зато сильно уступала «лавине» («скопищу») по прорывной способности. Фронтальное столкновение с «лавиной» грозило растянувшимся в цепь казакам серьезными неприятностями. Так, например, во время кавалерийского сражения в Крыму «отборная толпа татар ханской гвардии» атаковала три донских полка, «сильным ударом опрокинула казаков и сильно преследовала».[2] В ходе военных кампаний в Казахстане и Мавераннахре в XIX в. уральским и сибирским казакам противостояли «скопища» кочевников (казахов, узбеков, киргизов) широко использующих кавалерийское пики. Вступать с ними в ближний бой «лавой» являлись неоправданным риском, впрочем, как и выставлять собственную «лавину», против, гораздо более многочисленной вражеской. По данной причине в большинстве случаев уральцы и сибирцы предпочитали вести дистанционный ружейный бой в пеших порядках.

---

[1] Там же. С. 102.

[2] Там же. С. 95.

Ожесточенные кавалерийские сражения эпохи Наполеоновских войн требовали максимальной тактической гибкости конных подразделений, что вынудило российских казаков освоить и сомкнутые построения: «В начале войны они не умели делать сомкнутых атак подобно прочим конницам; они атаковали обыкновенно в разомкнутом строю, или лавой, с громким криком, причем каждый намечал себе заранее противника. Позднее, в течение компании, они прониклись большей дисциплиной и порядком и научились сомкнутым атакам, которые производились ими очень смело и нередко с успехом против французской регулярной конницы и даже против пехотных каре».[1]

Важнейшим тактическим приемом казаков, наряду с фланговыми охватами было притворное отступление с последующей контратакой. Существовало несколько разновидностей «ложного бегства», которые отличались между собой длительностью, наличием или отсутствием засад, числом засадных отрядов и т.д. Пожалуй, самый известный прием притворного отступления назывался «вентерь». Он выполнялся силами трех отрядов: «заставы» и двух «засад». Всадники «заставы» проводили разведку, провоцировали атаку противника, увлекали его за собой и подводили под удар засадных подразделений. Подробное описания данного приема приведено в письме М.И. Платова князю Багратиону в канун знаменитой битвы под Миром: «Впереди Мира по дороге к Кореличам поставлена в ста человеках застава, как для наблюдения за неприятелем, так и для заманки его оттоль ближе к Миру; а по сторонам направо и налево в скрытных местах сделаны засады каждая по сту отборных казаков, называемая вентерь. Для того, что ежели открывающиеся от неприятеля будут стремиться по дороге, тогда застава отступает с намерением с торопливостью и проводит неприятеля сквозь засады, которые тогда делают на него удар, и застава оборачивается ему же в лицо» .[2] «Вентерь», как и другие приемы притворного бегства, представляли собой творческое развитие аналогичных приемов ложного отступления, заимствованных казаками из тактического арсенала номадов Великой степи.

* * *

Подводя итог, необходимо отметить, что ренессанс длиннодревкового кавалерийского оружия в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени был связан с трансформацией воен-

---

[1] Там же. С. 87.

[2] Там же. С. 101.

ного дела кочевников Центральной Азии- ойратов и монголов. Идея массированного применения легкой копейной конницы была принесена ойратами (калмыками) в степи Восточной Европы, где была заимствована местными тюркскими кочевниками (в том числе польско-литовскими татарами) и российскими казаками. В свою очередь, копейный бой польско-литовских татар (липков) лег в основу военной практики польских улан ставших образцом легкой копейной конницы для стран Западной Европы в конце XVIII-начале XIX вв.

Рост значения ближнего боя и распространение длиннодревкового оружия в войсках кочевников привели к изменениям конструкции традиционных степных копий и пик (распространение новых типов наконечников, подтоков, древковых усилителей, «отрезов» и т.д.). Этот же процесс стимулировал развитие техники копейного боя номадов. При этом, ойраты, монголы, казахи, киргизы сохранили наиболее совершенные приемы копейного боя характерные для степных воинов раннего и развитого Средневековья, но внесли в них ряд важных изменений. Последние были связаны с новым пониманием места пики в военной практике кочевников. Из оружия первого удара, пики превратились в основной вид оружия ближнего боя, актуальность которого сохранялась на всех этапах сражения. Особо подчеркнем, что развитие длиннодревкового оружия и копейного боя были тесным образом связаны с эволюцией комплекса защитного вооружения номадов. Так, распространение металлической и «мягкой» (из органических материалов) брони среди кочевников Центральной Азии XVII–первой половины XVIII вв. привело к доминированию «бронебойных» пик с узким граненым пером и «таранного» удара («подмышечный» и нижний «штыковой» хват). Постепенное вытеснение защитного вооружения из широкого военного обихода во второй половине XVIII–первой половине XIX вв., напротив, способствовало росту популярности свободного (одноручного) способа удержания пики («кистевой» хват), распространению копейных «отрезов» и различных приемов фехтования древком. Высокий уровень мастерства степных копейщиков являлся результатом богатой практики полученной в ходе охот, выступлений на народных празднествах и соревнованиях, во время барымты и, собственно, боевых столкновений.

В основе искусства казачьего копейного боя лежали приемы заимствованные воинами российского степного пограничья из военной практики кочевников (в первую очередь калмыков). Однако донские, уральские и сибирские казаки не только копировали, но и творчески переосмысливали технику копейного боя номадов.

Наибольшее распространение среди казаков получили нижний «штыковой» (двуручный) хват и, особенно, нижний кистевой (одноручный) хват, позволявший наносить неожиданные уколы пикой и фехтовать древком. Именно нижний кистевой хват стал своеобразной «визитной карточкой» конного копейного боя российских казаков второй половины XVIII–первой половины XIX вв.

Тактика копьеносной конницы кочевников также оказала существенное влияние на эволюцию военного искусства российских казаков. Построения «лавой» и «лавиной», месяцевидный строй, фланговые охваты с выходом в тыл, притворные отступления с последующей контратакой и другие приемы были заимствованы российскими воинами из тактического арсенала монгольских и тюркских номадов. Однако, как и в случае с техникой боя на пиках, казаки не просто копировали, но и творчески развивали и совершенствовали приемы своих степных соседей. Вершиной их тактического мастерства стали знаменитая казачья «лава», комбинированный копейный и стрелковый бой, притворное отступление с последующим контрударом и засадами («вентерь») и др. Благодаря высокому уровню дисциплины, качественной боевой подготовке (в том числе и в искусстве владения пикой), а также широкому применению ручного огнестрельного оружия казачья конница стала опасным противников, как для своих степных «учителей», так и для регулярной европейской кавалерии, что наглядно продемонстрировали военные конфликты второй половины XVIII–первой половины XIX вв.

Литература

Акты издаваемые Виленскою коммиссіею для разбора древних актов. Авторы о литовских татарах. Т. XXXI. Вильна: Типография «Русскій Почин», 1906.

Аткинсон Т. Путешествие в Казахские степи // Простор. 1972, № 3. С. 36-52.

Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40-е годы XIX в. Алма-Ата: Казак университеті, 1992.

Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV-XVI вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч.I. СПб: ВИМАИВиВС, 2013

Бобров Л.А. Копейный «отрез» — оригинальный конструктивный элемент длиннодревкового оружия народов Великой степи и сопредельных территорий позднего Средневековья и раннего Нового времени // Вестник НГУ. Сер.: История, филология, 2013. Т. 12. Вып. 3.

Бобров Л.А. О казахском влиянии на комплекс вооружения российских казаков в XVII–середине XIX вв. // Наследие Л.Н. Гумилева и современная евразийская интеграция. Астана, 2012.

Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX в. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии XV – первой половины XVIII вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2011

Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Учебное пособие. Новосибирск: НГУ, 2010.

Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI – XVII вв. Вооружение и военная организация: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2012

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.

Валиханов Ч.Ч. Исторические предания о батырах XVIII в. Собр. соч. в 5-ти т. Т. 1. Алма-Ата: Наука, 1984

Венков А.В. Казаки против Наполеона. От Дона до Парижа. М.: Вече, 2013

Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей. СПб.: Русская симфония, 2005

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. I. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2003

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2006.

Дмитриев С.В. Крымское ханство в военном отношении (XVI-XVIII вв.)// Тюркологический сборник. Россия и тюркский мир. М.: Вост. лит., 2003.

Железнов И. Очерки быта уральских казаков. Ч. I. Картины казацкой жизни. М.: Типография Александра Семена, 1858.

История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 5. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX в. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

Курбатов О.А. «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. Вып. II. С. 229, 230. <http://www.milhist.info/2013/04/23/kyrbatov_2> (23.04.2013)

Курбатов О.А. Армия эпохи Ренессанса// Сержант. 2007, №4 (41).

Курбатов О.А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М.: Цейхгауз, 2006.

Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: САНАТ, 1996.

Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб.: Типографии Э.Веймара и Ф. Персона, 1865.

Нефедкин А.К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб.: Филологический факультет ГУ, 2011.

Орленко С.П. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских до и после Смутного времени// Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012

Отечественные записки. Ч. 42. СПб: Департамент внешней торговли, 1830.

Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М.: Яуза, Эксмо, 2010.

Пенской В.В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV-начале XVII в.// Восток (Oriens). 2010, № 2.

Симаков Г.Н. Народные развлечения и военное воспитание киргизов // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып. 2. Москва: Наука, 1990. С. 48-74.

Соколов О.В. Битва двух империй. 1805-1812. М.—СПб., 2012.

Султаны Кенесара и Садык. Биографические очерки султана Ахмета Кенисарина. Обработано для печати и снабжено примечаниями Е.Т. Смирновым. Таш., 1889

Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами. СПб., 1906. Т. I.

Эвлия Челеби. Книга путешествий (извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в.) Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Наука, 1979.

Wielhorski J. "Ułani księcia Józefa". L., 1963

Г.Ф. Валеева-Сулейманова
(Институт истории АН РТ, Казань)

Памятники ювелирного искусства как источник в изучении этнокультурных процессов

Важнейшим источником по истории народов средневековой Евразии являются произведения ювелирного искусства, развитие форм и технологии которых позволяют выявить преемственность этнических корней, генезис художественных традиций в культуре. Особенно это относится к таким технологиям, получившим развитие в искусстве кочевых и оседлых народов, как скань и зернь. В силу традиционности навыков производства тех или иных видов украшений, о чем свидетельствуют один и тот же набор инструментариев (начиная с эпохи раннего Средневековья) и техника орнаментации, сохранявшаяся почти без изменений на протяжении многих столетий, можно обнаружить этнокультурные истоки в развитии и преемственности искусства филиграни с древнейших времен. Сложившиеся технико-орнаментальные комплексы связаны с заказами на те или иные виды престижных в определенной социально-этнической среде украшений, создававшихся в традиционных ремесленных центрах; их формы и декор тиражировались.

Плоская скань и зернь являются характерными для ювелирного искусства татар и известны по археологическим данным в Поволжье, начиная с раннебулгарского времени (VIII-X вв.). По известному высказыванию Б.А. Рыбакова «волжские булгары создали в средневековой Европе своеобразную культуру скани и зерни»[1]. В дальнейшем эти традиции были не только развиты, но и обогащены мастерами Золотой Орды и Казанского ханства. Уникальной является техника татарской бугорчатой (объемной) филиграни.

---

[1] *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 355.

Преемственность в технике орнаментации позволила раскрыть эволюционные истоки филигранного искусства казанских татар, хотя надо отметить, что в ювелирных изделиях волжских булгар X-XII вв. скань и зернь имели равноценное значение, в то время как в последующие периоды скань постепенно приобрела доминирующую роль в декоре. В то же время для ювелирного искусства периода ранних булгар (VIII-IX вв.) характерно преобладание техники зерни.

Особенно богато и выразительно решались булгарские филигранные серебряные, золотые и электрумовые височные подвески, отдельные высокохудожественные образцы которых, датируемые X-XII вв., украшены фигуркой уточки. По археологическим данным прослеживается эволюция височных подвесок с фигуркой уточки: от височных колец, имевших простейшие формы с одной бусиной до колец с тремя бусинами, и от колец с одной подвеской до колец с тремя подвесками.

Кольца крепились к женской головной повязке: четыре с каждой стороны[1]. На кольца диаметром 2-2,5 см надевались одна, две, три желудеобразные бусины, отделанные зернью и сканью. В процессе развития кольца обогатились подвеской на цепочке, затем число подвесок увеличилось до трех. Интересна форма бусин — в виде желудя, символизирующего плоды священного для волжских булгар дуба, олицетворявшего тюркскую богиню плодородия — Умай[2]. Они изготавливались из тонкого листового золота или серебра и состоят из двух вертикальных половинок. Шов соединения закрывается тремя поясками филигранной проволоки. Поверхность бусин украшалась пирамидками зерни. Вокруг кольца обвивалась тонкая сканая проволока.

Тулово уточки выполнено в технике филиграни. Во многих образцах височных подвесок от головы уточки отходит сканая проволочка, символизирующая «священную» повязку — знак священной природы уточки. Надо отметить, что наделение такой повязкой изображений людей, зверей и птиц — явление, характерное для иранской торевтики сасанидского времени.

---

[1] *Ефимова А.* Бутаевский клад ювелирных изделий волжских булгар // Советская археология. 1960, № 3.

[2] *Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Древнее искусство Татарии. Казань, 1986; 2-е изд-е: Древнее искусство Татарстана. Казань, 2002.

Впервые на связь булгарской уточки с легендой казанских татар о творении Земли обратил внимание Ф.Х. Валеев[1]. Об утке, гусе, гоголе и образе птицы, объединяющем мифы индо-иранских и северных лесных и лесостепных племен Евразии, писал А.Х. Халиков[2]. А.П. Смирнов обнаружил влияние на формы булгарских височных подвесок сармато-аланского искусства[3].

Изображение уточки-демиурга, держащей в полураскрытом клюве комочек земли, отражает космогонический миф о создании мира, согласно которому земля была создана уткой, плававшей в необъятном океане. Нырнув, она достала с его дна комочек земли, и из него была образована суша. Одновременно образ уточки с зернышком и бусинами на кольце можно интерпретировать как женский онгон, в котором бусины символизируют семя и связаны с восходящим к зороастрийской космологии «древом всех семян»[4].

Подобные украшения не известны в искусстве других народов. Форма подвесок, филигранный декор и его исполнение являются оригинальными и встречаются только у волжских булгар. Синхронные по времени, однако весьма отдаленные по облику и технике исполнения аналогии, известны в искусстве мусульманского Ирана (X-XI вв.), например образцы из частной коллекции Патти Кадби Берч[5]. Подвески в виде изображений птицы, вписанной в круг из бусин или сердечек, были характерны для сасанидского искусства (IV-V вв.), в котором птица наделялась священной природой, выступая посланником свыше и символом плодородия. Серебряные кольца с фигуркой птицы встречаются среди традиционных украшений северокавказских, в частности дагестанских, ювелиров, относящихся к этнографическим материалам. Однако в них вместо уточки представлена миниатюрная птица, исполненная в технике литья с использованием в декоре гравировки и черни.

Прототипы височных подвесок с уточкой обнаруживаются среди украшений ранних булгар, представляющих собой кольцо с крупной каплевидной подвеской, двумя боченкообразными пронизями и крупной бусиной на кольце. Тулово подвески заполнялось

---

[1] *Валеев Ф.Х.* Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975. С. 76.

[2] *Халиков А.Х.* Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар. Казань, 1981. С. 6.

[3] *Смирнов А.П.* Волжские булгары. М., 1951. С. 124.

[4] *Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Древнее искусство Татарии.

[5] Украшения Востока из коллекции Патти Кадби Берч. США. Париж, 1999.

рельефными пирамидками зерни. К VIII в. отнесена находка 1890-х гг. с территории Дагестана височного украшения в форме пирамидки острым углом вниз, целиком составленной из горошин зерни (находится в коллекции ГИМ).

Среди височных подвесок волжских булгар домонгольского времени встречаются и подвески в форме желудя. Первая разновидность с двумя бусинами на кольце встречается еще у ранних булгар, вторая обогащена дополнительной мелкой подвеской в основании, имеет большие размеры и подпрямоугольную форму кольца. Подвески обильно украшены треугольниками и пирамидками зерни. Боченкообразные пронизи на кольце, система украшения мельчайшей зернью в форме треугольников в ряд — явления типичные в целом для булгарского ювелирного искусства.

К раннебулгарским, продолжавшим бытовать в домонгольское время, относятся и серебряные ожерелья, составленные из желудеобразных подвесок и свидетельствующие о сохранении древних представлений, связанных с символикой дуба. В домонгольское время желудеобразные подвески ожерелий обогатились зерневыми узорами в виде треугольных, ромбических пирамидок, узких ленточных полосок. Еще один вид массовых украшений — коранницы или амулетницы с декором в виде заполнений из треугольников зерни[1].

Преемственность в технике орнаментации позволила проследить истоки и эволюцию филиграни в изделиях волжских булгар. Наиболее близкие по времени аналогии обнаруживаются в ювелирных украшениях, декорированных зернью, из «гуннских» погребений VI-VII вв., найденных в Крыму. К ним надо отнести сходные с булгарскими боченкообразные височные подвески, декорированные зернью[2]. Технология скани и зерни получила яркое выражение в произведениях ювелирного искусства греческих городов-колоний Северного Причерноморья, которые в VI-VII вв. управлялись приазовскими болгарами, войдя в состав Великой Болгарии, а затем Хазарского каганата. Зернь из мельчайших горошин в виде треугольников, пирамидок, окружностей, обрамлений в шатонах для вставок драгоценных камней, присущая произведениям булгарского искусства, являлась характерной для сарматских украшений гуннского времени, известных по захоронениям в Восточной Европе. Ряд

---

[1] *Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Древнее искусство Татарии.

[2] *Дмитриев А.В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов 5-8 вв. М., 1982. С. 80.

близких аналогий прослеживается в украшениях из Серогозских курганов на Днепровщине, алано-сарматских катакомбных могил. Филигранные изделия, подобные булгарским, были найдены на Тамани, в Херсонесе, курганах Пантикапея, Ольвии, Феодосии и в других погребениях в Крыму[1].

Погребальный инвентарь данных курганов связан с античным искусством Северного Причерноморья (VI-V вв. до н.э.). Яркие образцы декорированных зернью украшений — золотые ладьевидные серьги из некрополя Нимфеи, спиралевидные серьги из Пантикапея (обе III в. до н.э., хранятся в Эрмитаже), спиралевидные серьги из Кима (III в. до н.э., Британский музей). Наиболее характерные аналогии дают ожерелья с подвесками в форме желудей. Общность просматривается как в самой системе украшения (цепочка-подвески), так и в подвесках, в технике декора их пирамидками из мельчайшей зерни, проволочной сканью, в особенностях завершения более крупной зернью или той же пирамидкой из мелкой зерни в основании. В отличие от античных подвесок в форме продолговатых бутонов цветка лотоса или плода священного в Передней Азии финикового дерева, у волжских булгар используются изображения желудя.

Была ли сложившаяся система орнаментации связана с влиянием античного искусства Причерноморья, или она была привнесена в искусство приазовско-причерноморских городов кочевниками — гуннами и сарматами?

Ответить на этот вопрос помогают раскопки сарматских погребений на территории Западного Казахстана и, в частности, археологические находки украшений из филиграни в курганах около села Лебедевки, датированные II-IV вв.[2] К ним относятся орнаментированные зернью в виде треугольников и сканью из проволоки, плетеной в виде веревочки, воротниковое украшение, подвески и перстень, созданные из листового золота. Отдельные образцы украшений инкрустированы рубинами, вставками сердолика. Подобным образом декорированные изделия были найдены в Южном Казахстане (1 Акташский курган), а также в Нижнем Поволжье, Северном Причерноморье и на Кавказе[3].

---

[1] *Ефимова А.* Бутаевский клад ювелирных изделий волжских булгар.

[2] *Багриков Г.И., Сенигова Т.Н.* Открытие гробниц в Западном Казахстане // Известия Академии наук Казахской ССР. Сер. общественная, № 2. Алма-Ата, 1968.

[3] *Бернштам А.Н.* Находки у озера Борового в Казахстане // Сборник музея антропологии и этнографии. М.—Л., 1951. С. 225; *Виноградов В.Б.* Сарматы северо-восточного Казахстана. Грозный, 1963.

Система орнаментации из сплошного ряда, составленного треугольниками зерни, встречается в украшениях, найденных в Северном Иране сасанидского времени (серьги, ожерелье, фрагмент пояса из коллекции П. Берч). К X-VIII вв. до н.э. относятся золотые серьги в виде полумесяца, украшенные гроздьями зерни. Подобные изделия находили в захоронениях 2 тыс. до н.э. в Уре, Нижней Месопотамии, Сузах. Мода на такие украшения сохранялась в Парфянском царстве и при Сасанидах, затронула она и исламское ювелирное искусство.

Изучение сарматского материала на обширных территориях кочевания этих племен позволило исследователям сделать вывод о том, что достижения в технологии филиграни являются результатом «генетического развития местной сако-сарматской культуры с 5 в. до н.э. по 4 в. н.э.».[1] В городах Северного Причерноморья, ближайших к сармато-аланскому массиву Северного Кавказа, происходил процесс сарматизации местного греческого населения и всей его культуры, который под влиянием гуннских походов III в. н.э. усилился. Исследования художественной культуры Боспора позволили сделать вывод о том, что «в раннее средневековье (5-6 вв.) сармато-аланский элемент являлся, по-видимому, основным в этническом составе Боспора»[2]. Еще ранее в северокавказских степях, по материалам меото-сарматских курганов на Кубани (2 пол. I в. до н.э.-I в. н.э.), создавались украшения с зернью в виде треугольников (сарматские фибулы, ожерелье), а также в виде гроздьев, декорировавших височные подвески.

Таким образом, генезис способов орнаментации зернью следует искать в сако-сарматской традиции, в то время как формы и стиль орнаментации украшений (височных колец, ожерелий, подвесок, серег) выявляют влияние искусства эллинизированных городов Северного Причерноморья и Приазовья с их греко-сарматским населением. Способы орнаментации зернью, характерные для сармат, заполонивших в первые века нашей эры степи Причерноморья, позднее через сармато-алан проникли в искусство болгар - носителей салтовской культуры.

Примечательно, что техника орнаментации зернью и характерный для I тыс. н.э. «варварский стиль» украшений, согласно исследованиям ученых, преемственно развивались в казахском юве-

---

[1] *Багриков Г.И., Сенигова Т.Н.* Открытие гробниц в Западном Казахстане.

[2] *Якобсон А.А.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Материалы и исследования по археологии. 1958, № 85. С. 460.

лирном искусстве вплоть до XIX-начала XX вв.[1] Особенно наглядно об этом свидетельствуют традиционные в костюме западных казахов пряжки от пояса, браслеты, детали нагрудного украшения — онержиек[2]. В отличие от казахских мастеров, татарские ювелиры обогатили технологию булгарской зерни и скани узором из ажурной и накладной скани, что и определило высокий расцвет филигранного искусства у казанских татар.

Таким образом, высокие художественные традиции скани и зерни, уходящие своими корнями в античную древность, в искусство кочевых сармат, гуннов, болгаро-алан нашли свое развитие у волжских булгар, и в последующем в ювелирном искусстве казанских татар, оформившись в этническое своеобразие их культуры. Что же касается высоких форм искусства плоской накладной и ажурной скани, получившей развитие в украшениях татар, то оно получает расцвет в эпоху Золотой Орды. Начиная с XIII-XIV вв. формируется новое направление в искусстве филиграни, которое синтезирует в себе преемственность булгарских традиций с достижениями золотоордынского ювелирного искусства.

Литература

Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане // Известия Академии наук Казахской ССР. Сер. общественная, №2. Алма-Ата, 1968.

Бернштам А.Н. Находки у озера Борового в Казахстане // Сборник музея антропологии и этнографии. М.—Л., 1951.

Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975.

Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарии. Казань, 1986; 2-е изд-е: Древнее искусство Татарстана. Казань, 2002.

Виноградов В.Б. Сарматы северо-восточного Казахстана. Грозный, 1963.

Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов 5-8 вв. М., 1982

---

[1] *Оразбаева Н.А.* Комплекс женских украшений работы мастеров Западного Казахстана в собраниях Центрального государственного музея Казахской ССР // Известия Академии наук Казахской ССР. Сер. общественная, № 6. Алма-Ата, 1968. С. 86.

[2] *Сычева Н.* Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана 19-начала 20 вв. М., 1984.

Ефимова А. Бутаевский клад ювелирных изделий волжских булгар // Советская археология. 1960, № 3.

Оразбаева Н.А. Комплекс женских украшений работы мастеров Западного Казахстана в собраниях Центрального государственного музея Казахской ССР // Известия Академии наук Казахской ССР. Сер. общественная, № 6.

Алма-Ата, 1968.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Смирнов А.П. Волжские булгары. М., 1951.

Сычева Н. Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана 19-начала 20 вв. М., 1984.

Украшения Востока из коллекции Патти Кадби Берч. США. Париж, 1999.

Халиков А.Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар. Казань, 1981.

Якобсон А.А. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Материалы и исследования по археологии. 1958, № 85.

А.Д. Васильев
(ИВ РАН, Москва)

Заметки генерала Куропаткина о французском опыте управления кочевниками

Деятельность Франции по обустройству и организации власти, общества и экономики в Северной Африке привлекала внимание российских высших военных и гражданских чиновников в Туркестане. Многие российские военные востоковеды, дипломаты и военные администраторы-«туркестанцы» изучали французский опыт колониального управления и сравнивали его с российским[1].

Одним из наиболее заметных трудов, посвященных описанию французской Северной Африки, безусловно, является книга «Алжирия», принадлежащая перу видного российского военного, востоковеда и администратора, военного губернатора Закаспийской области, а впоследствии и военного министра А.Н. Куропаткина.

В 1874-1875 гг. тогда капитан Генерального штаба, А.Н. Куропаткин совершил путешествие в Алжир, итогом которого стала его книга, написанная на основе серии очерков путешествия, частично опубликованных в газетах «Военный сборник» и «Русский инвалид». В ходе поездки штаб-офицеру удалось собрать значительные сведения о деятельности французской колониальной адми-

---

[1] Например, крупный российский военный, востоковед и администратор К.П. фон Кауфман в 1860-1861 гг. совершил ознакомительную поездку в Европу «по научной части», где ознакомился с состоянием французской армии, ее инженерным корпусом, в том числе и в Алжире, и общим военно-политическим состоянием — РГИА, Ф. 954 «Кауфманы», Дд. 75, 79, 80, 81, 82, 83, 85. Также см.: *Костенко Л.Ф.* Путешествие в Северную Африку. СПб., 1880; *Чихачев П.А.* Испания, Алжир, Тунис. М., 1975; *Венюков М.И.* Прогулка в Алжир и Тунис // Русская мысль. 1884; *Остроумов Н.П.* Меры Алжирской администрации в борьбе с мусульманским фанатизмом // Туркестанские ведомости. 1911. № 162–164; *Губаревич-Радобыльский А.Ф.* Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората. СПб., 1905.

нистрации в Алжире, взаимоотношениях с местным населением, экономике, состоянии колониальных войск. В качестве добровольца А.Н. Куропаткин принял участие в рекогносцировочной экспедиции французских войск в Большую Сахару[1].

Российский Генеральный штаб весьма интересовался опытом Франции в деле завоевания колонии, населенной преимущественно мусульманами, как кочевниками, так и оседлыми. Ситуация в Алжире в первой половине 70-х гг. XIX в. оставалась достаточно нестабильной. Всего за три года до приезда А.Н. Куропаткина в 1870-1871 гг. в регионе вспыхнуло мощное антифранцузское восстание. Оно было связано, во-первых, с ослаблением центральной колониальной власти, поскольку значительный контингент французских войск был отозван во Францию для участия в франко-прусской войне. Во-вторых, весть о поражении Франции в войне быстро распространялась среди туземцев, подрывая престиж метрополии и порождая мечты о возможном свержении колониального господства. В-третьих, местное «туземное» население к началу 70-х гг. смогло оправиться от серьезных ударов и карательных акций, нанесенных ему французами, и последовавшего за этим голода среди коренного населения в конце 60-х гг. XIX в.[2] Только к концу 1871 г. французам удалось окончательно «замирить» арабов. Гражданская и военная администрация с большим трудом поддерживали французское господство в Алжире. Для увеличения военных сил колонии в 1873 г. в Алжире была введена была всеобщая воинская повинность, а в следующем году учреждено также ополчение из колонистов и наиболее преданных арабских трибю (племен).

Нерешенным оставался вопрос и о распространении французского влияния и его упрочении в Сахаре, где многие кочевые племена и оазисы, несмотря на военно-техническое превосходство французов, относились к ним крайне враждебно и настороженно[3].

Будучи не только хорошо образованным военным администратором, но имея и склонность к историческим наблюдениям, А.Н. Куропаткин воспользовался полученными в Алжире статистическими данными и составил достаточно подробный очерк французского завоевания Алжира. В нем он отдавал должное храбрости местного населения, а также отмечал некоторые специфические

---

[1] *Куропаткин А.Н.* Алжирия. СПб., 1877.

[2] История Востока. Восток в Новое время. Кн.1. М.: ИВРАН, 2004. С. 399-400. Там же. Кн. 2. М.: ИВРАН, 2005. С.66-67.

[3] *Куропаткин А.Н.* Алжирия. С. 39.

приемы французских войск. Книгу предваряло обширное описание завоевания Алжира, состояния его экономики, населения, системы управления и армии. Опыт Туркестана обусловил его интерес к таким вопросам, как методы ведения боевых действий против оседлого и кочевого населения, строительство системы гражданского и военного администрирования, цене колонии для метрополии.

По мнению Куропаткина, важной причиной затяжных боевых действий стало фактическое отсутствие плана завоевания страны, что вынуждало французов постоянно продвигаться вперед в поисках естественных рубежей и границ региона[1]. Это наблюдение было весьма важным в свете тех споров, которые разворачивались на глазах Куропаткина вокруг перспектив присоединения Туркестана к России и создания системы ройсиских протекторатов в Центральной Азии. Одним из важных элементов подчинения местного населения, по его данным, была т.н. «разия» (razzia, «грабеж»). Введенная генералом Бюжо в 50-х гг. Х1Х в., система заключалась в проведении постоянных набегов и рейдов для захвата семейств, имущества и запасов непокорных трибю арабов. Куропаткин определял ее как «систему бесчестную и чудовищную, способную скорее опозорить армию, чем покрыть ее славою»[2].

В качестве региональной особенности Куропаткин отметил борьбу за власть между гражданской и военной администрацией Алжира. Немало интересовал его и вопрос о цене приобретения и содержания колонии. А.Н. Куропаткин на основании французских статистических данных сделал вывод о том, что расходы по содержанию новой колонии значительно превышают ее доходы. Однако будущее колонии представлялось ему перспективным, и по его мнению, рано или поздно колония смогла бы покрывать издержки своего существования полностью за свой счет[3].

Фактическое знакомство с Северной Африкой началось для Алексея Николаевича с прибытием в порт Алжира в сентябре 1874 г. Прибыв в город, он разместился в гостинце и представился французскому генерал-губернатору. Тот отнесся к Куропаткину с симпатией, пообещав оказать содействие в ходе путешествия и познакомить с офицерами гарнизона. Расставаясь, генерал проводил его такими словами: «Уже одного того, что вы носите русский мундир, совершенно для нас достаточно, чтобы оказать вам возможно широ-

---

[1] Там же. С. 4.
[2] Там же. С. 34.
[3] Там же. С. 149-153.

кое гостеприимство»[1]. И военные, и гражданские власти встречали А.Н. Куропаткина весьма радушно и без ограничений сообщали ему все интересовавшие его сведения[2]. Собрав необходимую информацию в Алжире, Куропаткин в начале ноября 1874 г. переехал вглубь территории Магриба, в г. Тлемсен, который называли также «жемчужиной Магриба».

В Тлемсене Куропаткин ознакомился с бытом французских войск, собрал необходимые статистические материалы, а затем направился в самый южный форпост французов в Малой Сахаре – г. Лагуат.

Территория Алжира разделялась на две части: военную и гражданскую. Гражданская состояла из трех департаментов, и ее управление было аналогично метрополии. Военная же часть разделялась на три дивизии. Каждая из них включала в себя субдивизии, а те в свою очередь – военные округа. А.Н. Куропаткин намеревался прежде всего изучить в дивизии Медеа субдивизии Джельфа и Лагуат, как населенные непосредственно кочевниками и полукочевым населением.

По дороге в Лагуат и на других крупных стратегически важных трассах колонии французы соорудили на вереницы укрепленных караван-сараев на расстоянии дневного перехода один от другого. А.Н. Куропаткин сравнил их с туркестанскими глинобитными крепостями. По его мнению, и в Алжире, и в Туркестане для «туземцев», не имевших серьезной артиллерии, эти караван-сараи оставались практически неприступными. В мирное же время они сдавались частным лицам в аренду, с условием содержать их готовыми для размещения гарнизона в любую минуту[3].

Лагуат являлся самым северным оазисом, захваченным французами в Сахаре. Куропаткин описал Лагуат не просто как «скопление нескольких пальм» с бьющим рядом источником, а как обширные территории, наполненные пальмовыми садами и орошаемые артезианскими колодцами[4]. Сам город располагался у подножия двух высоких холмов, на которых располагались французские укрепления и форты, контролировавшие весь оазис. В Лагуате Куропаткин был с почетом принят в офицерском собрании города, и своим присутствием оживил монотонный и скучный быт местных

---

[1] Там же. С. 162-163.
[2] Там же. С. 164.
[3] Там же. С. 195-196.
[4] Там же. С. 171-172.

офицеров. Внимание Куропаткина привлек военный лагерь, в котором располагались зуавы и африканские егеря. Постройки лагеря были сооружены без использования древесины, из одного сырцового кирпича, и представляли собой оригинальные сводчатые помещения.

Остановившись в единственной (и по его словам, довольно скверной) гостинице Лагуата, Куропаткин в сопровождении выделенного ему французской администрацией сопровождающего – знатного спагиса (кавалериста) из числа туземных войск, объездил все окрестные оазисы и укрепленные деревни-ксары Малой Сахары. Наибольший интерес вызвал у него ксар Ай-Мадди на границе с Большой Сахарой, так как именно у этой деревни французы нанесли одно из чувствительных поражений восставшим в 1869 г. арабам. Куропаткин особо отмечал, что победу над значительно превосходившими французов по численности арабами-кочевниками удалось одержать благодаря новейшим на тот момент скорострельным винтовкам системы Шасспо[1]. Это же наблюдение было верно и в отношении Туркестана.

Затем Куропаткин отправился в Джельфу – центр одноименной субдивизии. Переход оказался в достаточно скучным и однообразным, поскольку проходил по пустыне. Однако по путевым записям Куропаткина видно, что он подметил ряд интересных совпадений в быту кочевых арабов с жизнью кочевников в Туркестане. Так, и те и другие осуществляли сезонные перекочевки, имелись сходные вспомогательные посевы зерновых. По дороге в Джельфу он записал многочисленные сведения о природе, климате, торговле, численности населения и его занятиях, отношениях местного населения друг с другом и с французами. Кочевники, у которых гостил Куропаткин, просили его объяснить, где находится его родина, есть ли там арабы, лошади и шатры. Однако, как убедился А.Н., географическая осведомленность арабов ограничивалась Алжиром, Францией, Стамбулом, Меккой и Тимбукту. При встречах с местным населением неподдельный интерес арабов вызывали его револьвер и награды. Но наибольший интерес, а затем восторг и зависть «туземцев» вызывали кожаные штаны А.Н. Куропаткина, которые тот привез с собой из Туркестана[2].

Путешествие по Малой Сахаре заняло практически весь ноябрь и декабрь, и только к январю 1875 г. А.Н. Куропаткин сумел

---

[1] Там же. С. 178-179.

[2] Там же. С. 189.

вернуться в Алжир. Он планировал отплыть в Россию в середине января, когда неожиданно узнал о планирующейся в конце января рекогносцировочной экспедиции генерала Ловердо в Большую Сахару.

Куропаткин немедленно обратился к генерал-губернатору Алжира с просьбой разрешить ему также принять участие в рекогносцировке. В ответ ему было прислано именное приглашение от генерала Ловердо. Причем во время личной встречи генерал заявил, что будет рад отблагодарить русское военное руководство за то радушие и гостеприимство, которое он встретил во время своего недавнего путешествия по Кавказу[1]. Численность французского отряда составляла 144 человека со значительным продовольственным обозом[2].

Французами были заняты только прибрежная, горная полосы Алжира, а также оазисы Малой Сахары. Большая Сахара же была подчинена французам в ее северной части, и то, скорее, номинально. Поскольку Алжир не имел четкой естественной границы на юге, французы достаточно условно проводили ее примерно в 250-300 км к югу от Лагуата. Разведка этой территории и переговоры с местными полунезависимыми правителями и были целью экспедиции. Местность на протяжении всего похода была каменисто-пустынной, с несколькими крупными оазисами. Наиболее крупными из них были оазис Уаргла и группа оазисов на плато Мзаб.

В начале февраля отряд вышел из Лагуата. Утомительное путешествие сопровождалось постоянными песчаными бурями, которые изматывали участников похода. Куропаткин отмечает, что походные будни также напоминали ему эпизоды туркестанской службы. К 20 февраля 1875 г. отряд достиг оазиса Уаргла. Этот оазис был центром для нескольких арабских племен, кочующих на расстоянии до 80 верст от него, а также центром для 5 деревень-ксаров, разбросанных вокруг него. Сам оазис был окружен глиняной стеной с 6 воротами и узким рвом для защиты от набегов кочевников. Правил в Уаргла местный правитель Магомет бен Дрисс. Он устроил торжественный прием французскому отряду и попытался продемонстрировать свою мощь. Перед входом в оазис было выстроено все боеспособное население, которое при виде французов стало палить в воздух из ружей, скакать на конях вокруг маленького отряда и громко и грозно кричать, и чтобы испугать путешествен-

---

[1] Там же. С. 194.
[2] Там же. С. 201.

ников. Здесь А.Н. Куропаткин впервые увидел туарегов, которые входили в личную охрану правителя. Туареги весьма интересовали А.Н. Куропаткина, ввиду их сходства с кочевниками Центральной Азии. По его данным, туареги обитали в центральных районах Сахары, в горах Джебель-Ногар. Их образ жизни был чрезвычайно прост, а окружающие природные условия – суровы. Главным занятием туарегов было скотоводство, а также охрана караванов. Туареги славились своей воинственностью. Как писал Куропаткин, «в особенности много страдают от их набегов трусливые негры, обитатели Судана[1]. Часто их главный город, Тимбукту, держится в блокаде туарегами по целым месяцам. До сих пор негры, захватываемые в плен туарегами, [...] перегоняются к южным оазисам Алжира, Туниса или Марокко, где продаются в рабство»[2]. Внимание привлекли и специально отобранные и натренированные верблюды туарегов – «меари». Это особая порода верблюдов, которых тщательно отбирали и дрессировали, чтобы получить преимущество во время набегов. Меари были выше ростом и тоньше в формах, чем обычный верблюд. Они отличались высокой скоростью, выносливостью и преданностью только одному своему хозяину[3].

В ходе переговоров с правителем оазиса французы обсуждали увеличение размера налога с пальм, который выплачивали им жители. Куропаткина очень заинтересовала система французского управления оазисами Большой Сахары, которые были удалены от основных центров колонии, и в которых французы не могли постоянно поддерживать свое присутствие. Среди населения оазиса создавалась партия, которой было выгодно поддерживать французское господство. В ее руки французы отдавали власть над остальным населением, с условием выплачивать им определенную подать. Для вознаграждения верных им людей треть всех налогов, собираемых французами, передавалась на содержание правителя и его охраны[4]. Кроме того, в оазисе Уаргла для местного правителя французскими инженерами был построен укрепленный дворец, в котором можно было в случае восстания продержаться до прихода французских войск[5]. Пока шли переговоры, А.Н. Куропаткин осмотрел местный базар, был приглашен на местный праздник, устроенный специально для гостей, а также увидел, как специальные мастера пробивают в

---

[1] Здесь имеется в виду современный Мали.
[2] *Куропаткин А.Н.* Алжирия. С. 210-211.
[3] Там же. С. 212.
[4] Там же. С. 221.
[5] Там же. С. 222.

известняковой породе артезианские колодцы — источник воды для всего оазиса. В качестве экзотического сувенира с местного базара А.Н. Куропаткин увез сушеную соленую саранчу, которую местные жители заготавливали впрок целыми мешками. В это же время французские офицеры договорились с правителем об увеличении размера налога с пальм. По примерным подсчетам во всем оазисе насчитывалось 420000 пальм, а налог составил по 30 сантимов с пальмы. Куропаткин привел следующий расчет: учитывая, что общее количество населения оазиса примерно 6000 человек, при распределении налога между жителями каждый из них должен был внести примерно по 20 франков в год. А.Н. Куропаткин посчитал это весьма крупной суммой[1]. Примечательно, что производя подсчеты А.Н.Куропаткин постоянно как бы прикладывал полученные результаты к реалиям Туркестана. По завершении переговоров, Магомет бен Дрисс устроил обильный пир из баранины и кус-куса – «диффа» для всех участников экспедиции.

Конечной точкой экспедиции был Мзаб. Экспедиция подошла к нему в начале марта 1875 г. Данные, приводимые А.Н. Куропаткиным в отношении Мзаба и 7 его городов, содержат в основном описание торговли, этнических групп и некоторых аспектов политического устройства. Так, по сравнению с оазисом Уаргла весьма велика роль религии, и нравы весьма строги. А.Н. Куропаткин также отметил, что обитатели Мзаба являются наиболее предприимчивыми коммерсантами во всей Сахаре, и что они больше всего выиграли от того жесткого порядка и мира, установленного французами. После прихода французов они оказались защищенными от грабежей арабских племен и получили возможность увеличивать свое богатство с помощью торговли с европейцами в приморских городах. Вместе с тем, отношение к французам и к европейцам вообще в Мзабе достаточно настороженное, если не сказать враждебное. А.Н. Куропаткин выразил непонимание французской политики по отношению к Мзабу и его предприимчивым жителям, указав, что ему не до конца ясны причины, почему с оазиса Уаргла была взята сумма более 125000 франков, а со значительно более богатого Мзаба – почти в три раза меньше.

После посещения Мзаба экспедиция вернулась в Алжир, и в апреле 1875 г., завершив свое восьмимесячное пребывание в Северной Африке, А.Н. Куропаткин отправился на Родину. Африканские приключения оказали серьезное влияние на жизнь и будущую дея-

---

[1] Там же. С. 233.

тельность Алексея Николаевича Куропаткина. Знания, приобретенные им в Африке, в дальнейшем проявились в ходе его профессиональной деятельности, и практически сразу после возвращения из Африки он вернулся в Туркестан, где он принял активное участие в дальнейшем завоевании и устроении края. Описание африканских колоний Франции стало первым трудом А.Н. Куропаткина как военного журналиста и аналитика. Алжирский опыт способствовал формированию талантливого автора целого ряда военно-статистических, военно-исторических, военно-политических и специальных исследований, среди которых особое место заняли его мемуары о русско-японской войне опубликованные как отдельное произведение. Но Африка навсегда оставалась в его памяти как первая военная и научная командировка и экзотическое опасное приключение.

Литература

Венюков М.И. Прогулка в Алжир и Тунис // Русская мысль. 1884

Губаревич-Радобыльский А.Ф. Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората. СПб., 1905

История Востока. Восток в Новое время. Кн.1. М.: ИВРАН, 2004; Кн. 2. М.: ИВРАН, 2005.

Костенко Л.Ф. Путешествие в Северную Африку. СПб., 1880

Куропаткин А.Н. Алжирия. СПб., 1877.

Остроумов Н.П. Меры Алжирской администрации в борьбе с мусульманским фанатизмом // Туркестанские ведомости. 1911, № 162–164.

Чихачев П.А. Испания, Алжир, Тунис. М., 1975

Д.Д. Васильев
(ИВ РАН, Москва)

Работы эпиграфической экспедиции Института востоковедения РАН в 2012-2013 гг. и новые находки древнетюркских рунических надписей

Постоянно действующая Эпиграфическая экспедиция Института востоковедения РАН ежегодно проводит изыскания памятников древнетюркской письменности в Центральной Азии и Южной Сибири.

Полевые сезоны 2012–2013 гг. были посвящены изысканиям тюркских рунических надписей, в составе петроглифических наскальных комплексов, впервые зафиксированных исследователями XVIII–XIX вв., которые в меньшей степени, чем рисунки, привлекали в то время внимание путешественников и не всегда корректно отображались в иллюстрациях публикаций. Исследовательской группой были частично повторены маршруты Мессершмидта, Страленберга, Аспелина. Как показала полевая практика, подобный подход оказался достаточно результативным для выявления незамеченных или не публиковавшихся ранее наскальных надписей.

Перед командировкой была проведена подготовительная работа по сбору материалов, связанных с историей предшествующих археологических и тюркологических исследованиями памятников. Эта работа нашла отражение в ряде предварительных публикаций по истории изучения отечественными учеными памятников древнетюркской письменности, их собиранию в коллекции, расшифровке надписей, вариантам их прочтения и историко-филологической интерпретации.

В ходе полевых исследований в Республиках Тыва и Хакасия группой были выполнены:

— археологическая разведка местности и выявление археологических (фортификационных, ирригационных, коммуникационных,

пограничных, курганных и др.сооружений), петроглифических (наскальная живопись и тамги) и письменных (тюркские рунические, согдийские, древнеуйгурские, тибетские, монгольские надписи) памятников;

— цифровое и фотокопирование объектов, в специальных случаях — изготовление графических эстампажей (оттисков);

— картографирование выявленных памятников (серия карт по различным типам памятников);

— историко-филологическая интерпретация памятников (датировка, определение типа и археологической культуры, этническая атрибуция, установление связи с историческими событиями, мифологическими и фольклорными сюжетами, дешифровка текстов);

— этнографические исследования (сбор сведений от местных информаторов о преданиях и исторических фактах, связанных с крепостью, озером, отдельными объектами и топонимами, обследование культовых объектов и фиксирование связанной с ними обрядности);

— изыскания в архивных хранилищах и музейных фондах Кызыла, Абакана, Минусинска, Красноярска материалов по истории изучения памятников Хакасии и Тувы;

— подготовка общего картографированного описания памятников бассейна Верхнего Енисея древнеуйгурского времени.

В ходе полевых изысканий были обследованы 9 надписей на скалах и каменных стелах, выполненных древнетюркским руническим письмом, которые можно по ряду палеографических признаков датировать древнеуйгурским временем (середина VIII-начало IX вв.). Одна из надписей выполнена на более раннем оленном камне скифского времени, вторая была найдена в раскопе на участке дворца в крепости Пор-Бажын и семь надписей составляют наскальный эпиграфический комплекс в урочище Кара-Булун в Улуг-Хемском кожууне Республики Тыва. Варианты прочтения надписей были опубликованы в сборниках «Эпиграфика Востока» (вып. 27-29).

Отдельный изыскательский маршрут был проделан от оз. Сют-Холь (Тува) в Бай-Тайгинский кожуун и на прилегающую территорию Республики Алтай, где была обследована долина, известная как место сражения между тюрками и кыргызами. Зафиксированы родовые тамги на скалах в окрестностях долины.

При обследовании бассейна р. Кизилки на севере Хакасии в устье Кандеевского лога на плитах кургана тагарского типа были обнаружены тонко процарапанные рунические надписи.

Почти квадратный участок размерами 8 х 9 м, всхолмленный на 30-40 см от дневной поверхности обрамлен сплошной оградкой из плит высотой до 2 м. Некоторые из плит были повалены и слегка задернованы. Восстановление оградки и очистка поверхности плит позволили обнаружить на трех из них — северо-западной, юго-западной и юго-восточной — рунические надписи, выполненные единой техникой.

Условно названная нами «первой» надпись, сопровождаемая тамгой, является вторичной в составе петроглифического комплекса с космическим сюжетом. Тамга, состоящая из круга, плавающего в изгибе дуги, принадлежит, по-видимому, одному из кыргызских родов и имеет близкие варианты, например, в Тепсейском комплексе на Среднем Енисее. Надпись состоит из трех знаков, которые могут быть идентифицированы как SÜG(K):

1) SÜG(K) ***esüg(k)*** или ***ezük(g)*** — «проступок, грех»; в манихейском понимании этот термин встречается в фрагментах манихейских текстов из Турфанского оазиса, опубликованных А. фон Ле Коком[1]. Для надписи может быть предложено также альтернативное чтение ***(sig(k))*** ***isüg*** или ***isig*** — «**жаркое** (солнце?)». Орфографическая вариативность в употреблении ***g/k*** довольно часто имеет место в надписях бассейна Енисея и Алтая. Точно также можно отметить и графическую вариативность в начертании этих знаков, что свидетельствует, по-видимому, и о фонетическом перебое палатализованных ***g/ k***[2]. Петроглифы и тамга хронологически удалены друг от друга и выполнены в различной технике, но сюжетно соответствуют. Можно предположить, что более поздняя надпись поясняет древнюю космическую мифологию, запечатленную петроглифами.

Поблизости от предыдущих также обследованы надписи на плитах тагарского кургана в урочище Оргенек, близ с. Кобяково. Надписи на плите округлых очертаний, со сколом, размером 100 х 110 х 10 см, на юго-восточной стороне оградки состоят из трех строк, одна из которых плохо различима. Кроме этих, на юго-западной угловой плите оградки выбита рельефная, но подвергшаяся сильной эрозии надпись, работа над реконструкцией которой еще

---

[1] *Le Coq A.* Türkische Manichaica aus Chotscho. III. Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse, № 2. B., 1922. S.38 (13)/

[2] *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала, М.,1983. С.110-111,117-118.

продолжается. На возвышенности над долиной зафиксирована каменоломня, откуда возможно были взяты плиты памятника.

2) İLRM ***(İl erim)*** «Мои земляки-воины!» вариантом может быть:

EŞRM ***(Eş erim)*** «Мои сотоварищи-воины!»

3) QMS MŞ TİBŊZDE RTN İLŊM A OŞ...

(Qımıs ımış tibiŋizde ertin iliŋim a ...)

«Был кумыс, остался у вас на дне, мои забавы ...»

Автор надписи попытался передать свое настроение в виде своего рода элегии, использовав, возможно, как образ, малую фольклорную форму пословицы.

4) ÇBİR ***(Çebir)*** Мужское имя

5) ÇBİR ***(Çebir)*** Мужское имя

Имя автора надписи соблазнительно было бы сопоставить с монгольским ***çäber*** «красивый», но это маловероятно, хотя употребление этого слова и зафиксировано в тюркском фонде лексики Махмудом Кашгарским.

Надпись в две вертикальные строки, выполненная грубой выбивкой на торце (90 x 20 см) угловой плиты (160 x 95 x 20 см) с прямоугольным сломом вершины.

6) ID ÇR BNGU : JRŊ SMR... ***(Idı çur bengü jaraŋ samır(qa)***

«О, Владыка! Предки! Вечные! Угождай (священной горе) Самыр!»

В надписи заметна неуверенность писца в употреблении знаков для ***n*** и ***ŋ***. Этим можно объяснить употребление ***ŋ*** в ***jaran-*** «благолепствовать, угождать».

Самыр (или Сумир) — согласно буддийским представлениям священная гора в центре Вселенной, считающаяся культовым объектом поклонения и местом обитания небожителей, неоднократно упоминающаяся в древнетюркских текстах.

Надписи на поминальной оградке сделаны, по-видимому, посетителями, посещавшими культовый объект значительно позже его сооружения. Помимо обычной фиксации имени посетителя, здесь представлены сентенция, навеянная впечатлением от посещения памятника усопшему сородичу, и назидательно-молитвенный призыв во благо последнему. Надписи, вероятнее всего, были выполнены разными лицами, о чем свидетельствуют техника исполнения, композиция и содержание текстов, а сам памятник был известен, по-видимому, как объект поклонения, на котором можно было оставить письменное молитвенное славословие. Место находки

надписей представляет также интерес для обозначения северных границ ареала рунического письма в бассейне Енисея.

В результате работ экспедиции на Алашском плато, в окрестностях озера Кара-Холь было выполнено цифровое копирование еще двух надписей, публиковавшихся ранее лишь в произвольной зарисовке. Это позволило внести коррективы в текстологическую интерпретацию и переводы.

Выполнено цифровое копирование публиковавшихся ранее только в виде зарисовок надписей Хакасии (на горе Лисичьей, Бородинской, на скалах Малые Бояры, в пещере «Девять ртов», наскальные надписи над оз. Сульфатным) и Тувы (на скалах Бижиктиг-Хая, Баян-Кола, Ээрбека, в школьных краеведческих музеях г. Шагонара, Чадана, Эрзина).

Впервые обследована надпись на стеле на берегу Божьего озера на севере Хакасии, в 2 км от с. Парная, в 100 м от дороги. Стела высотой 2,5 м из красного девонского песчаника восстановлена краеведами из двух фрагментов содержит надпись в две строки тонкими резами, частично разрушена. Также впервые обследованы и скопированы надписи на стеле тагарского кургана у с. Конгарово, на пашне. Надписи нанесены на двух плоскостях, восточной и западной, частично разрушены.

Все новые надписи отражают элементы духовной культуры тюркских кочевников раннего средневековья, демонстрируют цивилизационные связи на трассах Великого Шелкового пути между тюркскими этносами Центральной Азии внутри Тюркского каганата и являются ценным историческим источником.

Важнейшими научными результатами экспедиции 2012-2013 гг. можно считать следующее:

— выполнено более 300 цифровых фотокопий памятников тюркской рунической письменности из музейных собраний, краеведческих коллекций и находящихся на местах первоначального сооружения на территории Республик Тыва и Хакасия и южной части Красноярского края. Выполнены факсимильные копии и прорисовки. Собраны краеведческие материалы по древнетюркскому источниковедению и истории изучения отдельных памятников тюркской рунической письменности Южной Сибири и Горного Алтая;

— кроме известных ранее надписей, среди которых также имеется определенное число неопубликованных, в ходе полевых исследований было впервые обследовано более десяти новых памятников — стел и наскальных комплексов с тюркскими руниче-

скими надписями. Новые находки расшифрованы, о них сделаны сообщения на конференциях и выполнены публикации;

— предварительное рассмотрение собранных материалов как исторических источников позволило составить на основании текстов эпиграфических памятников генеалогические таблицы тюркских родов периферии Тюркского каганата;

— на основании около выполненных 200 цифровых копий эпиграфических памятников тюркской рунической письменности (что составляет примерно три четверти всего фонда источников региона), составленных к ним научных экспликаций, содержащих источниковедческие и историографические сведения, и критического анализа текстов, удалось пополнить историю раннесредневековых кочевых государств новыми именами и событиями, обозначить территории родоплеменных владений и культурно-письменных школ тюркской руники;

— подготовлен и издан первый том Корпуса памятников древнетюркской письменности Южной Сибири. Древнетюркская эпиграфика Алтая (Тюркская Академия, Институт востоковедения РАН, Астана, 2013). Издание содержит полные научные экспликации каждого памятника (сведения по истории открытия, изучения, метрику и координаты, современное местонахождения каждого памятника, факсимильную цифровую копию, графическую прорисовку, транслитерацию, перевод, текстологический и исторический комментарий, библиографию).

К сожалению, даже то минимальное финансирование работ экспедиции, которое было ранее, в 2014 г. полностью прекратилось, и провести полевые изыскания в этом году удалось только благодаря случайной возможности и личным средствам участников. Продолжение археографических изысканий и исследований памятников древнетюркской письменности в Южной Сибири отечественными учеными вряд ли будет продолжено, в то время как их место занимают тюркологи из Турции, Германии, Японии, Китая, что вызывает естественную озабоченность судьбой традиционного российского научного приоритета.

Литература

Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала, М.,1983

Le Coq A. Türkische Manichaica aus Chotscho. III. Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse, № 2. B., 1922

М.В.Горелик
(ИВ РАН, Москва)

Новые находки древневенгерского вооружения

Задача настоящей работы — анализ найденных в последние годы великолепных образцов древневенгерского клинкового оружия, ныне хранящихся в частных коллекциях. Важность их не только в богатстве отделки и очень хорошей сохранности. Для анализа вещей такого рода очень важен тот факт, что известна примерная локализация места их находки, а также то, что часть из них поступила в составе погребальных комплексов, содержащих хорошо датируемые предметы. Вместе с тем и место находки, и культурный контекст комплексов, и хорошо прослеживаемая именно здесь на многочисленных памятниках стадиальность их развития делают рассматриваемые предметы в определенной мере эталонными, а с другой — погружают нас в целый клубок проблем, связанных с историей и культурой юга раннесредневековой Восточной Европы.

Начнем с того, что все сабли были найдены на территориях, где обитание венгерских кочевников практически не зафиксировано. Более того, наиболее показательные предметы раскопаны в предгорном континентальном районе Краснодарского края, где, по сообщениям находчиков, расположены огромные могильники раннехазарской — VII – VIII вв., салтовской — IX – сер. X вв., и колосовско-змейской культуры — 2-я пол. X – 1-я пол. XI вв. Исключительная важность памятника в том, что разностадиальные его части расположены рядом, и на материалах погребений отчетливо прослеживается картина перехода элементов второй стадии в третью. К сожалению, материалы погребений первой стадии не столь обильны и представлены гораздо скромнее, но нет сомнения, что на данном памятнике мы можем увидеть картину развития единой хазарской культуры на протяжении почти полутысячи лет. Отметим, что, по словам находчиков, там же находится укрепленное городище с хра-

мом (?) и крепость, видимо, типа Хумаринской. Все говорит о том, что здесь очень долго существовал и активно действовал мощный центр хазарской культуры, известный всему югу Восточной Европы. В числе обильно материала вполне хазарских погребальных комплексов — неглубоких грунтовых могил с каменными обкладками стен, устроенных на довольно крутых горных склонах, были обнаружены несколько сабель, относящихся к нескольким стадиям развития древневенгерской оружейной и портупейной торевтики.

Рис. 1

Первая сабля (хранится в собрании Фонда Марджани) (Рис. 1) с характерным для эпохи недлинным — ок. 90 см с хвостовиком — клинком, чуть изогнутым в последней четверти, отмеченной еле заметной елманью; последняя треть клинка в сечении имеет вид уплощенного ромба. Перекрестие представляет собой неширокую выпуклую обойму с треугольными выступами по оси, и усами в форме круглых в сечении прутков, на концах грушевидных. Все оно покрыто вертикальными насечками, предназначенными для инкрустации проволокой из драгоценного металла, но отсутствующей на предмете. Фурнитура — навершие, обойма низа ручки, две обоймы ножен с полуовальными выступами и длинная, более половины всей длины ножен, оковка их низа с короткой бутеролью — выполнена из толстого серебряного листа. Декор чеканный и гравированный, нижележащие фоны и линии вызолочены. Все элементы по форме выглядят как типично салтовские, хазарские, особенно специфическая бутероль, восходящая к 7 в., и могут, казалось бы, датироваться IX в.

Рис. 2

Однако декор фурнитуры имеет серьезные отличия от классического салтовского. Даже вполне салтовское, гравированное серебряной пластине на изнанке ручки, «древо жизни» (Рис.2) окружено канфаренным фоном, характерным для древневенгерской торевтики[1]. И сама эта пластина не встречается на салтовских саблях. Венгерские аналогии имеет декор лицевой стороны шаровидного навершия — ромбическая сетка с побегами, вырастающими из углов наружу (Рис. 3).

Рис. 3

Зато изображение на изнаночной стороне совершенно необычно (Рис. 4): по оси вычеканена отрубленная голова с короткими волосами и бородкой, но с длинными усами, наткнутая на двойной кол, по сторонам которого — два сидящих длиннохвостых хищника.

Рис. 4

Аналогии ему мне неизвестны, но стилистически он близок хазарским изображениям IX–нач. X вв. И если гравировка на обойме руч-

[1] *Fodor I.* The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Budapest, 1996. P. 66, 67, 87, 118, 182-183.

ки и на каймах верхней обоймы ножен (Рис. 3) выглядит как не слишком умелое подражание мотивам трилистников на восточной оружейной и портупейной торевтике, восходящим к ранней ляоской традиции, то лежащие, очень пластично вычеканенные хищники на полуовальных выступах (Рис. 5), восходящие к той же традиции, выполнены весьма искусно, и находят аналоги в древневенгерской торевтике[1].

Рис. 5

Стоит отметить, что ляоские мотивы проникали в восточноевропейские степи на произведениях кимакских торевтов, которые, как и их кыргызские коллеги, очень тщательно и умело копировали киданьские образцы. Датировка данной сабли концом IX в. может опираться на отсутствие типичных для хазарских сабель IX в. разделителем пальцев на нижнем ребре ручки. Здесь остался только упор для мизинца под навершием.

Ближе к середине X в. можно отнести вторую саблю, чья серебряная фурнитура несет декор с венгерскими признаками, также в собрании Фонда Марджани (Рис. 6).

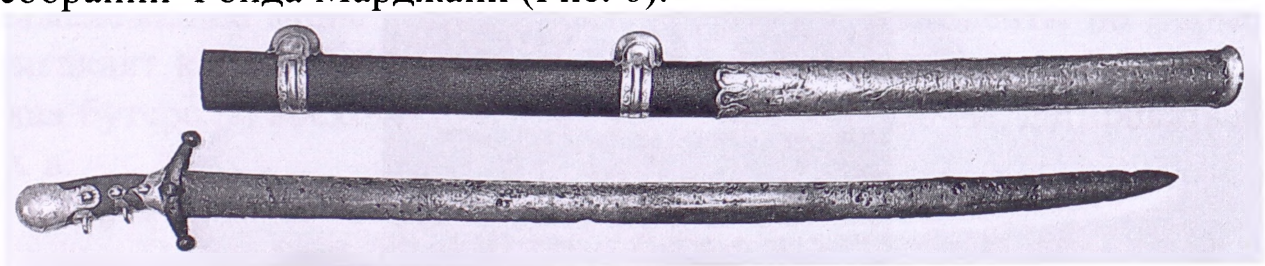

Рис. 6

Ее навершие (Рис. 7, 8) украшено типично венгерскими крестообразно переплетенными побегами с трилистниками на концах, выполненными в технике гравировки с подчернением и позолотой. Датировка же опирается на обоймы ножен с наканфаренными линиями плетенок: конструкция и форма обойм и полукруглых выступов (Рис.7) аналогичны таковым на ножнах колосовских клинков 2-я

[1] Ibid. P. 377.

пол. X – 1-я пол. XI вв. Рассматриваемый образец можно отнести к периоду складывания именно в месте изготовления и находки сабли конструкции и формы колосовской фурнитуры.

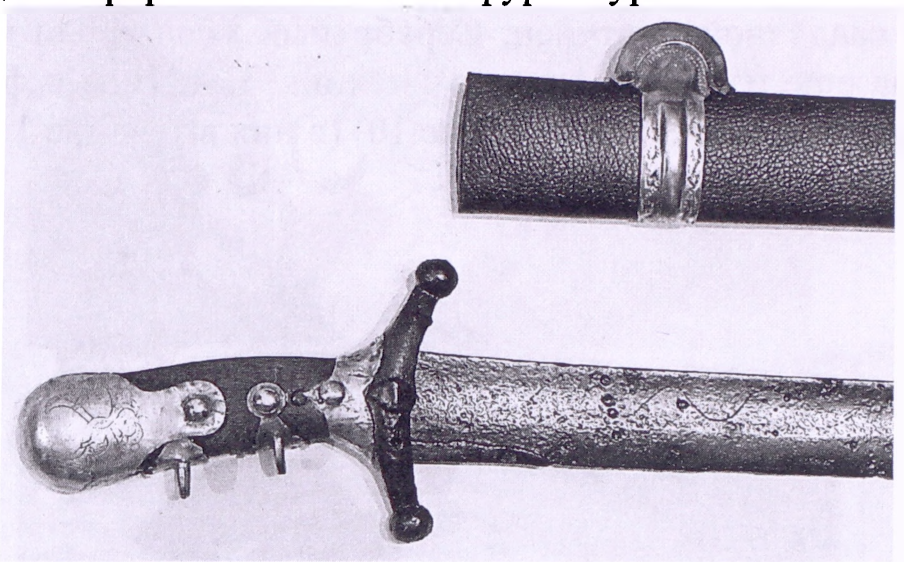

Рис. 7

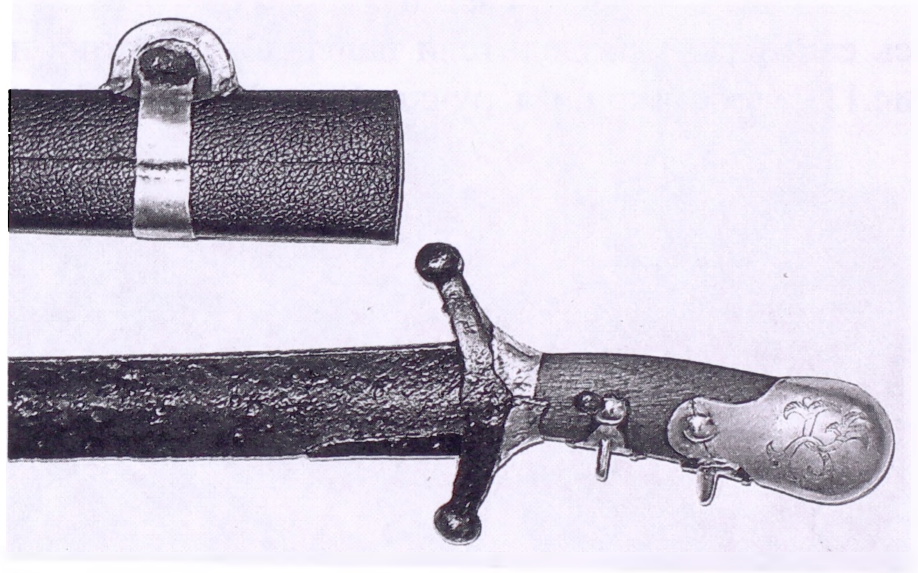

Рис. 8

Около середины X в. можно датировать комплекс из парного — мужского и женского — погребения (Рис. 9).

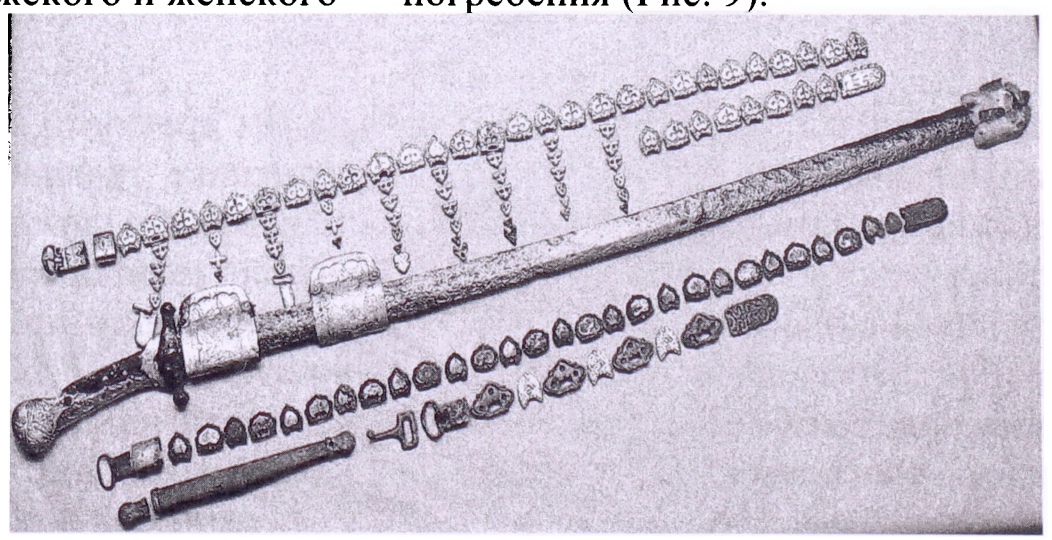

Рис. 9

Мужской комплект состоял из очень слабо изогнутой сабли с плоскоромбическим концом и серебряной фурнитуры, роскошной клинковой портупеи с девятью подвесными ремнями, и более скромной саадачной портупеи. Серебряный убор сабли чисто венгерский, да еще и разных стилей и техник. Пластина с фигурными краями на нижнем ребре ручки (Рис.10) (в них в течение 1 пол. X в.

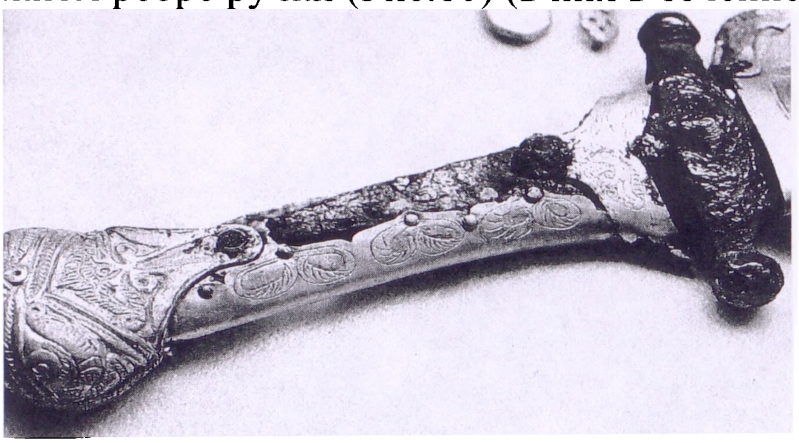

Рис. 10

выродились салтовские разделители пальцев), пластина на изнанке ручки (Рис.11), обойма низа ручки (Рис. 10), обоймы ножен с

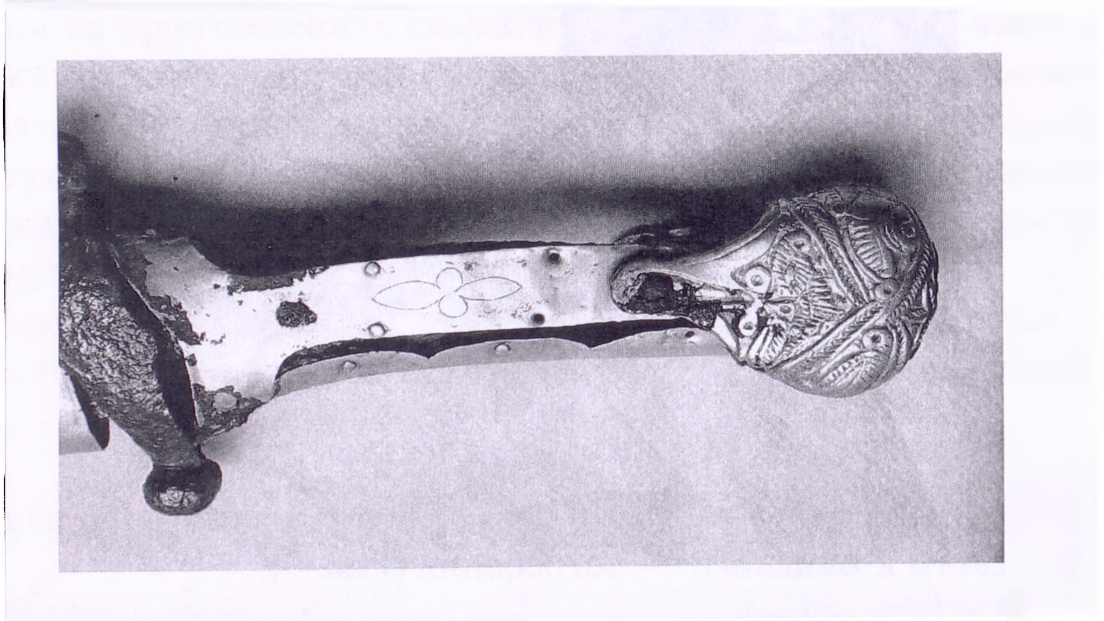

Рис. 11

выступами (Рис. 12, 13) украшены излюбленным древними венграми растительным узором, выполненным в технике гравировки с подчернением и позолотой. Грушевидное же навершие рукояти из очень толстого серебра покрыто густой глубокой гравировкой, контрастирующей с плоской поверхность (Рис. 11, 14). Декор представляет крайне стилизованных, достаточно примитивных, но обильно декорированных штрихами резца зверей, умело закомпонованных в сложной форме навершия. Аналогии данному стилю находятся

Рис. 12

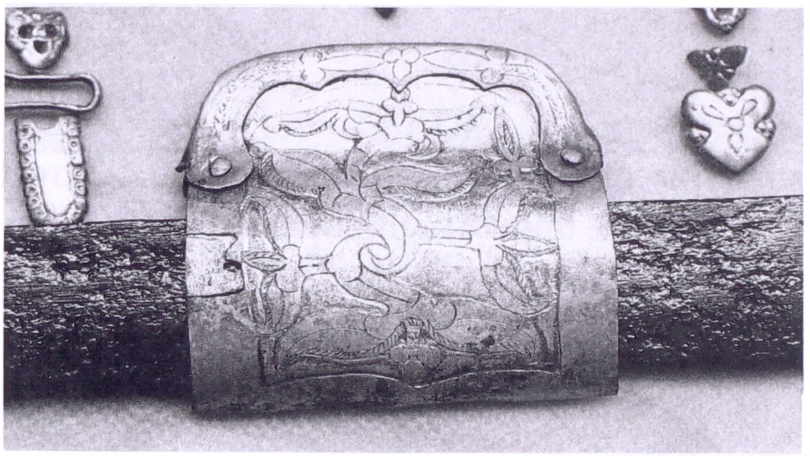

Рис. 13

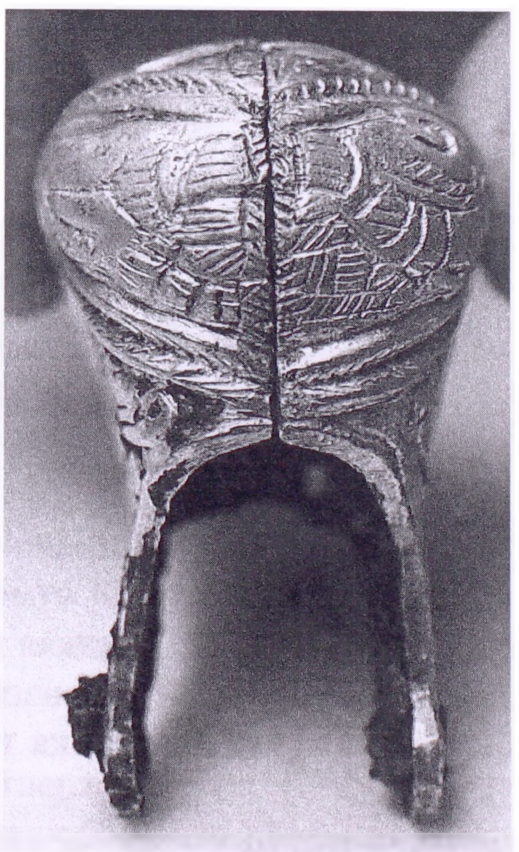

Рис. 14

только на древневенгерских памятниках[1], хотя манера стилизации вполне хазарская, только без подробной декоративной разделки плоскости изображения. Декор гарнитуры клинковой портупеи (Рис. 15), хотя и не типичный, но хазарский, с применением черни, в

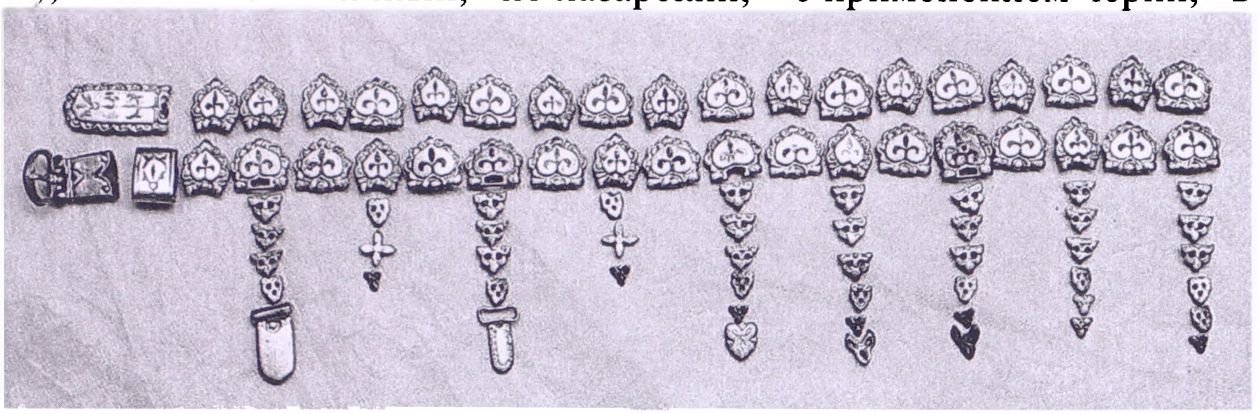

Рис. 15

богатейшем репертуаре венгерской ременной гарнитуры аналогий, кажется, не имеет. Более типичным для салтовского искусства является декор гарнитуры стрелкового пояса (Рис. 9). Зато бляхи женского пояса (Рис. 16) из бронзы с узорными каймами и гладкой,

Рис. 16

выложенной серебром серединой имеют аналогии как в хазарской, так и в древневенгерской торевтике[2]. Надо отметить, что такой тип декора прямо восходит к ляоскому, где гладкая центральная поверхность бляшки получалась потому, что в бронзовую основу с узорной золоченой рамкой вставлялась пластинка гладкого полирован-

[1] Ibid. P. 164.
[2] Ibid. P. 156.

ного нефрита. Зато чисто хазарским был женский нож в ножнах и с навершием рукояти из посеребренной бронзы (Рис. 16). Классически салтовским (Рис. 17) является конское очелье из золоченого

Рис. 17

серебра, тогда как подвески сбруи в виде лунниц своими фигурными выступами в центре вогнутой, нижнее стороны напоминают об их ляоском происхождении. Весь комплекс не может быть моложе середины X в., так как позже бронза уже не серебрилась, а только золотилась, да и ляоские вляния еще начали проявляться только с середины X в.

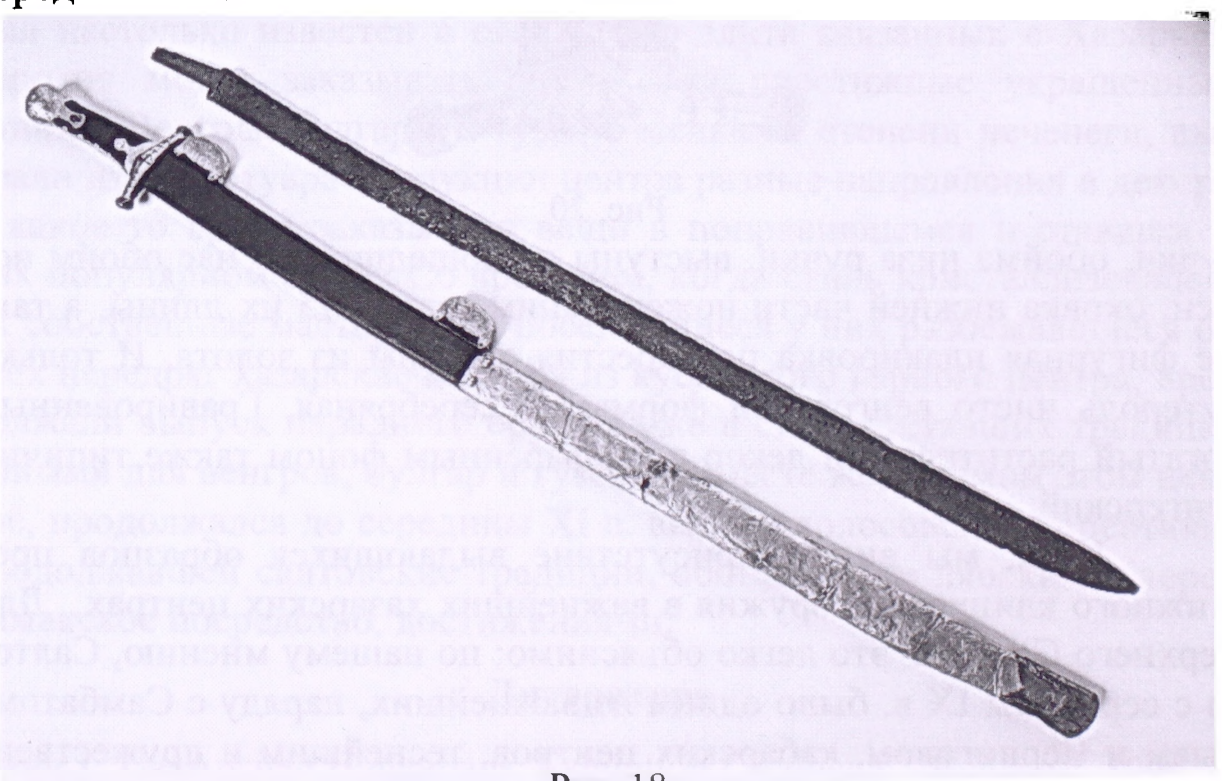

Рис. 18

Наконец, четвертая сабля (Рис. 18), найденная в Верхнем Салтове, представляет собой типичнейший образец роскошной венгерской сабли 1 пол. – сер. X в. Ее клинок слегка изогнут и имеет

солидную елмань размером в треть клинка и ощутимо более широкую. Фурнитура (Рис. 19, 20) – навершие, пластина на нижнем ребре

Рис. 19

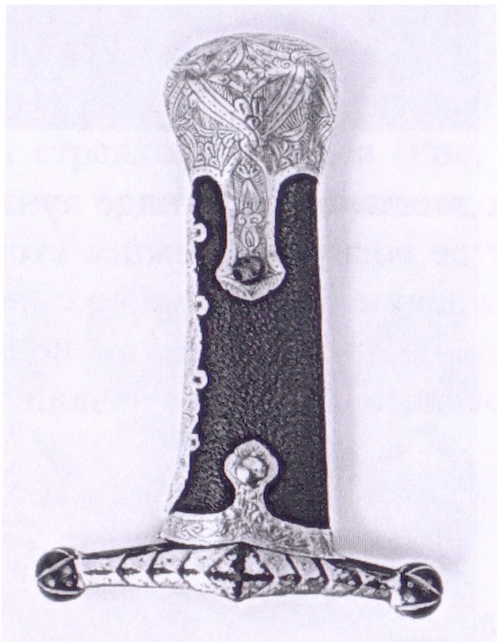

Рис. 20

ручки, обойма низа ручки, выступы не дошедших до нас обойм ножен, оковка нижней части ножен, занимающая 3/5 их длины, а также фигурная плакировка перекрестия сделаны из золота. И только бутероль чисто венгерской формы — серебряная. Гравированный богатый растительный декор с канфаренным фоном также типично венгерский.

Итак, мы видим присутствие выдающихся образцов престижного клинкового оружия в важнейших хазарских центрах. Для Верхнего Салтова это легко объяснимо: по нашему мнению, Салтово с середины IX в. было одним из важнейших, наряду с Самбатом-Кыем и Черниговом, кабарских центров, теснейшим и дружественнейшим образом связанными с древними венграми. И присутствие, и захоронение в Салтове хозяина сабли — знатного венгра, или кабарина, получившего эту саблю от венгра в дар, совершенно нор-

мально. Но ситуация с саблями из Прикубанья иная. Во всех случаях, где это прослеживается, погребения с рассматриваемыми саблями чисто хазарские, и по обряду, и по инвентарю. Сами же сабли тоже в основе хазарские, при этом обладающие более или менее яркими и обильными венгерскими элементами декора. Надо отметить и достаточную органичность соединения салтовских и венгерских черт в одном предмете. Подчеркнем и тот, отмеченный нами выше, факт, что развитие венгерских форм происходит вместе с развитием хазарских форм, что особенно важно, изменяющихся и перерастающих из салтовской в колосовско-змейскую стадии. Из сказанного можно сделать следующее предположение: в том мощном центре производства, засвидетельствованном находками многих сотен простых и многих десятков богато украшенных сабель и палашей, функционировавшем по меньшей мере 300 лет, и в котором не прослежено постоянное долголетнее проживание и захоронение венгров, тем не менее имела место выработка на протяжении многих десятилетий, если не столетия, сабель, в которых развивались и накапливались классические венгерские признаки. А поскольку в этом центре зафиксировано зарождение производства парадного волжско-булгарского и огузского клинкового оружия, можно предположить, что и парадное венгерское оружие в определенной мере могло рождаться и развиваться здесь. То есть, центр с его мастерами был настолько известен в степях, что элита связанных с Хазарией народов могла заказывать здесь свои престижные украшенные клинки. Венгры, булгары и гузы, в меньшей степени печенеги, выбрали из репертуара продукции центра разные направления в декоре и какое то время заказывали вещи в понравившемся и ставшем у них популярном стиле. Со временем, когда стиль кристаллизовался, их собственные мастера, или поселившиеся у них разбежавшиеся от всех передряг хазарские мастера из кубанского горного центра, продолжали выпуск парадного оружия уже в стилях, ставших традиционными для венгров, булгар и гузов. На месте же, в самом этом центре, продолжался до середины XI в. выпуск колосовской торевтики, продолжавшей салтовские традиции, обогащенные ляоскими, через кимакское посредство, достижениями.

Литература

Fodor I. The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. - Budapest, 1996.

Г.-Р.А.-К. Гусейнов
(ДГУ, Махачкала)

Кумыкский эпос «Анжи-наме» как один из источников по истории средневековых тюркских племен Северного Кавказа, Дагестана и Восточной Европы (Паннонии)

Содержание данного (1780 г.) источника (дастана) связывается с осадой арабами в 713/714 гг. в период их войн с хазарами города Анжи, располагавшегося в районе нынешнего г. Махачкалы. Здесь с X в. на месте нынешнего кумыкского с. Таргъу «Тарки» находился одноименный гуннский (хонский) город. Фрагменты этого дастана, обнародованные в 1974 г., принадлежат перу кумыкского летописца XVIII-начала XIX вв. Абдул-Кадыра Мурзы из с. Амирхан-кент (середина XVII–1831 г.), соседнего Тарки. Он положил в его основу эпические предания и сказания своего народа[1].

Сам ойконим *Анжи* (< **Анджи* <**Анчи*), означающий «склона внутренность», что соответствует его расположению, и получивший отражение в киргизском эпосе «Манас» («Анжиян»), в эпиграфике (Анд.ж - 1318-1319гг.), топонимике Дагестана и Северо-Восточного Кавказа (ойконим *Элистанжи* (<**Алистанжи*) в нынешней горной Чечне), как и находившаяся здесь же столица Хазарского каганата *Семендер* (его первой части отвечает ойконим *Sam*(*kerc*) «Керчь» — 60-е гг. X в.), известная наряду с вариантом

[1] См.: *Алиев К.М.* Таргу-наме. Махачкала, 2001. С.160, 162-163, 165, 271; *Алиев С.М.* Къумукъ адабиятны тарихине сапар // Дослукъ. 1974, № 3. Дастан — прозаический, стихотворный или смешанный, как в данном случае, эпический жанр в литературах и фольклоре Ближнего и Среднего Востока и юго-восточной Азии. Он обычно представляет собой литературную обработку сказочных сюжетов, легенд и преданий (*Квятковский А.П.* Поэтический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1966. С. 96).

Цемендер в кумыкском фольклоре, являются генетически булгарскими[1].

Анджи (возможно *Анчи*, учитывая особенности арабской графики) неоднократно упоминается, кроме того, в средневековой кумыкской исторической хронике «Дербенд-наме», также посвященной в основном событиям арабо-хазарских войн VII-VIII вв. На ее непосредственную связь с древнейшей булгаро-хазарской эпохой указывает генетически булгарский антропоним *Пашенек*, сын Хакана, отложившийся в числе современных болгарских терминов родства — *пашеног*[2].

Кроме того, в летописи времен правления мамлюкского эмира Бейбарса (1260-1277) в числе кыпчакских племен упоминается патроним *Андж-оглы*[3] (ср. *Анжиевичей* древнерусских летописных источников, связанных с содержанием «Слове о полку Игореве»[4]). Он ввиду булгарского своего генезиса может указывать на исход из рассматриваемого региона одноименного булгарского племени с последующей его кыпчакизацией ко времени составления летописи[5].

---

[1] См.: *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Об ойкониме Анжи // Вести Кумыкского научно-культурного общества. Вып. 8-10. Махачкала, 2002-2003.; *он же.* История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. Махачкала, 2010. С. 36, 37. Ср. одноименные (Манас) кумыкские ойконим и гидроним, расположенные южнее Анжи на каспийском побережье, отношение которых к киргизскому названию нуждается в дополнительном осмыслении.

[2] См.: *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Булгаризмы старославянского (древнеболгарского) языка в контексте истории ареальных взаимоотношений булгарских языков Балкан и Северо-Восточного Кавказа //Palaeobulgarica/Старобългаристика. Т. XXXVII. Вып. 3. София, 2013. С. 61.

[3] *Ушницкий В.В.* Средневековые народы Центральной Азии (Вопросы происхождения и этнической истории тюрко-монгольских племен). Казань, 2009. С. 46.

[4] Аналогичного происхождения древнерусское название племени из того же летописного контекста «Слова о полку Игореве», восходящее к вышеупомянутому кумыкскому соседнему Анжи ойкониму Таргъу, — генетически булгарскому куманизму — названию рода ТАРГ-ОЛ-ОВЕ (*Гусейнов Г.-Р. А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношений языков. С. 63). По данным Ипатьевской летописи, его представитель Чилбук взял в плен раненого Игоря Святославича, за которого поручился его сват хан Кончак (Летописная повесть о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 году// http://www. old-rus2.chat.ru/letopis.html).

[5] Ср. в данном отношении «кыпчакский» этноним *анджа*, известный в вариантах *онджа/анжа/инча/инджи* и оставивший массу названий в различных частях Азербайджана с дореволюционного времени. Причем его исходный вариант *Анча* (см.: в предшествующем изложении о его булгарском происхождении) был отмечен в Грузии еще в источнике IX в. (*Гейбуллаев Г.А.* Топонимия Азербайджана

Его исход был отнюдь не единичным фактом, если принять во внимание, что во время, когда имели место события, описываемые в «Анжи-наме», имела место вплоть до VIII–IX вв. миграция булгар-протокумыков с территории Северо-Восточного Кавказа и Дагестана в Восточную Европу, включая Балканы[1]. В рассматриваемом регионе они были известны с древнейших времен, о чем может свидетельствовать, в частности, название укрепления, локализуемого в «Естественной истории» Плиния Старшего (77 г. н.э.) в Кавказском (Дарьяльском) горном проходе — *Кумания*[2]. После завоевания Северного Кавказа и Дагестана татаро-монголами еще было известно в 1254 г. *Куманское царство*, а до этого, в 1245–1246 гг., Плано Карпини называет *комуков* (qom-uq < др.-булг.*qon- > qom-an). И только в степях от Дона до Волги, где Вильгельм де Рубрук, двигавшийся из Крыма через низовья Дона у Азовского моря, в 1253 г. указывает на живших здесь «коман, именуемых капчат», еще до прихода татаро-монгол, видимо, уже произошла окончательная победа собственно кыпчакского элемента, традиционно отождествляемого с половцами, над булгарским команским[3].

Анализируемый лексический материал содержится в одной из поэтических частей «Анжи-наме» — в призыве о помощи, обращенном к соседям, и в проклятии предателю: «Чакъырыгъыз бизге ювукъ халкъланы: Темирбеклер алъгъасасын *Язиден*, Гелсин етип тавлу уланлар *Къазиден*,...*Булкъанлылар* ексин атын-арбасын, Алгъасасын тулпарларын дув этип,...*Къуварлардан* къувгъан еллер сен болгъур, Ат туягъы ай табанлы ат къонгур! Ташгъынлар чачыратып, гезетсин, *Тамгъар* бийлер эл къыдырып, тез етсин...»[4].

(историко-этнографическое исследование. Баку: Элм, 1986. С. 26) также, по всей видимости, булгарской эпохи.

[1] *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношений языков. С. 167-168.

[2] См.: http:// www. annales.info/ant_lit/plinius/06.htm. Оно обычно интерпретируется либо как недостоверное, либо кыпчакское, что в последнем случае является явным анахронизмом.

[3] См.: *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношений языков. С. 61.

[4] *Алиев С.М.* Къумукъ адабиятны тарихине сапар. С. 101. Перевод: «Зовите близкие нам народы: Железные беки пусть поспешают из *Язи*, Пусть добираются горные молодцы из *Къази*, *Булкъанцы* пусть грузят телеги-лошадей, Пусть поспешают их крылатые скакуны, ...Подобным *куварам*, изгнанным ветрами, ты чтобы стал, Лошадиного копыта лунной пятой конь звени! Половодья разбрызгивая, пусть прогуляются *Тамгъарские* князья, эль (государство) обретя, быстрее пусть приезжают...».

Первый этноним — *Язи*, мотивируемый обще-, межтюрк. отглагольным *йаз-ы* «простор, (пространная) равнина, степь»[1], обнаруживает близость этнонимам (венг.) Jász [jās], мн.ч. Jászok [jāsok][2], которые, подобно отмеченному в древнерусских летописях во мн.ч. ЯСЫ, ед.ч. ЯСИНЪ, (прилагательное ЯС(Ь)СКИЙ), считаются неотделимым от *ас* — одного из обозначений алан[3], неясного то же время по происхождению. Отмечается также, что до XIX в. они «разделяли тесно связанное управление с куманами (кунами)», чем объясняется частое употребление «в сочетании Jász[jās]-kunok «ясы и куны»[4]; из Jász [jās] идут лат. формы Jazyx и Jassones средневековых

---

[1] См.: Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1989. С. 79. Отглагольный характер данного этнонима позволяет соотнести с ним и другой, более древний, обозначавший одно из сарматских племен, расселившихся во II в.до н.э.(на равнине -!) в Северном Приазовье (см.: БСЭ. М., 1978 .Т. 30. С. 464) - языг. Ср. лат.-венг. Jazyges, где, вероятно, -ыг — тюркский аффикс имени действия (см.: *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Л.: Наука, 1977. С. 172-173) при допущении тюркского происхождения данного этнонима.

[2] Последние вместе с другими подразделениями (лат. Jazyges и Jassones) куманов прибыли во главе с ханом Котяном, согласно синхронному источнику, в 1239г. в Венгрию, но впервые упоминаются в латинской форме Jazonice в 1318г. (см.: *Алеманъ Августи.* Аланы в древних и средневековых источниках. М.: Менеджер, 2003. С. 224, 224, прим. 145).

[3] Последним и в то же время выходящим за пределы древнерусской традиции упоминанием данного этнонима является его отражение у архиепископа персидского города Султания Иоанна де Галонифонтибуса (1404 г.), который наряду с известными ему кумыками (в тексте – Kumuch) и аварами называет йассов между лекаами (но в тексте – Livat, что исключает подобную идентификацию) и аланами (см.: *Махмуд из Хиналуга.* События в Ширване и Дагестане. Махачкала, 1997. С. 197).

[4] При этом второй - kun- компонент данного названия, в котором конечное -ok может интерпретироваться как показатель мн.ч (см.: Основы финно-угорского языкознания. М.: Наука, 1976. С. 384), упоминается в Венгрии в последний раз в 1201 г. и отождествляется с известными здесь же с XIII в. ком-ан-ами, где -ан- — древний тюркский, известный со времен Махмуда Кашгари (XI в.) показатель множественности (см.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1988. С. 15-16).) и соответственно с кумыками. Точнее, протокумыками, если иметь в виду, что kon-/qon, как уже было отмечено в предшествующем изложении, является исходной формой этнонима *qomuq, и в нем могло иметь место присущее старовенгерскому (с X в. до 1526 г.) языку сужение гласного o>u (см.: Основы финно-угорского языкознания. С. 355, 376). В силу различий в звучании (-о-/-у-) конов-коман не следует отождествлять с восточнотюркским кунами, о которых см.: *Кляшторный С.Г.* Кипчаки и половцы: центральноазиатский контекст//Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы). Казань, 2013. С. 30. Традиционное отождествление последних с упоминаемым Марвази племенем (см.: в предшествующем изложении) — частью киданей — маурка (по Ауфи, Marqa, Myrqa, Murqa), именуемом кун, которое ушло из страны Кита и изгнало

венгерских текстов, как и топоним Jászság [jāssāg], венгерская область к западу от Тисы, где аланы поселились в середине XIII в.». Кроме того, следует обратить внимание на семьи и владения ясов, живших в болгарском городе Видине и захваченных в 1365 г. одним из венгерских магнатов[1], что еще более расширяет историческую область проживания данного этноса.

Однако тот факт, что регулярное использование графемы *sz* для предачи звука [s] сформировалось только к концу XVI в.[2], позволяет предполагать в качестве исходного название одно из подразделений куманов — Jass-ones (1239г.) при инокорневом Jaz(-onice), известном с 1318 г. (см. выше). Последний упоминается еще в 1543 г. как «народ язычов, которые называют себя сокращенным именем Jáz, и сохраняют свой природный и особый язык, который отличается от венгерского»[3].

Что же касается языка собственно ясов, то в рассматриваемом ключе не может не обратить на себя внимания переведенный на древнерусский язык (XII-XIII) отрывок из «Иудейской войны» Иосифа Флавия: «ЯЗЫКЪ ЖЕ ЯСЬСКИЙ ВЬДОМЪ ЕСТЬ, ЯКО *ОТЪ ПЕЧЕНЕЖЬСКОГО РОДА РОДИСЯ* (*выделено нами. – Г.-Р. Г.*), ЖИВУЩА ПОДЛЕ ТАНИ И МЕОТЬСКОГО МОРЯ». Сюда же следует отнести и парадоксальное присутствие алан на половецкой территории в связи с упоминавшимся походом Ярополка 1116 г. против половцев, в результате которого им была не только взята жена-ясыня, но и несколько половецких городов, в т.ч., наряду с яв-

---

племя каи (Qajy или Qaj, на наш взгляд, предки огузов- торков-ковуев или османов) с их пастбищ пришло между 1030 и 1049 гг. в Черноморско-Каспийские степи, представляется недостаточно убедительным не только ввиду предполагаемого его монгольского происхождения (см.: *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979. С. 69-70; *Ушницкий В.В.* Средневековые народы Центральной Азии. С. 43-44), но и отмеченной нами (*Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Ал-Ал(Алал?)-ва-Гумик восточных и ясы древнерусских и венгерских источников в контексте истории и лингвоэтногенеза кумыкского и других куманских народов Северного Кавказа, Дагестана и Восточной Европы // Материалы Всероссийской научной конференции «Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии». Карачаевск, 2010. С. 106-107, прим. 5) возможности отождествления с одним из телесских племен (см. также: *Кляшторный С.Г.* Кипчаки и половцы. С. 30), известных в VII-VIII вв. — Байегу- Байыргу (*Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М.: Наука, 1967. С. 62) с развитием в нем b->m-, обусловленным кыпчакским влиянием (*Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. М.: Вост. лит., 2007. С. 40).

[1] *Августи Алемань.* Аланы в древних и средневековых источниках. С. 33, 224, 225.

[2] Основы финно-угорского языкознания. С. 364.

[3] *Алемань Августи.* Аланы в древних и средневековых источниках. С. 226.

но тюркскими наименованиями Чевшлю-ев, Шарукан и Сугр-ов, объяснявшийся еще Вс. Миллером из осетинск. surx qœw «красное село»[1].

В свою очередь, удлинение корневого гласного в Jász [jās] указывает на исходную форму с конечным [ī(ы)], которая могла бытовать до начала XIII в.[2], что позволяет полагать в качестве вышеприведенных венгерской Jass(-ones) и славянских форм обще-, межтюрк. йасы «плоский», отмеченное в средневековых (XIII–XIV вв.) памятниках кыпчакских языков и имеющее к тому же в кумыкском языке дополнительное значение — «ровный», известное лишь древнетюркскому и староосманскому языкам[3], а также употребляемого в кумыкском в контексте *яссы авлакъ* «широкая равнина».

Поэтому, имея в виду вышеупомянутое *Jas(Jaz)-kun-ok, можно полагать, что речь, таким образом, идет не о более позднем частом употреблении «в сочетании Jász[jās]-kunok «ясы и куны», а о равнинных конах. Именно с территории Северного Кавказа и Дагестана, если иметь в виду упомянутую в предшествующем изложении миграцию сюда конов-протокумыков и принять аналогичную семантику известного здесь в раннем средневековье хоронима ал-Ал(Алал?)-ва-Гумик, в первой части которого содержится генетически тюркский этноним алан в значение «равнина»[4], данный термин мог привнесен в дальнейшем и на территорию будущей Венгрии. Вместе с тем, следует обратить внимание и на предания, бытующие у народов Поволжья — татар, башкир, удмуртов и марийцев, а также у ногайцев, казахов и караимов, об мифических великанах-

---

[1] См.: Там же. С. 35, 492, 493. Однако более убедительным представляется (при соотнесении последнего названия с аварским ойконимом Сугъра(-лъ)/Сугъул «Согратль», где -лъ - топоформант) его возведение к тюркской субстантивированной причастной на –ыр/-ур/-ар форме (см.: *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии. С. 170): Сугр(ов)< обще-, межтюрк. сыгъ- «вмещать, вместиться» > азерб. сыгъы-на-къ «убежище, укрытие, пристанище» (см.: Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 2003. С. 382, 383). При этом сам аул был основан в XV в. выходцами из Крыма, представителями рода ханов Гиреев (см.: *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. С. 170, 176).

[2] Основы финно-угорского языкознания. С. 354, 355, 358, 376, 377.

[3] См.: Этимологический словарь тюркских языков. М., 1989. С. 155-156.

[4] *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Равнинный Гумик и Туман в этноареальном и историко-этимологическом контексте // Дагестанский востоковедческий сборник. Вып. 2. Махачкала, 2011.

алангасарах, завоевавших когда-то Поволжье и обычно связывемых с аланами и хазарами[1], точнее, с равнинными (алан) хазарами.

В свою очередь, с горными кумыками-булгарами хазарской эпохи[2] оказывается связанным этноним *Къази-(ден)*, отложившийся в хорониме и этнополитониме Газикумуклук — владением шамхала, с которым столкнулся в 1396 г. Тимур во время своего вторжения в горные районы нынешнего Дагестана. Его второй компонент («Кумуклук») прямо соответствует переводу с кумыкского (тюркского) данного слова как «области кумыков», в первой части мог отразиться известный с IX-X вв. этноним хазар — коз(ар) (*<qazar), т. е «хазарские кумыки», с озвонченным анлаутом, древнейшая форма которого с исходным древнейшим *къ-* отложилась в рассматриваемом *Къази-*[3].

Что касается следующего термина-этнохоронима — *булкъанлы-лар-*, то он обычно отождествляется с булгарами или балкарцами, а также соотносится с тюрк. (тур.,чагат.) Balqan — «горная цепь, хребет». В их составе компонент -an, возможно, является в обоих случаях уже упоминавшимся показателем множественности. Он восходит к наименование булгар, древнейшим письменным упоминанием которых является сообщение сирийского ученого Мар-Аббаса Котины. Оно гласит о том, что 149-127 гг. до н.э. «произошли большие смуты в цепи Кавказских гор, в земле болгар»[4]. Пер-

---

[1] См.: *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Поволжья. М., 1981. С. 15.

[2] См.: *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Древняя Русь, Дагестан и горные хазары. К этимологизации и ареальной интерпретации нескольких булгаризмов древнерусского, дагестанских и иных языков // Языкознание в Дагестане. Махачкала, 2005, № 8.

[3] См. подробнее: *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Ḡумиḳ~Ḡумиḳ~Ḳумук средневековых источников: опыт историко-этимологической и ареальной интерпретации//Дагестанский востоковедческий сборник. Вып.1. Махачкала, 2008. С.149.

[4] См.: *Лайпанов К.Т., Мизиев И.М.* О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993. С. 93. Мы локализуем прародину тюрок в результате выделения в эпоху мезолита из алтайской (языковой) общности в южном, юго-восточном (вслед за Пучковым и Миллером) и юго-западном Прикаспии (см.: *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Кумыки: протолингвоэтногенез // Кумыкский энциклопедический словарь. Махачкала, 2009. С. 80-81). Сходное мнение высказывает И.Л. Кызласов (*Кызласов И.Л.* Алтаистика и археология. М., 2011. С. 209), который также полагает, что некоторые аргументы лексико-этимологического, археологического, руно-палеографического и историко-культурного свойства «указывают на западноазиатское происхождение тюркоязычных народов». По нашему мнению, западноазиатская локализация может рассматриваться в качестве исходной в отношении дальнейшего продвижения прототюрок в восточные и иные регионы их нынешнего и прошлого проживания через выше- и нижеупомянутые прикаспийские области.

вичная форма сохранилась, что показательно, в этнониме *балкар* (его собственно тюркский вариант — *башкир*)[1], где *-ар* — показатель, входящий в состав многих тюркских этнонимов, в т.ч. хазар[2], а также названии лакского селения Балхар (*Балкъар*) и имеет показательное в рассматриваемом смысле значение «горец»[3].

Название *къувар*, являющееся этнонимом, первоначальное звучание которого в силу отсутствия в арабской фонетике и графике звука [о] и передающей его графемы может быть восстановлено в форме *къовар*, может восходить к названию хазарского рода *кабар~кавар~кобар~ковар*[4]. Первый из его вариантов является исходным и получил отражение в пределах исторического проживания кумыков (Карабудахкентском районе Дагестана) в качестве названия лощины *Къабар-къол* и родника *Къабар-булакъ*[5].

Известно, что часть кабаров в начале IX в. отделилась от хазар и перешла к мадьярам (венграм), обитавшим тогда в междуречье Днестра и Буга, а затем (80-е гг. IX в.) передвинулась вместе с семью венгерскими племенами в Подунавье — Паннонию. По сообщению Константина Багрянородного (952-954 гг.), «эти кабары, составлявшие *часть племени хазар*, взялись за оружие и начали войну. Племя разделилось на два войска: *одно осталось по соседству с Персией*..., другие объединились с венграми и укрепились на границе с херсонеситами»[6], чем, в принципе, подтверждается их

---

[1] *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* К этимологии этнонима *башкир/башқурт* в историческом и ареальном контексте его взаимоотношений с древними тюркскими языками Северного Кавказа и Дагестана // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. Уфа, 2010.

[2] *Еремеев Д.Е.* К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 133.

[3] См.: *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Протоболгарские тюркизмы болгарского языка и Северо-Восточный Кавказ. Еще раз о языке Исперихових болгар и ареале их первичного расселения по лингвистическим данным // Кавказ-Балканы-Передняя Азия. Вып. 2(9). Махачкала. 2004. С. 85, 88. Ср. аналогичное общее самоназвание карачаевцев и балкарцев – таулу.

[4] *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985 С. 36.

[5] *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Киабары (кабары) документов иудейской (хазарской) общины Киева в контексте раннесредневековых взаимоотношений славян и адыгов с древними тюркскими народами Северо-Восточного Кавказа // Историко-этнографический альманах «De Caucaso». Вып. 4. Карачаевск, 2012. С. 24.

[6] *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Историко-лингвистический комментарий к интерпретации одного неясного места в древнейшем кумыкском эпосе «Анжи-наме» (Этимологический и ареальный аспекты) // Изучение языка, фольклора и литературы народов Дагестана. Махачкала, 2005. С. 85-87, 90-91.

первоначальное проживание на территории Северо-Восточного Кавказа.

В качестве источника этнонима *к(ъ)абар/*к(ъ)обар следует полагать упоминаемое античными авторами наименование народа *камар/комар*. Так, Дионисий Перигет (II в.) сообщает о племени *камар-ит*, где *-ит* – латинский суффикс, а Помпоний Мела (III в.) пишет уже о племени *комар*, обитающем вдоль Каспийского моря[1]. Здесь же, в рассматриваемом эпосе «Анжи-наме», упоминается божество Камар-и, посвященный ему камень, видимо, идол (*Камарини ташы*) и называемый его именем яр (*Камари деген яр*), а также ср.: *Kamarini topuraqyna* «Камари земле», *Kamarige art berip* «от Камари отвернувшись»[2].

Это позволяет вычленить в *камарит* приведенную выше основу *камари* и интерпретировать конечное *-т* как тюркский показатель мн. числа праалтайского уровня, а *–ар-* как уже упоминавшийся выше показатель, входящий в состав многих тюркских этнонимов, в т.ч. хазар. Первая часть основы Камари — *кам-* — может быть возведена к пратюрк. *qam* «шаман» — раннему заимствованию тунгусского происхождения. Соответствие инлаутных *-m->-b-*, которым мог обусловлен аналогичный переход в рассматриваемой лексеме, наблюдается в названиях хазарского колена, или рода, забук из списка Иосиппона (IX и X вв.) и присущ хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы, что указывает на его восточнотюркское происхождение. Данное явление отразилось и в названии преследовавшегося тюркютами племени *забендер* (> *Завантар* — ойконим в верховьях р. Аксай в пределах исторической Кумыкии), идентичного Семендеру и, видимо, принадлежавшего данному племени. Практически одновременное бытование во II-III вв. н.э. форм *камар* и *комар* обусловлено развитием *а>а°*, которое носит синхронный древнебулгарский (с начала н.э. до IX в.) характер. Их значение с учетом происхождения остальных частей – «(мужчина, человек) исповедующий шаманский культ»[3].

---

[1] *Алиев К.М.* Тайны кумыкской этнонимики (этнонимические этюды) // Вести Кумыкского научно-культурного общества. Вып.8–10. Махачкала, 2002/2003. С. 85.

[2] *Алиев К.М.* Таргу-наме. С. 65-67.

[3] *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* ОБЪРИ «Повести временных лет» и «ШЕЛОМЫ ОВАРЬСКЫЯ» «Слова о полку Игореве» в контексте древних взаимоотношений языков народов Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2010, № 2. С. 20-21. Остатки подобного культа до сих пор в виде языческих пережитков до сих пор известны у кумыков, если принять во внимание кум. *хал-*

О том, насколько древним было пребывание непосредственных предков, например, кумыков на (Северном) Кавказе, а также кабар свидетельствует отмеченное фольклористами и историками упоминание в нартском эпосе южных (!) осетин кумского (гумского) человека (кумака), Кумской (Гумской) равнины (долины). Там же встречаются названия страны Гум, Гумское ущелье, в котором в большом доме с железной (!) дверью жил Гумский владетель по имени *Къобор*. Известны также Гумский перевал, селение Гум и т. д. Главный герой нартов Созырыко Сослан, а иногда и другие нарты вступают в борьбу с «Гумским человеком», но они постоянно терпят от него поражение, несмотря на то, что прибегают к разного рода хитростям. Невзирая на сложные отношения, гумцы любят нартов, всегда щедро их одаривают, прощают за нападения и коварство. Как полагает Б.А. Алборов, это указывает на давнее соседство этих двух народов[1].

На то, что задолго до поселения будущих кабар Константина Багрянородного в междуречье Днестра и Буга ушедшие на Западный Кавказ кабары (куверы/кувары) были известны носителям кумыкского языка, указывает, прежде всего то, что их предводителями оказываются *там-гъар бийи* «тамгарские князья». Первый компонент названия последних может быть соотнесен с названием Тмутаракани, на связь с разрушением которой (последнее сообщение о ней в «Повести временных лет» относится к 1094г.) кумыкского фразеологизма «Тамтаракъ болмакъ» — «Стать Там-тарак», т.е.

ма-ж «ворожба», *халмаж–чы* «ворожей(а)», восходящие к пратюрк. *qam-la- «камлать» (*Гусейнов Г.-Р.А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. С. 28).

[1] *Аджиев А.М.* Дальние дороги песни. Махачкала, 1977 С. 35; *Алборов Б.А.* Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе, 1979. С. 131, 132. См.: также: *Кузнецов В.А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980. С. 96-115. Возможно, южноосетинская локализация данного эпоса и в пределах Закавказья может свидетельствовать о древности бытования рассматриваемой основы в связи с груз.-зан. *kmar/*kamar «муж» при допущении соответствующего контакта, который мог иметь место в этом случае не позже VIII в. до н.э.(см.: *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. С. 56). Ср. также хронологически и ареально близкие названия киммерийцев, вторгшихся в Закавказье во второй половине VIII в. до н.э. и в VII веке до н. э. завоевавших некоторые районы Малой Азии — др.-греч. Κιμμέριοι, аккад. Gimirri, др.-евр.Gomer, которые чрез груз. gmiri «герой», «богатырь», «исполин» отложились в осет. gymiry, gumeri, gæmeri «великан», «дубина», «идол» (*Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1958, С. 536).

«потерпеть крах», «быть уничтоженным» указал еще Л.И. Лавров[1]. Вторую часть рассматриваемой лексемы (*-гъар)* представляется возможным отождествить с тюркским аффиксом направительного падежа *-гъар~-къар*[2], являющимся принадлежностью общетюркского письменного языка тюркӀ, функционировавшего в XVI-XIX вв. среди кумыков[3], что и могло обусловить его пережиточное использование в «Анжи-Наме» в качестве указания на происхождение названных князей из Тмутаракани, название которой имеет булгарское происхождение[4].

Причем в Западном Предкавказье в непосредственной территориальной смежности с Тмутараканским княжеством, были известны в середине X в. черные кубанские (приазовские) болгары (булгары). В дальнейшем (по Идриси, 1154 г.), их область называлась *Кумания Черная* (северная, с центром на Северном Донце), а западнее — в Приднестровье и Приднепровье — находилась *Белая Кумания*[5].

Тот факт, что большинство рассмотренных лексических форм этнонимического характера является булгарскими по происхождению, позволяет придти к заключению об отражении в данном

---

[1] *Лавров Л.И.* Об интерпретации Ш.Б. Ногмовым адыгейского фольклора // Советская этнография. 1969, № 2. С. 140-141.

[2] *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии. С. 47-48.

[3] *Оразаев Г.М.-Р.* Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант». Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2002. С. 75-82.

[4] *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Др.-русск. ТЬМУТОРОКАНЬ / ТЬМУТАРКАНЬ и АШТАРАКАНЬ в контексте истории взаимоотношений тюркских языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2010, № 3. О знакомстве древних кумыков с этим регионом в столь отдаленные времена (ср. выше) говорят их предания, записанные в севернокумыкском с. Эндирей. Согласно им, у прародителя кумыков, карачаевцев, балкарцев, абазов, кабардинцев, ногайцев нарта Алпадыра, «властителя земель между Каспием и Черным морем», было два сына — Араг-алп (Алп Араг), Алпан — и дочь Гёзекей. Перед своей смертью Алпан поделил земли между своими сыновьями Кобаном и Комуком так, что Кобану достались «земли за Тереком», а Комуку – «по эту сторону Терека» (*Алиев К.М.* Дорогою тысячелетий: Кумыки и их этнородственные связи. Махачкала, 2004. С. 98).

[5] См.: *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношений языков. С. 53. Во всех случаях — Комания, имея в виду особенности арабской графики, а также ср.-греч. (V-XV вв.) Κόμανοι (см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. II. С. 415). См.: о кунах — комуках и команах — в предшествующем изложении в связи с укреплением Кумания и Куманским царством на Северном Кавказе и Дагестане.

памятнике истории их носителей, которые были уже представлены ко времени начала арабско-хазарских войн не только в Предкавказье, но и во внутреннем горном Дагестане. Именно с этих территорий, как было показано в ходе анализа, они мигрировали в Восточную Европу, в т. ч. Паннонию. Тем самым в распоряжение исследователей представляется новый материал историко-лингвистического характера, который позволит с несколько иной точки зрения взглянуть на некоторые проблемы истории кочевников (ранне)средневековой Евразии.

Литература

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1958.

Аджиев А.М. Дальние дороги песни. Махачкала, 1977.

Алборов Б.А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе, 1979.

Алеманъ Августи. Аланы в древних и средневековых источниках. М.: Менеджер, 2003.

Алиев К.М. Таргу-наме. Махачкала, 2001.

Алиев К.М. Тайны кумыкской этнонимики (этнонимические этюды) // Вести Кумыкского научно-культурного общества. Вып. 8–10. Махачкала, 2002–2003. С. 84–90.

Алиев К.М. Дорогою тысячелетий: Кумыки и их этнородственные связи. Махачкала, 2004.

Алиев С.М. Къумукъ адабиятны тарихине сапар // Дослукъ. 1974, № 3. С. 148-159.

Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Поволжья. М., 1981.

Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985.

Большая советская энциклопедия. М., 1978 .

Гейбуллаев Г.А. Топонимия Азербайджана (историко-этнографическое исследование). Баку: Элм, 1986.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967.

Гусейнов Г.-Р. А.-К. Об ойкониме Анжи // Вести Кумыкского научно-культурного общества. Вып. 8-10. Махачкала, 2002-2003. С. 36-39.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Протоболгарские тюркизмы болгарского языка и Северо-Восточный Кавказ. Еще раз о языке Исперихових болгар и ареале их первичного расселения по лингвистическим данным//Кавказ-Балканы-Передняя Азия. Вып. 2(9). Махачкала. 2004. С. 83-92.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Древняя Русь, Дагестан и горные хазары. К этимологизации и ареальной интерпретации нескольких булгаризмов

древнерусского, дагестанских и иных языков // Языкознание в Дагестане. Махачкала, 2005, № 8. С. 92-101.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Историко-лингвистический комментарий к интерпретации одного неясного места в древнейшем кумыкском эпосе «Анжи-наме» (Этимологический и ареальный аспекты) // Изучение языка, фольклора и литературы народов Дагестана. Махачкала, 2005. С. 84-92.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Ғумиқ.~Ғумиқ~Қумук средневековых источников: опыт историко-этимологической и ареальной интерпретации//Дагестанский востоковедческий сборник. Вып.1. Махачкала, 2008. С. 145-152.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Кумыки: протолингвоэтногенез // Кумыкский энциклопедический словарь. Махачкала, 2009. С. 80-81.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языковых Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. Махачкала, 2010.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. ОБЪРИ «Повести временных лет» и «ШЕЛОМЫ ОВАРЬСКЫЯ» «Слова о полку Игореве» в контексте древних взаимоотношений языков народов Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2010, № 2. С. 18-23.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Ал-Ал(Алал?)-ва-Гумик восточных и ясы древнерусских и венгерских источников в контексте истории и лингвоэтногенеза кумыкского и других куманских народов Северного Кавказа, Дагестана и Восточной Европы // Материалы Всероссийской научной конференции «Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии». Карачаевск, 2010. С. 98-107.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. К этимологии этнонима *башкир/башқурт* в историческом и ареальном контексте его взаимоотношений с древними тюркскими языками Северного Кавказа и Дагестана // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. Уфа, 2010. С. 44-48.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Др.-русск. ТЬМУТОРОКАНЬ / ТЬМУТАРКАНЬ и АШТАРАКАНЬ в контексте истории взаимоотношений тюркских языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2010, № 3. С. 119-123.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Равнинный Гумик и Туман в этноареальном и историко-этимологическом контексте// Дагестанский востоковедческий сборник. Вып. 2. Махачкала, 2011. С. 147-152.

Гусейнов Г.-Р. А.-К. Киабары (кабары) документов иудейской (хазарской) общины Киева в контексте раннесредневековых взаимоотношений славян и адыгов с древними тюркскими народами Северо-Восточного Кавказа // Историко-этнографический альманах «De Caucaso». Вып.4. Карачаевск, 2012. С. 22-28.

Гусейнов Г.-Р. А.-К. Булгаризмы старославянского (древнеболгарского) языка в контексте истории ареальных взаимоотношений булгарских языков Балкан и Северо-Восточного Кавказа // Palaeobulgarica/Старобългаристика. Т.XXXVII. Вып. 3. София, 2013. С.3-15.

Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. М.: Вост.лит., 2007.

Еремеев Д.Е. К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 133-142.

Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1966.

Кляшторный С.Г. Кипчаки и половцы: центральноазиатский контекст// Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...). Казань, 2013. С. 23-36.

Кузнецов В.А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980.

Кызласов И.Л. Алтаистика и археология. М., 2011.

Лавров Л.И. Об интерпретации Ш.Б. Ногмовым адыгейского фольклора // Советская этнография. 1969, № 2. С. 138-145.

Лайпанов К.Т., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993.

Летописная повесть о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 году //http://www. old-rus2.chat.ru/letopis.html.

Махмуд из Хиналуга. События в Ширване и Дагестане. Махачкала, 1997.

Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л.: Наука, 1979.

Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант». Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2002.

Основы финно-угорского языкознания. М.: Наука, 1976.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1988.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 2002.

Ушницкий В.В. Средневековые народы Центральной Азии (Вопросы происхождения и этнической истории тюрко-монгольских племен). Казань, 2009.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967.
Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993.
Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Л.: Наука, 1977.
Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1989; 2003.

В.В. Досовицкая
(ИВ РАН, Москва)

Внешнеполитические мероприятия Японии в первой трети XX в. и положение кочевого населения Монголии

В конце XIX–начале XX вв. Япония встала на путь активного развития. Кардинальные изменения коснулись политической, экономической, социальной и культурной сфер жизни. В стране сложился внешнеполитический курс, направленный на усиление влияния японского государства в Восточной и Внутренней Азии и особенно в Монголии.

Внешняя и Внутренняя Монголия входила в состав Цинской империи, которая была разрушена в 1911 г. в результате Синьхайской революции. Внешняя Монголия провозгласила независимость (с 1924 по 1992 гг. Монгольская Народная Республика, сейчас государство в Центральной Азии — Монголия), а Внутренняя вошла в состав Китая (автономный район в составе Китайской Народной Республики).

Острое соперничество за Внешнюю и Внутреннюю Монголию развернулось, прежде всего, между Японией и Россией. Еще с середины XIX в. Внешняя Монголия входила в российскую сферу влияния. Она являлась объектом договоров и соглашений между Россией и Империей Цин — Айгуньского договора[1], Тяньцзиньского трактата[2], Пекинского договора[3], Правил сухопутной торговли

---

[1] Айгуньский договор — договор между Российской империей и цинским Китаем, заключенный в 1858 г. Установил русско-китайскую границу по реке Амур.

[2] Тяньцзиньский трактат — трактат между Россией и Китаем 1858 г. о расширении политических и торговых прав России в Китае.

[3] Пекинский договор — договор 1860 г., ставший продолжением Айгунского договора и Тяньцзиньского трактата и устанавливавший границу между Россией и цинским Китаем.

между Россией и Китаем[1], Санкт-Петербургского договора[2]. С 1861 г. в Урге Российская империя имела свое консульство и была заинтересована в усилении влияния в этом регионе в силу экономических и геополитических причин.

В конце XIX — начале XX вв. российская правительственная и торгово-промышленная печать выступила с теорией об «особой миссии» России во Внешней Монголии, провозгласив, что пустыня Гоби должна стать «естественной границей» Российской империи на востоке[3]. Таким образом, основное внимание российских властей было сосредоточено на Внешней Монголии, в то время как «Внутренняя Монголия, тысячью нитей связанная с Китаем в экономическом и политическом плане, была более интегрирована в китайскую жизнь»[4].

Деятельность японских торговых фирм на монгольском рынке стала заметна с начала XX в. в связи с организацией закупок шерсти и кожи. В 1910 г. в Ургу прибыл представитель японских торгово-промышленных кругов Хун Ли с целью создания в Монголии предприятий по разработке и добыче золота, угля и других полезных ископаемых при участии японского капитала[5]. В это же время японские власти пытались вербовать и склонять на свою сторону монгольских князей. А японскими разведчиками на территории Монголии проводились топографические съемки, и создавалась шпионская сеть[6].

В 1907, 1910 и в 1912 гг. были заключены секретные японо-российские конвенции, которые предполагали разделение сфер влияния между Российской империей и Японией. Приоритетными объектами влияния для японского правительства в начале XX в. были признаны Корея, Южная Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия, а российского — Северная Маньчжурия, Внешняя Монголия и Западная Внутренняя Монголия.

После Синьхайской революции 1911 г. Внешняя Монголия, «хранившая верность именно маньчжурским императорам, а не ки-

---

[1] Правила сухопутной торговли между Россией и Китаем 1862 г.

[2] Санкт-Петербургский договор — договор 1881 г. между Россией и Китаем о возвращении Китаю Илийского края при сохранении части этого региона в составе России.

[3] *Златкин И.Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957. С.142-143.

[4] *Лузянин С.Г.* Россия — Монголия— Китай в первой половине XX в. С. 46.

[5] Там же. С.50.

[6] *Располин А.* Монгольская народная республика и японская провокация на ее границах. Ростов на Дону, 1939. С. 22.

тайским» [1], провозгласила независимость и пыталась определить правовой статус и границы своего государства. Этот вопрос затрагивал интересы не только России и Китая, но и Японии, США, Англии, Франции, Германии, которые выступали за сохранение баланса сил в Центральной и Восточной Азии накануне Первой мировой войны. Именно поэтому большинство стран поддерживали Китай в его противоборстве с Россией и Монголией и игнорировали предложения Монголии установить дипломатические и торговые отношения[2].

В 1915 г. было подписано Кяхтинское соглашение между Россией, Китаем и Монголией. Оно оформило международно-правовой статус Монголии как широкой автономии в составе Китая. Монголия сохраняла исключительное право внутреннего управления и могла заключать с иностранными государствами договора по всем вопросам, кроме политических и территориальных. Кяхтинское соглашение стало компромиссом между Россией, Монголией и Китаем, но, по сути, «победа России, сумевшей, несмотря на неблагоприятную военно-политическую ситуацию, отстоять и укрепить свои позиции в Монголии и поддержать монгольскую государственность в рамках широкой автономии»[3].

Что касается Внутренней Монголии, то после Синьхайской революции 1911 г. она вошла в состав Китая. О. Латтимор писал о том, что основное различие между Внешней и Внутренней Монголией основано на географическом положении. Внешняя и Внутренняя Монголия разделены пустыней Гоби: Внешняя находится на севере, вдали от континентального Китая, а Внутренняя на юге, в непосредственной близости. Именно поэтому китайскому правительству всегда было крайне трудно устанавливать власть и поддерживать порядок в районах Внешней Монголии[4].

Население Внутренней Монголии было крайне бедным. В результате китайской колонизации лучшие земли под пастбища были захвачены, а среди простых монголов усиливались антикитайские настроения, которые поддержали японцы и стали использовать для усиления своего влияния в этом регионе. Так, среди националистически настроенных монгольских князей зародилось движение за

---

[1] *Lattimore O.* The Unknown Frontier of Manchuria // Foreign Affairs. 1933. Vol. 11. No. 2. P. 321.

[2] История Монголии. XX век. С.37.

[3] *Лузянин С.Г.* Россия — Монголия— Китай в первой половине XX в. С. 69.

[4] *Lattimore O.* Political Conditions in Mongolia and Chinese Turkestan // Annals of the American Academy of Political and Social science. 1930. Vol.152. P. 318-319.

независимость Монголии. Оно было направлено в первую очередь против экспансионистской политики китайского государства, а в процессе своего формирования попало под контроль Японии. Принц Тэ-юань, правитель Внутренней Монголии, стал марионеткой в руках японцев и «слепо выполнял пожелания японцев»[1]. Кроме того, японское правительство поставляло во Внутреннюю Монголию оружие и амуницию, а в военных действиях принимали участие даже японские инструкторы[2].

Этому факту можно найти подтверждение в архивных материалах. Сводки советской прессы сообщают, что японские империалисты «все больше стремятся организовать движение за независимость во Внутренней Монголии»[3].

В 1921 г. во Внешней Монголии произошла народная революция, в результате которой к власти пришло народное правительство. Новый режим не упразднял прерогатив Богдо-гэгэна, хотя последний фактически лишался власти. Дело в том, что авторитет Богдо-гэгэна был настолько высок, что революционеры не решились его свергнуть. Вместо этого они заставили его подписать так называемый «Клятвенный договор», которым он лишался права оказывать влияние на важные государственные решения и участвовать в управлении страной[4]. Клятвенный договор утратил силу в 1924 г. после смерти Богдо-гэгэна и провозглашения Монгольской Народной Республики (МНР).

20-е гг. XX в. отмечены усилением влияния Японии как во Внешней, так и во Внутренней Монголии. Во Внешней Монголии японцы нащупывали почву для соглашения с монгольскими князьями. В это же время стали создаваться различные национальные монгольские общественные организации, деятельность которых осуществлялась в духе борьбы «за освобождение Внешней и Внутренней Монголии» и создание «Великой Монголии» под японским протекторатом. Монгольскую молодежь отправляли в японские военные учебные заведения, и велась подготовка к введению среди мон-

---

[1] *Lattimore O.* The Lines of Cleavage in Inner Mongolia // Pacific Affairs. No.2. Vol. 10. P. 197.

[2] *Yakhontoff V.A.* Mongolia: Target or Screen? // Pacific Affairs. 1936. No.1. Vol. 9. P. 18.

[3] РГАСПИ. Ф.514. Оп.1. Д.662. Л.20.

[4] *Дудин П.Н.* История международных договоров, закрепляющих статус Монголии в начале XX в. (1911-1924 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. Вып.7: История. С. 165.

голов всеобщей воинской повинности[1]. Во Внутренней же Монголии в 20-е гг. XX в. По инициативе японских властей стали проводиться обзоры природных ресурсов, детальных карт, описания нравов и обычаев населения, начали создаваться животноводческие фермы, организовываться торговые компании, заключаться союзы с монгольскими князьями, ламами и даже преступными группировками[2].

В 1931 г. японская армия вторглась в Маньчжурию, а в 1932 г. было провозглашено марионеточное государство Маньчжоу-го под японским правлением. Годом позже, в 1933 г., японская армия захватила Жэхэ и включила восточную Внутреннюю Монголию в состав Маньчжоу-го.

По сведениям архивных материалов, целью захвата стало «создание из Внутренней Монголии второй Маньчжурии»[3]. Там же приводятся материалы статьи японского исследователя Нисияма Эйкю «Будущее Чахарского и Сюй-Юаньского особых округов», где он пишет: «... Мы советуем нашим соотечественникам - японцам обратить должное внимание на Чахарский и Сюй-Юаньский особые округа и принять участие в содействии их экономическому развитию». И дальше «Мы глубоко убеждены в том, что по своим естественным богатствам названные округа нисколько не отступают Маньчжурии. При правильной постановке дела эксплуатации этих богатств, районы обоих округов через несколько десятков лет могут превратиться в богатый и цветущий край, подобный тому, каким является в настоящее время названная Маньчжурия»[4]. Нисияма же обращал особое внимание на возможности широкого разведения соевых бобов во Внутренней Монголии: он считал «вполне возможным допустить, что при широкой постановке дела, этот край мог бы сделаться в будущем второй Маньчжурией по производимому количеству этого злака»[5].

С 1934 г. японцы контролировали часть Внутренней Монголии и в 1934 г. центральная часть Внутренней Монголии попала под власть Дэ Вана Дэмчигдонрова. В 1935 г. (по иным версиям в 1936 г.) Дэ Ван стал правителем новообразованного государства Мэнцзян

---

[1] *Ленский А.* Захват и освоение Маньчжурии японским империализмом. Хабаровск, 1934. С. 36.

[2] *Кои Тао-Фу.* Modern Mongolia // Pacific Affairs. 1930. No. 8. Vol. 3. P. 761.

[3] РГАСПИ. Ф.532. Оп. 4. Д. 335. Л. 58.

[4] РГАСПИ. Ф.532. Оп. 4. Д. 335. Л. 58.

[5] Там же. Л. 58-59.

(столица в г. Калган) и провозгласил его независимость. Мэнцзян просуществовал вплоть до 1945 г.

В конце 30-х гг. XX в. после провозглашения Маньчжоу-го и Мэнцзяна ТАСС сообщает, что по сводкам иностранной прессы в рядах Квантунской армии были сильны призывы начать агрессивную войну против СССР. И особенно сильны были призывы начать войну против Внешней Монголии, так как «СССР очень заинтересован в положении Внешней Монголии и, возможно, конфликт начнется именно здесь» [1]. С начала японо-китайской войны «японские офицеры не оставили ни у кого сомнений в истинных намерениях японцев по отношению к Внешней Монголии... Дэ-ван — глава калганского правительства — заявил недавно: "В соответствующий момент Внешняя Монголия будет присоединена к ее братьям по великой программе возрождения Монголии"»[2]. Журнал, на который ссылается ТАСС, утверждает, что программа была разработана в Японии. А глава японской разведки в Суйюане, полковник Ёкояма заявил: «Внешняя Монголия должна быть поглощена нынешним автономным государством Дэ-вана»[3].

По сообщениям архивных материалов к концу 30-х гг. во Внутренней Монголии влияние японцев было особенно сильным. Там находилось около 10 тыс. невоенных японцев, половина из которых обитала в Калгане, около 2 тыс — в Датуне, больше 1 тыс. — в Гуйхуа и около 500 чел. в Баотоу. «Эти японцы захватили в свои руки торговлю, открыли постоялые дворы, опиумные лавки, дома терпимости и т.д. Многие из них работают в различных японских компаниях, которые в большинстве случаев прикрываются монгольской вывеской. Ведутся усиленные разведки угля и железа и интенсивная скупка монгольской шерсти»[4]. К этому времени японцы вытеснили из внешней торговли всех европейцев и взяли в свои руки фактически всю торговлю, создали ряд монопольных компаний по закупкам шерсти, кожи и другого сырья[5].

Многие исследователи отмечают, что развитие монгольского региона могло пойти на пользу не только экономике самого региона, но и Японии[6].

---

[1] РГАСПИ. Ф.495. Оп.127.Д.568.Л.5.
[2] Там же, л.6.
[3] РГАСПИ. Ф.495. Оп.127.Д.568.Л.6.
[4] РГАСПИ. Ф. 495. Оп.127. Д.568. Л.7.
[5] Там же, л.8.
[6] *Lattimore O.* Mongolia Enters World Affairs // Pacific Affairs. 1934. No. 1. Vol. 7. P. 20.

Широко известно, что Монголия богата шерстью, крупным рогатым скотом, минеральными ресурсами. А для Японии мясо и шерсть имели особое значение. Ведь в самой Японии для развития животноводства практически нет подходящих условий. А монгольская овца давала шерсти втрое больше, нежели японская[1]. Спрос на продукты животноводства рос гораздо быстрее, чем развивалось животноводство на самих японских островах. Кроме того, «...земельный простор Монголии представляет возможность вести скотоводческое хозяйство в крупных размерах и позволяет населению широко пользоваться им не только для своих нужд — питания, передвижения, жилища и одежды, но и для сбыта»[2]. Таким образом, Монголия могла стать как поставщиком необходимого товара, так и потенциально новым рынком для сбыта японской продукции. В свою очередь, в первой половине XX в. Монголии была необходима ветеринарная и медицинская помощь. Для развития экономики требовалась развитая инфраструктура — дороги, города, то есть то, что японский капитал создавал и развивал в северо-восточном Китае — Маньчжурии.

Однако для Монголии железные дороги представляли наибольшую опасность: дело в том, что именно строительство железных дорог ставило под угрозу независимость территорий Монгольского государства, так как для монголов строительство железных дорог и установление регулярной торговли означало усиление опасности китайской колонизации, которая приводила к потере собственных территорий[3]. Известно, что широкая сеть железных дорог в Маньчжурии была построена на японский капитал. Кроме того, железные дороги пересекали монгольские пастбища только во Внутренней Монголии, во Внешней же Монголии железных дорог на 1931 г. не было[4].

Освоение Монголии открывало новые возможности: тот барьер, который существовал между Внутренней и Внешней Монголией — пустыня Гоби, можно было преодолеть постройкой железнодорожного сообщения[5]. Монголы же в качестве основного сред-

---

[1] *Горшенин И.* Маньчжурия и угроза японо-американской войны. М., 1933. С. 25.

[2] *Сурин В.И.* Маньчжурия и ее перспективы. Экономическое бюро Кит. Вост.жел.дор., 1930. С.62.

[3] *Lattimore O.* The Unknown Frontier of Manchuria. P. 327.

[4] *Позднеев Д.М., Сетницкий Н.А., Кормазов В.А., Третчиков Н.Г.* Очерки стран Дальнего Востока. Вып. 2. Харбин, 1931 С. 139.

[5] *Lattimore O.* Political Conditions in Mongolia and Chinese Turkestan P. 322.

ства передвижения использовали верблюдов, тележных быков и лошадей[1].

Кроме того, нельзя забывать, что Внутренняя и Внешняя Монголии находятся в экономически и стратегически важном районе между Китаем и СССР. Оккупация Японией этого региона могла приблизить японцев к ключевым пунктам и станциям транссибирской магистрали, главному транспортному узлу СССР. Основной целью же японских властей, «согласно высказываниям его «вождей» в прессе» [2], заключалось в том, чтобы на «территории Монголии, включая МНР, создать «независимое монгольское «государство» под протекторатом Японии и затем включить его в систему Манчжоу-Дито»[3].

Как видно, политика Японии во Внешней и Внутренней Монголии в первой трети XX в. была направлена на подчинение монгольского региона собственным интересам в политической и экономической сферах. Япония стала оказывать сильное влияние во Внутренней Монголии к концу 1930-х гг., во Внешней же Монголии ситуация сложилась иначе, и японские власти не добились намеченных целей.

Источники:

ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917 — 1941. М., 2001. — 790 с.
РГАСПИ. Ф.495. Оп.127.Д.568.Л.5 -7.
РГАСПИ. Ф.514. Оп.1. Д.662. Л.20.
РГАСПИ. Ф.532. Оп. 4. Д. 335. Л. 58.

Литература

Горшенин И. Маньчжурия и угроза японо-американской войны М., 1933.

Дудин П.Н. История международных договоров, закрепляющих статус Монголии в начале XX в. (1911-1924 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. Вып. 7: История. С. 162-164.

Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957.

---

[1] ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917 — 1941. М, 2001. С. 114.

[2] *Тульский С., Федоров М.* Маньчжурия — плацдарм для нападения на СССР. М., 1934. С.46.

[3] Манчжоу-Дито — имеется в виду марионеточное государство Маньчжоу-го под протекторатом Японии, которое в 1934 г. было провозглашено империей «Маньчжоу-диго», см.: *Тульский С., Федоров М.* Маньчжурия — плацдарм для нападения на СССР. С.46

История Монголии. XX в. / Отв. ред. Яскина Г.С. М.: Институт востоковедения РАН, 2007.

Ленский А. Захват и освоение Маньчжурии японским империализмом Хабаровск: Дальпартиздат, 1934.

Лузянин С.Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2000.

Позднеев Д.М., Сетницкий Н.А., Кормазов В.А., Третчиков Н.Г. Очерки стран Дальнего Востока. Вып. 2. Харбин, 1931.

Располин А. Монгольская народная республика и японская провокация на ее границах. Ростов—на—Дону: Ростиздат, 1939.

Сурин В.И. Маньчжурия и ее перспективы. Экономическое бюро Кит. Вост. жел. дор., 1930.

Тульский С., Федоров М. Маньчжурия — плацдарм для нападения на СССР. М., 1934.

Kou Tao-Fu. Modern Mongolia / Kou Tao-Fu // Pacific Affairs. 1930. No. 8. Vol. 3. P. 754-762.

Lattimore O. The Unknown Frontier of Manchuria // Foreign Affairs. 1933. Vol. 11/ No. 2. P. 315-330.

Lattimore O. Political Conditions in Mongolia and Chinese Turkestan // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1930. Vol. 152. P. 318-327.

Lattimore O. The Lines of Cleavage in Inner Mongolia // Pacific Affairs. No.2. Vol. 10. P. 196-201.

Lattimore O. Mongolia Enters World Affairs // Pacific Affairs. 1934. Vol. 7/ No. 1. P.15-28.

Yakhontoff V.A. Mongolia: Target or Screen? // Pacific Affairs. 1936. No.1. Vol. 9. P. 13-23.

Ю.И. Дробышев
(ИВ РАН, Москва)

Ойрато-китайский конфликт 1449 г. в свете представлений о легитимности верховной власти

События, о которых пойдет речь, происходили в эпоху, когда практически вся Монголия оказалась в подчинении у ойратов — монголоязычных обитателей ее западных рубежей. Прогрессирующее ослабление ханской власти после поражения, понесенного монголами от китайцев у озера Буир-нор близ города Инчан в 1388 г., способствовало усилению ойратов и привело, в конце концов, к утрате монгольскими ханами реальных властных полномочий. Ойратский Эсэн из рода чорос, занимая пост *тайши*[1] при дворе Дайсун-хана (1439–1452), фактически правил страной с 1440 по 1455 гг. В конце лета 1449 г. в результате успешной военной операции он не только разбил огромное китайское войско при почтовой станции Туму к юго-западу от города Хуайлай в Хэбэе, по названию которой данная коллизия получила известность как «инцидент Туму», но и взял в плен императора Чжу Цичжэня (Ин-цзуна, 1435–1449). Ошеломленный неожиданно свалившейся на него удачей, Эсэн совершил роковую ошибку — вместо того, чтобы немедленно идти на Пекин, который почти некому было защищать, он отвел свои войска на север, где ожидал посольства из Китая, но оно так и не пришло. Тем временем в минской столице спешно решали, как поступить: вызволять ли из неволи Чжу Цичжэня или найти ему замену. В итоге один из китайских удельных властителей — сводный брат Чжу

[1] Титул *тайши*, происходящий от китайского *да-ши* (великий наставник [императора]), был адаптирован за пределами Великой китайской стены еще в эпоху киданьской империи Ляо (916–1125). О нем см.: *Hucker Ch.O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford: Stanford University Press, 1985. P. 481; *Serruys H.* The Office of Tayisi in Mongolia in the Fifteenth Century // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1977. Vol. 37, № 2. P. 353-380.

Цичжэня Чжу Циюй (Цзин-цзун) по совету талантливого полководца Люй Цяня взял бразды правления в свои руки и отстранил от власти прямого наследника пленного императора, что было грубейшим нарушением китайских правил престолонаследования. Осознавший свою ошибку Эсэн двинулся в октябре на Пекин, но было уже поздно: китайцам удалось организовать эффективную оборону города, и кочевники не достигли желаемой цели. Перебежчик советовал Эсэну потребовать за пленного императора выкуп в размере ста миллионов *лян*[1]. Столичные чиновники ответили отказом. Попытки Эсэна прорвать оборону натыкались на упорное сопротивление гарнизона, в результате чего он был вынужден отступить. Ничем закончился и мартовский поход Эсэна на Пекин в 1450 г., после чего ойратский предводитель начал переговоры о передаче Чжу Цичжэня на родину, и в сентябре того же года экс-император вернулся в Пекин. Там он, однако, был заточен в Южном дворце Запретного города, где и находился до начала 1457 г., пока его брат из-за смертельной болезни не утратил способность контролировать ситуацию. Только после этого Чжу Цичжэнь смог вернуть себе минский престол сроком еще на восемь лет (1457–1464). Такова канва этого трагического эпизода китайской истории.

«Инцидент Туму» не раз привлекал внимание историков. Специальную статью ему посвятил американский синолог Фредерик Моут, основываясь на сообщениях важных первоисточников — «Инцзун шилу», «Гуо цзюэ» и других[2]. Об ойрато-китайских отношениях середины XV в. писали М. Россаби[3], В.П. Санчиров[4], Д.Г. Кукеев[5], Лонфэй Фэн[6]. Названные авторы заостряют внимание на поиске причин установления ойратской гегемонии в Центральной

---

[1] В империи Мин слиток серебра достоинством в один *лян* имел номинальный вес 37,3 г. (Установления о соли и чае. Пер. и коммент. Н.П. Свистуновой. М.: Наука, 1975. С. 183).

[2] *Mote F.W.* The T'u-mu Incident of 1449 // Chinese Ways in Warfare. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. P. 243-272.

[3] *Rossabi M.* Notes on Esen's Pride and China Prejudice // Mongolia Society Bulletin. 1970. Vol. 9, № 2. P. 31-39.

[4] *Санчиров В.П.* Гегемония ойратов в Монголии и Эсэн-хан (1407-1455 гг.) // Вестник КИГИ РАН. 2002. Вып. 17. С. 38-53; *он же.* Ойрато-китайские отношения после «Тумуской катастрофы» 1449 г. // Восток (Oriens). 2009, № 1. С. 133-139.

[5] *Кукеев Д.Г.* Эсэн тайши и ойратско-китайская война 1449 г. (по данным китайских источников) // Вестник КИГИ РАН. 2008, № 3. С. 2-9; *он же.* Военный талант Эсэна как полководца // Вестник КИГИ РАН. 2010, № 1. С. 40-46.

[6] *Longfei Feng.* Tumu Crisis and the Weakness of the Military System of Ming Dynasty // Asian Social Science. 2009. Vol. 5, № 6. P. 12-18.

Азии, первоначальных военных успехов ойратов и их последующей неудачи в борьбе с Мин. События времен правления Чжу Циюя (1449–1457), или периода Цзинтай, шаг за шагом прослежены в монографии Флипа де Хеера[1].

Мы попытаемся рассмотреть связанные с «инцидентом Туму» происшествия сквозь призму традиционных представлений народов Востока о космологической роли верховной власти. Как известно, и китайский император, и лидер кочевого государства считались сакральными фигурами, изоморфными «мировой оси»: и тот, и другой воспринимали и передавали на землю благотворную силу Неба, чьими ставленниками они являлись. Пока на троне находился законный, угодный Небу правитель, наделенный харизмой, на подвластных ему землях царило процветание; напротив, воцарение нелигитимного, лишенного харизмы монарха вело к сбоям во всем мироздании. Считалось, что появление в мире ставленника Неба сопровождалось необычными, но обязательно благоприятными природными феноменами. Например, про рождение Ильханида Улджайту весной 1289 г. сообщается, что в то время в районе Мерва и Серахса была страшная засуха, очень тревожившая людей, но в момент рождения Улджайту появилась туча и полил такой сильный дождь, что потоки воды сбивали с ног[2].

Во внешнеполитической практике эти представления преломлялись следующим образом. Так, около 586 г. каган тюрков Шаболио (581–587) замечательно польстил в письме суйскому императору Гао-цзу (581–605): «С недавнего времени у нас царит благоприятный климат: ветер и тучи приходят регулярно. Я вот думаю, что это влияние восхождения на трон великого святого императора в Китае. … Так как на небе не светят два солнца, то я думаю, что и на земле может править только один господин! А император Великой Суй — истинный император!»[3] Культурный код этого послания столь же степной, сколь и китайский, и недвусмысленно говорит о мирных инициативах тюркского вождя. Противоположный пример. Когда чиновники предложили танскому императору Тай-цзуну

---

[1] *Heer, Ph. de.* The Care-taker Emperor: Aspects of the Imperial Institution of the 15th century as Reflected in the Political History of the Reign of Chu Chi-yü, Seventh Ruler of the Ming Dynasty (1449-1457). Leiden: Brill Academic Publishers, 1986.

[2] *Хафиз Абру.* Зайл-и Джами ат-Таварих-и Рашиди. Дополнение к собранию историй Рашида. Пер. Э.Р. Талышханова. Казань: «ЯЗ», 2011. С. 28.

[3] Бюллетень общества востоковедов. Приложение 1: Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках. Пер. с нем. В.Н. Добжанского и Л.Н. Ермоленко. М.: ИВ РАН, 2002. С. 52-53.

(627–649) отреставрировать Великую стену и послать на границу солдат, он ответил: «У туцюе, несмотря на разгар лета, выпал иней; одновременно взошли пять солнц и светили сразу три луны; красный туман покрыл их пастбища. То, что этот Хэли перед лицом этих стихийных бедствий все же не делает доброго дела, показывает, что он не благоговеет перед Небом»[1]. Каган древних тюрков Хэли (620–630) отличался неспокойным нравом и часто нападал на Китай, из чего китайцам было ясно, что он идет против небесной воли, а это вполне оправдывало карательный поход против Хэли. В конце концов, он был разбит, взят в плен и умер в неволе, а Первый Тюркский каганат прекратил свое существование. Согласно китайским представлениям, о таком финале кагана заранее предупреждали необычные явления природы, поскольку социальные катастрофы предвещаются неблагоприятными знамениями.

Описаниями этих знамений как раз и изобилует рассказ «Шилу» о злополучном походе Чжу Цичжэня. Атмосфера ожидания трагической развязки нагнетается в нем, как в классическом романе ужасов. В 1449 г. Чжу Цичжэню был только 21 год, а делами заправлял главный евнух Ведомства ритуалов Ван Чжэнь, который и затеял авантюру с военной экспедицией против кочевников. Во всяком случае, вину за случившуюся катастрофу китайская историография возложила, в первую очередь, на Ван Чжэня. Поводом к выступлению послужили враждебные действия Эсэна, раздраженного отказом минского двора вознаградить всех членов его посольства в Пекин в 1448 г., когда вместо двух тысяч посланцев прибыло около трех тысяч. Эсэн атаковал укрепленный район Датун и затем разгромил 40-тысячный кавалерийский отряд под началом родственника императора Цзин Юаня. Тогда была собрана огромная армия — около полумиллиона человек и, вопреки увещеваниям советников, в ее главе стал сам император. Кампания была спланирована Ван Чжэнем как триумфальный марш на северо-запад от Пекина до Датуна, а оттуда на север, в степи. Императорские войска должны были возвращаться через его родной округ. Предполагалось, что при виде армии «варвары» сами разбегутся, а император на обратном пути будет у Ван Чжэня почетным гостем. Четвертого августа армия выступила в поход. Однако дело почти сразу пошло не так, как было задумано. Едва войска миновали проход Цзюйюн, как вопреки всем нормам этого сезона начались затяжные дожди, временами налетала буря. Сопровождавшие императора чиновники подали прошение,

[1] Там же. С. 68.

чтобы остановиться на несколько дней и переждать ненастье, но Чжу Цичжэнь проигнорировал их советы. Глава Ведомства астрономии приватно сообщил Ван Чжэню, что продолжать движение — значит, идти «против всех астрономических знамений», но тот грубо ответил: «Если так должно быть, значит, это предопределено судьбой». Зловещие знаки наблюдались почти каждый день. Люди были встревожены. 12 августа чиновники и императорская свита вновь подали прошение переждать непогоду за прочными стенами города Сюаньфу, что привело Ван Чжэня в ярость. Он не только не дал прошению ход, но и заставил уважаемых чиновников весь день простоять на коленях. Канцлер академии Ханьлинь Цао Най призывал скорее убить зарвавшегося евнуха, но не нашел поддержки. Однажды перед рассветом появилось черное облако, простиравшееся с юга на север. Затем оно медленно уплыло в северном направлении. Спустя два дня войска проходили через долину, где незадолго до этого Эсэн разбил китайскую армию. Всюду лежали непогребенные воины. Ужас охватил сердца видевших это. Ночью было отмечено зловещее астрономическое явление. 18 августа армия дошла до Датуна, где наблюдались темные облака и странное поведение солнца. Ван Чжэня, наконец, убедили не идти в монгольские степи, но он поменял план: вместо достаточно безопасного прямого пути на юг он настоял на возвращении прежней дорогой, так как побоялся, что такое колоссальное количество солдат может причинить ущерб собственности его родственников, чьи земли лежали на пути войск. Дождь не унимался, и по-прежнему налетали порывы сильного ветра. В первый же день на обратном пути, когда поставили лагерь, сгустилось черное облако и нависло так низко, что казалось, будто оно давит на головы людей, хотя за пределами лагеря небо было чистое. Вскоре разразилась гроза и длилась всю ночь, вызывая страх и панику. Следующие девять дней прошли сравнительно спокойно, хотя погода так и не улучшилась, китайские войска возвращались домой, и вдруг на десятый день (30 августа) пришло известие, что арьергард наголову разбит монголо-ойратской конницей. Срочно было послано новое войско для прикрытия тыла, но и оно погибло в тот же вечер. В последний день августа императорские войска достигли почтовой станции Туму и расположились возле нее лагерем. Разведка доложила, что со всех сторон находятся враги. Императору советовали немедленно уходить за внутреннюю линию Великой стены, однако, Ван Чжэнь отклонил это разумное предложение, ибо опасался за свой отставший обоз с добром, и пригрозил убить советовавшего. Дождь тем временем прекратился, и люди стали испы-

тывать жажду. Попытки прорыть колодцы ни к чему не привели: вода была на слишком большой глубине. Кто-то сказал, что рядом есть река, но, увы, подойти к ней оказалось невозможно — между рекой и китайскими войсками стоял плотный заслон воинов Эсэна. Армия Чжу Цичжэня была полностью блокирована и страдала от жажды. Оставалась надежда на благополучный исход переговоров, но Ван Чжэнь и здесь сыграл роковую роль. На следующий день, первого сентября, самовольно приняв командование на себя, евнух приказал прорубаться сквозь ряды противника. Номады пообещали сохранить жизнь сдавшимся, и многие бросали оружие. Пытаясь спастись, они бежали прямо на монгольские мечи. Началось безжалостное избиение китайского войска. Погибло около половины личного состава, немало китайцев попало в плен. Были убиты почти все полководцы и сановники. Считается, что Ван Чжэня зарубили приближенные императора. Чжу Цичжэнь сел на землю посреди всеобщего хаоса. Ливнем стрел было убито большинство его свиты, но он каким-то чудом остался цел и невредим. Может быть, здесь и родилась легенда о неуязвимости минского императора к оружию (см. ниже). Угадав в нем важную персону, степняки отвели Чжу Цичжэня к Эсэну, который не мог поверить неожиданно обрушившемуся на него счастью[1].

В свете традиционной дальневосточной историографии, политический конфликт 1449 г. приобрел мистическую окраску, о чем сообщают как китайские, так и, что еще интереснее, монгольские источники. Согласно «Мин ши», когда однажды Эсэн возымел против Чжу Цичжэня «худые замыслы», гром убил под ним коня (бесспорный признак недовольства Неба!), а шатер, в котором жил пленный император, был окружен чудесным сиянием[2]. Это сияние, напоминавшее поднимающегося дракона, являлось Эсэну всякий раз, когда после неудачи монголо-ойратских войск под Пекином он обращал свой взор на шатер императора[3]. Символика дракона как олицетворения императорской власти в Китае общеизвестна. Однако этот образ амбивалентен: в зависимости от обстоятельств, появление дракона могло служить как благим, так и зловещим знамением, о чем дальше тоже пойдет речь. В данном случае, для Эсэна и его сторонников это было грозным предупреждением, а для Чжу

---

[1] *Mote F.W.* The T'u-mu Incident of 1449. P. 254-263.

[2] *Покотилов Д.* История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1644 (по китайским источникам). СПб.: Типогр. Императорской академии наук, 1893. С. 68.

[3] Там же. С. 71.

Цичжэня, напротив, благой вестью, несомненно, свидетельствующей о небесном покровительстве. Протест Неба против действий Эсэна обрисован здесь совершенно отчетливо, и, собственно, трудно ожидать от китайских историков какой-либо другой модальности в изложении этих событий.

Посмотрим теперь, что сообщает о пленении минского императора степная историография. В «Алтан тобчи» Лубсан Данзана факты также соседствуют с домыслами и чудесами. Прежде всего, утверждается, что Эсэн якобы не собирался в тот момент воевать с Китаем, он оказался близ границы просто потому, что возвращался из удачного похода на чжурчжэней, но, повстречав китайское войско, принял бой. Во время этого похода его родственнику Эсэну Сами приснилось, будто он захватил императора Китая. Эсэн Сами рассказал об этом Эсэну-тайши, на что тот ответил: «Да будет хаган захвачен! Если ты захватишь его, я отдам его тебе!»[1] Хаганом, то есть верховным правителем государства, назван Чжу Цичжэнь, что само по себе знаменательно. Лубсан Данзан писал свой труд в середине XVII в., когда Монголия не представляла единого целого, будучи поделена между Чингисидами и, кроме того, постепенно поглощалась маньчжурами. Прежней единой высшей власти (как и былой имперской идеологии) в стране уже давно не существовало, но в традиционной центрально-азиатской картине мира кто-то должен был ее олицетворять. До правления Угэдэя монголы называли хаганами цзиньских императоров, затем семантический центр ойкумены переместился для них в Каракорум, и иных носителей этого титула, кроме всемонгольского владыки, быть не могло. Считавшие иначе подлежали истреблению. Теперь же роль хагана приобрел минский император (что на самом деле представляется нововведением летописца, но могло быть справедливо, если бы речь шла о цинском императоре), а Монголия осознается самими ее обитателями как периферия обжитого мира. Превращению Монголии из центра Вселенной в ее окраину способствовала не только политическая ситуация после падения Юань, но и укоренение в монгольской культуре буддизма, благодаря которому для монголов, как и ранее для тибетцев, таким центром стало считаться царство Магадха (V в. до н.э. — VI в н.э.) на севере Индии[2].

---

[1] *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи. Пер. Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973. С. 269.

[2] *Балданжапов П.Б., Ванчикова Ц.П.* Čaγan teüke — «Белая история» — монгольский историко-правовой памятник XIII-XIV вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 90.

Когда в результате военного столкновения, о котором летопись сообщает довольно кратко, император Чжу Цичжэнь действительно попал в плен, ойратский предводитель исполнил свое обещание и отдал знатного пленника Эсэну Сами. Однако сначала его якобы пытались лишить жизни, но из этого ничего не вышло: «Хагана вытащили из ямы, и когда стали рубить его, то тело его не поддалось, а меч разлетелся на мелкие куски, падавшие [вокруг]. Когда хагана бросили в воду, он не потонул, остался наверху. Не смогли его убить...»[1]. Как уже говорилось, эти мифические представления могли возникнуть в умах номадов в ответ на «чудесное» спасение Чжу Цичжэня в горниле жестокого сражения близ Туму.

Есть серьезные основания сомневаться в том, что Чжу Цичжэня действительно хотели умертвить. Гораздо полезней было оставить его в живых для шантажа и требований выкупа, как оно, собственно, и было на самом деле. Ему дали новое имя — Мухур Сэгўсэ, поселили в юрте и женили на монголке-простолюдинке Мулу Дзахату[2], у которой, по слухам, от него родился ребенок. Значение монгольского имени пленника не имеет общепринятого толкования. Так, Х. Серрайс полагает, что оно означает «Рябой парень», и могло возникнуть из-за отметин оспы на теле Чжу Цичжэня[3]. Сотрудник ИЯ РАН (г. Санкт-Петербург) П.О. Рыкин в личном сообщении не соглашается с таким прочтением и склоняется к мысли, что номады дали императору пейоративное прозвище «Глупый раб».

---

[1] *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи. С. 270. В этой связи можно вспомнить легенду о магическом поединке Чингис-хана с тангутским императором, который описан в нескольких монгольских летописях. Последний якобы принимал разные обличья, и убить его никак не удавалось, пока он сам не подсказал способ, как с ним можно расправиться. Сюжет напоминает сражение эпического богатыря с чужим злым ханом или с представителем нечистой силы — *мангусом*. Однако в глаза сразу бросается коренное различие: если тангутский властелин предстает как однозначно отрицательный персонаж, подобно воплощающим зло антигероям монгольского эпоса, то образ Чжу Цичжэня явно нарисован светлыми красками, и если первый, в конце концов, погибает, то второй остается жить, обретает свободу и даже возвращает себе трон Сына Неба. О процессе превращения реального тангутского императора в полумифического Шидургу см.: *Неклюдов С.Ю.* Полистадиальный образ духа-хозяина, хранителя и создателя огня в монгольской мифологической традиции // Acta Orientalia. 1992/1993. T. XLVI. Fasc. 2-3. P. 320-321.

[2] «Мин ши» сообщает, что Эсэн собирался женить пленника на своей младшей сестре, что, пожалуй, существенно больше соответствует реальности. Император ответил отказом (*Кукеев Д.Г.* Комментированный перевод 328 цзюани «Мин ши» — «Ойраты» // Вестник КИГИ РАН. 2008, № 2. С. 28).

[3] *Serruys H.* Hsiao-ssu: Seuse, a Chinese Loan Word in Mongol // Acta Orientalia. 1974. T. XXVIII. № 3. P. 321-323.

Последнее представляется тем более вероятным, что имя его монгольской супруги, если она вообще у него была, скорее всего, тоже суть прозвище, в котором в слове Мулу могла быть допущена описка, и читать его следует как Мулгуу («глупая, бестолковая»). Кроме того, в монгольской истории уже известны подобные прецеденты, когда Чингис-хан удостоил последнего правителя тангутского государства Наньпин-вана Сяня (1226 — 1227) клички Шидургу, то есть «Честный»[1], а Угэдэй прозвал цзиньского императора Ваньянь Шоусюя (1224–1234) «Прислужником»[2].

Несмотря на это унижение, Лубсан Данзан высоко оценивает благотворное влияние императорской особы на людей и природу Монголии. Харизма Чжу Цичжэня не только хранила его самого, но и освещала все вокруг: «Когда он там жил, то среди народа не было ни болезней, не было ни падежа скота, ни гололедицы, ни голода. Жили, не подозревая, что это происходило потому, что прислуживающий у них человек и есть Чжингтай-хаган. Когда он спал, то из тела его исходил свет»[3]. Эти сведения были проанализированы Т.Д. Скрынниковой, указавшей на охранительную и регулятивную природу харизмы правителя[4], с чем мы вполне согласны. Но если это так, то зачем летописцу понадобилось наделять чужого императора сверхъестественными качествами и, тем самым, излагать события под прокитайским углом зрения? Может быть, дело в том, что сам Лубсан Данзан был китаец, как думают некоторые исследователи, например В. Хайссиг?[5] Однако язык летописи не содержит неизбежных в таком случае китаизмов[6], и причина возвеличивания Чжу Цичжэня ученым ламой пока остается для нас неясной. Тем не менее, этот факт позволяет предположить, что законный правитель, даже не находясь по каким-либо причинам у кормила власти, как считалось, оказывал на окружающее пространство благотворное воздействие. Интересно отметить, что оно распространяется и на чужие владения. Вероятно, в рассмотренном эпизоде с Чжу Цичжэнем заложена известная идея универсальной власти китайского императора, поставленного Небом править всем миром и рас-

---

[1] *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. § 267.

[2] Там же. § 273.

[3] *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи. С. 271

[4] *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Наука, 1997. С. 104.

[5] *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи. С. 25.

[6] *Орлова М.Н.* Язык «Алтан тобчи». М.: Наука, 1984.

пространять гармонию даже на земли «варваров»[1], а также лишний раз подчеркнута нелегитимность Эсэна, чье присутствие (а вовсе не Чжу Цичжэня) должно было бы производить столь благотворный эффект в монгольских кочевьях, имей он законное право на власть.

Аналогично излагает «инцидент Туму» анонимная «Алтан тобчи»[2]. Другие монгольские источники, такие как сочинения Гомбожаба и Рашипунцуга, скупы на подробности этого происшествия и умалчивают о чудесах вокруг китайского императора[3], несмотря на то, что, в целом, монгольская историография включает больше легендарных сообщений, чем китайская.

Согласно Лубсан Данзану, Чжу Цичжэнь написал записку, что находится у Эсэна, и тайно послал ее в Китай среди шерсти, которую кочевники отправляли на продажу[4], тогда как «Мин-ши» сообщает, что Эсэн начал тяготиться Чжу Цичжэнем и сам направил своих людей в Пекин для переговоров о его дальнейшей судьбе. Прибывший старший цензор Ян Шань (1384 — 1458)[5], слывший человеком весьма ловким, в ходе переговоров об освобождении императора указал Эсэну на связь между природными катаклизмами и неправыми деяниями: «Небо дарует жизнь, а вы, Тай-ши, отнимаете ее; вот почему в вашей стране часто случаются бури и непогоды»[6]. Понятно, что это не более чем софистика. В самом Китае кровь весьма часто лилась рекой, но Китай считал себя обязанным просвещать и воспитывать «варваров». Главное не это. Не будучи Чингисидом, Эсэн вообще не имел права властвовать над монголами, и Ян Шань на полном основании мог бы указать ему также и на эту причину климатических капризов в его стране. Старший цензор знал, кем в действительности являлся предводитель победоносного монголо-ойратского войска, ибо называл его *тайши*, а не ханом и,

---

[1] В принципе, традиционная китайская мысль ограничивала сферу действия благой силы *дэ* императора (*ян*) собственно Китаем, за пределами которого, в землях «варваров», правят законы природы (*инь*), соответственно которым и формируются нравственные качества «варваров». Согласно этой схеме, последние остаются за пределами мироустроения, осуществляемого посредством силы *дэ* (*Кроль Ю.Л.* Отношения империи и сюнну глазами Бань Гу // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М.: Вост.лит., 2005. С. 193-194, 212, 239, 243).

[2] Золотое сказание. Пер. Г.С. Гороховой, А.Д. Цендиной // История в трудах ученых лам. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 48-49.

[3] *Горохова Г.С.* Монгольские источники о Даян-хане. М.: Наука, 1986. С. 60.

[4] *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи. С. 271.

[5] О нем см.: *Hok-lam Chan.* Yang Shan // Dictionary of Ming Biography, 1368-1644. Vol. II. N.-Y.— L.: Columbia University Press, 1976. P. 1528-1531.

[6] *Покотилов Д.* Указ. соч. С. 77.

тем более, не хаганом, хотя позже, когда Эсэн расправился с Дайсун-ханом и все-таки решился в 1454 г. принять громкий титул «Августейший великий хаган великой [династии] Юань», при минском дворе было решено именовать его в официальных письмах «хаганом ойратов», а при прочих обстоятельствах его называли Эсэном или ойратским Эсэном, уже без титула *тайши*[1].

Как уже отмечалось выше, в свете политических представлений как китайцев, так и кочевников, незаконное занятие престола, неугодное Небу, вызывало с его стороны негативную реакцию, которая выражалась в стихийных бедствиях, эпидемиях, нападениях врагов и прочих несчастьях. В данном случае ирония судьбы проявилась как раз в обратном: «бури и непогоды» преследовали вполне законного Чжу Цичжэня во время его неудачного похода, тогда как годы ойратского владычества в Монголии не прославились какими-либо из ряда вон выходящими природными капризами. Впрочем, никакого противоречия и нарушения традиции здесь нет: будучи легитимным сам по себе, император втянул Китай в неправомерное предприятие, чем и разгневал Небо. Следует помнить, что в наших руках нет точных метеорологических данных о ветрах и осадках в районе, где вызревала «катастрофа Туму», и мы вынужденно полагаемся на летописные данные, в объективности которых нельзя быть до конца уверенными. Вполне вероятно, что нескончаемая череда неблагоприятных знамений, ливней и штормов появилась в «Шилу» именно потому, что составители этих «Правдивых записей» не одобряли авантюру, затеянную евнухом и поддержанную самим императором.

По сути, Эсэн не получил никаких выгод от своего пленника и вернул его за Великую стену. Напоследок он якобы устроил прощальный пир, во время которого услаждал слух экс-императора игрой на музыкальном инструменте, а своим женам и наложницам приказал подносить гостям вино. Потом по его распоряжению соорудили земляную насыпь и усадили на нее Чжу Цичжэня. Сам Эсэн, его жены, дети и родственники совершили ему поклонение. Одарив Чжу Цичжэня большим количеством съестных припасов, ойратский вождь проводил его на расстояние в полдня пути. Завершилось это прощание, по словам китайского летописца, дружными

---

[1] *Serruys H.* The Office of Tayisi. P. 364; *Кукеев Д.Г.* Комментированный перевод. С. 28.

стенаниями ойратов, горевавших из-за предстоящей разлуки с китайским императором[1].

Несколько лет спустя, в 1455 г., Эсэн пал в междоусобице, и его государство рассыпалось. Однако история на этом не закончилась. Второй этап драмы, также сопровождавшийся соответствующими знамениями, разыгрывался уже в Китае. В годы правления Чжу Циюя Поднебесная постоянно жестоко страдала то от засух, то от наводнений. В 1452 г. сильные дожди вызвали наводнения в долинах Хуанхэ и Хуайхэ в Хэнани, северном и южном столичных районах и в Шаньдуне. Следующие два года тоже были дождливыми, а в 1455 г. случилась засуха, поразившая Хэнань, Шаньдун, Шаньси и Шэньси. Следующий, 1456 г., запомнился современникам засухой в одних провинциях и затяжными дождями в других[2].

Стихийные бедствия разворачивались на фоне общего похолодания климата в этой части Азии, причем холода и снегопады не только фиксировались в придворных хрониках и сочинениях интеллектуалов, но и были запечатлены в искусстве, например в свитках знаменитого живописца Дай Цзиня (1388–1462)[3], таких как «Возвращение домой через снега» (1455 г.)[4]. Зима 1453–1454 гг. была особенно суровой, с необычно сильными снегопадами от Шаньдуна на северо-востоке до Цзянси в центре страны. Напротив устья Хуайхэ на море образовался лед, а население, обитавшее в долине этой реки, потеряло из-за холодов несколько десятков тысяч человек. В начале 1454 г. в Цзяннани более сорока дней лежали тяжелые снега. Холод и голод стали причиной гибели многих людей в Сучжоу и Ханчжоу. Длительные снегопады, губившие скот, наблюдались даже в Хэнчжоу на юге Хунани[5]. В апреле 1454 г. императору сообщали, что в низовьях Янцзы замерзло много людей: до 1800 человек в Чаншу, на южном берегу реки, и еще больше — на северном. Весной эстуарий Янцзы (расширяющееся в сторону моря воронкообразное устье реки) был покрыт льдом. Вымерз бамбук. Следующей зимой снег покрыл земли в нижнем течении Янцзы метровым слоем.

---

[1] *Покотилов Д.* История восточных монголов в период династии Мин. С. 78-79.

[2] The Cambridge History of China. Vol. 7. The Ming Dynasty, 1368-1644. Part 1 / Ed. by F.W. Mote and D. Twitchett. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 336-337.

[3] О нем см.: *Кравцова М.Е.* Дай Цзинь // Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. 6. М.: Вост.лит., 2010. С. 568-569.

[4] *Brook T.* The Troubled Empire: China in the Yuan and Ming Dynasties. L.: The Belknap Press, 2010. P. 55-56.

[5] The Cambridge History of China. P. 336-337.

На озере Тайху лед сковал гавани, из-за чего прекратилась навигация. От необычной стужи в большом количестве гибли животные. Этот период лютых холодов закончился в 1456 г., как раз накануне смерти Чжу Циюя[1].

Придворные чиновники пытались увещевать государя, напоминая ему о связи между погодными капризами и его нарушениями родственных отношений. В одном из докладов, поданных трону в ноябре 1451 г., отмечалось, что, когда в государстве царит единомыслие, воля Неба преобладает, однако, ныне происходит нечто прямо противоположное, поэтому повсеместно наблюдаются враждебные человеку явления природы. Ссылаясь на катастрофы, автор доклада призывал императора избавиться от злодеев-министров[2]. В 1454 г. один из сановников рискнул открыто приписать неблагоприятные погодные явления неуважению Чжу Циюя к правильному порядку наследования власти. Он увещевал императора: «Восстановите статус принца (сына Чжу Цичжэня. — *Ю.Д.*) как наследника престола; обеспечьте великую основу государства. Если это будет сделано, то мягкая погода наполнит страну, а бедствия прекратятся сами собою». Однако Чжу Циюй не внял его словам. Придя в бешенство, он приказал казнить смелого сановника. На следующий же день налетела песчаная буря и окутала столицу. Император воспринял это как предупреждение Неба и воздержался от казни. Следует добавить, что сын самого Чжу Циюя, которого тот еще в 1452 г. назначил своим наследником, через год с небольшим неожиданно скончался[3].

Со всех провинций в Пекин стекались сообщения о голоде, вызванном или засухой, или проливными дождями. Эти доклады неизменно оканчивались мольбой о помощи и просьбами об уменьшении налогов. Сообщалось также о затмениях солнца и луны, падающих звездах и странных громовых раскатах без молнии и туч. Вода в постоянно мутной Хуанхэ вдруг стала прозрачной[4]. Два ко-

---

[1] *Brook T.* The Troubled Empire. P. 54.

[2] *Heer, Ph. de.* The Care-taker Emperor. P. 75.

[3] *Brook T.* The Troubled Empire. P. 97.

[4] Подобное необычное происшествие, если верить китайским источникам, случалось и прежде. Например, в 166 г. ученый Сян Кай, признанный знаток астрологии и мантических книг, подал императору Хуань-ди (146 - 168) доклад о зле, причиняемом евнухами. Сян Кай объявил, что их вмешательство в государственные дела и личная близость к императору, не позволявшая ему произвести мужское потомство, привели «естественную силу» династии к упадку, о чем свидетельствовала серия знамений: «необычайно суровая зима, странные сполохи в небе, выпавший град и сильные дожди, находка мертвого дракона, падение метео-

локола у Южных ворот Запретного города 21 июля 1455 г. утратили способность издавать звук. После необычного шторма в конце марта 1456 г. внезапно скончалась императрица Хан. Некоторое время спустя Чжу Циюй в соответствии с древней китайской традицией публично принял вину за все неурядицы в государстве на себя, а 12 июня того же года Внешний двор в полном составе подал в отставку. Император отставку не принял, мотивируя это тем, что все сановники должны вместе с ним сообща справляться с бедами. Однако Небо не было умиротворено этим решением. Знамения и катастрофы продолжались[1]. К ним прибавилась тяжелая болезнь императора.

В начале 1457 г. Чжу Циюй был уже настолько болен, что даже не смог явиться на утреннюю аудиенцию по случаю наступления Нового года. Тем временем коалиция высших военных и гражданских чиновников освободила из-под домашнего ареста Чжу Цичжэня и в феврале возвела его на трон. Его соперник скончался 14 марта 1457 г. Казалось бы, справедливость была восстановлена, но Небо расценивало возвращение экс-императора к власти несколько иначе. Дело в том, что фактически он вступил на минский престол в результате государственного переворота, получившего название «силой открыть ворота [дворца]»[2], причем впоследствии вместо благодарности Чжу Цичжэнь постарался избавиться от всех поддержавших его чиновников. Летним днем 1458 г. Небо послало на Китай девять драконов, разгромивших город Цюншань на острове Хайнань. Драконы спустились из разноцветных облаков, атаковали уездную канцелярию — *ямынь*, полностью уничтожив ее парадные ворота, буквально разорвали на части одну женщину, затем взмыли в воздух и устремились на северо-восток, разрушая по пути дома крестьян и разбрасывая повсюду их скарб. За ними следовали миллионы стрекоз. В то же лето на остров обрушился мощный тайфун, который вырывал с корнем деревья и сравнивал с землей дома[3].

ритов, разрушение ворот Столичной школы, внезапное просветление всегда мутных вод Хуанхэ» (*Малявин В.В.* Гибель древней империи. М.: Наука, 1983. С. 95-96). «Просветление вод» зафиксировано в «Хоу Хань шу» под 165 и 166 гг., оба раза в четвертом месяце (Там же. С. 202). Казалось бы, что зловещего может быть в чистой, прозрачной речной воде? Плохо именно то, что это явление — из ряда вон выходящее, и поэтому оно не могло не насторожить наблюдавших его.

[1] *Heer, Ph. de.* The Care-taker Emperor. P. 107.

[2] The Cambridge History of China. P. 338-339.

[3] *Brook T.* The Troubled Empire. P. 50.

Несмотря на описанные современниками бедствия периода Цзинтай, а также обвинения и самообвинения в них Чжу Циюя, катастрофа 1449 г. объективно стимулировала укрепление политических и экономических институтов минского Китая. Во второй половине XV в. Китай имел сравнительно хорошее управление и мог успешно противостоять внутренним и внешним проблемам[1], а историография оставила богатый материал, ярко демонстрирующий «борьбу легитимностей» как между китайцами и кочевниками, так и внутри самой Поднебесной.

Литература

Балданжапов П.Б., Ванчикова Ц.П. Čaγan teüke — «Белая история» — монгольский историко-правовой памятник XIII-XIV вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001.

Бюллетень общества востоковедов. Приложение 1: Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках. Пер. с нем. В.Н. Добжанского и Л.Н. Ермоленко. М.: ИВ РАН, 2002.

Горохова Г.С. Монгольские источники о Даян-хане. М.: Наука, 1986.

Золотое сказание. Пер. Г.С. Гороховой, А.Д. Цендиной // История в трудах ученых лам. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.

Кравцова М.Е. Дай Цзинь // Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. 6. М.: Вост.лит, 2010.

Кроль Ю.Л. Отношения империи и сюнну глазами Бань Гу // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М.: Вост.лит, 2005.

Кукеев Д.Г. Комментированный перевод 328 цзюани «Мин ши» — «Ойраты» // Вестник КИГИ РАН. 2008(1), № 2.

Кукеев Д.Г. Эсэн тайши и ойратско-китайская война 1449 г. (по данным китайских источников) // Вестник КИГИ РАН. 2008(2), № 3.

Кукеев Д.Г. Военный талант Эсэна как полководца // Вестник КИГИ РАН. 2010, № 1.

Лубсан Данзан. Алтан тобчи. Пер. Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973.

Малявин В.В. Гибель древней империи. М.: Наука, 1983.

Неклюдов С.Ю. Полистадиальный образ духа-хозяина, хранителя и создателя огня в монгольской мифологической традиции // Acta Orientalia. 1992/1993. T. XLVI. Fasc. 2-3.

Орлова М.Н. Язык «Алтан тобчи». М.: Наука, 1984.

[1] The Cambridge History of China. P. 331.

Покотилов Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1644 (по китайским источникам). СПб.: Типогр. Императорской академии наук, 1893.

Санчиров В.П. Гегемония ойратов в Монголии и Эсэн-хан (1407-1455 гг.) // Вестник КИГИ РАН. 2002. Вып. 17.

Санчиров В.П. Ойрато-китайские отношения после «Тумуской катастрофы» 1449 г. // Восток (Oriens). 2009, № 1.

Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Наука, 1997.

Установления о соли и чае. Пер. и коммент. Н.П. Свистуновой. М.: Наука, 1975.

Хафиз Абру. Зайл-и Джами ат-Таварих-и Рашиди. Дополнение к собранию историй Рашида. Пер. Э.Р. Талышханова. Казань: «ЯЗ», 2011.

Brook T. The Troubled Empire: China in the Yuan and Ming Dynasties. L.: The Belknap Press, 2010.

Heer, Ph. de. The Care-taker Emperor: Aspects of the Imperial Institution of the 15th century as Reflected in the Political History of the Reign of Chu Chi-yü, Seventh Ruler of the Ming Dynasty (1449-1457). Leiden: Brill Academic Publishers, 1986.

Hok-lam Chan. Yang Shan // Dictionary of Ming Biography, 1368-1644. Vol. II. N.-Y.—L.: Columbia University Press, 1976.

Hucker Ch.O. A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford: Stanford University Press, 1985.

Longfei Feng. Tumu Crisis and the Weakness of the Military System of Ming Dynasty // Asian Social Science. 2009. Vol. 5. № 6.

Mote F.W. The T'u-mu Incident of 1449 // Chinese Ways in Warfare. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.

Rossabi M. Notes on Esen's Pride and China Prejudice // Mongolia Society Bulletin. 1970. Vol. 9. № 2.

Rossabi M. Esen // Dictionary of Ming Biography, 1368-1644. Vol. I. N.-Y.— L.: Columbia University Press, 1976.

Serruys H. Hsiao-ssu: Seuse, a Chinese Loan Word in Mongol // Acta Orientalia. 1974. T. XXVIII. № 3.

Serruys H. The Office of Tayisi in Mongolia in the Fifteenth Century // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1977. Vol. 37. № 2.

The Cambridge History of China. Vol. 7. The Ming Dynasty, 1368-1644. Part. 1 / Ed. by F.W. Mote and D. Twitchett. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

И.Л. Измайлов
(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань)

Военно-политические контакты Волжской Булгарии с тюркскими кочевниками Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (конец X – первая треть XIII в.)

Образование единого Булгарского государства в конце X в. стабилизировало границы страны. Юго-восточная граница основной территории страны — то есть занятая земледельческим и мусульманским населением — протянулась по р. Шешма, а далее по водоразделу до бассейна р. Большой Черемшан и далее до Самарской Луки. Далее к востоку и к югу протянулись земли занятые кочевыми и полукочевыми группами населения. Несомненно, что политическая территория, куда распространялась власть булгарских правителей, была намного шире, но конкретные размеры вассальных территорий в разные периоды были различными. Отчетливо для XI-XIII вв. фиксируется лишь анклав в Нижнем Поволжье вокруг города Саксина.

Установление границ Булгарии привело к упорядочению связей с тюркоязычными кочевыми племенами Поволжья и Южного Урала. Связи с ними были и ранее регулярными и вполне мирными. Известно, что один из вождей огузов Этрек был сватом (или зятем) правителя булгар Алмыша, а среди археологических погребальных памятников встречаются могилы, близкие по обряду с огузо-печенежскими. Только некоторые восточные источники глухо сообщают о набегах огузов на булгар. Однако вряд ли эти конфликты были длительными и носили сколько-нибудь постоянный характер, поскольку они прерывали караванную торговлю, которая служила взаимному обогащению.

Обстановка практически не изменилась в начале XI в., когда Булгария распространила свое влияние на Восточное Прикамье, а в южных степях стали главенствовать кыпчаки. Различные тюрко-

язычные племена, входившие в этот обширный этнокультурный мир вступали в союзные отношения с булгарами и испытывали их культурное и религиозное влияние. В качестве иллюстрации этого можно указать на известие Ибн ал-Асира, которые указал, что осенью 435/1043 г. «приняли ислам 10 тысяч кибиток их неверных тюрков, которые, бывало, делали ночные набеги на мусульманские города в краях Баласагуна и Кашгара, грабили их и учиняли беспорядки. ... Они проводили лето в краях Булгара, а зимовали в краях Баласагуна, но когда приняли ислам, то рассеялись по стране...»[1]. Историческая канва этого события связана с принятием ислама в державой Караханидов и ее активным военно-политическим давлением на тюркские народы, сохранявших верность традиционным верованиям. В результате этого давления некоторые тюркские племена принимали ислам и входили в число подданных Караханидов, а другие — переселялась на запад, к границам Булгарии. Вполне вероятно, что определенная часть этих тюрок вошла в состав военно-служилого сословия булгар. Свидетельством этого могут являться новые элементы в конском и всадническом снаряжении булгарской элиты.

Обострение булгарско-кыпчакских отношений пришлось на начало XII в., когда довольно сильно укрепились донские кыпчаки. Они совершили несколько успешных походов на Русь и достигли с киевскими князьями некого паритета на условиях сохранения мира. В 1107 г. мирный договор был скреплен женитьбой сына киевского князя Владимира Мономаха Юрия с дочерью хана Аепы (Айоба). Надо сказать, что этот союз оказался довольно крепким — владимиро-суздальские князь Юрий Долгорукий и его потомки всегда сохраняли добрые отношения с кыпчаками и они никогда не устраивали набегов на их земли.

Однако донские кыпчаки, очевидно, решили расширить сферу своего влияния на Булгарию и 1117 г. хан Аепа совершил поход на булгар. По словам русских летописей: «Приидоша половци к болгараи, и высла им князь Болгарьский питии с отравою, и пив Аепа и прочии князи вси помроша»[2]. Иными словами, булгары не стали вступать в открытое противоборство, а предпочли более коварный «византийский» способ избавиться от неспокойного хана. Не исключено, что результатом этих действий явились новые походы кыпчаков на Булгарию, но русские летописи больше их не фиксиро-

---

[1] *Ибн ал-Асир*. Китаб ал-камил фи-т-та'рих // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. С. 60.

[2] ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 285.

вали. Не делая далеко идущих выводов, можно все же предположить, что смерть хана вызвала внутренние распри, которые вместе с давление на кыпчаков Владимира Мономаха привели к подрыву их военной мощи и избавили булгар от их ярости. Но месть не заставила себя долго ждать и совсем с другой стороны, откуда булгары ее и не ждали. Владимиро-Суздальский князь Юрий Долгорукий, зять Аепы в 1120 г. совершил поход на булгар, открыв целую серию русско-булгарских войн и походов XII в.

Булгары же продолжали укреплять свои позиции в Поволжье. По крайней мере, со второй трети XII в. они распространили свое влияние на Нижнее Поволжье, где город Саксин — наследник традиций хазарского Итиля, по существу стал центром их влияния в регионе. Андалузский купец и дипломат ал-Гарнати, сам живший в Саксине в 1130-50-х гг. писал, что «в середине города живет эмир жителей Булгара, у них есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление, и вокруг нее живут булгарцы. И есть еще соборная мечеть, другая, в которой молятся народность, которую называют "жители Сувара", она тоже многочисленная»[1]. Кроме них в нем живут сорок племен гузов и хазары. Интересно, что археологические находки с территории Самосдельского городища, связываемого с древним Саксином, дают находки керамики близкой по формам и керамическим примам изготовления с общебулгарской посудой[2]. Иными словами, политическое и торгово-экономическое влияние в данном регионе явно превалировало над влиянием кыпчаков, а общей основой взаимоотношений на Волге было участие во взаимовыгодной торговле. Не исключено, что кыпчаки заключали договора о мире с булгарами и охраняли их границы, как это было в государстве Хорезмшахов, Грузии, Венгрии и Болгарии.

К концу XII в. военная мощь и торговая доминанта Булгарии не позволяла, очевидно, усомниться в надежности ее границ. Одна-

---

[1] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.). М., 1971. С. 27.

[2] *Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д.* Городище Самосделка — памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк: ДонНУ, 2003. С.83-122; *Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В., Гречкина Т. Ю.* Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // Российская археология, 2006, № 4. С. 24-35; *Васильев Д.В.* Местоположение и население города Саксин // Великие реки и мировые цивилизации. Материалы Международной научной конференции 7-9 сентября 2006 г. К 450-летию со дня основания Астрахани. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2006. С. 22-28.

ко внутренние распри могли разорвать крепость булгарских границ и открыть путь к ее городам отрядам кыпчаков. Опираясь на некоторые косвенные данные, можно предположить, что подобное произошло в 1183 г., когда один из булгарских султанов («князей был изгнан из страны и бежал в заволжские степи. Там он заручился кочевавших в южноуральских и заволжских степях йемеков, одного из основных кимакских племен. Они некогда входили в состав Кимакского каганата, а после его распада откочевали в Заволжье. Сила и влияние их в этом регионе были так значительны, что позволяли, едва ли не каждый год совершать набеги на окрестности расположенного в дельте Волги города Саксин. Правитель йемеков, происходивший из знаменитого кыпчакского рода Ильбари, носил пышный титул «хан ильбари и шах йемеков» и, судя по сообщениям восточных источников, властвовал над десятью тысячами семейств. История йемеков только начала раскрывать свои тайны, но уже сейчас ясно, что они играли важную роль в международных отношениях предмонгольского времени[1]. Так, благодаря их поддержке государство Хорезмшахов сбросило иго каракитаев и подчинило себе весь Мавераннахр. Оказывая помощь мятежному эмиру, шах йемеков стремился, видимо, заполучить сильного и послушного союзника в борьбе за объединение Дашт-и Кыпчака. По сведениям русских летописей, крупный отряд йемеков под командованием булгарского эмира двинулся кратчайшим путем на Великий город, где встретил сильную русскую рать под командование Всеволода Большое Гнездо и заключил с ним союз. В результате последующих боевых действий союзники потерпели неудачу. Русские князья заключили договор о мире и отступили, а судьба мятежного султана осталась неизвестной. Как бы то ни было, но этот эпизод ярко демонстрирует с одной стороны, что йемеки явно часто контактировали по разным поводам с правителями Булгарии, а с другой — эпизодическую вовлеченность их во внутренние дела.

Другой эпизод, характеризующий участие булгар в политической жизни Нижнего Поволжья и союзные отношения с кыпчаками и йемеками произошел в 1229 г., когда туда вторглись монгольские войска. Русская летопись сообщает, что «Саксини и Половци възбегоша из низу к Болгарои перед Татары и сторожеви Болгарь-

---

[1] Подробнее см.: *Golden P.B.* Cumanica II: The Olberli (Olperli): The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan // Archivum Eurasiae mediiaevi. 1986. Vol. 6. P. 5- 29.

скыи прибегоша бьени от Татар близь рекы ей же имя Яик»[1]. То есть, можно предположить, что союзные отряды булгар, саксин и йемеков были разбиты в Нижнем Поволжье, будучи разбиты войсками монголов, начавших завоевание Заволжья. Однако завоевание этого региона проходило не гладко. В 1237-1240 гг. здесь развернулось восстание йемеков под руководством хана Бачмана, для подавление которого монголы были вынуждены двинуть войско во главе с ханом Менгу. Интересно, что и Булгарии одновременно восстали эмиры Баян и Джику, явно координировавшие свои действия с Бачманом. Но это был уже последний эпизод булгаро-кыпчакских контактов.

Поход 1223 г. показал монгольским правителям, что завоевание Запада может потребовать серьезных военных усилий, которые не могли быть задействованы в силу растянутости коммуникаций и истощения сил монголов. Требовалась передышка и укрепление власти монголов во вновь завоеванных странах, тем более что они еще далеко не были покорены и в них еще сохранялись очаги сопротивления. В этих условиях в Улусе Джучи создаются новые административно-территориальные подразделения — «тысячи» из покоренных народов — меркитов, найманов, киреитов, кыпчаков и канглов[2], несколько позднее был сформирован корпус из йемеков-ольбури[3]. Очаги недовольства подавляются, сопротивляющиеся истребляются или изгоняются, монгольская власть на местах укрепляется. Развертывание новой кампании в Заволжье и Южном Урале было отсрочено новой войной с тангутским государством Си Ся и стягиванием всех сил на этот театр военных действий, в частности туда были направлены Субедей и Джебе с новыми корпусами из тюркских племен.

Были, очевидно, и другие, внутренние, причины. Одновременно произошло резкое охлаждение отношений между Джучи и его отцом. Перед тем, как вернуться в Монголию, Чингиз-хан по данным Рашид ад-Дина «... приказал Джучи двинуться в поход на завоевание и покорять северные области, как то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кыпчак и другие области тех краев, а так как

---

[1] ПСРЛ. Т.I. Лаврентьевская летопись. М., 1998. Стлб. 453.

[2] *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингиз-хана. М., 2004. С. 500.

[3] *Golden P.B.* Cumanica II. P. 5-30; *Allsen Th.T.* Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217-1237 // Archivum Eurasiae medii aevi. 1983. Vol. III. P. 14; *Олсен Т.Т.* Прелюдия к западным кампаниям: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе. 1217-1237 гг. // Научный Татарстан. 2003, №3/4. С. 133.

он [Джучи], уклонившись от этого дела, отправился восвояси»[1]. Подобное игнорирование прямых указов великого хана вызвало негодование Чингиз-хана и он вызвал его для объяснений. Но Джучи, ссылаясь на болезнь, оттягивал визит в ставку хана. Гнев Чингиз-хана еще больше возрос, когда некий мангыт, приехав из владений Джучи, поведал отцу, что его сын не болен, а развлекается охотой. Назревал открытый конфликт. Чингиз-хан воспринял его поступки, как мятеж со стороны сына: «Джучи сошел с ума. Что выделывает такие вещи» и приказал, чтобы войско выступило в поход в его сторону и чтобы в авангарде отправились Чагатай и Угетай, а сам собирался выступить в поход вслед»[2]. Однако поход не состоялся, поскольку Джучи таинственным образом скончался. Ходили слухи, что он был недоволен политикой отца и был отравлен. Оказался ли Джучи жертвой придворных интриг или действительно готовил мятеж — доподлинно неизвестно.

Как бы то ни было, вслед за его гибелью в Дашт-и Кыпчаке установился краткий мир. Монголам явно было не до западных земель, поскольку последовали война с Си Ся и смерть самого Чингиз-хана, только на полгода пережившего своего старшего сына, а за ней подготовка к курултаю, где решался вопрос о престолонаследнике.

Только в 1229 г. Угедей после долгих переговоров, интриг и компромиссов был провозглашен великим ханом. На этом курултае произошло формальное утверждение правителем Улуса Джучи его сына Бату, перед этим назначенного на этот трон по приказу Чингиз-хана[3]. Не исключено, что в этот период опалы Джучи и утверждения нового хана Джучиды потеряли контроль над землями к востоку от Прииртышья. Трудно сказать, чем было вызвано эта перекройка границ, но, потеряв Алтай, Бату приобрел гораздо больше — он добился утверждения его прав на улус отца и подтверждения прав на еще не завоеванные земли на западе Евразии.

Курултай 1228/29 г., «согласно прежнему указу Чингиз-хана, назначил его (т.е. Бату. — *И.И.*)», с братьями и другими царевичами на завоевание северных областей. Для этого похода Бату и его братьям был придан тридцатитысячный корпус Кукдая и Субедея[4].

---

[1] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.-Л., 1941. С. 64.

[2] Там же. С. 65.

[3] См.: *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.—СПб.: Евразия, 2006. С. 63-65.

[4] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов. С. 34.

Другое войско под командованием Чурмагуна было отправлено в Переднюю Азию и Закавказье для уничтожения последнего очага сопротивления во главе с наследником хорезмшахов Джалал ад-Дина Манкбурны.

Укрепление власти Бату и усиление его войск позволило ему перейти к задаче захвата Заволжья и Нижнего Поволжья. Однако здесь им пришлось столкнуться с сильной коалицией народов, объединившихся перед угрозой с востока. В отечественной историографии принято или замалчивать вовсе или считать это сопротивление неудачным, а саму войну в Заволжье только неким введением к завоеванию Руси. Основным силовым и цементирующим узлом сопротивления монголам являлись не какие-то мифические «поволжские города-государства»[1], а Волжская Булгария со своими владениями в Нижнем Поволжье и, присоединившиеся к ней йемеки (кыпчаки) аланы, мадьяры (маджгарды/баджгарды). В 1229 г. центром сопротивления в районе Нижнего Поволжья являлся город и область Саксин, значительную часть населения которого составляли булгары и сувары. Скорее всего, именно развалины Саксина были найдены недавно астраханскими археологами близ с. Самосделка в дельте Волги. Не исключено, что после похода 1223 г. союзниками булгар в Саксине стали еще асы Подонья. Основной воинский контингент антимонгольской коалиции составляли йемеки во главе с родом ольбари (ильбари/ильбуре).

К сожалению, нам неизвестны детали этой войны, но есть основания полагать, что ареной ее стало Заволжье. Практически единственный источник, который содержит какие-либо подробности о событиях того года, является Лаврентьевская летопись, куда сведения могли попасть от самих булгар, которые в том же году приезжали для заключения мира с Владимиро-Суздальскими князьями. В ней сообщается: «Того же лета 6737 Саксины и Половцы въбегоша из низу к Болгарам перед Татары и Сторожеве Болгарьскыи прибегоша бъени от Татар, близ рекы, ей же имя Яик»[2]. Какие-то сведения о разговевшийся войне сохранились, видимо, в восточных источниках, так арабский автор конца XIII в. Ибн Васыл сообщает: «в 627 (1229/30 г.) вспыхнуло пламя войны между татарами и кыпчаками»[3].

---

[1] *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингиз-хана. — С. 339.

[2] ПСРЛ. Т.I. Лаврентьевская летопись. С. 453.

[3] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. С.73.

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что к этому сообщению в определенной мере примыкают известия, которые собрали во время своего путешествия брат Юлина, посетивший Булгарию в 1235 г. и следовавшие через территорию Поволжья Дж. дель Плано Карпини и Г. Рубрук о начальном этапе монгольских завоеваний в этом регионе. Оба ни с различными вариантами передают рассказы и слухи о некоей стране «Сасция» у Юлина, о городе «Саксов» или городе «Суммеркент», которые оказывали ожесточенное сопротивление монгольским войскам. Скорее всего, все эти историки вели речь об одном и том же городе, но называли его слов информаторов по своему, не говоря уже о том, что город «Саксов» — это явная ошибка или самого дель Плано Карпини, или исправление переписчика, читавшего неизвестное ему название, как известное германское «Саксония». Нельзя исключить, что в дельте Волги были и другие поселения, но главным городов — центром округи был Саксин. Именно о его обороне и падении сообщали все очевидцы. Действительно, странно было бы, если бы Г. Рубрук сообщил об обороне какого-то городка, но не упомянул о таком широко известном событии, как многолетняя борьба за Саксин. Убеждает в том, что речь идет об одном и том же городе и то, что археологические остатки городища «Самосделка» находятся на острове, образованном протоками Волги. Вот как повествует об этих событиях Дж. де Плано Карпини: «... они (т.е. монголы. — *И.И.*) осадили один город вышеназванных Саксов и пытались завоевать их, но те сделали машины против их машин и сломали все машины татар, так что те из-за машин и баллист не могли приблизиться к городу для сражения; наконец они сделали дорогу под землею и вскочили в город; и одни пытались зажечь город, а другие сражались. Жители же города назначили одну часть населения для тушения огня, а другая часть храбро сражалась с теми, которые вошли в город, и многих из них убила, а других ранила, заставляя их вернуться к своим; а сами Татары, видя, что не могут ничего сделать и что многие из них умирают, удалились от них»[1]. Рубрук же описывая дельту Волги и сравнивая ее с дельтой Нила близ Дамиетты, упомянул, что здесь «... находился город, по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда река разливается, город окружается водой. Раньше чем взять его татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Сарацины»[2]. Поскольку нам известно со слов Юлиана, что в 1237 г. он получил из-

[1] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 57-58.
[2] Там же. С. 185.

вестие, что Булгария и «Сасция» пали, то можно согласиться с Т. Олсеном, что заманчиво допустить, что Саксин начал подвергаться атакам монголов еще с 1229 г., но до определенного срока успех сопутствовал обороняющимся[1].

Вполне возможно, что причиной неудачи монгольских войск явились кроме героизма защитников Саксина и военная помощь со стороны булгар. Судя по сведениям русской летописи, в Заволжье были направлены булгарские сторожевые отряды, действовавшие вместе с ополчением Саксина и отрядами йемеков. Есть весьма обоснованное предположение, что булгарам в их походах помогали их союзники маджары[2].

Можно предположить, что эти действия булгар были предприняты в ответ на поход монголов на Саксин. Исходя из общей стратегической ситуации можно предположить, что это была попытка действовать на флангах монгольского войска и не дать блокировать Саксин. Только таким замыслом следует объяснять нехарактерную в целом для булгар тактика далекого похода в степь. Тем не менее, булгарские войска выдвинулись к берегам р. Яик (Джаик) и вступили в сражение с монголами. В конечном итоге, булгары и их союзники саксины и йемеки потерпели поражение. Однако их жертвы не были напрасными. Булгары уже во второй раз сорвали планы по завоеванию Поволжья, удачно используя различные тактические приемы от обороны до глубоко рейда в степь.

Поддержка булгар позволила консолидировать сопротивление йемеков. Очевидно, удары монгольских войск заставили непокорных кыпчаков отступить к Волге, но сопротивления они не прекращали. По мнению Т.Олсена примерно в это время произошла смена власти среди йемеков. Часть их покорилась монголам, а часть продолжала сопротивление во главе с Бачманом[3]. Трудно сказать, где находилась его родовая территория, но поздние татарские источники указывали, что она располагалась на Ахтубе (Ак-Туба)[4] и этому не противоречат сведения о его войне с монголами в Нижнем

---

[1] *Allsen Th.T.* Prelude to the Western Campaigns. P. 15-16; *Олсен Т.Т.* Прелюдия к западным кампаниям. С. 133.

[2] *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. III. С. 81; *Зимони И.* Первый монгольский рейд на Волжскую Булгарию // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 87-89.

[3] *Allsen Th.T.* Prelude to the Western Campaigns. P. 16-17; *Олсен Т.Т.* Прелюдия к западным кампаниям. С. 134.

[4] *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. Казань, 1972. С. 116.

Поволжье. Судя по данным очевидца этих событий Юлиана, вплоть до 1236 г. продолжали вести борьбу мадьяры (баджгарды) Южного Урала, несомненно, опираясь на военную поддержку Булгарии.

Поход Бату на Саксин провалился. Правитель Улуса Джучи вынужден был отступить, но неудача не заставила его отказаться от планов завоевания региона. Этому было несколько причин. Бату-хан мечтал о значительных завоеваниях на западе и расширении своих владений. Но была и другая причина. Очаг сопротивления в Поволжье мог перекинуться на недавно завоеванные области, недаром монголы не очень доверяли новым союзникам, поскольку часто отряды кыпчаков переходили на сторону противника, как это было в Китае.

Общая неудача предыдущих походов, однако, заставила Бату изменить тактику. Теперь основной удар решено было нанести прямо Волжскую Булгарию. Поход состоялся летом или осенью 1232 г. Об этом походе нам известно еще меньше, чем о других. Единственный источник наших сведений Лаврентьевская летопись лаконично сообщает: «В лето 6740 (1232 г.) ... Приидоша Татарове и зимоваша, не дошедшее Великого города Болгарьскаго...»[1]. Но даже из этого краткого сообщения можно сделать вывод, что на этот раз борьба разгорелась уже на территории Булгарии и объектом наступления стала столица — «Великий город» русских летописей или исторический Биляр. Это также заставляет думать, что вторжение осуществлялось из Приуралья, общим направлением через бассейн р. Шешма в сторону Биляра. Но сопротивление булгар и полевых войск, и защитников крепостей, не позволило монголам прорвать оборону и осадить столицу. Как бы то ни было, очевидно, что монголы были вынуждены отступить.

К 1234 г. в Заволжье сложилась парадоксальная ситуация. Несмотря на целый ряд военных успехов и даже, очевидно, определенного расширения территории Улуса Джучи на запад решающего успеха достигнуто не было. Недаром автор «Сокровенного сказания» был вынужден отметить, что «Субетай-Багатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено», а список этих стран включал Канлин (Канглы), Кибчаут (Кыпчаки), Бачжигит (Мадьяры), Орусут (Русь), Асут (Асы-аланы), Сесут (Саксин), Булар (Булгария), Келет (видимо, общее наименование поляков и венгров), «а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях». Иными словами, за одиннадцать лет непрерывной войны на границах с 1223 г. Улус Джучи

[1] ПСРЛ. Т.I. Лаврентьевская летопись. С. 459.

существенно не расширился. Неудивительно, что тот же автор «Сокровенного сказания» откровенно описывал эту ситуацию, говоря о Западе: «Вражеских же стран там много, и народ там свирепый. Это такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи. Мечи же у них, сказывают, остры...»[1]. Испытав остроту неприятельских мечей, правители Улуса Джучи оказались перед лицом общего краха всей своей военной политики. Недовольство Джучидов, которые являлись, определенно, одной из важных сил, поддерживавших Угедея на троне против других Чингизидов, заставляли великого хана с пониманием относиться к требованиям Бату начать общий поход на запад. Он вновь и вновь обращаться к «западной» теме, рассматривая ее наряду с другими войнами — с империей Южная Сун, с Кореей и Тибетом.

На курултае 1234 г. Бату был опять придан корпус Субедея, но для успешной войны, как показали события предыдущих лет, этого было явно недостаточно. Острота проблемы потребовала от великого хана пойти на беспрецедентный шаг и уже через год собрать новый курултай. Уступая, очевидно, давлению Джучидов, великий хан был вынужден объявить общемонгольский поход на Запад во главе с Бату-ханом. Интересные сведения о нем сохранил Ала ад-Дин Джувейни, использовавший материалы ханской канцелярии (отсюда общие моменты со сведениями Рашид ад-Дина) и рассказы очевидцев, поскольку писал в 1252/3 г. через полтора десятилетия после самих событий. Он писал: «Когда каан [Угедей] во второй раз собрал Великий курилтай, они [царевичи] вместе совещались об истреблении и покорении всех оставшихся [до сих пор] непокоренными. Было принято решение о завоевании пределов Булгар, Ас и Рус, находившихся по соседству со становищем Бату. До сих пор не подчиненных и [тщеславно] гордившихся множеством своих городов»[2].

В короткие сроки был осуществлен сбор дополнительных налогов и начался набор войск. По указу Угедея «старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых в своем ведении не имеют. Нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники, а также люди всех состояний, обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят

---

[1] *Козин С.А.* Сокровенное сказание. М.-Л., 1941. § 270. С. 192.

[2] Цит. по: *Арсланова А.А.* Сведения Ала ад-Дина Джувейни о завоевании монголами Волжской Булгарии // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988. С. 41.

на войну и царевны, и зятья»[1]. Тем самым, каждая семья обязана была выставить одного воина. Это была беспрецедентная мобилизация сил, подобной которой Монгольская империя не знала. Выполняя указ Угедея, многие Чингизиды участвовали в походе лично: младший сын Чингиз-хана Кулькан, сыновья Угедея Гуюк и Кадан, сыновья Тулуя Менгу и Бучек, сыновья Чагатя Бури и Байдар, а также все взрослые Джучиды — Бату, Орду, Шибан и Тангут, а из почетных эмиров Субедей-багатур, Бурундай-батыр и несколько других эмиров[2].

Именно Субедей, не дожидаясь сбора всех войск, начал наступление на йемеков[3]. Согласно его биографии из «Юань ши» каан Угедей в год «и-вэй» (21 января 1235 г. — 8 февраля 1236 г.) «приказал чжувану Бату пойти в Западный поход на Бачмана, и еще сказал так «[Мы] услышали, что Бачман имеет ловкость и отвагу, Субэтай тоже имеет ловкость и отвагу, поэтому сможет победить его». Поэтому приказал [Субетаю] быть в аввнгарде и сразиться с Бачманом, а затем еще назначил [его] командовать главной армией. После чего были захвачены жены и дети Бачмана на (берегу) Куан Тиен-чи-ссу (Каспийское море). Бачман узнал о приходе Субэтая, сильно оробел и сбежал в море»[4]. Из этого можно заключить, что прелюдией к «Западному походу» стал именно разгром йемеков под командованием Бачмана. Не сумев сдержать монголов, отряды Бачмана отступили к низовьям Волги, где перешли к тактике внезапных налетов на отдельные монгольские отряды. Обезопасив свой южный фланг от контратаки йемеков, Субедей мог готовить генеральное наступление на Булгарию.

Осенью 1236 г. объединенное монгольское войско стало выдвигаться к Поволжью. По данным персидского историка Ала ад-Дина Джувейни, после курултая царевичи разъехались по своим улусам для сбора своих войск и весной вышли на границы Булгарии. Вряд ли прав Д.Г. Хрусталев, считающий, что войска Бату выступили в поход двумя крыльями, из которых северное под командованием Бату вторглась в Булгарию, а южное под командованием Мунке должно было покорить «куманов (половцев), марийцев и мордву»[5].

---

[1] *Козин С.А.* Сокровенное сказание. § 270. С. 191-192.

[2] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник летописей. С.34.

[3] *Allsen Th.T.* Prelude to the Western Campaigns. P. 18-19; *Олсен Т.Т.* Прелюдия к западным кампаниям. С. 135.

[4] *Allsen Th.T.* Prelude to the Western Campaigns. P. 18-19; *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингиз-хана. С. 503.

[5] *Хрусталев Д.Г.* Русь: от нашествия до «ига» (30-40-е гг. XIII в.). СПб., 2004. С. 69.

Подобная диспозиция просто невозможна ни с точки зрения военной, ни с простой географией. Автор, весьма вольно препарируя тексты источников и выдергивая из контекста отдельные фразы, конструирует некий нелепый поход «южного» (!) крыла через кыпчаков на Верхнее Поволжье. Во-первых, подобное появление в пределах «зоны особого внимания Руси» значительных монгольских сил не могло не пройти незамеченным, но о нем молчат летописи. Во-вторых, непонятно, почему это крыло, воюющее в окрестностях Казани должно считаться «южным». Представляется, что оба этих крыла плод авторской фантазии и превратно понятых прозрачных сведений источников. Тот же Джувейни прямо писал: «По порядку войск все царевичи отправились на места их жительства, а весной двинулись из своих становищ и поспешили приступить [к делу]. В пределах Булгара царевичи сошлись. От множества их войск земля содрогнулась и даже дикие звери изумились численному превосходству и шуму их войск»[1]. Практически те же сведения сообщает Рашид ад-Дин, однако в его сведениях (то ли по его ошибке, то ли по вине переписчиков, посчитавших перечисление завоеваний повторами), вкралась ошибка и переплетений в один рассказ сведений о покорении булгар и их главного города Биляра и мадьяр ((«буларов» и «баджгардов» по сведениям Рашид ад-Дина) с другими сведениями о походе на Европу, где объектом нападения являлись «келары и башгирды» (т.е. поляки и венгры). Этот персидский автор писал, что после курултая царевичи: «... все сообща двинулись весною бечиниля, то есть года обезьяны, который приходится на месяц джумади II 633 г.х. (= 11.02 — 10. 03. 1236 г.), лето провели в пути, а осенью в пределах Булгара соединились с уругом Джучи: Бату, Ордой, Шибанном и Тангутом, которые были назначены на эти окраины»[2]. Из этого можно сделать вывод, что весной и летом 1236 г. войска Бату и его братьев сражались с мадьярами в Южном Приуралье, а летом выступили против булгар. По крайней мере, Юлиан, в то лето посетивший Булгарию и мадьяр в нескольких днях пути от столицы булгар, и 20 июня повернувшего обратно на пути назад встретил монгольского посла и от него узнал, что «татарское войско, находившееся тогда там же по соседству, в пяти дневках оттуда, хочет идти против Алемании, но дожидались они другого, которое послали для разгрома персов»[3]. То есть, в полном соответствии с данными офи-

---

[1] Цит. по: *Арсланова А.А.* Сведения Ала ад-Дина Джувейни. С. 42.

[2] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник летописей. С. 34.

[3] *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. С. 81.

циальной монгольской традиции, войска Бату летом готовились к вторжению, ожидая подхода к ним на помощь сил других Чингизидов. В этом смысле слова посла, как и его хвастливые заявления о численности монгольских войск («татары утверждают, будто у них такое множество бойцов, что его можно разделить на 40 частей, причем не найдется мощи на земле, какая бы в силах противостоять одной их части»[1]), могут быть явной дезинформацией и актом психологической войны, обычным для тактики монголов, распространения слухов о непобедимости и неисчислимости монгольских войск, которые станут еще более могучими после присоединения к ним победоносных войск из Ирана, с целью деморализации противника. Вряд ли, Бату стал бы дробить свои силы, поскольку для него слишком много было поставлено на карту, а булгары были достаточно сильным противником, чтобы оставить им надежду на успех.

Победа над булгарами открыла монголам путь к завоеванию всего Поволжья. Скорее всего, именно в это время их войска разделились и принялись завоевывать поволжские земли одну за другой. Не исключено, что летом 1237 г. войска Бату частично отошли в заволжские степи, чтобы отдохнуть и пополнить свои ряды резервами, а какие-то отряды продолжали воевать в Булгарии, подавляя сопротивление отдельных городов и областей. Пополнение войск за счет покоренных народов, видимо, являлось обычной практикой. Об этом сообщает, в частности, Фома Сплитский: «Потом, пополнив свои воинские соединения прежде всего за счет племен куманов и многих других покоренных ими народов, они снова повернули против рутенов»[2].

В условиях отсутствия единой объединяющей силы, которой до своего разгрома являлись булгары, вожди отдельных племен или правители владений выбирали свою модель поведения — или признавать власть монголов или сражаться и умереть.

Литература

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. III.

Арсланова А.А. Сведения Ала ад-Дина Джувейни о завоевании монголами Волжской Булгарии // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.

---

[1] Там же. С. 90.

[2] *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997. С.104.

Васильев Д.В. Местоположение и население города Саксин // Великие реки и мировые цивилизации. Материалы Международной научной конференции 7-9 сентября 2006 г. К 450-летию со дня основания Астрахани. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2006.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Городище Самосделка — памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк: ДонНУ, 2003.

Зиливинская Э. Д., Васильев Д.В., Гречкина Т. Ю. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // Российская археология, 2006, № 4.

Зимони И. Первый монгольский рейд на Волжскую Булгарию // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.

Ибн ал-Асир. Китаб ал-камил фи-т-та'рих // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973.

Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941.

Олсен Т.Т. Прелюдия к западным кампаниям: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе. 1217-1237 гг. // Научный Татарстан. 2003, №3/4.

Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.—СПб.: Евразия, 2006.

ПСРЛ. Т.I. Лаврентьевская летопись. М., 1998.

ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.). М., 1971.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.-Л., 1941.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884.

Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. Казань, 1972.

Храпачевский Р.П. Военная держава Чингиз-хана. М., 2004.

Хрусталев Д.Г. Русь: от нашествия до «ига» (30-40-е гг. XIII в.). СПб., 2004.

Allsen Th.T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217-1237 // Archivum Eurasiae medii aevi. 1983. Vol. III.

Golden P.B. Cumanica II: The Olberli (Olperli): The Fortunes and Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan // Archivum Eurasiae mediiaevi. 1986. Vol. 6.

Б.А. Илюшин
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород)

Военное дело российских служилых татар XV-XVII вв.

Военное дело российских служилых татар, насколько нам известно, еще не становилось объектом исследования, хотя по этому вопросу имеются и некоторые источники, и в литературе он затрагивался. Историография вопроса была рассмотрена нами в соответствующей статье (пока, правда, неопубликованной), здесь же в силу ограниченного объема нет возможности подробно ее охарактеризовать. Ограничимся краткими замечаниями. Служилые татары являются объектом исследования еще с позапрошлого века. Однако, как и теперь, исследовались в основном социально-экономическое, правовое положение, событийная история служилых татар. Военное дело объектом исследования не становилось. На то были объективные причины, о которых будет сказано ниже. По причине малочисленности литературы весьма затруднительно выделить этапы историографии.

В работах В.В. Вельяминов-Зернова, С.М. Середонина, А.В. Чернова рассмотрены участие служилых татар в войнах Московии[1], некоторые аспекты их военного дела и боевых задач, мифологизация образа татар в Европе[2], численность[3], причины возникновения этой категории служилых людей и их военное значение в XV в.[4] Несмотря на наличие интереса к служилым татарам в последние годы,

---

[1] *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.1-4. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863-1887.

[2] *Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russia common wealth» как исторический источник. СПб., 1891. С.334-347.

[3] *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII вв. М., 1954. С.86

[4] *Павлов Н.П.* Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института, Т. IX, Вып. 1., Красноярск, 1957.

специальных исследований, посвященных их военному делу, по-прежнему нет. Существуют реконструкции внешнего вида касимовских служилых татар, выполненные М.В. Гореликом[1] и П. Васиным[2], опубликованные в популярных изданиях и без ссылок на источники. При этом, как показало наше исследование, данные реконструкции в основном отражают исторические реалии. В последние годы историей служилых татар и Чингисидов активно занимается А.В. Беляков. В фундаментальном исследовании по Чингисидам в России XV-XVII вв. он подробно перечисляет войны XVI-XVII вв., в которых принимали участие дворы служилых Чингисидов. Делает он это в основном по русским источникам, реже привлекая сведения иностранцев, и то, в весьма лаконичной форме[3]. Автор характеризует служилых татар как вспомогательные легковооруженные войска, в задачи которых входили разведка, диверсии, подрыв экономической базы и нарушение коммуникаций противника. Чуть затрагивает вопрос о вооружении сибирских служилых татар в своей диссертации З.А. Тычинских[4].

Таким образом, можно отметить отсутствие специальных исследований по военному делу служилых татар Московии. Одной из причин этого является малочисленность источников (письменных и вещественных). И если первые дают хоть какое-то представление о вооружении и тактике татарских отрядов, то вторые практически отсутствуют. Другой причиной отсутствия исследований является факт сходства военного дела в рассматриваемый период у народов Восточной Европы и Ближнего Востока.

При рассмотрении военного дела служилых татар мы учли следующее. Во-первых, за время существования в Московском государстве института служилых татар его состав пополнялся выходцами из Большой орды, Крымского, Казанского и Астраханского ханства, Ногайской орды, а с конца XVI в. — и Сибирского ханства, которые, по крайней мере, в первое время, продолжали пользоваться своим прежним вооружением и привычной тактикой. Следовательно, нужно учитывать данные, имеющиеся по военному делу татар

---

[1] История России и ее ближайших соседей. Т.5. От древних славян до Петра Великого (под ред. М.Д. Аксеновой). М., 1995.

[2] *Васин П.* Касимовские татары // Империя истории. 2006, № 4. С. 98-104

[3] *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV-XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мір, 2011

[4] *Тычинских З.А.* Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII-XIX вв.): дисс. … к.и.н., спец. 07.00.07. Казань, 2007. С.180-189

крымских, казанских, астраханских, сибирских, ногайских, а также учесть наследование ранними служилыми татарами оружейных традиций Золотой орды. Во-вторых, в рассматриваемый период оружейный комплекс народов Восточной Европы, особенно татарских, был принципиально схожим, и, в тоже время, испытывал сильное турецко-иранское влияние. Невозможность атрибутировать предметы вооружения XVI-XVII вв. отмечена в историографии[1]. В-третьих, у служилых татар европейской части России своего производства оружия практически не было, и они могли либо закупать его у купцов из мусульманских стран, либо пользоваться русским, которое также копировало иранские и турецкие образцы (это отметил в личной беседе Л.А. Бобров. О том же пишет А.В. Беляков[2]), что окончательно делало их оружейный комплекс идентичным русскому.

Из-за скудности источников многие составляющие военного дела служилых татар могут быть охарактеризованы только гипотетически, путем переноса имеющихся данных по татарским государствам. По сути, выделение военного дела служилых татар Московии затруднительно. Скорее можно говорить о рассмотрении конкретных сведений о нем, подтверждающих его схожесть с таковым у других народов Восточной Европы.

Важнейшее значение для данного исследования имеют европейские письменные источники XV-XVII вв. — воспоминания путешественников, дневники, исторические произведения. Европейцы отмечали все необычное, что отличает их от русских летописцев, не тративших места для описания привычных явлений, в т.ч. татар. Поэтому русские нарративы в данном случае менее информативны. Важными источниками являются такие документы российского делопроизводства, как разборные десятни, содержащие сведения о служилых людях — количество земли, боевых холопов, коней, вооружения. Их, однако, на настоящий момент удалось найти по татарам всего две (за первую половину XVII в.). В определенной степени можно использовать также данные европейских изобразительных источников, на которых изображены служилые татары литовские, а также крымские (прежде всего, в силу сходства вооружения и всего облика татар XVI в., о чем сообщают письменные источники).

---

[1] *Измайлов И.Л.* Вооружение Казанского ханства (XV-XVI вв.) (к постановке проблемы) // Заказанье: проблемы истории и культуры. Материалы конференции. Казань, 1995. С. 135; *Бобров Л.А.* «Ответный удар» (Этапы «вестернизации» доспеха Передней, Средней и Центральной Азии в эпоху Позднего Средневековья и Нового времени) // Parabellum. Военно-исторический журнал. М., 2004, № 2 (22). С.85

[2] *Беляков А.В.* Чингисиды. С.134

Наличие у служилых татар сер. XV в. доспехов косвенно отмечается в одном из ранних источников — Летописи Авраамки. Во время войны с новгородцами в 1456 г. в Русе было побито 50 москвичей и татар, а также европейских наемников. Многие новгородские воины, войдя в Русу, спешились и начали грабить убитых «шестноков и Татаров», снимали «платье и доспехи»[1]. Неясно, какие это были доспехи. Вероятно, что первые десятилетия своего существования на Руси в качестве отдельной группы служилых людей, татары сохраняли прежний, восходящий к золотоордынским традициям, оружейный комплекс. Однако во второй половине XV-XVI вв. происходят изменения в военном деле кочевников Восточной Европы. Европейцы описывают основную массу татар (в т.ч. служилых) как легковооруженных лучников[2]. Герберштейн не выделяет крымских, казанских, служилых российских татар, отмечает их схожесть, хотя и отмечает, что это разные народы с одним именем. Касательно защитного вооружения он пишет: «Если же им приходится сражаться на узком пространстве... они пускаются в бегство, так как не имеют ни щитов, ни копий, ни шлемов, чтобы противостоять врагу в правильной битве»[3].

Источники времен Ливонской войны повторяют это прямо и косвенно. В первом случае мы имеем в виду сообщение Якоба Ульфельдта о встреченном им отряде служилых татар: «В тот день эту дорогу пересекло много татар. Это люди безобразные [с виду], они двигались отрядами, направляясь в Ливонию против шведов и поляков. Все они были на конях, легко вооружены и не имели никакого другого воинского снаряжения, кроме луков»[4]. Во втором случае это пространное описание стычки с татарами, сделанное Лукой Дзялынским, произошедшей 17 августа 1580 г. в лесах на территории нынешней Смоленской области. Отряд из 200 пеших гайдуков (авангард крупных королевских сил) расположился среди леса, возле реки Полонной, и большая часть воинства отправилась рубить деревья для наведения моста. В это время их начальник Выбрановский с поручиком поехали дальше осмотреться и наткнулись на трех татар. Те кинулись было на них, но при виде ружей отступили и принялись звать своих. Выбрановский с поручиком бросились к гайдукам, и

---

[1] ПСРЛ. Т.16, М., 2000. С. 195.

[2] Барбаро и Контарини о России. М.: Наука. 1971. С. 223; *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 66.

[3] *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. А.И.Малеина и А.В.Назаренко. М.: Изд-во МГУ, 1988. С.168

[4] *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию / Пер. Л. Н. Годовиковой М., 2002. С.295

так навели на лагерь крупный татарский отряд. Как сообщает автор, «наших случилось тут только 8 человек, которые лежали; все другие рубили лес для моста, вот почему наши не могли достать так скоро огня для фитилей, а татары уже ворвались. Несколько наших выскочили с топорами, копьями, саблями, вооружившись чем кто мог на скорую руку. В это время один татарин кинулся впереди других с саблей на Выбрановского, но случившийся тут пехотинец пустил в него топором и угодил в висок, так что татарин свалился с коня; тогда солдат копьем проколол его насквозь, так что тот тут же и умер. Другие татары вмиг подхватили его труп на лошадь; наши стали колотить татар обухами, другие успели уже взяться за ружья. Увидев это, татары отступили, продолжая стрелять; убитого двое взяли с собою и, положив его поперек коня ускакали так поспешно, что растеряли стрелы и шапки и оставили один лук. ... Таким образом татары ускакали; не сделав никакого вреда, даже не ранив никого из наших, а между тем потеряли одного из своих». Кроме того, ниже отмечено, что татары имели 57 хороших лошадей и были богато одеты, что говорило об их силе («были людьми отборными») и находящихся поблизости их крупных сил[1].

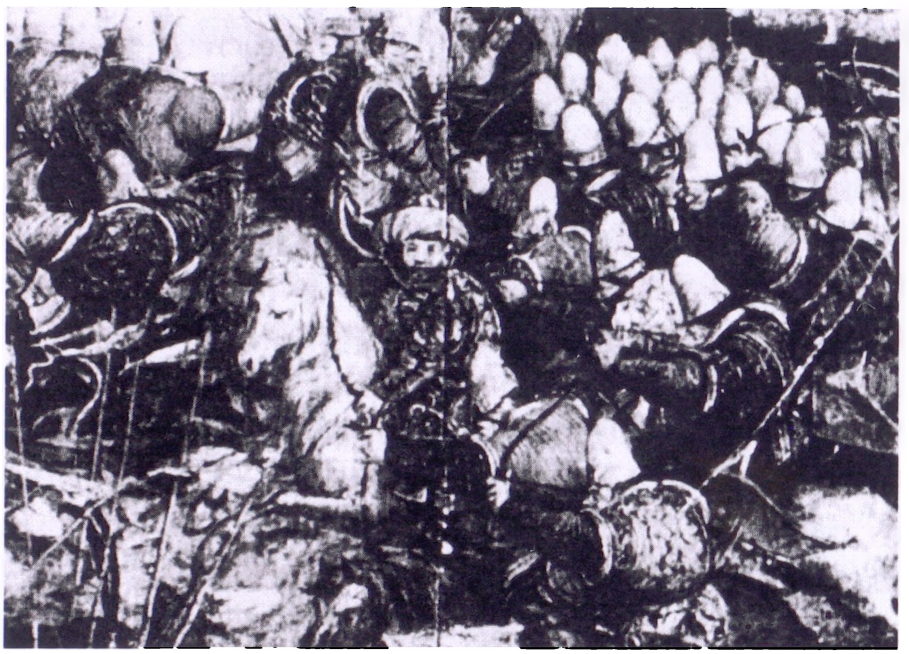
Татарин.
Рисунок, приписываемый школе Фредерико Зуккано (School of Federico Zuccaro) и датированный в широких рамках второй половины XVI в.

Судя по этому сообщению, татары не имели защитного вооружения (по крайней мере, часть их), ибо при бегстве они теряли

[1] *Дзялынский Лука*. Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.). М., 1897. С.28-30.

шапки (т.е. были в шапках, а не шлемах). Один из татар был сбит с коня ударом брошенного топора в висок, а затем был проколот насквозь копьем. Вполне возможно, что он также был без доспехов.

Однако в то же время знатные крымские татары при подготовке к набегу на европейские страны закупали у персов железные шлемы, брони и сабли[1]. Хотя сообщение относится в первую очередь к крымским татарам, его отчасти можно отнести и к российским, т.к. в тот период еще наблюдался «выезд» крымских татар в Московию.

Фрагмент картины неизвестного художника «Битва под Оршей» с литовскими татарами

Определенную информацию о вооружении татар несут европейские изобразительные источники первой половины XVI в. На картине «Битва под Оршей»[2] литовские служилые татары одеты в тегиляи красного, желтого, бирюзового и зеленого цветов, с короткими широкими рукавами и высоким стоячим воротником. Шлемов нет, на головах – высокие белые колпаки. На картине Альтдорфера «Битва Александра Македонского с Дарием» также изображены «восточные лучники». Их розовые кафтаны (тегиляи) имеют толстые рукава, прикрывающие всю руку, низкий подол, доходящий до колен) и низкий воротник. Нижние края оторочены белым (мехом?). Такая же оторочка идет вокруг плеч, поэтому можно предположить, что рукава, все же, не являются частью тегиляя. На плечах же заметны некие ромбовидные пластины — возможно, металлические

---

[1] *Йовий Павел.* Книга о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII. Пер. А.И. Манина, О.Ф. Кудрявцева // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 289.

[2] http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Battle_of_Orsha_(1514-09-08).jpg?uselang=ru

нашивки[1]. Данный тип «мягкого» доспеха бытовал в XV-XVII вв. еще шире — вплоть до Ирана и Азербайджана, где, по некоторым предположениям, и возник, и откуда затем попал в оружейный комплекс золотоордынских воинов[2]. Поэтому данный вид доспеха можно считать в случае со служилыми татарами (и русскими) золотоордынским наследием.

Одно из самых ранних европейских изображений татарина (предположительно, А. Дюрер)

На гравюре начала XVI в., приписываемой А. Дюреру, татарин имеет круглый щит, перекинутый за спину на ремне[3]. Интересно, что на картине Альтдорфера в правом нижнем углу среди рыцарей просматриваются еще воины в розовых тегиляях и белых колпаках, но у них красные длинные пики с красными флажками на конце и щиты – круглый, а также фигурный щит, схожий с щитами легкой литовской конницы с картины «Битва под Оршей». Тут уже трудно сказать что-то определенное на этот счет. Письменные источники отмечают наличие у некоторого числа татар копий, однако настораживает фигурный щит, совсем не восточный. Возможно, это уже фантазия художника, а возможно – изображение реальных татарских конных копейщиков.

Крайняя скудость музейных и археологических материалов по европейским служилым татарам, как уже говорилось, весьма ограничивает возможности реконструировать их оружейный комплекс. В Краеведческом музее г. Касимова имеется экспонат, значащийся как доспехи татарского воина XVI в. Однако, в данном случае, как и в ряде других, мы имеем дело не с настоящими татар-

---

[1] http://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Battle_of_Issus_by_Altdorfer?uselang=ru

[2] *Горелик М.В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение XIII-XIV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 250.

[3] http://www.kitabhona.org.ua/index.php/libizo/176-tatareurmin

скими доспехами, а с их имитацией с использованием поздних доспехов иранского происхождения. Это кольчуга и поздний (XVIII-XIX вв.)[1] вариант иранского шлема кулах-худ.

Как и в случае с защитным вооружением, сведений о наступательном вооружении очень мало. Контарини сообщал в XV в.: «Утверждают также, что во всей Орде не найдется и двух тысяч мужчин, вооруженных саблями и луками; остальные — это оборванцы без всякого оружия»[2]. Такое заявление выглядит весьма гротескно, но может отчасти отражать реальную ситуацию обеднения кочевников. В начале XVI в., по сообщению С. Герберштейна, оружие татар — «лук и стрелы, сабля у них редка»[3]. То же самое писал и Павел Йовио (Паоло Джовио): татары при отражении врага полагаются «на одни только стрелы», но ниже он добавляет, что при подготовке к набегу на европейские страны их правители закупают у персов, помимо прочего, и сабли[4].

В Псковской летописи имеется сообщение о победе русско-татарских войск над немцами в 1501 г.: «А не саблями светлыми секоша их, но биша их москвичи и Татарове аки свиней шестоперы»[5].

На картине «Битва под Оршей» литовские служилые татары вооружены луками и саблями. Они стреляют по московитам на скаку. У некоторых на левом боку видны налучья в форме половины лука; в них можно было хранить оружие с натянутой тетивой. На картине Альтдорфера у «восточных всадников», что в центре, оружие также представлено луком и саблей. Сабля слабо изогнута, и убрана в черные ножны. У похожих на них всадников из нижнего правого угла имеются пики. Они красноватого оттенка, с коротким узким наконечником, красным флажком под ним, и длинной, более чем вдвое превышающей рост всадника. Правда, имеется большое сомнение в том, что тут изображены именно татары, и это не результат фантазии художника.

Источники времен Ливонской войны сообщают, что основным оружием служилых татар был лук[6], а для ближнего боя ис-

---

[1] Это определил Л.А. Бобров во время личной беседы

[2] Барбаро и Контарини о России. С. 223.

[3] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С.168.

[4] *Йовий Павел.* Книга о посольстве Василия. С. 289.

[5] *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 409.

[6] *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию. С. 295.

пользовались сабли[1]. П. Петрей в начале XVII в. также отмечает, что оружие татар – луки, стрелы, сабли[2].

Исследованные нами разборные десятни 1622 г. рисуют ту же картину для первой половины XVII в. В десятне по Московскому уезду все 5 татар разного материального достатка вооружены саадаком. Ничего кроме него и коня у них не отмечено[3], как и у основной массы русских. Десятня по Боровску свидетельствует о том же: семеро татар вооружены саадаком (трое на конях, четверо на меринах)[4].

К «вогненному бою» служилые татары, как и татары крымские, казанские, ногайцы, были непривычны. Европейские источники XVI-XVII вв. однозначны в этом плане[5]. При этом все же иногда огнестрельным оружием они пользовались. Так, известно, что Лжедмитрия II Джан-Арслан застрелил из пищали[6]. Также имеется опись имущества сибирского царевича Азима б. Кучума за 1615 г., среди которого отмечен самопал шведский[7]. Разумеется, у знатных служилых татар могло иметься огнестрельное оружие, особенно удобные самопалы, подходящие для ведения огня в т.ч. с коня, но они не являлись массовым боевым оружием (по крайней мере, этого не видно по другим источникам).

Стоит отметить, что и среди русских дворян огнестрельное оружие распространялось медленно, и только после Смуты окончательно вытеснило лук и стрелы[8], но и то не везде[9]. Известно, что луки до XVIII в. опережали пищали в скорострельности, были более эффективны, особенно для конного боя. Служилые татары в XVI-XVII вв. использовались как легкая маневренная конница, основной задачей которой были разведка, диверсии, захват пленных,

---

[1] *Дзялынский Лука.* Дневники второго похода. С. 28-29.

[2] О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 207.

[3] РГАДА. Ф.210. оп.4, к.112., лл.1-18.

[4] РГАДА. Ф.210. оп.4, к.177, лл.1-56, л.47 об.

[5] *Флетчер Дж.* О государстве русском. М., 2002. С. 94; *Маржерет Ж.* Состояние российской империи. М., 2007. С. 169; *Дзялынский Лука.* Дневники второго похода. С.28-30, 32-33; О начале войн и смут в Московии. С. 207-208; Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 2. СПб., 1859. С. 219.

[6] О начале войны и смут в Московии. С. 357-358.

[7] *Беляков А.В.* Чингисиды. С. 132

[8] *Чернов А.В.* Вооруженные силы. С. 79-81; *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656-1671 гг. М., 2006. С. 19-34.

[9] *Смирнов Н.В.* Тверские «служилые города» в XVII в.: дисс.... к.и.н.: 07.00.02. СПб., 2002. С. 196

отражение набегов степняков. Поэтому в данном случае можно считать одной из причин отсутствия в их арсенале огнестрельного оружия его неэффективность для выполнения поставленных задач.

Выходцы из татарских государств продолжали пользоваться прежним вооружением. Знать крымцев, ногаев, сибирских и казанских татар имела широкий выбор защитного и наступательного вооружения. Поэтому можно сказать, что на оружейном комплексе этой части служилых татар сказывались турецкие, иранские, среднеазиатские, а в случае с сибирскими татарами и центрально-азиатские традиции[1]. В значительной степени служилые татары были наследниками еще золотоордынских традиций, и даже более ранних. К последним относится преобладание кольчуги. Кольчато-пластинчатые панцири, столь популярные в рассматриваемый период, вероятно, имеют золотоордынское происхождение[2]. Пластинчато-нашивные доспехи (куяки) связаны с центрально-азиатской традицией. Подробнее рассматривать данный вопрос здесь нет возможности.

Таким образом, вооружение служилых татар по данным источников представляется таким: основным оружием были лук и стрелы. В ближнем бою могли использоваться сабли, шестоперы, реже копья. Основная масса татар не имела доспехов, или же использовала для защиты корпуса тегиляи. Знать могла себе позволить разнообразные шлемы (мисюрки, иерихонки, шеломы), доспехи (кольчуги, пластинчато-кольчатые, пластинчато-нашивные), дополнительные средства защиты. То есть в XVI-XVII вв. служилые татары были легковооруженными конниками.

Тактика служилых татар соответствовала их вооружению и имела древние истоки в кочевой среде. В «Летописи Авраамки» приводится рассказ о битве москвичей с новгородцами 1456 г., когда «Татарове начаша стреляти кони» у новгородцев, а потом ударили сзади и со сторон, и «смутиша» новгородскую силу[3]. В летописи, как правило, скупой на подробности в описании боевых дей-

---

[1] *Шлюшинский А.В.* Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири XIII-XVIII вв. дисс. ... к.и.н.: 07.00.06. Омск, 2007; *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Шлемы сибирских татарских воинов (из собрания Тобольского государственного музея-заповедника) // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3. Казань, 2011. С. 49; *Измайлов И.Л.* Вооружение Казанского ханства (XV-XVI вв.). С. 135-139; *Трепавлов В.В.* История Ногайской орды. М., 2002. С. 578-582.

[2] *Горелик М.В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение XIII-XIV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 247.

[3] ПСРЛ. Т.16, М., 2000. С. 295.

ствий, видимо, специально отмечены действия татар: они стреляли по лошадям, дабы лишить противника ударного потенциала, мобильности, смутить его. Это очень напоминает тактику монголов, описанную еще в конце XIII в. Марко Поло[1]. Схожую «татарскую» тактику против новгородцев применили московские воска в битве 1471 г. (возможно, в ней участвовали и татары)[2].

Хорошо известно подробное описание тактики татар у Герберштейна: «В седле они имеют обыкновение сидеть, поджав ноги, чтобы иметь возможность поворачиваться в ту или другую сторону; если они случайно что-либо уронят [и им нужно будет поднять это с земли, то, не вынимая ног из стремян], они поднимают (вещь) без труда. [В этом они столь проворны, что] могут сделать то же самое на полном скаку. Если в них бросаешь копье, они уклоняются от удара, внезапно соскользнув на один бок и держась за лошадь только одной рукой и ногой». «Сражение с врагом они начинают издали и очень храбро, хотя долго его не выдерживают, а обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то [при первой возможности] татары пускают назад в них стрелы; затем, внезапно повернув лошадей, снова бросаются на расстроенные ряды врагов. Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтоб тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом (по кругу) наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Правда для этого у них есть опытные в сих делах вожатые (ductores), за которыми они следуют. Но если эти (вожатые) или падут от вражеских стрел, или вдруг со страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага. Такой способ боя из-за сходства называют пляской. Если же им приходится сражаться на узком пространстве, то такой способ боя уже неприменим, и поэтому они пускаются в бегство, так как не имеют ни щитов, ни копий, ни шлемов, чтобы противостоять врагу в правильной битве»[3]. Михалон Литвин подчеркивает, что татары стремятся в атаке охватить левый фланг вражеского войска «с тем, чтобы сподручнее было обстреливать»[4].

---

[1] Книга Марко Поло // История монголов. М., 2005. С. 367.

[2] *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск. С. 122; ПСРЛ. Т.6, СПб., 1853. С. 193.

[3] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 168-169.

[4] *Михалон Литвин.* О нравах татар. С. 66.

Служилые татары прибегали к засадам и ложным отступлениям[1]. В случае отступления татары продолжали отстреливаться, а в критической ситуации бросали весь лишний груз, оставляя только оружие[2]. Татары старались использовать эффект внезапности. Не всегда проявляли стойкость в ближнем бою[3]. Однако нельзя сказать, что они всегда его избегали[4]. Действуя «по обстановке», они могли вступить в рукопашный бой, используя сабли, и даже атаковать в спешенном положении[5]. Из специфических «кочевнических» черт можно упомянуть использование аркана для выведения противника из строя и его пленения[6]. Известен пример взаимодействия татар с русскими служилыми людьми — защитниками осажденного Пскова в 1580 г. Татары выехали за ворота и выманивали противника, оставаясь под прикрытием стрелков на стене[7].

Примерно так мог выглядеть российский служилый татарин первой половины XVI в. Реконструкция Б.А. Илюшина. Худ. Е.А. Шерстнёв (2013). Рядовой татарин вооружён саблей и саадаком; для защиты использует популярный в XV-XVII вв. тегиляй, схожий с русским. При реконструкции использованы данные письменных и изобразительных источников («Битва под Оршей», «Битва Александра»)

---

[1] *Дзялынский Лука.* Дневники второго похода. С. 32-33, 49.

[2] *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 168; О начале войн и смут в Московии. С. 207-208.

[3] Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603-1613 гг.), известный под именем Истории ложного Димитрия (Historya Dmitra falszywego) // Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб. 1872. С. 200-201

[4] *Дзялынский Лука.* Дневники второго похода. С. 28-30.

[5] Дневник событий, относящихся к Смутному времени. С. 153.

[6] *Ниенштедт Ф.* Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III-IV, 1880-1883. С. 49.

[7] Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию / Пер. О. Н. Милевского. Псков, 1882. С. 92-93.

Таким образом, можно считать установленным, что у служилых татар преобладал дистанционный конный бой — мобильные отряды конных лучников стремились нанести противнику максимальный урон, не вступая в непосредственное столкновение с ним, что отчасти связано с отсутствием у основной их массы защитного вооружения. Такая тактика характерна для татар уже в XV в.

Снижение роли тяжелой конницы и ее исчезновение у кочевников наблюдается в указанный период на территории от Западной Сибири до Крыма. При этом вплоть до XVII в. среди ногаев, крымских, сибирских, поволжских татар не получило широкого распространения огнестрельное оружие, а пробивная сила стрел не возросла столь сильно, чтобы существовавший комплекс защитного вооружения перестал быть надежной защитой. Напротив, как показывает осмотр имеющихся в распоряжении ученых некоторых кольчуг и письменные источники, даже в XVIII в. кольчуги в сочетании с «мягким» доспехом из органических материалов выдерживали попадание не только стрел, но иногда и пуль[1]. Следовательно, сокращение использования защитного вооружения и исчезновение тяжелой конницы у кочевых народов в рассматриваемый период не было связано с распространением огнестрельного оружия — они с ним редко сталкивались (даже в первой половине XVII в. и русские воины, охранявшие лесостепные районы от татарских и ногайских набегов в основной массе не имели огнестрельного оружия[2]). Точно также и среди татар XV-XVI вв., в т.ч. служилых (российских и литовских), воевавших с вооруженным ручным огнестрельным оружием противником, тяжелая конница вышла из употребление не из-за своей неэффективности (напротив, у европейских народов и в XVII в. продолжала использоваться панцирная кавалерия, как, например, у поляков), а по иной причине. Нам видится, что в данном случае прав М.В. Горелик, находивший причину в экономическом и социально-политическом кризисе разваливавшейся Орды в XV в., который способствовал обеднению кочевых этносов, заставляя их все чаще полагаться на древнюю тактику дистанционного лучного боя. При этом на западе Великой степи возникла «татарская» военная традиция, для которой было характерно преобладание легкой конницы, почти полное отсутствие доспехов из твердых материалов у

---

[1] *Филиппович Ю.А., Бобров Л.А.* Кольчужный «жилет» из Горного Алтая // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2013. С.107, 111.

[2] *Смирнов Н.В.* Тверские «служилые города» в XVII в. С. 196.

основной массы воинов, при изобилии импортных доспехов у военной элиты[1]. Это процесс пришелся как раз на время формирования и первые полтора века существования служилых татар в Московии. Да и на царскую службу шли нередко не от хорошей жизни, что также могло сказываться на уровне вооружения. Зато татары были отличными наездниками и стрелками, что способствовало использованию их именно как легкую конницу.

При этом татары в плане редкости доспехов мало отличались не только от русских служилых[2], но и от ордынцев, хотя у последних высока была роль тяжелой конницы[3]. В целом же, можно заключить, что служилые татары обладали вооружением, соответствующим их тактическим задачам и функциям, и не очень уступавшим вооружению их русских сослуживцев.

Литература

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009.

Барбаро и Контарини о России. М. Наука. 1971

Беляков А.В. Чингисиды в России XV-XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мір, 2011.

Бобров Л.А. «Ответный удар» (Этапы «вестернизации» доспеха Передней, Средней и Центральной Азии в эпоху Позднего Средневековья и Нового времени) // Parabellum. Военно-исторический журнал. М., 2004, № 2(22). С. 85-106.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Шлемы сибирских татарских воинов (из собрания Тобольского государственного музея-заповедника) // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3. Казань, 2011. С. 43-52.

Васин П. Касимовские татары // Империя истории. 2006, № 4. С. 98-104.

Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.1-4. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863-1887.

---

[1] *Горелик М.В.* Монгольская латная конница и ее судьба в исторической перспективе // Военное дело Золотой орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 года). Казань, 2011. С. 56-57.

[2] *Чернов А.В.* Вооруженные силы. С. 79-80.

[3] Горелик М.В. Монгольская латная конница; *Иванов В.А.* Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологическом контекстах: где истина? // Военное дело Золотой орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 года). Казань, 2011. С. 72-77.

Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М.: МГУ, 1988.

Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение XIII-XIV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.

Горелик М.В. Монгольская латная конница и ее судьба в исторической перспективе // Военное дело Золотой орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 года).. Казань, 2011. С. 47-58.

Дзялынский Лука. Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.). М., 1897.

Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию / Пер. О. Н. Милевского. Псков, 1882.

Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603-1613 гг.), известный под именем Истории ложного Димитрия (Historya Dmitra falszywego) // Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб., 1872.

Иванов В.А. Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологическом контекстах: где истина? // Военное дело Золотой орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума (Казань, 30 марта 2011 года). Казань, 2011. С.72-77.

Измайлов И.Л. Вооружение Казанского ханства (XV-XVI вв.) (к постановке проблемы) // Заказанье: проблемы истории и культуры. Материалы конференции. Казань, 1995. С. 135-139

История России и ее ближайших соседей. Т. 5. От древних славян до Петра Великого / Под ред. М.Д. Аксеновой. М., 1995.

Йовий Павел. Книга о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII. Пер. А.И. Манина, О.Ф. Кудрявцева // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997.

Книга Марко Поло // История монголов. М., 2005. С. 358-365.

Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656-1671 гг. М., 2006.

Маржерет Ж. Состояние российской империи. М., 2007.

Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.

Московское посольство Антонио Поссевино (пер. Л. Н. Годовиковой) // Вестник МГУ. Сер. IX. История. 1970, № 5.

Ниенштедт Ф. Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III-IV, 1880-1883.

О начале войн и смут в Московии. М., 1997.

Павлов Н.П. Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института, Т. IX, вып. 1., Красноярск, 1957

ПСРЛ. Т.6, СПб, 1853

ПСРЛ. Т.16, М., 2000

Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russia common wealth» как исторический источник. СПб., 1891.

Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 2. СПб., 1859.

Смирнов Н.В. Тверские «служилые города» в XVII в.: дисс.... к.и.н.: 07.00.02. СПб., 2002.

Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М., 2002

Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII-XIX вв.): дисс. ... к.и.н.: 07.00.07. Казань, 2007.

Ульфельдт Я. Путешествие в Россию / Пер. Л.Н. Годовиковой. М., 2002.

Филиппович Ю.А., Бобров Л.А. Кольчужный «жилет» из Горного Алтая // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2013. С.106-113.

Флетчер Дж. О государстве русском. М., 2002.

Чернов А.В. Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII вв. М., 1954.

Шлюшинский А.В. Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири XIII-XVIII вв. дисс. ... к.и.н.: 07.00.06. Омск, 2007.

А.Ш. Кадырбаев
(ИВ РАН, Москва)

Чингиз-хан и первые жертвы его завоеваний — монголы, уйгуры, тангуты и чжурчжэни

Первые упоминания о монголах приводятся в китайских источниках под названием «мэнгу» и относятся к эпохе Тан (VII–IX вв.). Они жили по южному берегу р. Амур, западнее впадения в Амур его притока р. Сунгари и восточнее хребта Малый Хинган. Монголы входили в состав племен шивэй — одной из этнических групп киданей. Было 20 с лишним племен шивэй; одним из них были как раз мэнгу шивэй, т.е. шивэй-монголы. История собственно монгольских племен — это история их продвижения на запад, начавшегося, как полагают некоторые историки, еще в VIII в., сопровождавшееся вытеснением с территории Халхи, где ныне Монголия, тюркоязычных кочевых народов, которые ранее, на протяжении нескольких столетий господствовали здесь. Всех шивэй древние тюрки называли татарами. Термин «татары» от них, точнее от древних уйгуров, попал в китайский язык и регулярно фиксируется в китайских текстах с 842 г. Постепенно в китайской историографии и официальных текстах установилась традиция последовательно называть монголов (мэнгу) и все прочие монголоязычные племена и даже немонголоязычные центральноазиатские кочевые племена, обитавшие на территории современной Внешней и Внутренней Монголии, Западной и Южной Маньчжурии татарами (да-да) либо монголо-татарами (мэн-да). Благодаря исторической традиции и в Китае, и в мусульманском мире, и в Европе монголы, даже после своего возвышения сделались известными, прежде всего, под именем «татары».

Как свидетельствуют данные источников, еще до XII в. земли современной Монголии населяли собственно монгольские племена. Здесь у монголов одно время существовало даже свое кочевое

государственное объединение, возглавляемое сначала Хабул-ханом, а затем Амбагай-ханом. Но единого правителя у монголов не было, и Степь бурлила: шла жестокая борьба за верховную власть[1]

Чингиз-хан, Хубилай-хан... Временные отрезки нарезаются в историческом прошлом Китая по именам его правителей, о чем и повествуют китайские, монгольские, мусульманские, западноевропейские летописцы, чьи сочинения служат основным источником по истории эпохи Юань. Из всех участников истории на Востоке вообще, а в Китае в частности, главным лицом признавался государь, император, а история понималась как исключительно арена деятельности государей, их военачальников и сановников. Конечно, правление не каждого монарха — даже основателя династии, означало собой перемену в жизни страны, но был в истории средневековья человек, приход к власти которого имел огромное влияние на судьбы многих стран и народов, в том числе народов Китая. Его имя Темучин.

Темучин родился, по одним данным, в 1162 г., а по другим, в 1155 г. в семье влиятельного представителя монгольской знати Есугей-бахадура. По монгольскому преданию Темучин происходил из рода кият-борджигинов по отцу, а мать его была из племени конграт. Рано потеряв отца, в юности Темучин прошел тяжелые испытания. Жизнь его много раз грозила оборваться, куда логичнее ему было погибнуть в безвестности, уступив дорогу более знатным и счастливым. И эта борьба за выживание выковала человека, поклонявшегося только силе и не терпевшего соперников. Став взрослым, он смог собрать дружину сподвижников, удачными набегами стяжать известность отважного воина и к концу XII в. стать влиятельным предводителем в степях Центральной Азии. Вступая в союз то с одним, то с другим кочевым правителем, а потом, обращая оружие против бывших союзников, Темучин постепенно покорил и объединил центральноазиатские кочевые племена. Так произошло с найманами и киреитами, татарами и меркитами, главными соперниками Темучина за власть в степи. Сокрушив с помощью киреитского Тоорил Ван-хана найманский улус Даян-хана, Темучин затем напал на бывшего союзника. Теперь, когда Темучин разгромил улусы найманов и киреитов, татар и меркитов, а сына Даян-хана Кучлука с частью найманов и меркитов изгнал из Монголии в Среднюю Азию, он стал самым могущественным владыкой среди кочевых народов

---

[1] *Кычанов Е.И.* Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1978. С. 16-21.

на просторах Центральной Азии и закрепил это политически. Весной 1206 г. в Монголии, у истоков реки Онон на курултае — собрании кочевой знати — сторонников Темучина, последний торжественно, под развевающимся знаменем с девятью бунчуками, был провозглашен великим ханом. Вместе с этим курултай утвердил за Темучином титул Чингиз-хан, в значении «Всемирный хан», впоследствии вытеснивший его имя. Когда Темучин — Чингиз-хан заявил: «Я... направил на путь истинный всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои», возможно он и не предполагал, каких вершин власти он достигнет в результате походов на Восток и Запад. Одной из причин военных успехов Чингиз-хана было объединение, впервые после распада Тюркского каганата в начале VII в., военных сил наибольшей части кочевников Центральной Азии, не только монгольских, но и тюркских, тунгусо-маньчжурских кочевых племен. Тюркская традиция была основой организации государства Чингиз-хана в виде кочевой военно-административной системы, зародившейся еще у сюнну (гуннов, хунну) и получившей развитие в Тюркских каганатах и улусах найманов и киреитов, когда население и войска были разделены на десятки, сотни, тысячи, «тьмы». Государство Чингиз-хана было поделено на 95 военно-административных районов, которые были обязаны выставлять тысячу воинов, во главе с нойном-тысячником. Тысячники, а также сотники получали от хана «хуби» - вознаграждение за службу. Звание и должность сотника, тысячника и темника — командира тьмы, т.е. 10 тысяч воинов, были наследственными. Предполагается, что только монголов в государстве Чингиз-хана тогда было до 1 млн. человек. Все завоеванные и добровольно подчинившиеся Чингиз-хану кочевые племена, распределенные отныне по военно-административному принципу, «по тысячам», были прикреплены к местам своего проживания и лишены свободы передвижения. Чингиз-хан, император, по традиционным представлениям тех областей, «государь, обращенный лицом к югу», т.е. к солнцу, разделил управление войсками и страной на три составляющие — центр, правое — «барунгар» и левое — «джунгар» — крылья. Реформы Чингиз-хана 1206 г. нанесли удар по родоплеменным отношениям центральноазиатского кочевого общества, представители разных племен оказались в одних тысячах и сотнях, соединенные вместе службой, что способствовало сложению монголов в единый народ, опровергая имперский миф о «собирании земель», согласно которому предполагается, что единый народ существовал как бы сам по себе, а затем объединился в едином государстве. На самом

деле и в Монголии, и в любой другой стране все происходило с точностью до наоборот. Государство Чингиз-хана, объединившее под своей властью разнородные племена и общины, постепенно превращало их в единый монгольский народ. Кочевая знать, как и в любом средневековом обществе, получила внешние знаки отличия. Она выделялась среди прочих тем, что имела железные стремена. Лица, занимавшие высокие посты в военно-административной организации Чингиз-хана, носили при себе золотые пайцзы, традиционные на Дальнем Востоке свидетельства власти с надписью: «Уполномочен вести дела по повелению (правящего) по воле Неба». Чингиз-хан сформировал свою охранную гвардию — «тьму» кешиктенов, состоявшую из 8 тысяч гвардейцев турхаутов, в том числе одного полка в тысячу человек, набранного из отборных богатырей, и отряда ночной стражи в 2 тысячи кебтеулов. Охранявшая орду — ставку хана стража менялась каждые трое суток: «кебтеулы, стоящие на страже у ворот, обязаны рубить голову по самые плечи... всякому, кто попытался бы ночью проникнуть во дворец». Кешиктены пользовались особой милостью хана и их нельзя было предавать суду без его ведома. Рядовой гвардеец-кешиктен считался по своему положению выше тысячника в войсках. Ночная стража — кебтеулы ведали также всей внутренней жизнью ставки хана — перекочевкой, обслуживанием, пастухами скота, хранением и раздачей оружия, ханским столом. Как и в управлении всем монгольским улусом, в ведении орды — ставки хана военная и административная власть слилась воедино. Гвардия кешиктенов, личная опора хана, набранная по всем центральноазиатским кочевьям, подвластным Чингиз-хану, из сыновей знати, была ее цветом, выразительницей его интересов и воли в создании Монгольской империи. Гвардия Чингиз-хана несла функции не только по обеспечению безопасности трона, но и была кузницей военных кадров. Именно из кешиктенов шло назначение на высшие должности в войсках Чингиз-хана. Высшая военная аристократия из окружения Чингиз-хана пользовалась существенными привилегиями: не платили податей, оставляли за собой захваченную на войне и охоте добычу, могли в любое время входить в ханскую ставку без особого приглашения, на пирах сидели на почетных местах. Параллельно с созданием войска Чингиз-хан работал над организацией внутреннего устройства монгольского государства. Были учреждены придворные должности. Чингиз-хан до конца жизни был чужд всякого образования и, по словам его сына и преемника Угэдэя, не знал другого языка, кроме монгольского, но зато Чингиз-хан принял меры, чтобы его сыновья и потомки по-

лучили образование и не находились в полной зависимости от иноплеменных чиновников. Для нужд управления государством он ввел письменность, позаимствовав ее у средневековых уйгуров, о чем разговор будет ниже.

С именем Чингиз-хана связано создание двух важнейших юридических памятника: «Великая Яса Чингиз-хана» и «Билики» Чингиз-хана». Яса (более полная форма «ясак», монг. дзасак, йосун) означает «постановление», «закон». Яса Чингиз-хана — санкционированный Чингиз-ханом монгольский свод законов и установлений. Яса, как полагают, была принята на общемонгольском курултае 1206 г., пересмотрена в 1218 и утверждена в окончательной редакции в 1225 г. Яса не сохранилась в подлиннике и известна лишь в отрывках и сокращенных изложениях. При вступлении нового хана на престол, при отправлении большого войска в поход, при созыве курултая царевичей — членов правящего рода Чингиз-хана для обсуждения государственных дел и их решения, свитки Ясы, хранившиеся у наиболее авторитетных представителей правящей династии, приносились и на их основании вершились дела[1].

Монголы заимствовали у китайцев обычай, согласно которому изречения ханов записывались и после их смерти издавались. Некоторые из изречений Чингиз-хана, которые называются в источниках тюркским словом «билик» («знание»), приведены персидским летописцем монгольской эпохи Рашид-ад-дином Фазлаллахом в разделе «О качествах и обычаях Чингиз-хана»[2].

Так, к началу XIII в. в центральноазиатских степях после долгого соперничества их кочевых владетелей, возникла монолитная и грозная сила. Созданная в сражениях, не менее жестоких, чем последующие монгольские завоевания, эта сила, традиционно для Центральной Азии, была отныне сплочена в единое государство с единой военно-административной властью с очевидным перевесом в ней военного начала. Все — от десятника до темника, каждый кешиктен, если даже он ведал хозяйственными делами, были, прежде всего, воинами и только потом должностными лицами, решавшими гражданские дела. Это была победа монголов среди кочевых центральноазиатских племен. Как несколько лет до этого самое известное из этих племен, племя татар, дало имя всем племенам Монголии, так и теперь постепенно все племена Монголии начинают

---

[1] *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан — летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 169-180.

[2] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1, кн.1-2. М.-Л., 1952. С. 32.

называть себя монголами или «государством великих монголов». Это новое государство, опьяненное внутренними победами и жаждавшее новой добычи, стало силой враждебной миру и, по словам основоположника теории научного коммунизма Карла Маркса, еще «долго продолжало вести себя по отношению к культурным народам как разбойничья шайка»[1]. Огромному миру, лежавшему к юго-востоку, югу и западу от монгольских степей, Чингиз-хан «явил свое чело» еще за год до великого курултая на берегах Онона.

Первый свой удар крепнущее государство Чингиз-хана нанесло своему ближайшему соседу Си Ся, государству дансянов, более известному в науке под монгольским наименованием — тангуты. Возвращаясь с Алтая после победы над найманами в 1205 г., Чингиз-хан решил проверить крепость границ Си Ся и приказал вторгнуться в его западные районы — округа Шачжоу и Гуачжоу. Успех был полный, а добыча велика, тангуты были посрамлены. Они пропустили врага через границы и позволили ему разграбить западные районы страны. Тангуты не могли не знать о событиях в монгольских степях. Они видели в своих пределах киреитского Ван-хана в худшие дни его жизни, сын Ван-хана Сангум спасался у них от преследовавших его воинов Чингиз-хана. Ясно, что разорение западных областей Си Ся явилось местью тангутам за то, что они не выдали ему Сангума. Успех первого тангутского похода Чингиз-хана, в котором он лично не участвовал, первая проба монгольского оружия в войне против оседлого народа, его крепостей и городов, оказавшаяся успешной, ускорила созыв курултая на берегах Онона, помогла стать Чингизу великим ханом. Добыча обогатила Чингиз-хана, его войско, его костяк — нукеров и нойонство, а главное разожгла их неуемную жажду добычи. Курултай и последовавшие за ним реформы Чингиз-хана создали военно-административный аппарат захватнического по своим устремлениям государства, так как подобная организация государственной власти была нужна только для войны.

По самому общему определению, тангуты занимали район верховий Хуайхэ, включив в пределы своих владений территории Ганьсу, Цинхая и Сычуани. С VI по IX вв. происходило усиление тангутов, у которых, в условиях войн с Тибетом, уйгурскими княжествами, китайскими империями Суй, Тан, Сун, киданьской — Ляо, чжурчжэньской — Цзинь, шел процесс формирования государственности, на что заметное влияние оказала китайская традиция

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3.

государственного строительства. Ко времени монгольского нашествия частью тангутского государства стали земли восточных тибетцев к востоку от озера Кукунор. Падение империи киданей Ляо в 1125 г. под натиском чжурчжэней и создание последними в Северном Китае в обширных границах государства Цзинь в заметной мере изменили международное положение государства Си Ся, переставшего граничить с китайской империей Сун и зависеть от нее, признавшего себя младшим партнером Цзинь. Тангутское государство было многоэтничным: четырьмя основными народностями, населявшими Си Ся, были тангуты, тибетцы, китайцы и уйгуры. Господствовавшим языком был тангутский, относившийся к тибетско-бирманской семье языков, фиксировавшийся оригинальным тангутским письмом. Языками буддизма, основной религии Си Ся, были тангутский, китайский, тибетский. В органах государственного управления начальником считался тот, чьи пост и ранг были выше, лишь при равенстве чина старшим предполагался тангут. Государственный аппарат тангуты создали по китайскому, танско-сунскому образцу. Вся верховная власть являлась прерогативой императора Си Ся. Гражданское управление осуществлялось через главный императорский секретариат — Чжуншу, а военными ведал Тайный совет — Шуми. До нашего времени дошли тангутские памятники, позволяющие представить особенности функционирования государственных институтов Си Ся. На тангутский язык была переведена буддийская Трипитака, частично сохранившаяся в изданиях монгольской династии Юань. Буддизм в Си Ся, как и в Китае, был строго регламентирован государством, чем его положение отличалось от буддизма в Тибете. Тангуты за два с лишним века своей государственности создали высокую по тому времени культуру, симбиозную по содержанию, что особенно было характерно для культуры государственно-религиозной, письменной. Материальная культура (кузнечное и ювелирное ремесло, ткани, керамика, одежда, утварь) имела самобытный характер, что подтверждается археологическими исследованиями, начатыми в КНР в конце 60-х годов прошлого столетия. Тангутская живопись и скульптура, буддийские по содержанию, носят следы китайского, тибетского, индо-непальского воздействия, при этом сохраняя собственное лицо. В Си Ся действовала академия по типу китайской академии Ханьлинь, высшие школы тангутской и китайской словесности, работавшие во всех основных городах. Грамотность населения была высока. Как и в Китае существовала практика отбора на государственную службу через систему государственных экзаменов. Страна делилась на 12 (иногда 16) во-

енных округов. Основными войсковыми частями были отряды в 100, 3000, 1500 и 3000 воинов. Войска были хорошо вооружены. Возможно, именно в Си Ся были сконструированы легкие камнеметы, которые устанавливались на спинах верблюдов, что делало тангутскую доогнестрельную артиллерию подвижной. Развито было военное право, сохранились отрывки свода военных законов 1101–1113 гг. Однако, ко времени монгольского нашествия тангутские войска уже столетие как не воевали, что сказывалось на их боеспособности. Основу экономики Си Ся составляли земледелие и скотоводство. Имелась тенденция к установлению арендных отношений. Земля находилась в собственности императора, олицетворявшего государство, и частных лиц. Собственники земли платили государству натуральный налог зерном, сеном и хворостом, отбывали трудовые повинности. Скотоводы платили налог скотом и продуктами животноводства. Си Ся славилось своими конями. Тангутское общество делилось на свободных людей и рабов. Первые представлены земледельцами, пастухами, ремесленниками и торговцами, т.е. сословием простонародья, не имевших чинов. Господствующее сословие состояло из служилой гражданской и военной бюрократии. Господствующие роды и их вожди, тангутская аристократия играли в жизни страны важную роль, но их знатность не заменяла им инкорпорацию в служебную бюрократию. Получить чин можно было, как сдав экзамен, так и по наследству.

Накануне монгольского нашествия Си Ся правил император Чунью. Он обратился за помощью против монгольской угрозы к чжурчжэням, отказ которых помочь Си Ся исключил еще имевшуюся возможность блокировать на юге и востоке войска Чингиз-хана в монгольских степях. Сначала чжурчжэни, когда над тангутами нависла смертельная опасность, выкупили всех рабов-тангутов, находившихся в Цзинь, дабы усилить армию Си Ся, но после поражения тангутов император чжурчжэней заявил: «Моему государству выгодно, когда враги его нападают друг на друга. О чем беспокоиться?». Прошло лишь полтора года после великого курултая и два года после первого монгольского набега, как монголы снова вторглись в пределы Си Ся, на этот раз в центральные районы, закрепились в Алашаньских горах у крепости Валохай и всю зиму, до начала лета 1208 г., грабили селенья и кочевья тангутов. Тангуты блокировали занятый монголами район, но атаковать монголов не решились и вновь выпустили их с добычей. В ходе своего второго вторжения 1207–1208 гг., несмотря на свое военное превосходство над тангутами, монголы не смогли взять Чжунси, столицу Си Ся, не

имея тогда опыта осад крепостей и применения осадных орудий, довольствовавшись признанием со стороны тангутов своей зависимости от Чингиз-хана, и тем, что успех оружия Чингиз-хана за пределами Монголии запугал соседей[1].

Западные соседи тангутов уйгуры, проживавшие в Турфанском оазисе Восточного Туркестана, в 1209 г. вышли из подчинения государству Западное Ляо, основанного киданями в Семиречье и на западе Восточного Туркестана, бежавшими туда после разгрома чжурчжэнями империи Ляо в Северном Китае. Правитель уйгурского Турфанского княжества, носивший титул идукут, Барчук-артегин с 1209 по 1211 гг. обменивался посольствами с двором Чингиз-хана, что в конечном итоге привело к добровольному признанию идикутом верховенства Чингиз-хана, признавшего себя сыном великого хана. Барчук лично ездил к Чингиз-хану и преподнес ему «великие дары». Вассалитет уйгуров был скреплен династийным браком, Чингиз-хан обещал идукуту выдать за него свою дочь Алтын-беги. Уйгурский правитель Барчук стал влиятельным лицом в окружении Чингиз-хана и обладал особым статусом, а его владение стало пятым улусом Монгольской империи, дополнительно к четырем улусам, на которые между своими сыновьями разделил Чингиз-хан государство монголов.

Историческая роль средневековых уйгуров определилась еще до монгольских завоеваний, когда они создали свои государства в Монголии в 745–840 гг. — Уйгурский каганат на Орхоне, и в IX–XII вв. в Восточном Туркестане, где их центрами стали города Бешбалык и Кара-Кочо. Переселившись с Орхона в оазисы Турфана в 840 г., уйгуры утвердились у северных склонов Восточного Тянь-Шаня. Средневековая уйгурская культура Восточного Туркестана явилась синтезом двух традиций; местной буддийской индоевропейского, в основном ираноязычного населения, и тюркоязычной уйгурской орхонского периода. Уйгуры сменили в Восточном Туркестане религию иранского мира — манихейство — на буддизм и восприняли культуру местного оседлого населения, но тюркизировали его. Вместе с буддизмом влияние на культуру средневековых уйгуров оказало христианство несторианского толка. Ко времени прихода монголов уйгурское Турфанское государство существовало уже почти 400 лет. После переселения уйгуров в оазисы Турфана произошла их хозяйственно-культурная трансформация., превратившая уйгуров из кочевого в оседло-земледельческий народ. Начи-

[1] *Кычанов Е.И.* История тангутского государства. СПб., 2008. С. 12-41.

ная с IX в. кочевники-уйгуры, обосновавшиеся в Восточном Туркестане, смешались с местным оседлым ираноязычным населением, передали ему свое самоназвание и тюркский язык и с конца этого же столетия уйгурами стали называться именно оседлые обитатели предгорий Тянь-Шаня, в сущности, новый народ, ничем не напоминавший воинственных кочевников, каковыми были их орхонские предки. Ко времени знакомства монголов со средневековыми уйгурами их государственность и культура расцветали в оазисах Бешбалыка, Кара-Кочо, Хами, а также в северо-западных областях Китая — Дуньхуане, Сучжоу, Шачжоу, Ланьчжоу. Уйгурской культуре был не чужд буддизм согдийского, китайского, тибетского толков, смешанный с идеями манихейской религии, а также идеи христианства сирийских несторианцев, и уже появились уйгуры-мусульмане[1].

Уйгуры открыли монголам еще при Чингиз-хане секрет средневековой уйгурской письменности, этого важного инструмента государственной организации, давшего ключ к развитой к тому времени тюркской культуре. Первым человеком, которому доверил Чингиз-хан обучить своих сыновей и внуков писать на монгольском языке уйгурскими буквами, был уйгур Тататунг, ранее служивший хану найманов Даяну и попавший в плен Чингиз-хану после разгрома найманов. Уйгурская письменность, принятая Чингиз-ханом, обеспечивала затем функционирование монгольского языка в течение столетий, вплоть до 20-х гг. XX в., до народной Монголии. И сегодня делаются попытки монголов вернуться к уйгурскому алфавиту[2].

После начала Чингиз-ханом войны с Цзинь в 1211 г. и опустошения его воинами принадлежавшего чжурчжэням Северного Китая, картина монгольской опасности для Си Ся стала поистине устрашающей. В 1214 г. Чингиз-хан принудил тангутского императора начать войну с Цзинь, длившуюся до конца 1224 г. и серьезно ослабившую и чжурчжэней, и тангутов. Но война тангутов с Цзинь не помешала монголам в 1217 г. вновь напасть на Си Ся и осадить его столицу, предварительно захватив и разграбив ряд тангутских городов. Государь тангутов Цзуньсян отказался лично возглавить оборону столицы, поручив это опасное дело своему наследнику Дэжэну. Цзуньсян выслал монголам посольство для переговоров о ми-

---

[1] *Кара Д.* Уйгуро-монгольские литературные связи // Литературные связи Монголии. М., 1981. С. 51-62.

[2] *Бира Ш.* Монгольская историография. XIII-XIV вв. М., 1978. С. 35.

ре. Осада Чжунси опять затянулась и мешала подготовке монгольского похода на Запад. Чингиз-хан, готовивший поход против государства Хорезмшахов, потребовал участия тангутов в этом походе, на что получил отказ. Чингиз-хан пообещал расправиться с Си Ся после похода на Хорезм. После завершения западного похода весной 1226 г. основные силы победоносной армии монголов всей своей мощью обрушились на Си Ся. Почти год монголы осаждали тангутскую столицу. К лету 1227 г. вся территория Си Ся была завоевана и опустошена монголами. Осенью 1227 г. пала тангутская столица, и государство тангутов перестало существовать. Гибель Си Ся совпала со смертью Чингиз-хана, умершего при командовании войск, осаждавших Чжунси, что стало причиной особо жестокого обращения с населением тангутского государства, значительная часть которого была истреблена. На бывших землях Си Ся позднее монголами была создана область Тангут, а столица Си Ся переименована в г. Нинся («Усмиренное Ся»)[1].

Нейтрализовав тангутов, приняв под свое покровительство уйгуров, Чингиз-хан обезопасил южный и юго-западный фланги своих владений и стал готовиться к войне с его, вне сомнения, главным врагом в Восточной Азии — чжурчжэньской империей Цзинь. До сего времени власть чжурчжэньских императоров была верховной на Дальнем Востоке — их старшинство признавали китайцы, корейцы, тангуты и, до Чингиз-хана, монголы.

Период X–XIII вв. отличался масштабным экономическим подъемом на территории Китая. В эпоху Сун производительность сельского хозяйства возросла в несколько раз за счет высокоурожайных сортов риса, вытеснивших пшеницу. Численность населения Китая (империй Сун и Цзинь) перед началом монгольских завоеваний была не менее 100 млн. человек. Ремесло, внутренняя и внешняя торговля, финансы достигли такой степени развития, что есть обоснованное мнение исследователей о сложении в этот период «аграрного капитализма», сравнимого с уровнем развития Европы XV–XVI вв. или Индии Великих Моголов XVII-XVIII столетий. Вероятно, чжурчжэньская империя Цзинь имела самую мощную армию в мире того времени, не считая самих монголов. В таком состоянии застали монгольские завоеватели чжурчжэней и китайцев в начале XIII в.

Чжурчжэни принадлежали к числу тех народов, чья известность далеко уступает их роли в истории. Созданное ими государ-

---

[1] *Кычанов Е.И.* Монголы в VI – первой половине XII в.

ство Цзинь, по-чжурчжэньски Аньчун, существовало 119 лет до того, как было сокрушено монголами, на обширных пространствах Приморья, Маньчжурии, Восточной Монголии, Северного и Центрального Китая. Впрочем, успехи чжурчжэней подверглись присвоению благодаря методу, столетиями разрабатывающемуся китайскими учеными, последовательно вводившими в русло китайской истории все, что происходило в китайской и околокитайской ойкумене, вне зависимости от того, делалось ли это для Китая, против Китая или в связи с Китаем. Тангутское государство Си Ся, киданьское Ляо, чжурчжэньское Цзинь завоевали значительную часть Китая, а монгольская династия Юань — весь Китай, и все эти государства и династии, и все ими сделанное официально включены историками в фонд истории Китая. Но здесь хотя бы не забыты иноземные корни этих династий — тангутские Си Ся, монгольские — киданей, тунгусо-маньчжурские — Цзинь. Но это в области политической истории, в мире культурной истории Китая растворились бесчисленные вклады многих некитайских народов и государств, в частности и чжурчжэней, как и сами эти народы среди китайцев. Ведь наличие ныне почти полутора миллиарда китайцев, это не только результат естественного воспроизводства китайского этноса, но и гигантских ассимилятивных процессов со стороны китайской цивилизации. Хотя, при всей китаизации, прямые этнические потомки чжурчжэней — маньчжуры, чья династия Цин с 1644 по 1911 гг. правила всем Китаем, сохранились и поныне, причем небольшая часть из них — этнические группы сибо и солоны (150-200 тыс. чел.), а также ряд небольших селений в Маньчжурии, населенных маньчжурами, сохранили свой язык.

После победы над Ляо наступил новый этап в их жизни — этап строительства государства и империи, когда они широко пользовались достижениями Ляо, Коре (Кореи) и особенно китайской империи Сун. Полного подражания не было, так как социальный строй чжурчжэней накануне нашествия Чингиз-хана не был похож на строй сунского общества. В основе чжурчжэньского общества лежали самобытные военизированные территориальные общины, являвшиеся экономической и военной базой правительства Цзинь. После завоевания Северного Китая часть общин была расселена среди китайцев с целью обеспечить покорность китайского населения мирными средствами в силу своей монолитности. «Варварское» государство быстро трансформировалось в империю с верховной государственной собственностью на землю, с надельной системой и с приоритетом военного управления. К монгольскому нашествию

эта система приобрела облик централизованной монархии, объединившей под своей властью пестрые по социальному строю народы, прежде всего чжурчжэней, китайцев, киданей, корейцев. Это вело к многоукладности. Таким образом, в Цзинь была создана сложная социальная структура. Но в управлении чжурчжэни перешли к единой форме управления для всего населения, не выделяя никого в этническом отношении. При создании аппарата управления они заимствовали китайский опыт, вкладывая в китайские по названиям формы свое содержание, соответствующее потребности чжурчжэньского государства. Их дворцовое ведомство было менее громоздким, а придворный ритуал сочетал чжурчжэньские и китайские обряды. Военная система также была иной, чем в Сун, как и территориальное деление страны, функции, порядок назначения и состав управленцев. Все земельные владения, за редким исключением, были государственной собственностью и раздавались в пользование в виде наделов разной величины. Военная служба стала обязанностью чжурчжэней, но все население, независимо от этнической принадлежности, провозглашалось равным перед законом, при наличии сословного неравенства. Чжурчжэни впервые ввели налог на имущество, широко использовали частную внешнюю торговлю, государственные банкноты и ассигнации, отливали собственную разменную монету. Большим событием в их жизни являлось создание чжурчжэньской письменности. На основе киданьской, уйгурской и китайской письменности в 1119 г. были созданы «большие письмена», а в 1138 — «малые». С 1172 г. было введено обязательное изучение чжурчжэньского языка и письменности среди широких слоев населения, чиновников, кандидатов на чиновные посты. Не уменьшалась и роль китайского языка в империи Цзинь. Однако, в 1129 г. пожалование китайских фамилий для чжурчжэней было официально запрещено, а в 1179 г. всем самовольно взявшим китайские фамилии было велено сменить их на чжурчжэньские. С 1164 г. на чжурчжэньский язык усиленно переводили лучшие китайские философские и исторические сочинения, причем, не только труды Конфуция, но и иных философских школ, и даже буддийскую литературу. Чжурчжэньская наука создала не менее 400 трудов по разным отраслям знаний, к сожалению, до нас не дошедших. В стране были астрономические обсерватории, больницы, книгопечатни. Существовала оригинальная художественная литература, представленная сборниками стихов, пьес, музыкальных сочинений. Чжурчжэньская архитектура создала собственный стиль пагод, своеобразную мра-

морную скульптуру, керамику и черепицу, детали архитектурно-декоративного убранства.

В религиозной жизни простые чжурчжэни поклонялись Небу и духам природы, совершали обряды, связанные с шаманизмом. Наряду с этим из Китая, Тибета, от тангутов и уйгуров, к чжурчжэням проникали буддизм и даосизм, пользовавшиеся неустойчивым влиянием среди чжурчжэньской знати. При правящем дворе Цзинь был воспринят праздник Конфуция, культ великого предка династии Цзинь — Тайцзу, когда чжурчжэни восприняли китайскую традицию давать свои правителям храмовые имена. При всем заметном влиянии на чжурчжэней китайской культуры, когда их верхушка и образованные слои были более китаизированы, чем их низы, все же падение Цзинь обусловило военное превосходство монголов, которые как этнос тогда были на подъеме.

Чжурчжэньская культура сама оказывала весьма ощутимое влияние на Сун. В китайский язык проникло много чжурчжэньских слов, их песни, танцы и музыка пользовались известностью среди китайцев. Наиболее ярко это влияние проявилось в обычаях и одежде китайцев, именно чжурчжэни впервые ввели у китайцев обычай ношения кос, широко были распространены чжурчжэньские одежды. Ряд элементов чжурчжэньской культуры проникал в Сун стихийно, другие насаждались сознательно. На подвластных империи Цзинь землях, в том числе и отвоеванных у Сун, все дела государственного управления велись на чжурчжэньском языке, за исключением судебного разбирательства, где допускался китайский язык. Преподавание в школах тоже велось на чжурчжэньском языке. Сила воздействия чжурчжэньской культуры учитывалась императорами Сун. Они стремились воспрепятствовать распространению чжурчжэньской культуры и этнического элемента в Южном Китае путем перенесения южносунской столицы далеко на юг, запрета поездок китайцев из Сун в Цзинь и сношений с чжэрчжэнями, строгой охраны границы. Таким образом, чжурчжэньская культура и народность были вполне жизнеспособны в цивилизационном отношении. В таком состоянии застали монгольские воины чжурчжэньское общество в начале XIII в.

Некогда чжурчжэни и монголы были союзниками в борьбе с киданями, хотя последние и были родственным для монголов народом. Но с падением Ляо между ними наметилось соперничество. Монголы постоянно вторгались в северные пределы Маньчжурии, подвластные Цзинь, ни цепь укреплений на границе, ни посылка подарков не служили достаточной гарантией безопасности границы.

Походы цзиньских императоров против монголов лишь к концу XII в. увенчались относительными успехами, когда монголы стали платить им дань. До 1211 г. цзиньская дипломатия довольно успешно проводила в жизнь политику сдерживания монголов. Но конец XII-начало XIII вв. в степях Центральной Азии оказалось временем, породившим такие силы, которые решили судьбу не только Цзинь, но и «40 государств» — по выражению цзиньских источников. В степях формировалось государство завоевателей, в структуре своей армии сохранившей прежние родовые и общинные связи в сочетании с новой военно-административной организацией. В 1210 г., коронованный на монгольском курултае в 1206 г. великим ханом Чингиз, отказался вносить империи Цзинь полагающуюся дань, хотя на первом этапе его роста с 1206 по 1209 гг. Чингиз-хан, похоже, возил чжурчжэням дань в Тайчжоу и был союзником киреитского Ванхана, вассала Цзинь. Чингиз-хан демонстративно порвал отношения с Цзинь, оскорбил императора чжурчжэней, когда в 1209 году их новый император Вэй-Шао-ван вступил на трон империи Цзинь и послал Чингиз-хану указ о своем приходе к власти. Прибывший в орду-ставку всемонгольского хана, цзиньский посол требовал, чтобы Чингиз-хан лично принял указ, опустившись на колени. Чингиз-хан не только не стал на колени, а более того, демонстративно плюнул в южную сторону, в направлении государства Цзинь, вскочил на коня и умчался, выказав полное пренебрежение к своему мнимому сюзерену. Это означало полный разрыв и обе стороны стали готовиться к войне. Чингиз-хан сам готовился занять место императора Цзинь в системе международных отношений в Центральной и Восточной Азии и перенести центр восточноазиатского и центральноазиатского верховенства из Чжунду (Пекина), где пребывал император Цзинь, в свою орду. Цзиньцы, как и многие другие государства, недооценили монгольскую опасность, их дипломатические попытки умиротворить монголов, когда агрессивность последних стала одним из условий существования их государства, потеряли свою действенность. Их мирные предложения отвергались Чингиз-ханом.

Нахата Майчжу, ведавший охраной северо-западных границ империи Цзинь, доложил своему государю Вэй-Шао-вану, что монголы после войны с тангутами усиленно готовятся к войне с Цзинь: делают щиты, беспрерывно куют стрелы, а коней так берегут, что в укреплениях воины сами возят на себе телеги. Вэй-Шао-ван счел Майчжу паникером и посадил в тюрьму, а во второй луне 1211 г. (15 февраля–16 марта) войска монголов, предводительствуемые лично Чингиз-ханом, напали на Цзинь и начали наступление на юг и юго-

восток. Как упоминалось выше, чжурчжэньская империя Цзинь стала после тангутов следующей жертвой Чингиз-хана. С этого времени начинается период почти непрерывных войн монголов с цзиньцами. Успехи в войнах с тангутами окрылили Чингиз-хана. К тому же Цзинь еще не оправилась от войны, которую вела в 1204–1208 гг. с империей Сун, хотя чжурчжэни и разбили китайцев. Многочисленная и разноплеменная армия Цзинь, включавшая чжурчжэней, киданей, сто лет назад лишенных чжурчжэнями господства в Северном Китае, покоренных китайцев, бохайцев и другие племена, не смогла дать отпора монголам. Чжурчжэней не спасли укрепления, перед которыми они разбросали железные колючки, своего рода средневековый аналог современного минного поля, с целью воспрепятствовать движению монгольской конницы. Благодаря сподвижнику Чингиз-хана, выходцу из мусульманских стран, купцу Джабар-ходже, до этого не раз побывавшего в Цзинь с торговыми караванами и разведавшего по заданию своего повелителя обходные пути, монгольские воины обошли эти препятствия и успешно атаковали цзиньские укрепления с тыла, о чем свидетельствует «Юань-ши». Войска Чингиз-хана вскоре захватили все цзиньские города и области на северо-западе империи за пределами Великой Китайской стены. Чингиз-хан после взятия города Фучжоу дал отдых коням и воинам перед броском на юг. Чжурчжэни выслали к нему посла, который перешел на сторону монголов и рассказал о подлинном состоянии армии Цзинь, что помогло им наголову разбить цзиньскую армию у Лисьего перевала (горы Ехулин к северо-западу от Чжанцзякоу). Убитых было столько, что «все степи стали издавать зловоние». Разбитые армии Цзинь уже не могли остановить монголов у Великой стены. Огромная древняя стена не сдержала их натиска и уже к осени они достигли крепости Цзюйюнгуань неподалеку от нынешнего Пекина. Полководец Чингиз-хана Джэбэ-нойон выманил крепостной гарнизон из крепости притворным бегством, старым монгольским боевым приемом, и навел его на засаду. Чжурчжэни вновь потерпели сокрушительное поражение. Как сообщает «Юань-чао-би-ши», «пошло такое истребление, что кости трещали, словно сухие сучья». Цзюйюнгуань пала, и монгольские воины появились у стен цзиньской Средней столицы — Чжунду на месте современного Пекина. Город готовился к осаде. Ни один мужчина не вышел из столицы — каждый воин был на счету, каждый мог понадобиться на городских стенах в грозный час осады. Вэй-Шао-ван хотел покинуть столицу, но войска поклялись стоять насмерть, и император остался, надеясь на перелом в ходе войны. Здесь он получил новое печальное

известие: монголы напали на государственные пастбища и угнали лучших чжурчжэньских коней, резерв армии Цзинь. В конце года в Маньчжурии восстали подвластные Цзинь кидани, которые захватили Ляодун и в 1211 г. перешли на сторону Чингиз-хана. Чингиз-хан обманул ожидания Вэй-Шао-вана и не стал проводить планомерной осады Чжунду (Пекина), возможно, памятуя о неудачной осаде Чжунси — столицы тангутов. Осенью 1212 г. монголы осадили Западную столицу чжурчжэней (современный город Датун в провинции Шаньси). Чжурчжэни выслали подкрепления на помощь осажденным, но Чингиз-хан заманил их к крепости Мигукоу, где и разбил, что предрешило падение Западной столицы. Затем часть монгольских войск под началом Джэбэ-нойона совершила рейд на восток к Восточной столице Цзинь (совр. город Ляоян, в провинции Ляонин), к тем местам, которые были родиной чжурчжэньских племен. Не сумев взять город с налета, он прибег к той же тактике, что при взятии Цзюйюнгуань, причем, столь же успешно и вернулся к Чингиз-хану, начавшему осаду Чжунду. В течение 1213 г. монголы завершили подчинение почти всех районов Цзинь к северу от Хуанхэ, кроме Чжунду и ряда крупных городов. Все области подверглись разграблению, население многих из них понесло огромные потери. На огромном пространстве в несколько тысяч километров «почти все жители были перебиты. Золото и шелковые ткани, сыновья и дочери, волы и кони — все, подобно циновке, свернуто и увезено. Дома и хижины сожжены, городские стены превращены в развалины» — так описаны в китайской истории «Тун цзянь ганму» последствия военных действий монголов в Северном Китае в 1213 г. Деморализованные цзиньские войска отступали, как совсем недавно перед ними отступали китайские войска. Ситуация осложнялась интригами и заговорами в правящей цзиньской верхушке, когда в 1213 г. был свергнут император Вэй Шао-ван и на цзиньский трон был возведен Удабу, он же Сюаньцзун. Последующие 30 лет империя Цзинь вела непрерывные войны. В том же году монголы окружили Чжунду, захватили Хэбэй, Шаньси, Шаньдун. Чингиз-хан вступил в переговоры с Сюаньцзуном и отказался от штурма Чжунду, вероятно, из-за усталости войска, отяжелевшего к тому же от богатой добычи. Он объявил чжурчжэням, что покидает Цзинь и не прочь заключить с ними мир. Возможно, Чингиз-хан не хотел обременять себя долгим сидением под стенами упорно защищавшегося города, к стенам которого монголы не раз подступали уже с 1211 г. Чжурчжэни согласились на переговоры. Чингиз-хан получил в жены цзиньскую принцессу, младшую дочь убитого Вэй-шао-вана и вме-

сте с нею 500 мальчиков, 500 девушек и 3000 коней. Кроме того, чжурчжэни уплатили монголам огромный выкуп золотом и шелковыми тканями, даже «вьюки они перевязывали шелковыми полотнищами». Чингиз-хан снял осаду Чжунду и по возвращении в степи, за Великой стеной приказал истребить несколько сот тысяч пленных — молодых мужчин и женщин, захваченных в Северном Китае в 1211–1214 гг. Откупившись от монголов, чжурчжэньский император в 1214 г. потребовал от южного соседа — империи Сун — прерванную последними выплату цзиньцам дани. На что китайцы, воспользовавшись ослаблением Цзинь от нашествия Чингиз-хана, ответили отказом. Попытка Цзинь силой оружия подкрепить свои претензии не принесла желаемого результата, что уже выглядело как поражение. К этому времени против Цзинь сложилась враждебная коалиция Сун и тангутов, хотя даже в составе коалиции Южная Сун не добилась успеха в войне с чжурчжэнями и в 1224 г. приняла мирные предложения Цзинь. Однако попытки Цзинь убедить китайцев заключить союз против монголов не увенчались успехом, несмотря на предостережение чжурчжэней: «Великая Юань (т.е. монголы. — *А.К.*) уничтожило 40 стран, дошла до Си Ся. Си Ся пало, и она дошла до нас. Если мы падем, то она непременно достигнет Сун». Слова эти оказались пророческими.

Тогда же Сюаньцзун перенес столицу на юг в город Бяньцзин. Чингиз-хан посчитал это нарушением соглашения и при помощи перешедших на его сторону чжурчжэньских отрядов вновь окружил и в 1215 г. взял Чжунду. Мир, когда чжурчжэни пытались откупиться от монголов, таким образом, длился всего лишь один месяц. Хотя расчет Сюаньцзуна выиграть время, в какой-то мере оправдался, и наступление монголов на юг вылилось в простую военную демонстрацию. Монголы не могли оставить непокоренными тыл — Ляодун и фланги — Си Ся и Шаньдун. В 1214 г. полководец Чингиз-хана Мухули завоевал Ляоси и 1217 г. был назначен ваном Северного Китая. Против цзиньского императора восстали его наместники в Ляояне и Шаньдуне. Отвлечение основных сил монголов в поход на Хорезм ослабило их натиск на еще не захваченные земли Цзинь к югу от Хуанхэ, хотя мир для чжурчжэней так и не наступил. В конце 1215 г. монголы предложили чжурчжэням мир на двух условиях: чжурчжэни отказываются от всех территорий Цзинь к северу от Хуанхэ, а их государь от императорского титула и, сохраняя титул вана, правит оставшимися под его властью южными областями Цзинь. Чжурчжэни не приняли этих условий. Поэтому в 1216 г., пройдя через территорию тангутов и при их поддержке,

монголы напали на южные районы империи Цзинь с запада. Они появились даже вблизи Южной столицы — Наньцзина (Нанкина). Чжурчжэни стянули к Бяньцзину огромную армию, лишив всякой защиты все остальные области страны. Монголы совершенно безнаказанно опустошили их и нагруженные богатой добычей ушли на север. Кроме монголов на Цзинь в 1217 г. напали войска Сун и тангуты, заключившие союз против чжурчжэней. Поскольку Чингиз-хан в это время воевал в Средней Азии с государством хорезмшахов, честь сражений с цзиньцами была им предоставлена своему полководцу Мухали, которому были выделены войска — 23 тысячи монголов и 77 тысяч перешедших на их сторону киданей и чжурчжэней. Они захватили Тайюань и ко времени смерти Мухали в 1223 г. его воины захватили все земли Китая к северу от Хуанхэ. Эта война, продолжавшаяся до 1224 г., истощила силы воюющих сторон и облегчила монголам победу над всеми ними, хотя это произошло в разное время. Сюаньцзун не дожил до окончания войн с Си Ся и Сун, мирный договор с ними заключил его преемник Айцзун. На этом закончился первый период активных войн монголов с чжурчжэнями. Чингиз-хан покинул пределы Северного Китая. Отныне, по мнению Чингиз-хана, чжурчжэням было воздано должное за все обиды, причиненные его предкам. Они уже не представляли для него серьезной угрозы и с этого времени его завоевательные помыслы обращаются на Запад.

Монголы, тревожившие постоянными набегами цзиньские владения, лишь в 1230 г., после смерти Чингиз-хана в 1227 г. и восхождения на трон великого хана его сына Угэдэя в 1229 г., когда закончились смуты при монгольском дворе, связанные с престолонаследием, ринулись в последнее наступление на Цзинь, наступая с двух направлений на Шаньси и Шэньси: Угэдэй-хан с юга, а его младший брат Толуй-хан — с западного фланга. Хотя Суны и отказались пропустить их через свою территорию, в 1231 г.разбили цзиньцев под Юйшанем и Цзюньчжоу, а в 1232 г. зимой, соединившись, форсировали Хуанхэ, быстро окружили и после ожесточенной осады взяли Бяньцзин. Последний император Цзинь Айцзун бежал в 1233 г. в Цайчжоу. К этому времени монголы договорились с империей Сун о союзе и армии обоих государств окружили Цайчжоу, за что монголы обещали после победы отдать Сун провинцию Хэнань (разумеется, не выполнив договоренности). Айцзун передал свои полномочия члену своего рода Мо-ди и повесился, Мо-ди убили его взбунтовавшиеся солдаты в 1234 г.

Крах империи Цзинь имел ощутимые последствия для всей Восточной Азии, а для чжурчжэней он обернулся историческим упадком. Если часть городов Северного Китая и уцелела от погромов монголов, то только благодаря тому, что они были захвачены бывшими цзиньскими войсками под командованием киданей, китайцев или чжурчжэней, перешедших на службу завоевателям, поскольку эти полководцы были непосредственно заинтересованы в сохранении городов и хотя бы части населения как объектов эксплуатации. Однако в целом монгольские завоеватели произвели в стране огромные разрушения материальных и культурных ценностей, накопленных на протяжении многих веков народами Китая, и уничтожили весьма заметную часть населения. Что представлял собой Северный Китай после монгольского нашествия, видно из рассказа главы посольства шаха Хорезма Беха-ад-дина Руди к Чингиз-хану, которого он застал в пределах Цзинь: «Везде были видны следы страшного опустошения; кости убитых составляли целые горы; почва была рыхлой от человеческого жира; гниение трупов вызывало болезни», от которых погибли несколько спутников хорезмского посла. «У ворот Пекина лежала огромная куча костей». При покорении городов захваченные мирные жители считались военнопленными и их или уничтожали, или превращали в рабов. Таковы были последствия походов Чингиз-хана на Северный Китай.

Для монголов войны с тангутами и чжурчжэнями имели огромное значение с точки зрения приобретения боевого опыта по ведению широкомасштабных войн, где они совершенствовали свое воинское искусство, как в полевых сражениях с сильным противником, так и в планировании войсковых операций. В боях с тангутами и особенно с чжурчжэнями в Северном Китае монголы впервые познакомились с передовой для того времени техникой, особенно — военного дела. Кроме того, Чингиз-хан и его соратники вывезли из Северного Китая большое количество вооружения, осадные машины, взяли в плен инженеров, которые умели не только обращаться с военной техникой, но и создавать ее, могли обучить других этому ремеслу. Были заимствованы у чжурчжэней пороховые снаряды, представлявшие кувшины, начиненные взрывчаткой, которые катапульты забрасывали на сотни метров, сосуды с нефтью и негашеной известью (т. нз. «греческий огонь»), китайские ракеты на бамбуковых палках. Позднее, в 1240–1241 гг. европейцы узнали о порохе от монголов, когда на себе испытали эффективность этого оружия, заимствованного в Китае. Все это неизмеримо повышало боевой потенциал монгольского войска, нацеленного на продолжение завое-

ваний. Кстати, в завершающих операциях по окончательному разгрому империи Цзинь, в частности при взятии Бяньцзина, монголы уже в полной мере освоили осадную технику, заимствованную у тех же цзиньцев, эффективно применив ее против вчерашних хозяев. И это тоже были последствия завоеваний Чингиз-хана, в первую очередь, для совершенствования его гигантской военной машины, нацеленной на массовые убийства в ходе монгольских завоеваний[1].

При оценке роли империи Чингиз-хана и его первых преемников в истории, необходимо отметить, что походы монгольских ханов изменили средневековый мир. Империя Чингиз-хана и его первых наследников опередила свое время, касается ли это системы организации военно-административного управления или территориального охвата своих владений. Мировые империи подобные ей по этим аналогам, появились только в Новое время в эпоху создания колониальных империй Великобритании и России. Но государство, созданное Чингиз-ханом и приумноженное его наследниками, оказалось недолговечным, не просуществовав и 60 лет.

Что касается личности Чингиз-хана, стоявшего у истоков всех этих неоднозначных мировых потрясений и изменений, то в китайских династийных историях, даже созданных после свержения монгольского владычества в Китае, например, в «Юань-ши», она не вызывает критики со стороны официальных китайских летописцев, где Чингиз-хан считается почетным предком-прародителем основателя династии Юань — его внука Хубилай-хана и текст, посвященный Чингиз-хану, открывает повествование о династии Юань и ее эпохе. Чингиз-хану по китайской традиции дается в «Юань-ши» храмовое имя «Тайцзу», какое обычно получали китайские и некитайские государи — основатели правящих династий на протяжении имперского периода истории Китая. Поэтому неудивительна полемика, возникшая в китайской исторической науке в 60-х годах прошлого века, относительно личности Чингиз-хана и его места в истории Китая: кто он? Кровавый завоеватель или объединитель Китая, как никто расширивший его пределы за всю его более чем трехтысячелетнюю историю?

Оценка личности и деяний Чингиз-хана не может быть однозначной. Нельзя отрицать, что Чингиз-хан объединил монгольские племена в единую монгольскую народность и большинство кочевых народов Центральной Азии, причем, не только монгольских, в еди-

---

[1] *Воробьев М.В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.-1234 г.). М., 1975. С. 109-421.

ное государство, о чем свидетельствуют эпосы этих народов, где Чингиз-хан стал героем многочисленных позднейших сказаний, преданий и эпосов, не говоря уже о том, что в некоторых странах есть псевдонаучные версии, ставящие под сомнение его монгольское происхождение и пытающиеся причислить его к другим народам, как это, например, происходит в Турции и Казахстане. Нельзя отрицать ума, воли и иных качеств личности Чингиз-хана, его таланта полководца и государственного деятеля. Однако, поставленные на службу не только объединению кочевого мира Центральной Азии в единое государство, но и неправому делу завоеваний, они усугубили отрицательное воздействие личности Чингиз-хана, как на общий ход исторического процесса, так и на историю Китая, о печальной судьбе государств и народов которого, испивших полную чашу страданий от его деяний, подробно говорилось выше[1].

А с другой стороны, как писал российский востоковед В.В. Бартольд: «Ни исторический народ, ни исторический деятель не нуждаются в оправдании. Историку приходится брать ход истории таким, каким он был и каким он не мог бы быть, если бы не было людей, готовых проливать кровь ради достижения своих личных честолюбивых целей»[2].

Литература

Бартольд В.В. Сочинения. Т.1. М.-Л., 1963.

Бира Ш. Монгольская историография. XIII-XIV вв. М., 1978.

Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.-1234 г.). М., 1975

Кара Д. Уйгуро-монгольские литературные связи // Литературные связи Монголии. М., 1981.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан — летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1995.

Кычанов Е.И. История тангутского государства. СПб., 2008.

Кычанов Е.И. Монголы в VI–первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1978.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн.1–2. М.—Л., 1952.

[1] *Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1995. С. 117-124.

[2] *Бартольд В.В.* Сочинения. Т.1. М.-Л., 1963. С. 98.

О.Н. Мошеева
(Москва)

Такие привычные необычные бусы сарматов

В сарматских погребениях Нижнего Поволжья VI в. до н.э. – IV в н.э. есть стеклянные украшения, которым на данный момент не найдены ближайшие аналоги во времени и в пространстве. Надеюсь, что введение этих артефактов в научный оборот даст возможность по-новому взглянуть на верования сарматских племен этого региона и на их взаимоотношения с соседями.

В 1962 г. могильнике Цаца в комплексе к. 7 п. 5 (II - III вв. н.э.)[1] были найдены дисковидные бусины с двусторонним рисунком из глазков или пятен в сочетании с орнаментом из витого шнура или однотонных полосок. По виду глазков/пятен и их вариантов с полосками эти украшения попадают в разные категории орнаментов (по Своду Е.М. Алексеевой)[2]. Но по внешнему виду пронизи похожи между собой (рис. 1. 1-30), а общий вид орнамента этой категории бус напоминает маску, где витой шнур обозначает головной убор или прическу.

Маски появились в глубокой древности и выполняли несколько функций: испугать злого духа или защититься от него[3], сохранить определенный статус (маска на лице умершего), помочь в перевоплощении в иное существо, например тотем; перейти из одного состояния в другое. Уже для древнейших традиций сохранение формы-образа в виде маски предполагало продолжение существования человека в потустороннем мире. Образ маски подразумевал не-

---

[1] *Шилов В.П.* Курганный могильник у села Цаца // Древности Калмыкии. Элиста: Калмыцкий НИИ ИФЭ, 1985. С. 94-157.

[2] *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ Г1-12, М., 1975.

[3] *Марчукова С.* Медицина в зеркале истории. М., 2003.

кое духовное преображение человека[1]. Вяч.Вс. Иванов считает, что маска так или иначе соотнесена с миром мертвых. Она может сама охранять покойного в этом новом мире, может служить знаком этого мира, где она заменяет прежнее лицо человека, наконец, она может символизировать одного из постоянных обитателей этого мира[2].

Если предположить, что изображение на бусине является маской, то перед нами символ перехода человека из одного мира в другой, а сочетание глазков и змеевидных линий дополняет этот символ значениями возрождения (?) и оберега от сглаза.

Бусины с таким рисунком найдены на Алтае (несколько пронизей в грунтовых могильниках Староалейка 2 и Обские Плесы II)[3], в Южном Приуралье[4] и на Среднем Дону.

Самая западная находка подобного украшения на данный момент зафиксирована в к. 9 Песочинского могильника на Днепровском левобережье Украины[5].

В Нижнем Поволжье пронизи-«маски» известны в погребениях могильников Аксеновский к. 10, Рахинка к. 5 п. 3[6], Цаца к. 7 п. 5, II - III вв. н.э.[7]

С.Ю. Гуцалов, В.П. Шилов и М.А. Очир-Горяева предположили, что подобные украшения могли попасть в Нижнее Поволжье

---

[1] Ритуальные маски и существование человека в потустороннем мире // Аннотация к выставке ГМИИ им. А.С. Пушкина «Маски: от мифа к карнавалу»: www.museum.ru/ N29089

[2] *Иванов В.В.* Маска как элемент культуры. // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4. Знаковые системы культуры, искусства и науки. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 336.

[3] См. Приложение 1: перечисление памятников с датировками и источниками по состоянию на данный момент.

[4] Выражаю глубокую благодарность А.Д. Таирову за предоставленный материал по данной теме.

[5] *Бабенко Л.И.* Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков, 2005. С.253, рис. 20, 18д.

[6] *Кригер В.А.* Отчет о раскопках в 1985 году в Среднеахтубинском (п. Рахинка) и Ленинском (Бахтияровка III) районах Волгоградской области // Архив ИА РАН, р.1, д.10773. 1985.

[7] *Шилов В.П.* Курганный могильник у села Цаца.

из Южного Приуралья[1], т.к. наборы стеклянных бус номадов этих регинов значительно отличались[2].

Поиск аналогов неожиданно привел в другое культурное пространство и время.

В 1937–1938 гг. британский археолог М.Э.Л. Мэллоуон (M.E.L. Mallowan) в местечке Tel Brak , в долине р. Хабур (северо-восточная Сирия), раскопал здание, которое назвал Храмом Глаза[3]. Название дали найденные там тысячи алебастровых статуэток (рис. 2. 1-3) с выразительными глазами. Уровень, на котором найдены эти статуэтки, датирован Мэллоуоном 3000 г. до н.э. Находки можно разбить на группы: фигурки с одной парой глаз, тремя, четырьмя или шестью; есть пары «взрослый и ребенок» и глазами, просверленными насквозь. Сами статуэтки напоминают женщин в паранджа, когда фигура скрыта тканью и видно только глаза и брови. Подобные статуэтки найдены только в в данном районе Сирии и нигде больше не встречаются. В литературе, посвященной этим фигуркам, высказывается мнение, что это могут быть вотивы, подношения богине Иштар, изображения верующих или идолы-обереги[4]. Поселение, где стоит Храм Глаза, занимало стратегическое положение на главном пути из долины Тигриса к рудникам Анатолии, Евфрату и Средиземному морю.

Хетты (1650-1200 гг. до н.э.)[5], контактирующие с Шумером и Аккадом, в районе р. Хабур, вероятно, были впечатлены Храмом Глаза и сопутствующим культом, так как в качестве символа, обозначающего слово «небесный бог», переняли шумерский знак, очень похожий на изображение голов «идолов глаза»[6] (рис.2.4).

Этот символ или иероглиф для обозначения «божественного сущего» присутствует в произведениях изобразительного искусства

---

[1] *Гуцалов С.Ю.* Могильники Аксеновский I, II в междуречье Волги и Дона/ Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. 2010. С. 82; *Шилов В.П., Очир-Горяева М.А.* Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский-I-II // МИАР. (Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы). М., 1997, № 1. С. 152

[2] *Кондратьев И.И.* Стеклянные украшения сарматского Поволжья: автореф. канд. дисс. ист. наук. М., 1987.

[3] *Potts A.M.* The World's Eye. The University Press of Kentucky, 1982 (http://unurthed.com/page/4/ обращение от 15.11.13)

[4] *Crawford G.S.* The Eye Goddess. L., 1957. P. 25.

[5] Древние цивилизации / Под ред. Г.М. Бонгарда-Левина. М., 1989. С. 122.

[6] *Иоганнес Ф.* Дешифровка забытых письменностей и языков / Пер. с нем. и предисл. И.М. Дунаевской. Под ред. И.М. Дьяконова. М., 2007.

не только Малой Азии, но и Греции времен минойской и микенской цивилизаций[1] (рис. 2.5-6).

В период Нового царства (1570-1070 гг. до н.э.) фараоны Древнего Египта ведут активную завоевательную политику, подчиняя земли почти до Евфрата. Удачная внешняя политика способствует внутреннему экономическому развитию (в том числе стеклоделия)[2] и активной торговле с соседями, например, с Критом и Микенами.

До столкновения с цивилизациями Междуречья глазчатые бусы крайне редки в ожерельях египтян, но после походов Тутмоса III в Палестину и Сирию начинается проникновение понятия о сглазе и появление собственно глазчатых бус в культуре и верованиях египтян[3]. Вероятно, в этот момент происходит знакомство египтян с символом «божественной сущности» и его вариантами.

Л.Ш. Дабин датирует дисковидные пронизи и подвески (рис. 2.7) с рисунком в виде комбинации витого жгута и глазков 1379-1362 гг. до н.э. — Амарнским периодом Нового царства[4].

Орнамент в виде сдвоенных глаз в эпоху ранней бронзы проникает и в Азию. Так как изначально фаянсовые и стеклянные изделия делались для имитации каменных украшений, то мастер искал естественные «глазчатые» узоры, а затем стали создавать искусственные с помощью травления, как, например, на бусинах из раскопок комплексов северной и южной Аравии и городов долины Инда (рис. 2.8)[5].

В 2004 г. Чжан Мин провел раскопки богатого комплекса культуры Ву-Юэ (770-446 гг. до н.э.) в районе Хуншань Юэ (Уси, провинция Цзянсу, Китай)[6]. Среди артефактов были найдены 10 пронизей, пример самого раннего одновременного захоронения китайских и западных бусин[7]. Две пронизи (рис. 2. 9), которые сам ав-

---

[1] *Sitchin Z.* The 12th Planet. Harper Collins Publishers, 1978. ill. 65; *Пендлбери Д.* Археология Крита. М., 1950. С. 228, рис. 35,7.

[2] Древние цивилизации. С. 41-42.

[3] LIULIART.CN Сеть художественного стекла. Шанхай, КНР. Обращение от 11.11.13 http://www.liuliart.cn/Article/HTML/Article_1605.html/

[4] *Dubin L.S.* The History of Beads: From 30,000 B.C. to the Present. 1987. P. 41, pl. 24, Trade Beads Chart, № 452, № 462c.

[5] *Waele A., de, Haerinck E.* Etched (Carnelian) Beads from Northeast and Southeast Arabia // Arabian Archaeology and Ethnography. 2006. Vol. 17. C.31-40

[6] Десять великих археологических открытий 2004 года в Китае: http://www.china.org.cn/english/features/Archaeology/149496.htm, обращение от 15.01.2014.

[7] http://www.liuliart.cn/Article/HTML/Article_1615.html

тор публикации считает древнеегипетскими, практически тождественны находкам на территории Нижнего Поволжья и Урала.

Полихромные бусины периода Воюющих царств (770-221 гг. до н.э.), так называемые «глаза стрекозы», были похожи на свои древнеегипетские прототипы[1], однако главное их отличие в том, что западные пронизи сделаны из натриево-кальциевого стекла, а китайское стекло преимущественно по своему химическому составу является свинцово-бариевым[2].

Таким образом, на данный момент решение вопроса о происхождении бусин-масок из сарматских погребений лежит в области химического исследования образцов из степных комплексов Нижнего Поволжья и Урала и их сравнительного анализа с китайскими находками.

Если в начале изучения сарматской культуры упор делался на экономические, военные и культурные связи кочевников с античным миром, то сейчас, в свете новых раскопок и более близкого знакомства исследователей с азиатскими артефактами, можно обнаружить, что в погребения номадов попадали предметы, ближайшие аналоги которых находятся в среднеазиатских, алтайских, хуннских и даже китайских древностях[3] Для начала нашей эры исследователи приводят в качестве примера погребение кургана 1 могильника Октябрьский-V. Та же территория, где найдены бусины-маски курганного могильника Аксеновский (V в. до н.э.).

Основная дата существования бусин-масок V в. до н.э., появляются они в конце VI в. до н.э. и доживают до середины IV в до н.э., отдельные экземпляры, причем в достаточно хорошем состоянии, встречаются в погребениях II-I вв. до н.э. (2 комплекса) и одном погребении II-III в. н.э.

П.А. Коробков в своей работе замечает, что миграции населения из Северного Китая в Южное Приуралье происходили в V-IV вв. до н.э.[4] Вероятно, эти переселенцы могли принести с собой и

---

[1] *Кравцова М.Е., Неглинская М.А.* Стекло // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 6 (дополнительный). Искусство. М.: Вост. лит., 2010. С. 312-315.

[2] http://www.liuliart.cn/Article/HTML/Article_1615.html

[3] *Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С.* Погребение сарматский знати с Есауловского Аксая // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 1999, №2.

[4] *Коробков П.А.* Проблемы изучения периодизации раннесарматских памятников Нижнего Поволжья// Вести Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. № 1(21). Волгоград, 2012. С. 162.

данный вид украшения-оберега, которое затем попало к сарматам Нижнего Поволжья.

Приложение 1: Памятники с бусами-масками

№	Памятник	Датировка	Источник
Алтай			
1	Староалейка-2, п.35	V-III в. до н.э.	Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 9.3[1]
2	Обские Плесы-2	V-нач. IV в. до н.э.	Ведянин, Кунгуров, 1996, рис. 12.7[2]
Южный Урал			
3	Алебастрово II к.7	IV в. до н.э.	Железчиков, 1999, рис. 34.3[3]
4	Алебастрово II к.14	IV в. до н.э.	Железчиков, 1999, рис. 36.1[4]
5	Алмухаметово, к. 8	II пол. VI в. до н.э.	Пшеничнюк, 1983, табл. XXXIII, 5[5]
6	Алмухаметово, к. 17	конец VI-V вв. до н.э.	Пшеничнюк, 1983, табл. XXXVIII, 4[6]
7	Мечетсайский могильник к. 10.2	нач. V в. до н.э.	Смирнов, 1975, рис. 31а, 14[7]
8	Ново-Кумак к.7.2	V в. до н.э.	Мошкова, 1962, рис. 8.1[8]
9	Ново-Кумак к. 9.1	VI-V вв. до н.э.	Мошкова, 1962, рис. 8.2
10	Ново-Кумак к.19.1	VI-V вв. до н.э.	Мошкова, 1962, рис. 8. 4
11	Покровка II Левобережный	II-I вв. до н.э.	Яблонский, 1994, рис. 94.8[9]

[1] Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996. Могильник раннего железного века Староалейка-2// Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул. С. 115-135.

[2] Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы II// Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул. С.88-115

[3] Железчиков Б.Ф., 1999. Археологические памятники Уральской области //Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград. С. 53

[4] Там же. С.54

[5] Пшеничнюк А.Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. С. 166

[6] Он же, с. 171.

[7] Смирнов К.Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М. С. 96

[8] Мошкова М.Г., 1962. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска// Памятники скифо-сарматской культуры. МИА, № 115, М. С. 204-242.

[9] Яблонский Л.Т. (Отв. ред.), 1994. Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М. С. 54, 171

	Илек, к. 23.10		
12	Покровка X к. 35	VI-IV вв. до н.э.	Стрижак, 2006, таб. 2.1[1]
13	оз. Челкар, одиночный курган, п.2	V в. до н.э.	Железчиков, 1999, рис. 5.8[2]
Нижнее Поволжье			
14	Аксеновский к.10	V в. до н.э.	Шилов В.П., 1997[3]
15	Рахинка к. 5.3	II-I вв. до н.э.	Кригер В.А., 1985[4]
16	Цаца, к.7.5	II-III вв. н.э.	Шилов В.П., 1985[5]
Средний Дон			
17	сборы 1905 г. у с. Мастюгино, к.1	IV в. до н.э.	Либеров, 1965, с. 109, табл. 37, 12[6].
18	х. Семеникин, к.4.4	II пол. VI в. до н.э.	Копылов, Лукьяшко, 1995, рис. 12.4[7],
19	Любимовка гр. Лопасина, 1927г.	кон. VI-V в. до н.э.	Смирнов, Петренко, 1963, табл. 27.7[8]
Днепровское Левобережье			
20	Песочинский могильник, к.9	кон. V- I пол. IV в. до н.э.	Бабенко, 2004, рис. 20, 18д[9]

[1] Стрижак М.С., 2006. К вопросу о дифференцировании женских и мужских комплексов в «савроматской» культуре на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья.// Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8. Волгоград. С. 35-50.

[2] Железчиков Б.Ф., Кушаев Г.А., 1999. Погребения на берегу озера Челкар в Западном Казахстане. //Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград. С. 127-137.

[3] Шилов В.П., 1997. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский I, II/ Шилов В.П., Очир-Горяева М.А.// МИАР, №1. Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М.

[4] Кригер В.А., 1985. Отчет о раскопках в 1985 году в Среднеахтубинском (п. Рахинка) и Ленинском (Бахтияровка III) районах Волгоградской области // Архив ИА РАН, р.1, д.10773.

[5] Шилов В.П., 1985. Курганный могильник у с. Цаца //Древности Калмыкии. Элиста.

[6] Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М.

[7] Копылов В.П., Лукьяшко С.И., 1995. Погребения предскифского и скифского времени в междуречье Дона и Сала.// Донские древности. Азов. Вып. 4. С. 117-149.

[8] Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья./ САИ Д1-19. М.

[9] Бабенко Л.И., 2005. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков. С.253.

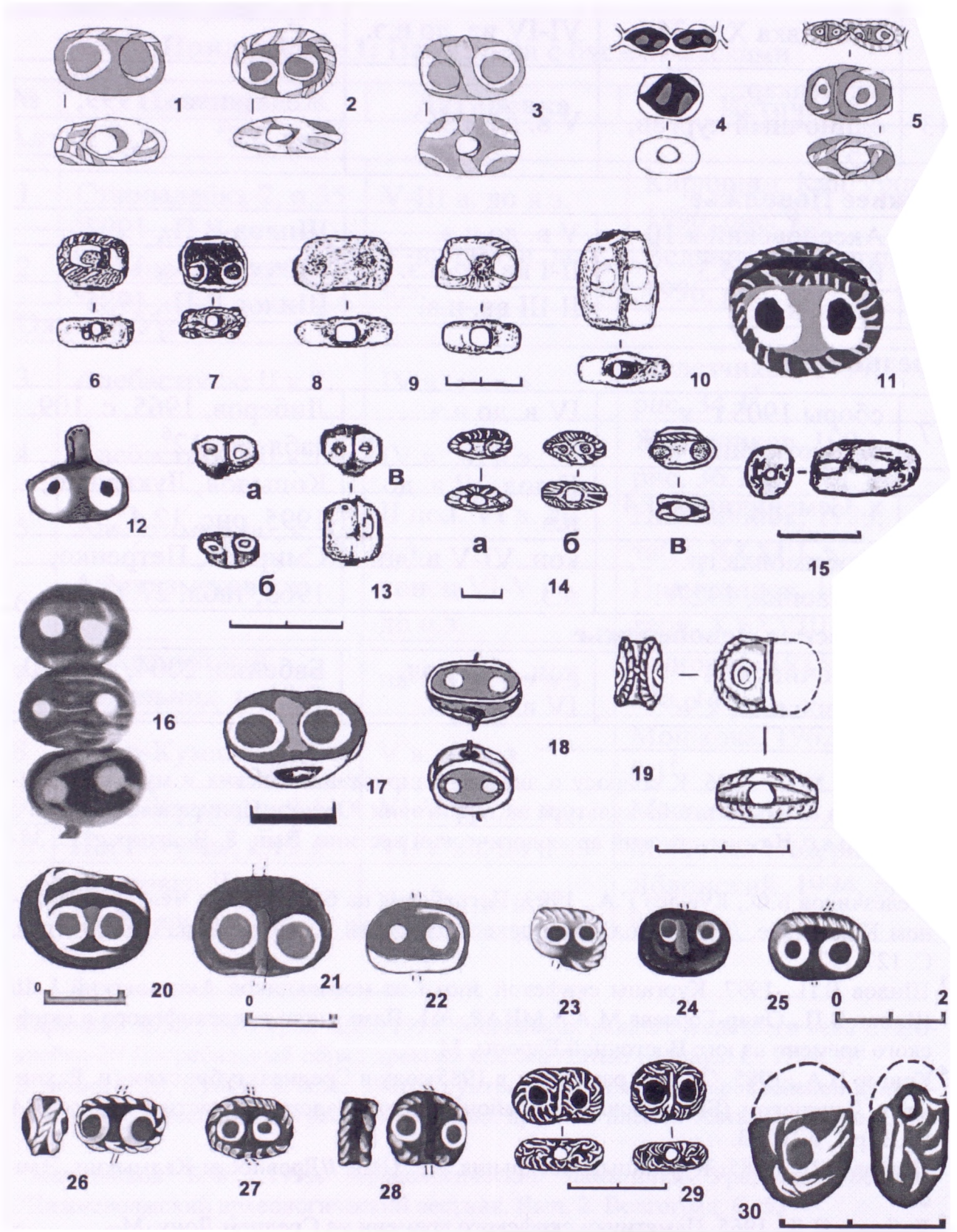

Рис. 1 Бусы-маски из погребений VI в. до н.э. –III в. н.э.

1. Цаца 1962 к. 7.5.-1 экз.
2. Аксеновский I 1966 к. 10 – 4 экз.
3. Аксеновский I 1966 к. 10 – 3 экз.
4. Рахинка 1985 к. 5.3 – 1 экз.

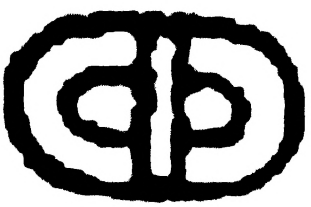
5. Аксеновский I 1966 к. 10 – 5 экз., Цаца 1962 к. 7.5. – 1 экз.
6-10. Покровка 10 к.35, рис. по Стрижак М.С.
11-12. Древний Египет, Амарнский период (1379-1362 гг. до н.э.)
13. Староалейка 2, п. 35, рис. по Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л.
14. Обские Плесы II, по Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л.
15. Песочинский курганный могильник, к.9, по Бабенко Л.И.
16. Мечетсайский могильник, к. 10.2, по Смирнову К.Ф., 1975
17. Алмухаметовские курганы, к. 8, по Пшеничнюк А.Х., 1983.
18. Алмухаметовские курганы, к. 17, по Пшеничнюк А.Х., 1983
19. с. Мастюгино, к. 1, по Либеров П.Д., 1965
20. Ново-Кумакский могильник, к. 7.2, по Мошкова М.Г., 1962
21-22. Ново-Кумакский могильник, к. 9.1, по Мошкова М.Г., 1962
23-28. Ново-Кумакский могильник, к. 19.1, по Мошкова М.Г., 1962
29. х.Семенкин, к. 4.4, по Копылов В.П., Лукьяшко С.И., 1995
30. Любимовка, гр. «Лапасина», 1927, по Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963

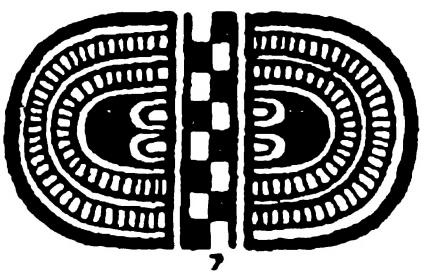

1

2

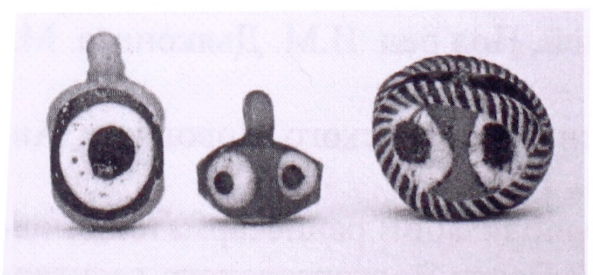

3

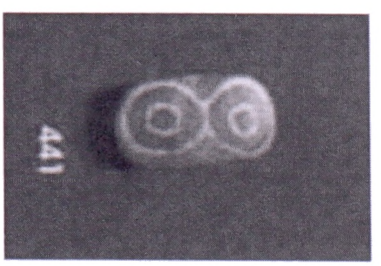
4

5

6

7

8

9

Рис. 2

1. Сирия, ок. 4 тыс. до н.э. Размер 4,5 см. Gawain McKinley collection, приобретение до 1996г. Аукцион Christies. Октябрь 2010г.
2. Tell Brak, Сирия. Размер 7 см. Аукцион Christies, 8 июня 2005г., Нью-Йорк, Рокфеллер-Плаза.
3. Tell Brak. Сирия. Размер 1, 7/8 дюйма. Музей Багдада, Аукцион Sotbies, сентябрь 2003г.
4. Хеттский символ «небесный бог». XVII-XII вв. до н. э.
5-6. Символ «божественного я» в минойской (2700-1400 гг. до н.э.) и микенских культурах (XVIII-XVII вв. до н.э.)
7. Новое царства, Амарнский период (1300-1200 гг. до н.э.) Древний Египет. Коллекция Henry Anavian
8. Сердоликовая бусина с травлением. Раскопки в Мохенджо-Даро . Музей Пакистана
9. Царство Юэ (ок. VII в. до н.э. -333 до н.э.) Древний Китай.

Литература

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья.// САИ Г1-12, М., 1975.

Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков, 2005.

Гуцалов С.Ю. Могильники Аксеновский I, II в междуречье Волги и Дона // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. 2010.

Древние цивилизации / Под ред. Г.М. Бонгарда-Левина. М., 1989.

Иванов В.В. Маска как элемент культуры // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4. Знаковые системы культуры, искусства и науки. М.: Языки славянских культур, 2007.

Иоганнес Ф. Дешифровка забытых письменностей и языков / Пер. с нем. и предисл. И.М. Дунаевской. Под ред. И.М. Дьяконова. М., 2007.

Кондратьев И.И. Стеклянные украшения сарматского Поволжья: Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1987.

Коробков П.А. Проблемы изучения периодизации раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // Вести Волгоградского государ-

ственного университета. Сер. 4. История, № 1(21). Волгоград, 2012.

Кравцова М.Е., Неглинская М.А. Стекло // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 6 (дополнительный). Искусство. М.: Вост. лит., 2010.

Кригер В.А. Отчет о раскопках в 1985 году в Среднеахтубинском (п. Рахинка) и Ленинском (Бахтияровка III) районах Волгоградской области // Архив ИА РАН, р.1, д.10773. 1985

Марчукова С. Медицина в зеркале истории. М., 2003.

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С. Погребение сарматский знати с Есауловского Аксая // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 1999, №2.

Пендлбери Д. Археология Крита. М., 1950

Шилов В.П. Курганный могильник у села Цаца // Древности Калмыкии. Элиста: Калмыцкий НИИ ИФЭ, 1985.

Шилов В.П., Очир-Горяева М.А. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский-I-II // МИАР. (Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы). М., 1997, № 1.

Яблонский Л.Т. (Отв. ред.), 1994. Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М.

Dubin L.S. The History of Beads: From 30,000 B.C. to the Present. N.Y., 1987

G. S. Crawford, The Eye Goddess. L., 1957.

Potts A.M. The World's Eye. The University Press of Kentucky, 1982.

Sitchin Z. The 12th Planet. Harper Collins Publishers, 1978.

Waele A., de, Haerinck E. Etched (Carnelian) Beads from Northeast and Southeast Arabia // Arabian Archaeology and Ethnography. 2006. Vol. 17.

Л.Ф. Недашковский
(Институт истории К(П)ФУ, Казань)

Кочевники и города в Нижнем Поволжье в золотоордынское время

Улус Джучи (рис. 1) имел две основные экономические составляющие: мир степных кочевников и оседлые сельскохозяйственные земли с городами.

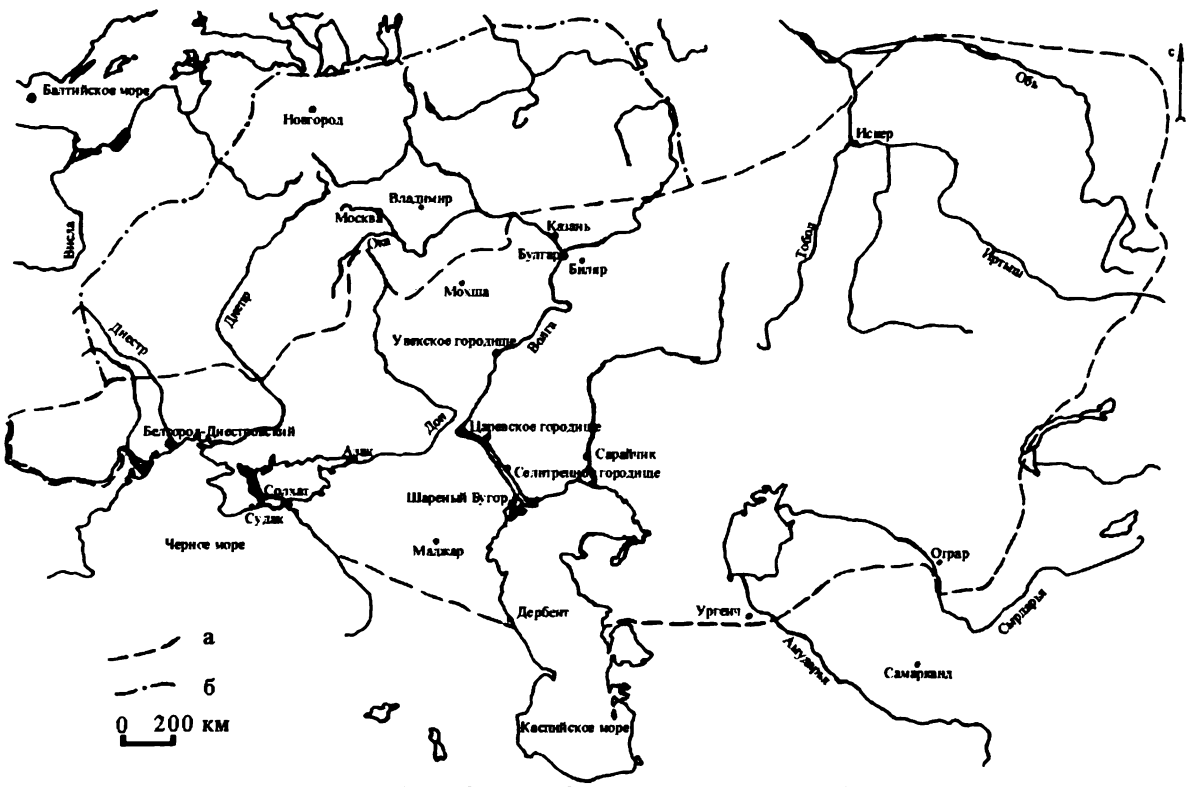

Рис.1. Карта Золотой Орды (по материалам В.Л.Егорова).
а – границы Золотой Орды, б – общая граница русских земель.

Одной из экономических основ золотоордынского государства являлось скотоводство. Из числа кочевников-скотоводов комплектовалась вся армия Джучидов вплоть до второй половины – конца XIV в.

Нами была осуществлена классификация погребального обряда курганных групп округи Увекского и Царевского (рис. 2) горо-

Рис.2. Схема расположения крупнейших золотоордынских городищ Нижней Волги.

дищ (имеются данные о 483 подкурганных захоронений с известными деталями обрядности). Выборка является вполне репрезентативной, что определяет высокую достоверность полученных результатов. Имеющаяся выборка, тем не менее, не позволяет выделить ка-

кие-либо хронологические группы погребений, а следовательно, и закономерности развития обрядности. Основная часть монетных находок из погребальных комплексов относится к XIV в., а четких хронологических отличий в погребальном обряде не улавливается.

Значительное количество типов и вариантов погребений, выделенных нами, наглядно показывает социальное, этническое и конфессиональное разнообразие кочевого золотоордынского общества.

Курганы округи Увекского городища (рис. 3).

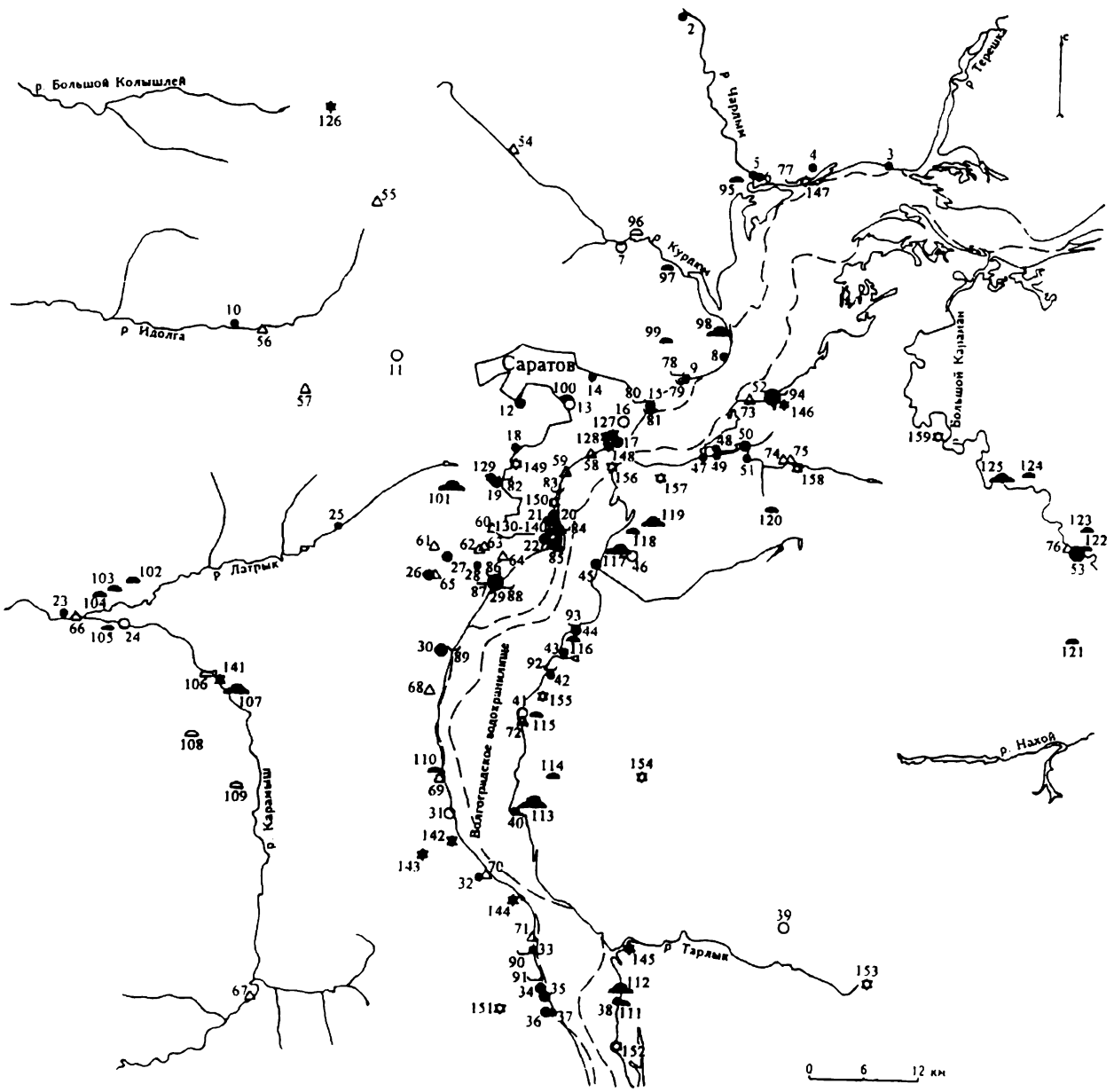

Рис.3. Схема расположения памятников округи Увекского городища.

Поселения: 1 — Увекское городище, 2 — Чернышевка—1, 3 — Усовка, 4 — Чардымское II городище и селище, 5 — Чардымское I городище, 6 — Чардымское IV городище, 7 — Хутор Моховой, 8 — Усть—Курдюмское городище, 9 — Пристанное, 10 — Октябрьский городок, 11 — Курдюм, 12 — Поливановка, 13 — дача Корольковой,

14 — пос. Северный («Песочное»), 15 — Алексеевское городище, 16 — Соколовая гора, 17 — ул. Лермонтова, 18 — Рокотовка, 19 — Болдыревка, 20 — Увекское I селище, 21 — Увекское II селище, 22 — Увекское III селище, 23 — Висловка II, 24 — Большая Дмитриевка, 25 — Константиновка, 26 — Колотов Буерак, 27 — Багаевка, 28 — Хмелевка II, 29 — Хмелевка I, 30 — Широкий Буерак, 31 — «Еланский ручей», 32 — Ахматское городище, 33 — Мартышкино, 34 — Кондаково I, 35 — Кондаково II, 36 — Кондаково IV, 37 — Кондаково III, 38 — Скатовка, 39 — Чапаево (Фрейзенгейм), 40 — Зауморье, 41 — Узморье, 42 — Терновка I, 43 — Терновка II, 44 — Подгорное, 45 — Квасниковка, 46 — Анисовка, 47 — Устье р. Саратовки, 48 — «Иван», 49 — Учхоз I, 50 — Прапорский бугор, 51 — «Плотина», 52 — Шумейка («Подстепное»), 53 — Советское («Зимник»).

Местонахождения: 54 — Хлебновка, 55 — «Белая Вода», 56 — Кувыка, 57 — Эстонцы, 58 — ул. Чернышевского, 59 — Юриш, 60 — Александровское, 61 — Буркин Буерак, 62 — Сельхозтехника I, 63 — Сельхозтехника II, 64 — Сельхозтехника IV, 65 — Колотов Буерак, 66 — Петропавловка, 67 — ст. Карамыш, 68 — Пудовкино, 69 — Сосновка—3, 70 — Ахматское I, 71 — Ахматское II, 72 — Узморье, 73 — Шумейка, 74 — Прибрежный I, 75 — Прибрежный II, 76 — «Мыс».

Грунтовые могильники: 77 — Чардымский, 78 — погребение на Танавском городище, 79 — Пристанное, 80 — «Комбайн», 81 — Алексеевский, 82 — Болдыревский, 83 — Улеши, 84 — Увекский II, 85 — Увекский I, 86 — Хмелевский II, 87 — Хмелевский III, 88 — Хмелевский I, 89 — Широкий Буерак, 90 — Ахмат («Мартышкино»), 91 — Нижняя Студенка—I, 92 — Терновка, 93 — Подгорное, 94 — Шумейка («Подстепное»).

Курганы и курганные группы: 95 — Расловка, 96 — Новая Липовка, 97 — Усть—Курдюм II, 98 — Усть—Курдюм I, 99 — Долгий Буерак, 100 — Вишневое, 101 — Астраханский тракт, 102 — Двоенка II, 103 — Двоенка I, 104 — Большая Дмитриевка I, 105 — Большая Дмитриевка II, 106 — Рыбушка II, 107 — Рыбушка I, 108 — Рыбушка III, 109 — Паницкое, 110 — Сосновка, 111 — Скатовка II, 112 — Скатовка I, 113 — Зауморье, 114 — Березовка, 115 — Узморье, 116 — Подгорное, 117 — Квасниковка, 118 — Энгельс, 119 — Покровск, 120 — Сухая Саратовка, 121 — Советское (Мариенталь) II, 122 — Советское III, 123 — Советское (Мариенталь) I, 124 — Суслы, 125 — Крутояровка.

Клады монет: 126 — Полчаниновка, 127 — Саратов 1900 г., 128 — Саратов 1847 г., 129 — Болдыревка, 130—140 — Увек I—X 1860—е, 1879, 1889, 1891а, 1891б, 1893, 1900—е, 1910—е, 1912, 1994 гг., 141

— Рыбушка, 142 — Мордово I, 143 — Мордово II, 144 — Ахмат, 145 — Тарлыковка, 146 — Подстепное.

Отдельные находки монет: 147 — Чардым, 148 — Набережная Космонавтов, 149 — Есиповка, 150 — Князевка, 151 — х. Студенский, 152 — Привольное, 153 — Воскресенка, 154 — Березовка, 155 — Узморье, 156 — Покровская бухта, 157 — Покровская слобода, 158 — р. Саратовка, 159 — Осиновка.

Имеются курганы и курганные группы с золотоордынскими погребениями, а также курганы (как правило, нераскопанные) с находками в насыпи предметов XIII–XIV вв. Для нас очевидно, что не все памятники последней группы должны обязательно содержать золотоордынские погребения — это показали исследования 1989 г. кургана 1 у с. Двоенка, — однако данные курганы мы не можем исключить из списка золотоордынских памятников: они посещались кочевниками с теми или иными целями (как культовые места или источник наживы в случае ограбления могил). Насыпи золотоордынских курганов имели диаметр от 4 до 22 м и высоту от 8 до 178 см.

Из 31 имеющегося в нашем распоряжении памятника 16 (лишь в 12 из них обнаружены захоронения XIII-XIV вв., в остальных — только отдельные находки в насыпи) располагаются на Правобережье Волги, а 15 — на левобережье. Однако на Левобережье расположены шесть из девяти курганных групп золотоордынского времени и исследовано 84 (75,7%) погребения из 111. Данная ситуация легко объясняется тем, что кочевой мир преобладал на Левобережье Волги, где располагался домен золотоордынских ханов и где, судя по данным письменных источников, кочевали их ставки. На Правобережье же, судя по имеющимся археологическим данным, сильнее были традиции оседлости. Примечательно, что на Правобережье из 27 захоронений впускными являются лишь шесть (22,2%), а на Левобережье из 84 — 29 (34,5%); на Правобережье восемь курганов (32%) с золотоордынскими погребениями располагаются вне курганных групп XIII–XIV вв., 17 (68%) — в группах, а на Левобережье эти цифры составляют 9 (15,3%) и 50 (84,7%) соответственно. Эти данные можно рассматривать как довод в пользу более длительного функционирования могильников Левобережья.

Из 111 захоронений 76 являются основными и 35 — впускными (рис. 4). 17 курганов с погребениями XIII–XIV вв. располагаются вне золотоордынских курганных групп, а 67 — в курганных

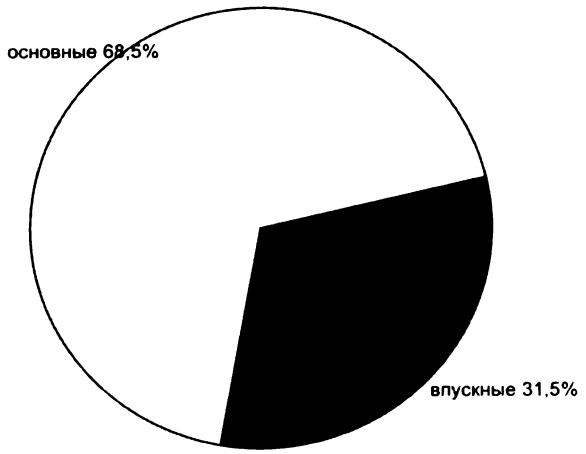

Рис.4. Доля основных и впускных захоронений среди подкурганных погребений округи Увекского городища.

группах (рис. 5). 12 памятников (38,7%) размещаются в группах предшествующего времени: эпохи бронзы, раннего железного века и домонгольского периода.

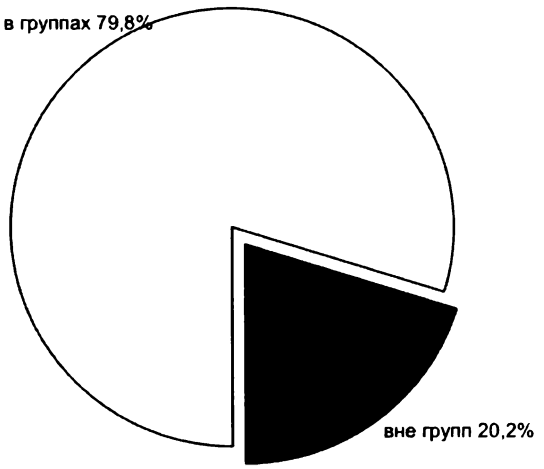

Рис.5. Доля курганов, расположенных в золотоордынских курганных группах и вне их для округи Увекского городища.

В насыпях некоторых курганов фиксировались угли или зола, кости животных, керамика, кирпичи, железная мотыга, остатки деревянных конструкций, каменная вымостка, кольцевидная и прямоугольная сплошная кирпичные выкладки над могилами, квадратная сырцовая оградка и вымостка из сырцовых кирпичей. Вокруг насыпей в трех случаях имелись небольшие кольцевые ровики. В засыпях могильных ям зафиксированы угли и зола.

У нас есть данные о 97 подкурганных захоронениях с известной ориентировкой. Имеются пять разновидностей ориентировки погребенных (рис. 6).

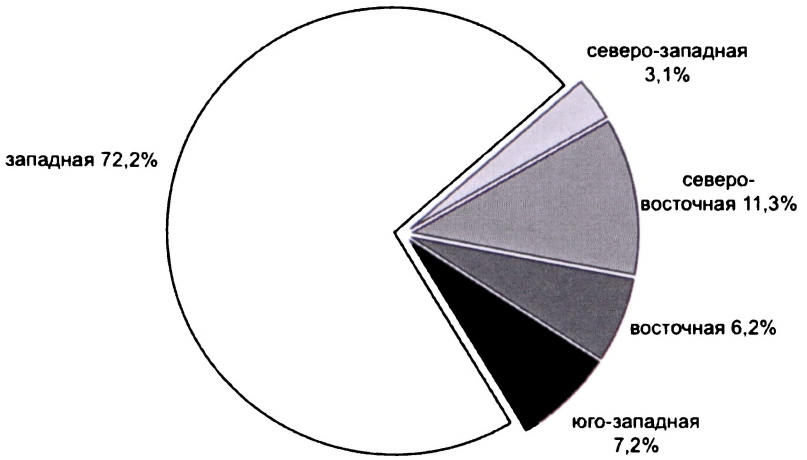

Рис.6. Доля различных ориентировок погребенных в курганах округи Увекского городища.

Западная ориентировка погребенных абсолютно преобладает над другими. Широкое распространение погребений с западной и юго-западной ориентировкой в простых ямах без костей животных (они составляют 60,8% всех кочевнических захоронений округи Укека) мы можем связывать с исламизацией номадов Золотой Орды (рис. 7).

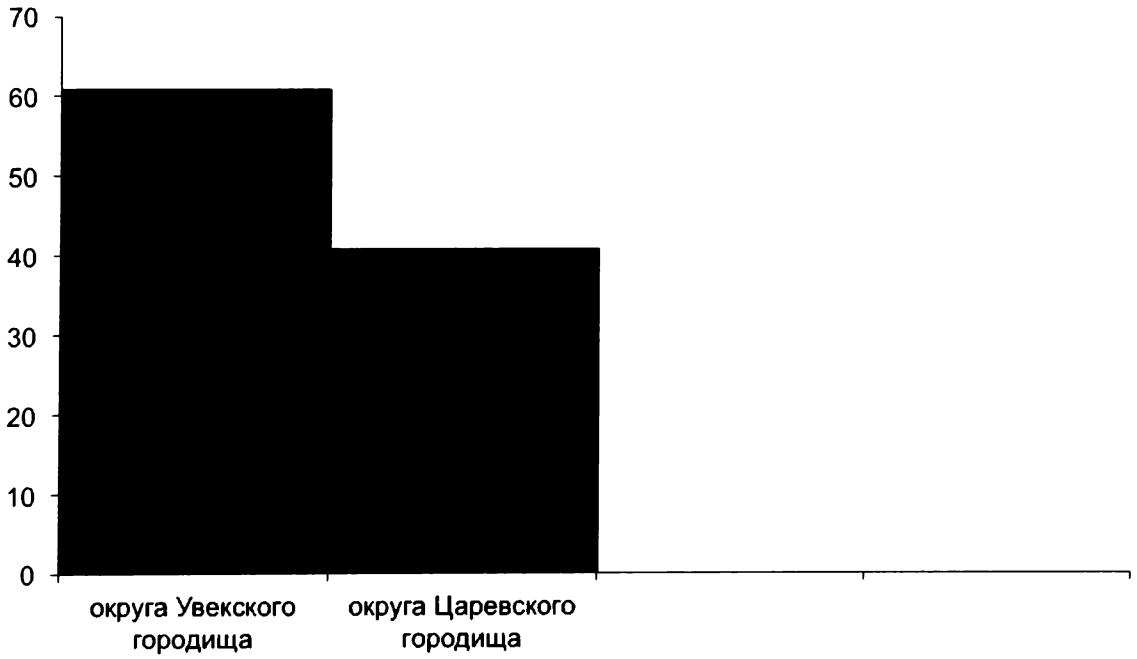

Рис.7. Доля подкурганных мусульманских захоронений округи Увекского и Царевского городищ (в процентах от общего количества подкурганных погребений).

Из погребений этой группы в 6 (10,2%) случаях отмечается поворот лица захороненных к югу. Положение рук захороненных в соответствии с нормами ислама (нахождение кистей рук на животе и на тазовых костях, а также варианты, когда правая рука вытянута, а кисть левой располагается на тазу, животе, груди или справа от грудной

клетки) наблюдается в 8 погребениях (13,6% в рассматриваемой группе). Примечательно, что только в курганах с погребениями с западной и в одном случае с юго-западной ориентировкой фиксировались сырцовые конструкции в насыпях, связываемые исследователями с процессами исламизации кочевников и перехода их к оседлому образу жизни.

Всего в пяти комплексах с западной ориентировкой (т.е. в 7,1% захоронений с данной ориентацией) отмечены кости коней. По характеру погребальной обрядности три захоронения с остовом или с черепами и костями ног лошади можно отнести к памятникам черных клобуков, переселившихся в Поволжье в золотоордынское время, либо половцев. В остальных двух погребениях найдены лишь отдельные кости коня.

Погребения с северо-восточной и северо-западной ориентировкой, составляющие вместе 14,4% всех захоронений, связаны, очевидно, с племенами восточного, центральноазиатского происхождения, появившимися в Поволжье в эпоху монгольского нашествия. В двух из этих погребений были зафиксированы подбои, которые иногда встречаются в погребениях средневековых монголов; кроме этих комплексов на рассматриваемой территории есть лишь одно подбойное захоронение — с западной ориентировкой.

Помимо частей конского скелета в могильных ямах девяти комплексов с инвентарем — шести с северо-восточной и трех с западной ориентировкой — были обнаружены кости барана. Помещение в могилу мяса барана являлось одной из черт средневекового монгольского погребального обряда.

Остальные погребения составляют весьма небольшую группу (19,6% всех комплексов), большую часть которой (13,4% всех комплексов) можно связывать с процессом исламизации кочевников.

Инвентарь зафиксирован в 72 погребениях, что составляет 74,2% от их общего числа (рис. 8). Примечательно, что лишь три из безынвентарных захоронений были ориентированы головой не на запад или юго-запад; очевидно, исчезновение инвентаря в погребениях мы должны связывать с влиянием ислама.

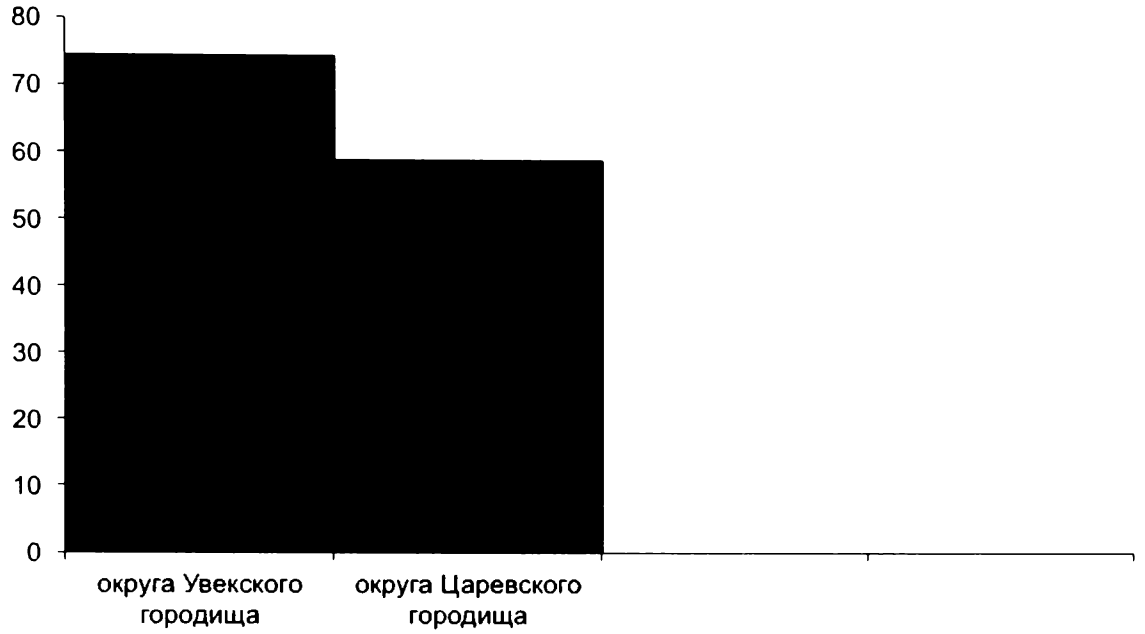

Рис.8. Доля подкурганных захоронений с инвентарем из округи Увекского и Царевского городищ (в процентах от общего количества подкурганных погребений).

Остатки шапочек-бокк найдены в семи погребениях, одно из которых было совершено в подбое.

Золотые и серебряные изделия встречены всего в шести захоронениях (6,2% от общего числа), причем золотые и серебряные одновременно обнаружены всего в одном случае, а в пяти остальных — только серебряные (рис. 9). Из этих шести погребений три имеют западную ориентировку, два — юго-западную и одно — северо-восточную.

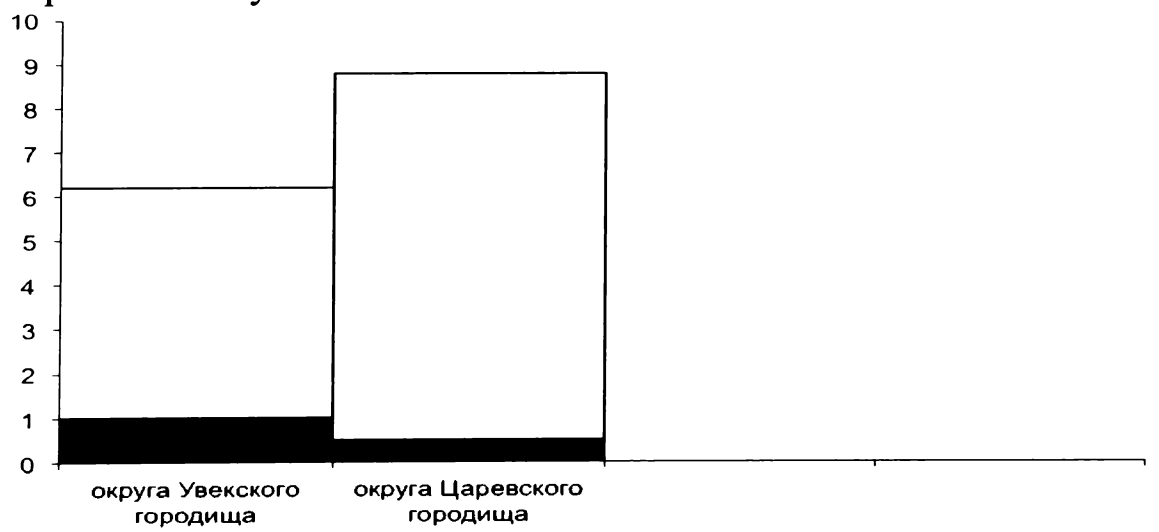

Рис.9. Доля подкурганных захоронений с изделиями из драгоценных металлов из округи Увекского и Царевского городищ (в процентах от общего количества погребений). Черной заливкой показана доля захоронений с золотыми вещами.

Остатки шелковых и парчовых тканей отмечены также в шести захоронениях: с западной, юго-западной, северо-западной и восточной ориентировкой.

Предметы вооружения и конского снаряжения найдены в 26 захоронениях (26,8% от общего количества), причем в восьми из них — только оружие, а еще в восьми — только конское снаряжение.

В двух погребениях были найдены бронзовые застежки-сюльгамы.

Монеты обнаружены в восьми (8,3%) из 97 погребений.

На основании сопоставления количества хорошо документированных подкурганных погребений (их 97) и грунтовых захоронений (их 209) можно заключить, что в округе золотоордынского Укека оседлое население заметно преобладало над кочевым.

Могильники номадов часто располагались невдалеке от поселений, что говорит о взаимопроникновении, симбиозе кочевого и оседлого укладов жизни в округе Укека. Однако инвентарь кочевнических захоронений рассматриваемой территории в большинстве своем значительно отличается от инвентаря с Увекского городища и других поселений, что, очевидно, обусловлено разными системами хозяйства — кочевым скотоводством, с одной стороны, и оседлыми земледелием и ремеслом — с другой.

Курганы округи Царевского городища (рис. 10).

Насыпи золотоордынских курганов имели диаметр от 4 до 43 м и высоту от 10 до 320 см.

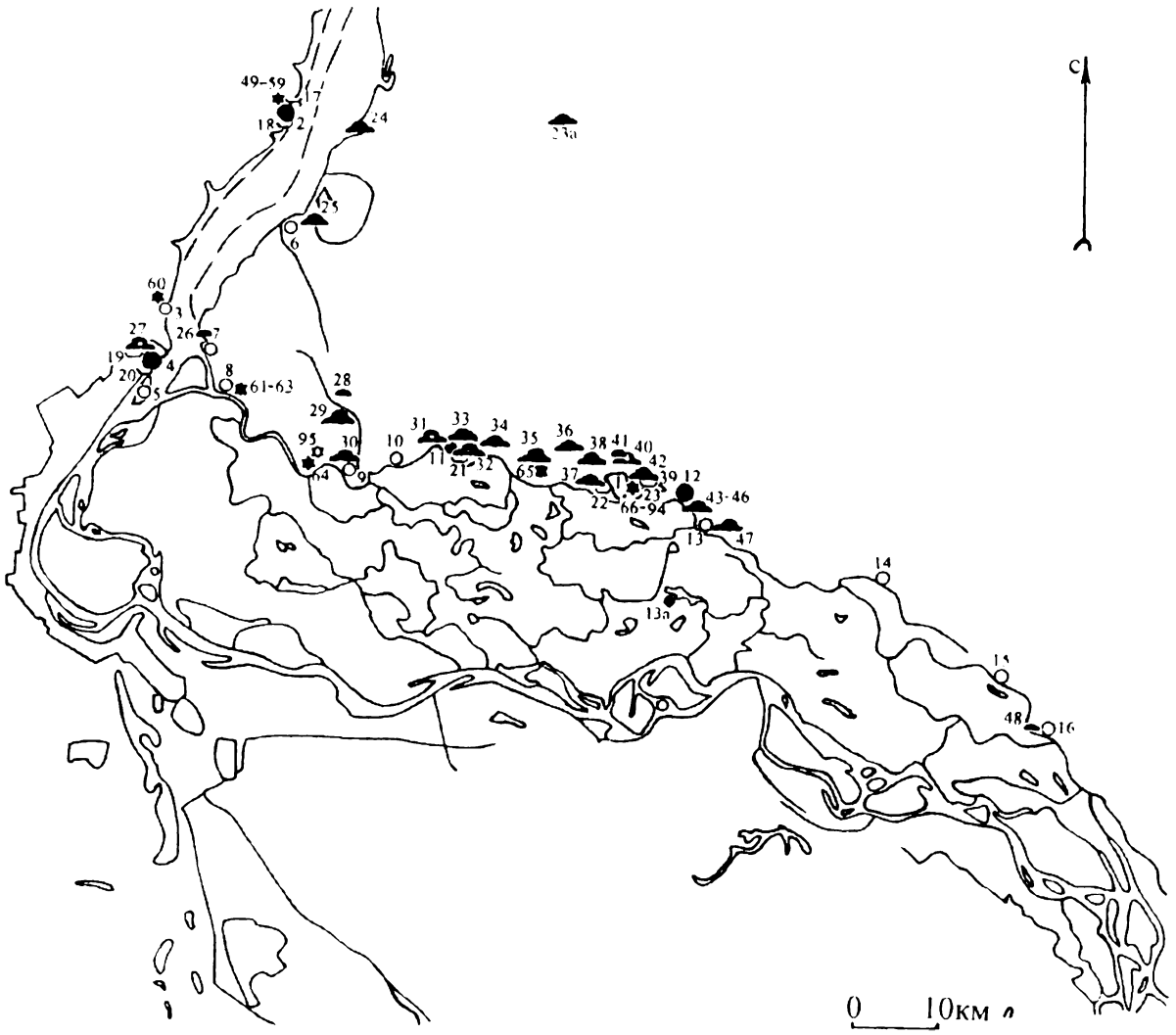

Рис.10. Схема расположения памятников округи Царевского городища.

Поселения: 1 — Царевское городище, 2 — Водянское городище, 3 — Винновка, 4 — Мечетное городище, 5 — Остров Денежный, 6 — Верхнее и Нижнее Погромное, 7 — Поселение у истока Ахтубы, 8 — Верхне-Ахтубинское (Безродное), 9 — Заяр, 10 — Заплавное, 11 — Бахтияровка, 12 — Колобовка, 13 — Зубовка, 13а – Грачи, 14 — Капустин Яр, 15 — Пологое Займище, 16 – Дмитриевка.

Грунтовые могильники: 17 — Водянский I, 18 – Водянский II, 19 – Мечетное I, 20 — Мечетное II, 21 — Мавзолей у Бахтияровки, 22 — Царев II, 23 — Царев I.

Курганы и курганные группы: 23а — Красный Октябрь, 24 — Калиновка, 25 — Верхнее Погромное, 26 — Осадная балка, 27 – Мечетное, 28 — 15 поселок, 29 — Заплавное I, 30 — Заяр, 31 — Заплавное II, 32 — Бахтияровка I, 33 — Бахтияровка II, 34 — Бахтияровка III, 35 — Ленинск I, 36 — Ленинск II, 37 — Маляевка I, 37а — Маляевка VI, 38 — Маляевка V, 39 — Солодовка I, 40 — Солодовка II, 41 — Солодовка III, 42 — Царев, 43 — Колобовка I, 44 — Колобовка II, 45 — Колобовка III, 46 — Колобовка IV, 47 — Зубовка, 48 – Дмитриевка.

Клады монет: 49–59 — Водянское городище I—XI 1912, 1971–1974, 1997, 2002 гг., 60 – Винновка, 61–63 — Верхне-Ахтубинское (Безродное) I–III 1848, 1873, 1916 гг., 64 — Среднеахтубинское, 65 — Пришиб, 66–92 – Царев I–XXVIII 1840-е, 1845–1851, 1958, 1962–1963, 1965, 1968, 1972, 1995, 1997, вторая половина 1990—х гг., 93–94 — Царевский уезд I-II начало XIX в., 1864 г.

Отдельные находки монет: 95 — Средняя Ахтуба.

Из 404 захоронений 347 являются основными и 57 — впускными (рис. 11). 4 кургана с погребениями XIII–XIV вв. располагаются вне золотоордынских курганных групп, а 297 — в курганных группах (рис. 12). 23 памятника (85,2%) размещаются в группах предшествующего времени: эпох энеолита, бронзы, раннего железного века и домонгольского периода.

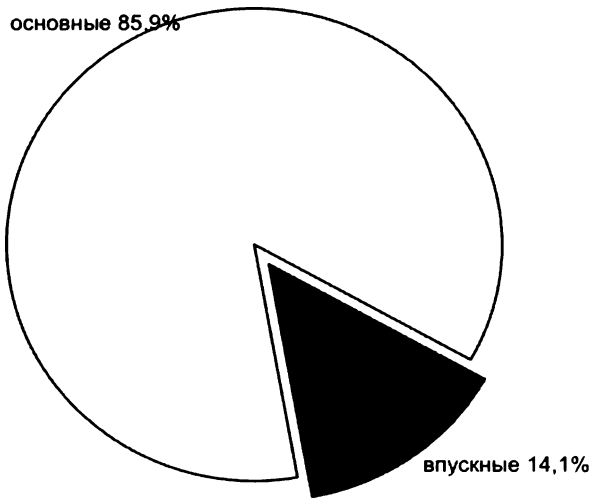

Рис.11. Доля основных и впускных захоронений среди подкурганных погребений округи Царевского городища.

В насыпях некоторых курганов фиксировались угли и зола, кости животных, птиц и рыб, обгоревший мешочек с зернами внутри, керамика, фрагменты майолик, мозаики, кирпичи, куски алебастра, кусочки извести, камни, железные ножи, чаша, наковальня (?), молот, пара кузнечных клещей, щипцы, ножницы для резки металла, гвозди, неопределенные предметы, фрагменты удил, подковы, топора, скобы, замка с остатками бронзовых деталей, кусок шлака,

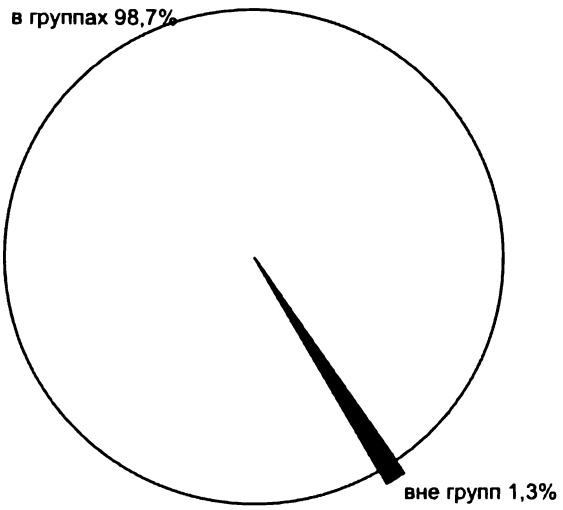

Рис.12. Доля курганов, расположенных в золотоордынских курганных группах и вне их для округи Царевского городища.

фрагменты берестяного колчана с орнаментированными обкладками, резные кожаные аппликации в виде листьев со следами отверстий от иглы, бронзовые фрагменты пластинок, фрагмент бляшки, бубенчики, литой сосуд, фрагмент сосуда, остатки деревянных конструкций, прослойки камыша и коры, заливка из ила, обмазка из сырой глины, кирпичные выкладки над могилами, квадратные, прямоугольные и круглые сырцовые оградки и надмогильные выкладки из сырцовых кирпичей. Вокруг насыпей иногда имелись ровики. В засыпях могильных ям зафиксированы угли и зола, кости животных, птиц и рыб, рыбья чешуя, куски алебастра, кусочки извести, кусок обожженной глины, шлак, неопределенная костяная поделка, сырцовые и обожженные кирпичи, фрагменты керамики и майолик.

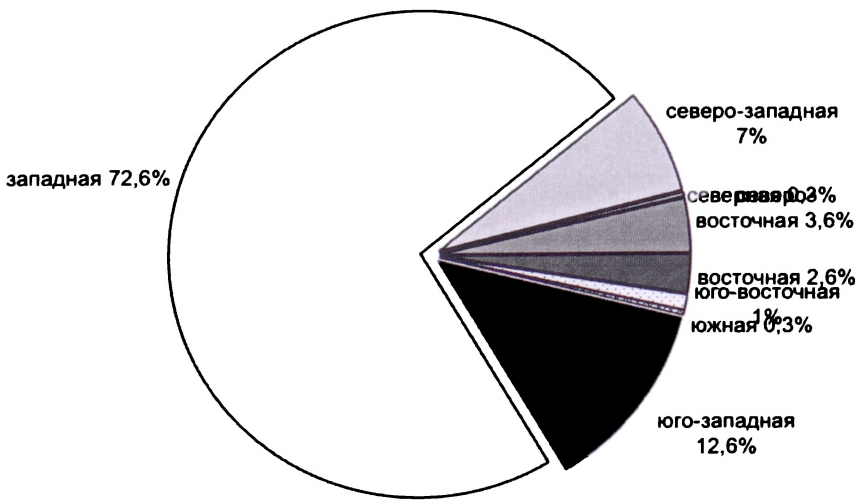

Рис.13. Доля различных ориентировок погребенных в курганах округи Царевского городища.

У нас есть данные о 387 подкурганных захоронениях с известной ориентировкой. Имеются все разновидности ориентировки погребенных (рис. 13).

Западная ориентировка погребенных абсолютно преобладает над другими. Погребения с западной и юго-западной ориентировкой в простых ямах без костей животных (они составляют 40,8% всех кочевнических захоронений округи Царевского городища) мы можем связывать с процессом исламизации номадов Золотой Орды. Примечательно, что из погребений этой группы в 34 (21,5%) случаях отмечается поворот лица захороненных к югу. Положение рук погребенных в соответствии с нормами ислама (нахождение кистей рук на животе и на тазовых костях, а также варианты, когда правая рука вытянута, а кисть левой располагается на тазу, животе, груди или справа от грудной клетки) наблюдается в 62 (39,2% в рассматриваемой группе) захоронениях. В курганах с погребениями с западной, юго-западной, северо-западной и северо-восточной ориентировками фиксировались сырцовые конструкции в насыпях, связываемые исследователями с процессами исламизации кочевников и перехода их к оседлому образу жизни.

В 41 комплексе с западной ориентировкой (что составляет 14,6% всех захоронений с данной ориентацией) отмечены кости коней. Доля захоронений с костными остатками коней среди захоронений номадов с западной ориентировкой в округе Царевского городища (14,6%) вдвое больше, чем в округе Увекского городища (7,1%). По погребальной обрядности захоронения с черепами и костями ног лошади можно отнести к памятникам черных клобуков, переселившихся в Поволжье в золотоордынское время, а погребения с остовом коня – к памятникам половцев. В некоторых погребениях найдены лишь отдельные кости коня.

Погребения с северо-восточной, северной и северо-западной ориентировками, составляющие вместе 10,9% от всех захоронений, связаны, очевидно, с племенами центральноазиатского происхождения, появившимися в Поволжье в эпоху монгольского нашествия. В четырех из этих погребений были зафиксированы подбои, которые иногда встречаются в погребениях средневековых монголов; кроме этих комплексов на рассматриваемой территории есть 39 подбойных захоронений с западной ориентировкой, пять с юго-западной ориентировкой и два – с восточной.

Помимо частей конского скелета в могильных ямах 53 комплексов — пяти с северо-западной, 34 с западной, восьми с юго-

западной, двух с восточной и четырех с северо-восточной ориентировками — были обнаружены кости барана.

Остальные погребения составляют весьма значительную группу (34,9% всех комплексов), большую часть которой (31% всех комплексов) можно связывать с процессом исламизации кочевников.

Инвентарь зафиксирован в 227 погребениях, что составляет 58,7% от их общего числа (рис. 8). Примечательно, что лишь 16 из безынвентарных захоронений были ориентированы головой не на запад или юго-запад; очевидно, исчезновение инвентаря в погребениях следует связывать с влиянием ислама.

Остатки шапочек-бокк найдены в 16 погребениях, 4 из которых были совершены в подбое.

Золотые и серебряные изделия встречены в 34 захоронениях (8,8% от общего числа), причем в двух случаях встречены только золотые, в 32 случаях — только серебряные (рис. 9). Из этих 34 погребений 16 имеют западную ориентировку, девять — юго-западную, два — северо-западную, пять — северо-восточную, одно — юго-восточную и одно — восточную.

Остатки шелковых и парчовых тканей отмечены в 23 захоронениях (5,9% от общего количества): с западной, юго-западной и северо-восточной ориентировками.

Предметы вооружения и конского снаряжения найдены в 91 захоронении (23,5% от общего количества), причем в 21 из них — только оружие, в 28 — только конское снаряжение.

В двух погребениях были найдены бронзовые застежки-сюльгамы.

Монеты обнаружены в 45 (11,6%) из 387 захоронений.

В округе Царевского городища зафиксировано значительное преобладание количества подкурганных погребений (их в полтора раза больше, чем грунтовых), что является уникальным для округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья: вероятно, в окрестностях Царевского городища доминировали представители кочевого мира. Практически все курганы здесь расположены в группах золотоордынского времени, большинство которых образовалось вокруг насыпей предшествующих эпох, что несколько отличается от ситуации в округе Увекского городища, где меньше курганов располагается в группах, а основная часть курганных групп представлена чисто золотоордынскими.

Процент подкурганных захоронений с мусульманской обрядностью значительно выше для округи Увекского городища, чем

для округи Царевского (рис. 7), где встречена большая доля кочевнических погребений с изделиями из драгоценных металлов (рис. 9).

Представляет несомненный интерес практически полное отсутствие зафиксированных курганных насыпей золотоордынского времени в низовьях Волги — в округе городищ Селитренное и Шареный Бугор — по сравнению с округой Увекского и Царевского городищ. Приблизительно такая же ситуация зафиксирована и для более ранних археологических эпох — курганы встречаются преимущественно в северных областях Нижнего Поволжья, а в низовьях Волги — преимущественно грунтовые могильники. Вероятно, не везде имелась возможность сооружения курганов из-за особенностей ландшафта, как в случае захоронений на песчаных дюнах или на бэровских буграх с очень твердым грунтом.

Но в золотоордынское время кочевники в округе городищ Селитренное и Шареный Бугор, несомненно, обитали. Об этом свидетельствует, в частности, присутствие трех грунтовых захоронений с черепами и костями ног коней (Хошеутово, погр. 7, Комсомольский IV, погр.10, Маячный Бугор I, погр. 253). Во всех этих случаях в инвентаре погребений имелись оружие и конское снаряжение (в других рассмотренных нами захоронениях низовий Волги они совместно не встречаются).

Огромные размеры крупнейших золотоордынских городищ Нижнего Поволжья (площадь каждого из них составляет несколько квадратных километров) позволяют говорить о том, что их население не могло полностью обеспечиваться только продуктами питания, поступающими из соседних сел и деревень, гораздо меньших по суммарной площади (рис. 14–18). Следовательно, золотоордынские города Нижнего Поволжья не могли обойтись без притока скота и молочных продуктов из кочевой степи, а главное — без своих собственных, городских — земледелия, скотоводства и промыслов. Нельзя исключать и доставки сельскохозяйственной продукции из других областей Золотой Орды в Нижнее Поволжье как средства обеспечения его городов пищевыми ресурсами. В связи со сказанным не представляется удивительным, что из всех рассмотренных нами поселений находки земледельческих орудий происходят с шести городских и двух сельских памятников, а находки рыболовных принадлежностей — с семи городских и семи сельских поселений.

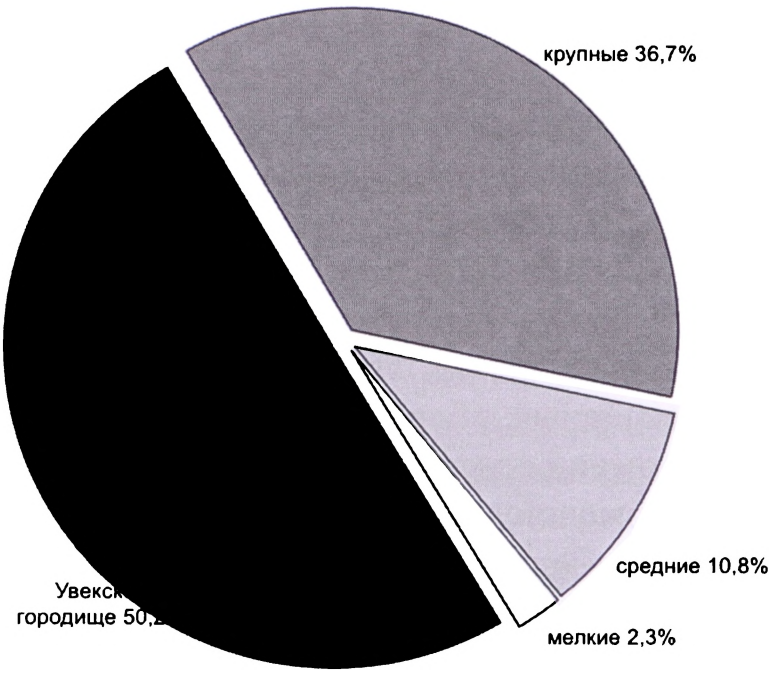

Рис.14. Доля поселений различного размера в суммарной площади поселений округи Увекского городища.

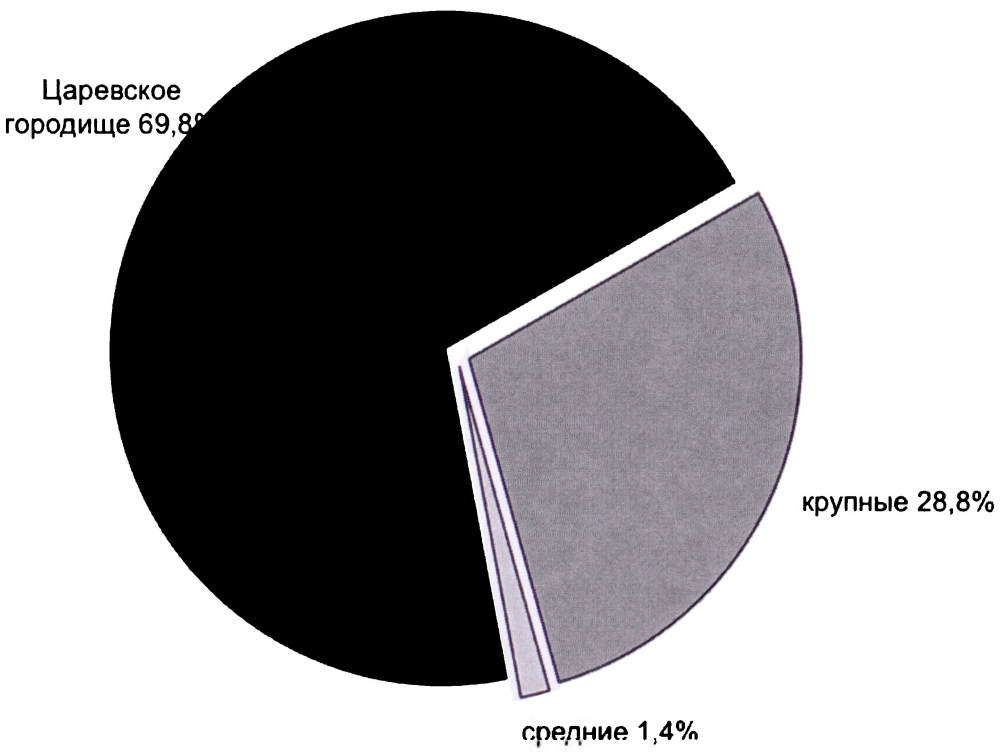

Рис.15. Доля поселений различного размера в суммарной площади поселений округи Царевского городища.

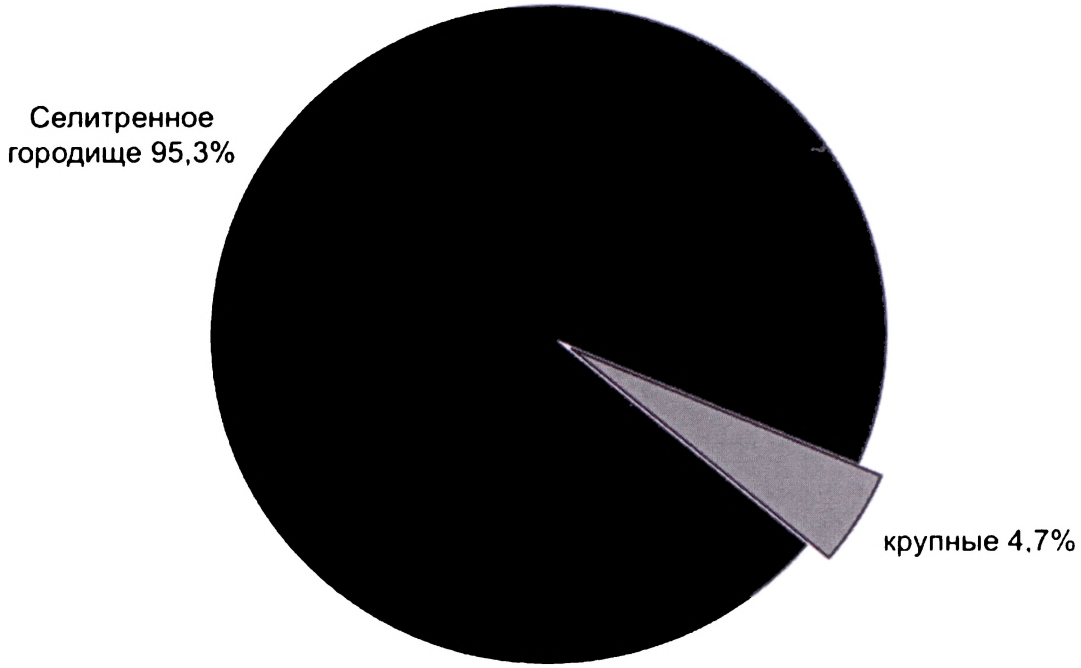

Рис.16. Доля поселений различного размера в суммарной площади поселений округи Селитренного городища.

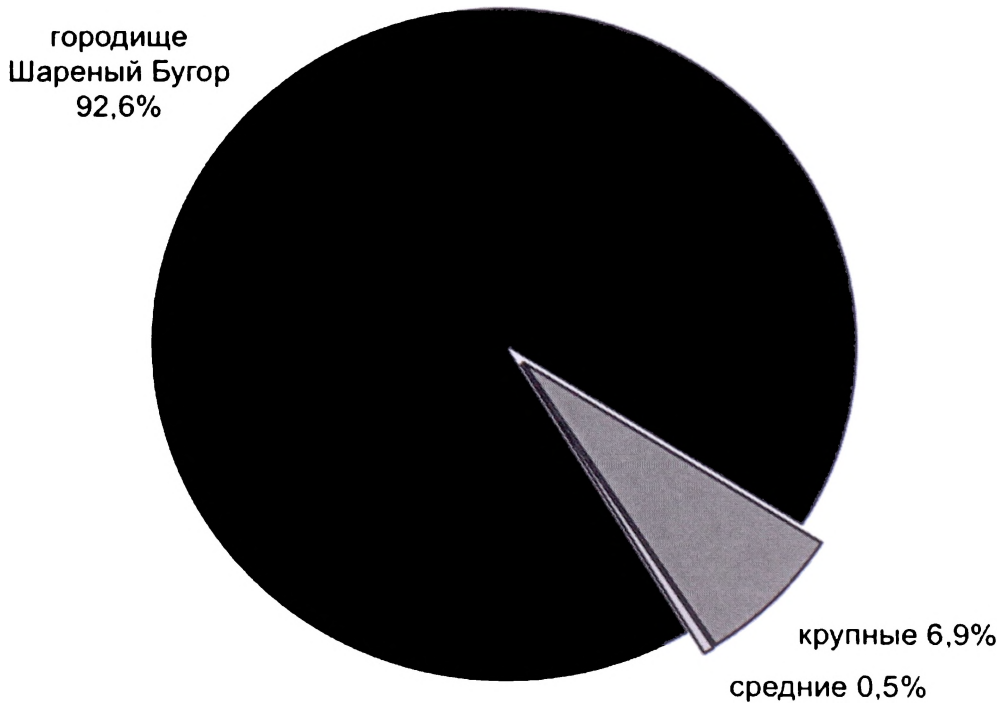

Рис.17. Доля поселений различного размера в суммарной площади поселений округи городища Шареный Бугор.

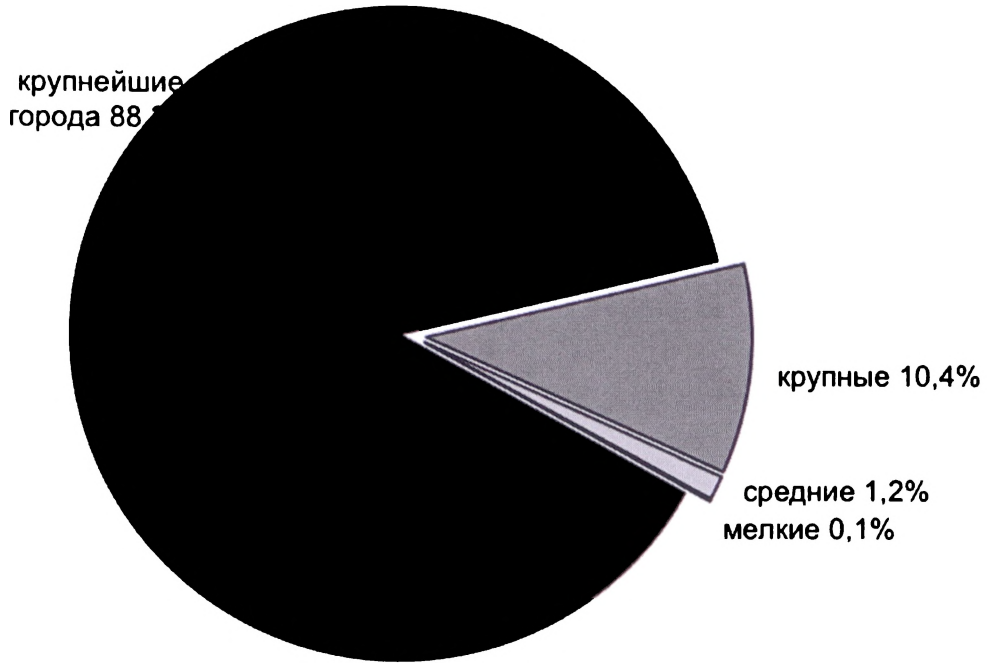

Рис.18. Доля поселений различного размера в суммарной площади поселений округи крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

Кочевники, судя по письменным и археологическим данным, занимались даже кузнечным ремеслом и ткачеством. Однако целый ряд ремесел (гончарство, стеклоделие, производство чугуна, развитые формы обработки цветных металлов) вообще не могли существовать в условиях кочевого быта, следовательно, всю продукцию в погребальных памятниках кочевников следует считать привозной, поступавшей из поселений Нижнего Поволжья. Получая скот и молочные продукты от кочевников, города поставляли им ремесленные изделия.

С Болгарского городища известны находки трех матриц[1] для изготовления ручек (в виде протомы дракона) поясных ковшей из драгоценных металлов (рис. 19), характерных для раннеджучидской торевтики и составлявших один из атрибутов монгольской всадни-ческой культуры; там же известна заготовка костяной орнаментированной обкладки колчана[2], аналогичной изделиям, бытовавшим

[1] *Руденко К.А.* Булгарский улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // Татарская археология. Казань, 2006, № 3-4 (18-19). С.48-49, 89-90, 99, 113, рис.2, илл.5.

[2] *Полякова Г.Ф.* Заготовка обкладки колчана из Болгар // СА. 1992, № 1. С.243–244.

Рис.19. Матрицы для изготовления ручек поясных ковшей с Болгарского городища (1) и золотой ковш из Сибири (2).

у кочевников золотоордынской эпохи, что подтверждает мнение о производстве обкладок в поволжских городах Улуса Джучи, в которых известны и находки готовых изделий этой группы (рис. 20)[1].

---

[1] *Закирова И.А.* Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 227, 229, 239, 243, рис. 99, 14-16; *Малиновская Н.В.* Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974. С. 155-156, 169, 171, табл. IX,30, X,32-35; *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. С. 187; *он же.* Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ, 1994. С. 179.

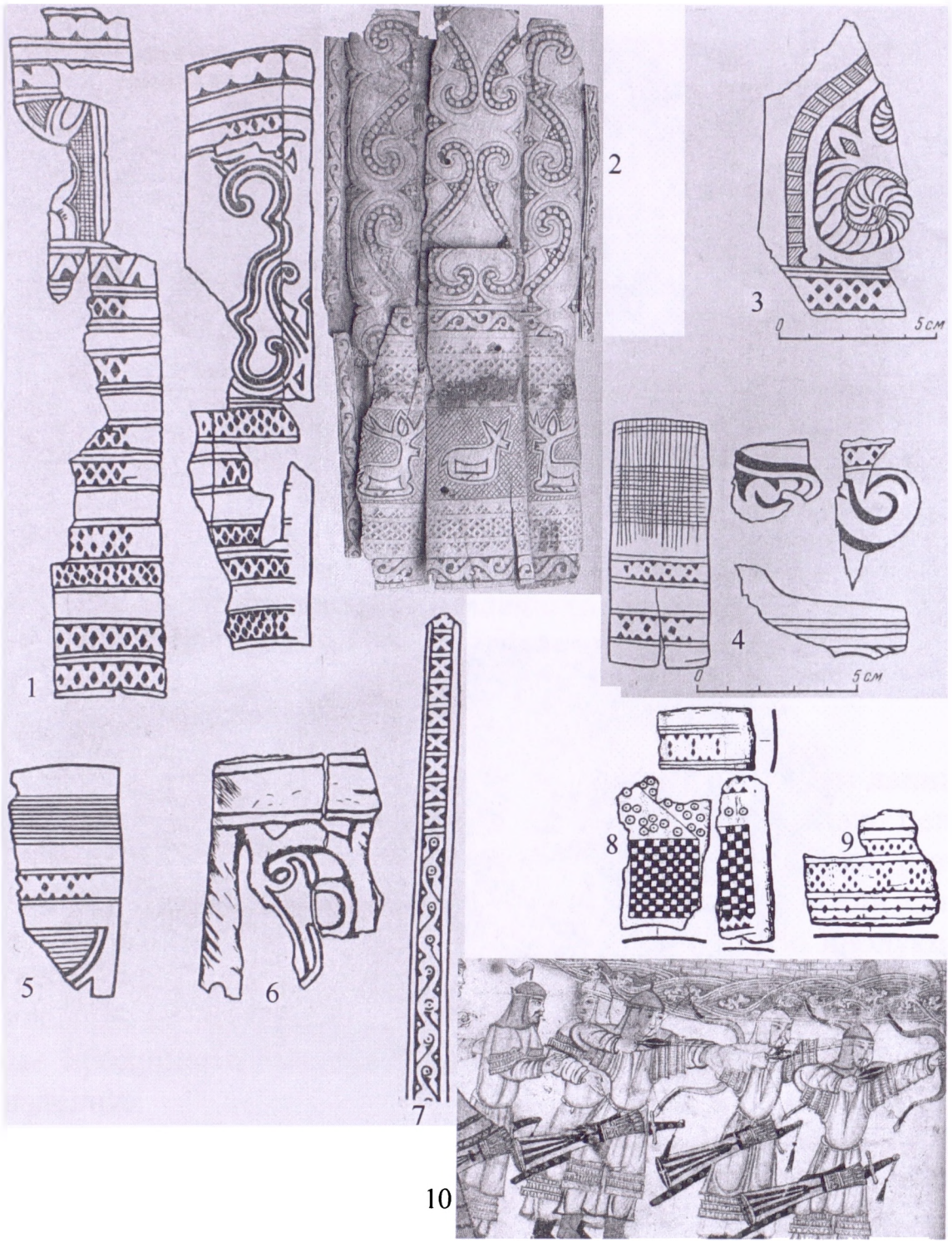

Рис.20. Костяные орнаментированные обкладки колчанов (1-9).
Монгольские воины с колчанами (10), украшенными орнаментированными обкладками (с иранской миниатюры «Завоевание Багдада», 1300-1330 гг.).

1 — Селитренное городище, 2 — Сидоры, к.14, п.1, 3 — Водянское городище, 4 — Наровчат, 5, 7 — Увекское городище, 6 — Царевское городище, 8—9 — Болгарское городище.

1, 3-7 — по: *Малиновская Н.В.* Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М.: Наука,1974. С. 155-156, табл.IX,30-31, X,32-35.

2 — по: Золотая Орда. История и культура. СПб.: Славия, 2005. С. 52, № 39.

8-9 — по: *Закирова И.А.* Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука,1988. С.227, рис.99,15-16.

10 — по: The Legacy of Genghis Khan: Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256-1353. N.-Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2002. P.36, fig.33.

Стеклянные украшения и высококачественные бронзовые зеркала, которые можно было изготовить лишь в жестких каменных формах, известных на сегодняшний день только с Болгарского, Увекского и Селитренного городищ (рис. 21–22), также изготавливались в крупнейших городах Улуса Джучи и поставлялись оттуда в степи. Примечательно, что на Увекском городище найдена форма для отливки зеркал, относящихся к типу, не встреченному в материалах этого памятника, но зафиксированному на окружающих поселениях и в близлежащих курганах кочевников; данный факт свидетельствует не только о производстве зеркал в крупных городах для последующей продажи их жителям оседлой и кочевой округи, но и о специализации этого производства, учитывавшего вкусы и запросы кочевников, в области металлических зеркал заметно отличающиеся от предпочтений горожан.

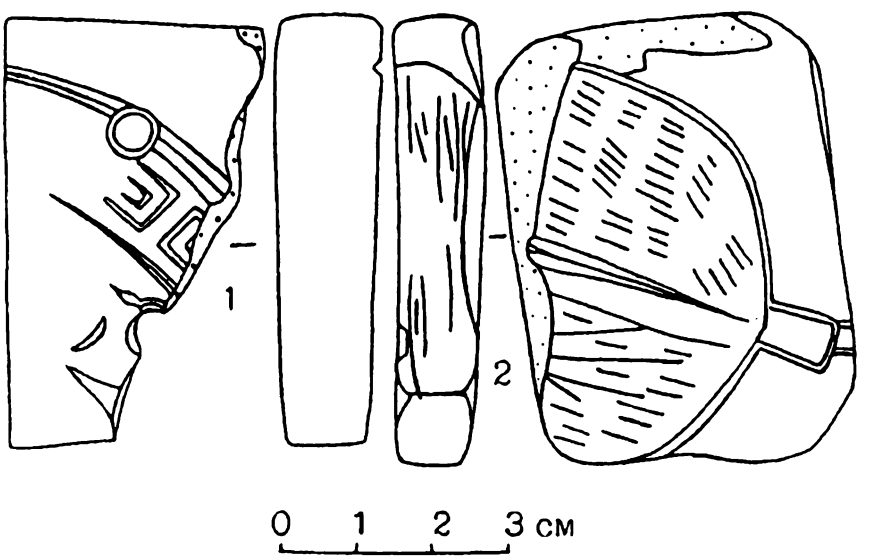

Рис. 21. Каменные формы для отливки зеркал с Увекского городища.
1 – НМРТ № 5365-58;
2 - ГИМ № 34162, оп. 952, № 11.

Золотоордынская неполивная керамика отмечена во многих курганных группах округи Увекского и Царевского городищ. Красноглиняная поливная керамика и кашинные изразцы зафиксированы в курганных группах Калиновка и Маляевка I в округе Царевского городища, в группе у Сеитовки в округе Шареного Бугра, а фрагмент кашинной керамики — в курганной группе Маляевка V у Ца-

ревского городища. Стеклянные и кашинные украшения встречены в курганах округи Увекского и Царевского городищ. Фрагмент венчика чугунного котла происходит из курганной группы Маляевка VI в округе Царевского городища.

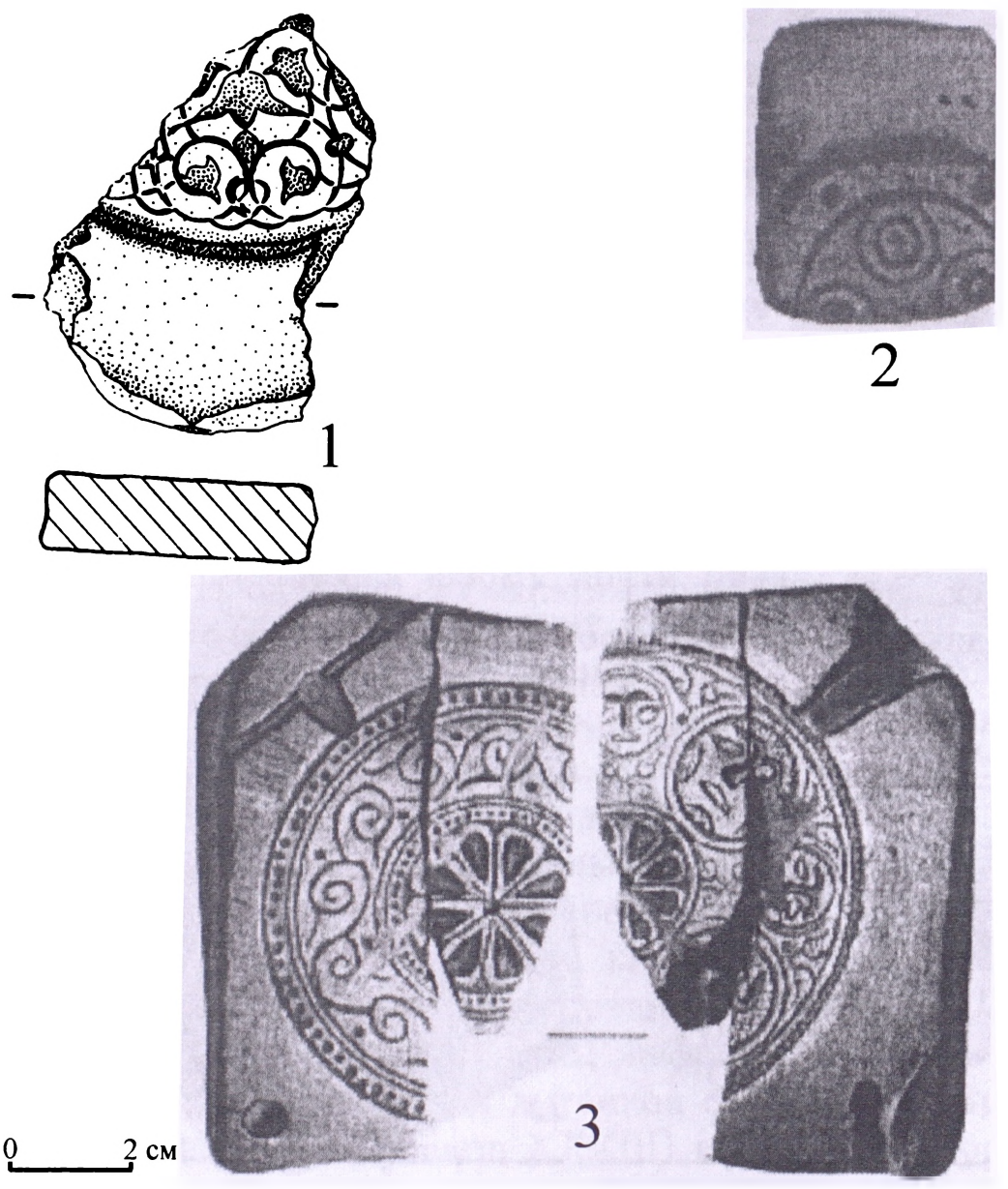

Рис.22. Каменные формы для отливки зеркал с Селитренного (1) и Болгарского (2-3) городищ.
1 - по: Fyodorov-Davydov G.A. The Culture of the Golden Horde Cities. Translated from the Russian by H.Bartlett Wells / BAR. International Series, 198.- Oxford,1984.- P.178, fig.107,2.
2-3 - по: Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков.- Казань: Тип. «Татполиграф»,1996.- С.160, 162, рис.56,5, 58,9.

К кочевникам поступали и импортные изделия, в частности, вино в амфорах, парча и шелк. Фрагмент трилийской амфоры был найден в насыпи кургана 15 группы Маляевка I. Парчовые и шелковые ткани найдены в курганных группах округи Увекского (Астраханский тракт, Покровск, Скатовка I, Советское I-II, Суслы, Усть-

Курдюм I) и Царевского (Бахтияровка I-II, Верхнее Погромное, Заяр, Ленинск I, Маляевка V-VI, Солодовка II, Царев) городищ.

Приведенные данные убедительно свидетельствуют о тесных связях золотоордынских городов Нижнего Поволжья с номадами. Эти экономические связи осуществлялись не только путем прямого обмена продовольствия и сырья на ремесленные изделия, но, в большей степени, посредством товарно-денежных отношений; данное мнение можно подтвердить многочисленными находками золотоордынских монет в курганах кочевников.

Литература

Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 220-243.

Золотая Орда. История и культура. СПб.: Славия, 2005.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII-XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974. С.132-175.

Полякова Г.Ф. Заготовка обкладки колчана из Болгар // СА. 1992, № 1. С. 243-244.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 154-268.

Руденко К.А. Булгарский улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // Татарская археология. Казань, 2006, № 3-4 (18-19). С. 28-137.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ, 1994.

Fyodorov-Davydov G.A. The Culture of the Golden Horde Cities. Translated from the Russian by H. Bartlett Wells / BAR. International Series, 198. Oxf., 1984.

The Legacy of Genghis Khan: Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256-1353. N.-Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2002.

И.Р. Нигаматзянов
(Институт Татарской энциклопедии АН РТ, Казань)

Г.А. Федоров-Давыдов как исследователь истории кочевников Восточной Европы

Герман Алексеевич Федоров-Давыдов (1931—2000) являлся известным специалистом по средневековой археологии, истории и нумизматике Поволжья. Диапазон научных интересов ученого был очень широк. Одним из главных направлений работ Г.А. Федорова-Давыдова, а также его учеников, была разработка социально-экономических вопросов развития кочевников Восточной Европы в период средневековья. Его научно-организационная деятельность по этому направлению начинается со второй половины 1950-х гг. — она состояла из научно-организационной работы и теоретических разработок.

* * *

В 1957 г. при Институте истории материальной культуры (ныне Институт археологии РАН) АН СССР с целью изучения золотоордынских городищ на Нижней Волге была организована Поволжская археологическая экспедиция (ПАЭ). Организаторами этой экспедиции стали известный археолог А.П. Смирнов и его ученик Г.А. Федоров-Давыдов. С 1959 г. ПАЭ начинается археологическое изучение нижневолжских золотоордынских городищ (Царевское, Водянское и Селитренное), а также курганов в зоне новостроек в Астраханской и Волгоградской областях[1].

---

[1] *Дворниченко В. В., Егоров В. Л., Зеленеев Ю. А.* Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований. // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Памяти Г.А. Федорова-Давыдова. (Труды ГИМ, вып. 135). М., 2002. С. 71-79; *Полубояринова М.Д., Дворниченко В.В.* Федоров-Давыдов Герман Алексеевич. // Энц. словарь Московского университета. Исторический факультет. / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. С.П. Карпова. М., 2004. С. 486-488.

По мнению Л.Т. Яблонского, во многом благодаря инициативе Г.А. Федорова-Давыдова, Нижнее Поволжье в палеоантропологическом отношении стало одним из наиболее исследованных регионов России[1]. Э.Д. Зиливинская подчеркивает, что работы Г.А. Федорова-Давыдова, в том числе посвященные проблемам истории кочевников, являются той основой, без которой изучение данной темы было бы невозможным[2].

Результат полевых археологических исследований и теоретических разработок Г.А. Федорова-Давыдова легли в основу его докторского диссертационного исследования на тему «Кочевники Восточной Европы в X-XIV вв.», которую он успешно защитил в Московском государственном университете в 1966 г.[3] Позже работа была издана двумя книгами («Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» (1966) и «Общественный строй Золотой Орды» (1973)). Монография «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов», посвящена исследованию истории материальной культуры (типологии вещей, системы датировок, каменных изваяний), а также религии, хозяйства и быта тюркоязычных кочевых племен X-XIV вв. Юго-Восточной Европы (печенегов, торков, половцев). В монографии «Общественный строй Золотой Орды» впервые в науке детально освещена проблема улусной системы Золотой Орды, вопросы взаимоотношения государственной власти с кочевой аристократией. По мнению Р.Г. Фахрутдинова, эти труды являются классическими по этой проблематике[4].

* * *

В своих теоретических разработках по проблемам истории кочевников Восточной Европы Г.А. Федоров-Давыдов обозначил и исследовал следующие вопросы:

---

[1] *Яблонский Л.Т.* Значение материалов Поволжской археологической экспедиции для понимания проблем этногенеза народов Поволжья // Поволжье в средние века: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000). Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. С. 29.

[2] *Зиливинская Э.Д.* Взаимодействие культурных традиций в зодчестве золотой орды по данным археологии. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. доктора исторических наук. М., 2012. С. 6.

[3] *Булатов Н.М.* Защита докторской диссертации Г.А. Федорова-Давыдова на тему «Кочевники Восточной Европы в X-XIV вв.» // Вестник МГУ. История. 1967, № 4. С. 91.

[4] *Фахрутдинов Р.Г.* Г.А. Федоров-Давыдов (к 70-летию со дня рождения) // Татарская археология. 2001, №1-2 (8-9). С. 5

1. Выделение, на основе изучения комплексов кочевнических погребений, хронологических групп в истории кочевников Восточной Европы в X-XIV вв.;
2. Проблемы перехода кочевников в оседлость;
3. Проблемы этнической истории кочевников средневековой Восточной Европы (вопросы переселение в Восточную Европу монголов, о численности монголов в золотоордынских степях и их значении в сложении этнической карты Дешт-и-Кыпчака; проблема трансформации домонгольского (половецкого) населения в «татар»).

I.

В изучении истории кочевников Восточной Европы X-XIV вв. Г.А. Федоров-Давыдов, рассматривая курганы и могилы кочевников, прежде всего, поставил вопрос о хронологической сменяемости одних другими и, пользуясь методом математической статистики[1], подсчитал, на каких территориях и в какое время преобладал тот или иной погребальный обряд. В результате в хронологическом отношении он выделил четыре периода: первый период (печенежско-торческий) — X - XI вв., второй период (половецкий) — конец XI - XII вв., третий период (половецкий предмонгольский) — конец XII - начало XIII вв., четвертый период (половецкий золотоордынский) — вторая половина XIII - XIV вв.[2]

В первый период (X-XI вв.) в степях Восточной Европы господствовали печенеги. В середине XI в. появились на недолгий срок родственные печенегам гузы-торки. Печенеги входили в приаральский союз тюрков-огузов, откуда в IX в. начали свое движение на запад. В середине XI в., вследствие внутренней борьбы аристократии за власть, племена печенегов распались. Часть печенежских племен откочевывает на Дунай и в Византию, часть попадает под власть торков-гузов[3]. Однако С.А. Плетнева считала, что торческого

---

[1] Г.А. Федоров-Давыдов являлся одним из новаторов в применении методов математической статистики в археологии. По мнению его учеников и последователей, его теоретические разработки в этом направлении нашли широкое воплощение в практике археологического исследования (*Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т.* Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова).

[2] *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. С. 9.

[3] *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы в X-XIV веках. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: МГУ, 1966. С. 7.

периода не было, так как этот народ недолго кочевал в восточноевропейских степях и их целью являлось завоевание Византии[1].

Во II период (конец XI - XII вв.) в степях Восточной Европы господствовали половцы, а остатки разгромленных печенегов и торков сосредоточились около некоторых русских городов. Наибольшее количество печенежско-торческого населения было в Южной Киевщине, в Поросье, где сформировался союз «черных клобуков». В Поволжье следы пребывания печенежско-торческого населения не встречаются, и в целом, восточные районы степи в этот период были очень редко заселены.

В III период (конец XII - начало XIII вв.) Г.А. Федоров-Давыдов отмечает тенденцию проникновения в Поросье половецких черт погребального обряда.

В IV период произошло перемещение некоторых домонгольских племен. Так, ученый четко прослеживает движение поросских черноклобуцких племен в Поволжские степи. В целом, часть племен меняет свои традиционные районы обитания, переселяются на новые места. Но значительная часть половецких и других кочевых племен сохраняют свои традиционные кочевья.

В целом, по мнению С.А. Плетневой, взгляды и применяемые методы Г.А. Федорова-Давыдова в вопросе разделения кочевников на хронологические группы оказались правильными и получили развитие в дальнейших исследованиях[2].

II.

Г.А. Федоров-Давыдов в вопросах о причинах перехода кочевников к оседлости развивал взгляды С.И. Руденко[3]. В дальнейшем эти положения развивались в трудах и других кочевниковедов[4]. Согласно этим взглядам, в равнинных степях существовали три главных формы кочевого скотоводства: таборное — с постоянными перекочевками без длительных остановок, полукочевое — с традиционными маршрутами и зимними стоянками и полукочевое, при котором бедные хозяйства ведут оседлый образ жизни, а богатые кочуют по традиционным маршрутам. Второй и третий варианты ведения кочевого скотоводства, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, были наиболее распространены в среде кочевников Восточной Европы X-XIV

---

[1] *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. С. 213.

[2] Там же. С. 214.

[3] *Руденко С.И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии СССР. Т.1. 1961. С. 2-15.

[4] *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. С. 9-10.

вв. Дифференциация кочевников ускоряла переход к оседлости, так как слабые хозяйства не могли кочевать и были вынуждены оседать на земле[1]. Возникновение больших торговых городов также способствовало переходу кочевников к оседлости. Золотоордынские города в Нижнем Поволжье в значительной части были заселены половцами[2].

III.

По мнению Ю.А. Зеленеева, вопросы этнической истории Г.А. Федоровым-Давыдовым рассматривались попутно — уделяя большое внимание теоретическим вопросам развития археологии, Герман Алексеевич мало обращался к археологическим критериям установления этнической принадлежности археологических объектов, но, тем не менее, и в этом направлении им были получены значительные результаты[3].

Г.А. Федоровым-Давыдовым был поставлен вопрос о переселении в Восточную Европу монголов, об их численности в золотоордынских степях и их значении в сложении этнической карты Дешт-и-Кыпчака. Его исследования показали, что пришедшее в степи Дешт-и-Кыпчака монгольское население было сравнительно незначительным. Старое домонгольское население степей, вошедшее в состав Золотой Орды, население, главным образом состоявшее из половецких, кимакских, гузских племен, а также остатков печенежско-торческих (черноклобуцких) племен, подвергалось в течение золотоордынского периода своей истории коренным изменениям[4].

Монгольское завоевание уничтожило ту оболочку племенных делений, которая была характерна для старого кочевого общества половецкой степи и поставило население Дешт-и-Кыпчак в рамки улусной системы — формы феодального развития общества в степи.

В связи с этим происходит резкое изменение некоторых черт культуры, например, исчезает существенный для этнографии половцев обычай — ставить каменные изваяния в честь предков.

---

[1] *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы. С. 198—200.

[2] Там же. С. 203—204.

[3] *Зеленеев Ю.А.* Г.А. Федоров-Давыдов об этнической истории Поволжья // Поволжье в средние века: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000). Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. С. 27.

[4] *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы. С. 247.

Государство Золотой Орды было эпохой глубокого изменения как соотношения сил оседлых и кочевых зон Восточной Европы, так и внутренней социальной структуры населения степей[1].

Процессы перемещения масс кочевников, стирания старых традиционных границ между этническими массивами, раздробление их по новым улусам, суюргалам и государствам — все это подготовило к XV в. трансформацию домонгольского (половецкого) населения в «татар» на западе (Ак Орде) и «узбеков», «казахов» и «ногаев» — на востоке (Кок Орде)[2].

По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, этнические наименования в Дешт-и-Кыпчак были разными по своему происхождению. Наряду с древними наименованиями племен (найманы, кунграты, кыпчаки и др.), которые стали означать мелкие подразделения населения, утратили обобщающий характер, были старые племенные названия, ставшие в силу особых причин наименования новых объединений племен, возникших на основе государственного их объединения или объединения их в составе одного феодального владения. Таковы «татары» — этноним, которым соседние народы в XIII в. называли монгольскую правящую аристократию в Дешт-и-Кыпчак. При этом имя стало названием всех кочевников Золотой Орды. Новые объединения именовались часто также по прозвищам ханов. Таковы были «ногайцы-мангыты», названные так по прозвищу Едигея и по его племенной принадлежности (из племени Мангыт)[3].

Механизм изменения этнонимов был следующим: когда кочевая группа входила в состав нового объединения, она получила двойное наименование: старое имя племени и имя того объединения племен, которое оно включалось. Последнее чаще было не самоназванием, а прозвищем, которое давалось соседями. Впоследствии, приходя в соприкосновение с другими народностями, такие племена в конце концов утрачивали свое старое имя и за ними утверждалось название нового объединения[4].

Вопрос этногезена татар долго и активно обсуждается в исторической литературе и был осложнен политическими тенденциозными моментами. В настоящее время, большинством историков в качестве основной концепции происхождения татар считается т.нз. «тюрко-татарская концепция», разработанная в трудах историков

---

[1] *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. С. 172.

[2] Там же. С. 172-173.

[3] Там же С. 173-174.

[4] Там же. С. 174.

Г.С. Губайдуллина, А.Н. Курата, Н.А. Баскакова, Ш.Ф. Мухамедьярова, Р.Г. Кузеева, М.А. Усманова, Р.Г. Фахрутдинова, А.Г. Мухамадиева, Н. Давлета, Д.М. Исхакова, Ю. Шамильоглу, И.Л. Измайлова и др.[1] В качестве ключевого момента этнической истории татарского этноса данная теория рассматривает период Золотой Орды, когда на основе пришлых монголо-татарских и местных булгарских и кипчакских традиций возникли новая государственность, культура, литературный язык. В Золотой Орде, особенно в среде мусульманизировавшейся знати, возникли новые исторические традиции и татарское этнополитическое самосознание. В процессе их формирования к середине XIII в. исчезли местные домонгольские племенные названия, произошла замена их на тюрко-монгольские (найман, кунград, кереит, табын, катай, мангыт, оглан, джалаир, уйшун и др.). Стержнем основы культурно-исторических процессов в Золотой Орде стало формирование имперской надэтничной культуры военно-служилой знати, в которой чингисидские традиции частично сочетались с мусульманскими. Всё это привело к этнокультурной консолидации золотоордынской аристократии, военно-служилого сословия, мусульманского духовенства и формированию к XIV в. новой этнополитической общности — татары[2].

* * *

Таким образом, научно-организаторская работа и теоритические разработки Г.А. Федорова-Давыдова по проблемам истории кочевников Восточной Европы стали основополагающими и получили дальнейшее развитие в последующих исследованиях. На наш взгляд, изучение научной деятельности Г.А. Федорова-Давыдова востребовано временем, потребностью объективного и полного воссоздания прошлого народов нашей страны.

Литература

Булатов Н.М. Защита докторской диссертации Г.А. Федорова-Давыдова на тему «Кочевники Восточной Европы в X-XIV вв.» // Вестник МГУ. История. 1967, № 4.

Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Зеленеев Ю.А. Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований. // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Памяти Г.А. Федорова-Давыдова. (Труды

[1] Татары // Татарская энциклопедия: в 6-ти тт. Т. 5: Р-С-Т. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. С. 574.

[2] *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар в VI–первой четверти XV в. Казань: Иман, 2000. С. 89-111; Татары. С. 574-576.

ГИМ, вып. 135). М., 2002. С. 71-79.

Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т. Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Памяти Г.А. Федорова-Давыдова. (Труды ГИМ, вып. 135). М., 2002. С. 6-14.

Зеленеев Ю.А. Г.А. Федоров-Давыдов об этнической истории Поволжья // Поволжье в средние века: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000). Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. с. 25-27.

Зиливинская Э.Д. Взаимодействие культурных традиций в зодчестве золотой орды по данным археологии. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. доктора исторических наук. М., 2012.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI–первой четверти XV в. Казань: Иман, 2000.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 213-222.

Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982.

Полубояринова М.Д., Дворниченко В.В. Федоров-Давыдов Герман Алексеевич. // Энц. словарь Московского университета. Исторический факультет. / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. С.П. Карпова. М., 2004. С. 486-488.

Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии СССР. Т.1. 1961. С. 2-15.

Татары // Татарская энциклопедия: в 6-ти тт. Т. 5: Р-С-Т. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. С. 569-584.

Фахрутдинов Р.Г. Г.А. Федоров-Давыдов (к 70-летию со дня рождения) // Татарская археология. 2001, № 1-2 (8-9). С. 3-10.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы в X-XIV веках. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: МГУ, 1966.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973.

Яблонский Л.Т. Значение материалов Поволжской археологической экспедиции для понимания проблем этногенеза народов Поволжья // Поволжье в средние века: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000). Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. С. 29-32.

Саболч Полгар
(Сегедский университет, Сегед)

Восточная Европа и этногенез древних венгров (новые исследования по археологии и лингвистике)

В реконструкции древнейшей истории венгров (мадьяр) необходимо в значительной мере опираться на данные археологии и лингвистики, так как письменных источников мало.

Результаты новых археологических исследований позволяют сделать предположение о том, что во второй половине IX в. мадьяры обитали на севере степи или на юге лесостепи между Донцом и Южным Бугом. Они переселились на эту территорию из Среднего Поволжья, вероятно, из территории между нынешней Самарой и Оренбургом (или из региона Предуралья—Поволжья)[1]. Это под-

[1] См., например: *Иванов В.А.* Мадьярский путь на запад // Культуры степей Евразии второй половины II тыс. н. э. Самара, 1995; *он же.* Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999; *Казаков Е.П.* О художественном металле угров Урало-Поволжья в средневековых комплексах Восточной Европы // Archivum Eurasiae Medii Aevi 11 (2000-2001), с. 9-11; *Сташенков Д.А.* Памятники мадьярского круга в Самарском Поволжье // Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей. Конференция «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации». Казань, 2009; *Комар А.В.* Древние венгры // Еуразиядағиң турк мұрасы. Тюркское наследие Евразии 6-8 вв. Астана, 2008, с. 214-216; *он же.* Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Мадяри в Середньому Подніпров'ї. Археологія и давня історія України. Вип. 7. Київ, 2011, с. 21-78; *Türk A.A.* A szaltovói kultúrkör és a magyar őstörténet régészeti kutatása. [Исследования по салтовской КИО и по археологии древних мадьяр] // Középkortörténeti tanulmányok. 6. [Доклады по истории средних веков]. Szerk. [Ред.] G. Tóth P. – Szabó P. Szeged, 2010. P. 261-306; *Тюрк А.* Новые результаты и перспективы археологических исследований ранней истории древних венгров (угров-мадьяр) // IX Евразийский научный форум «Наследие Л. Н. Гумилева и современная евразийская интеграция». Астана, 2012. С. 22-26; *Fodor I.* Őstörténet és honfoglalás [Предыстория венгров и завоевание родины] // Magyarország története [История Венгрии] 1. Budapest, 2009. (датируя начало миграции мадьяр из Поволжья второй половиной VIII в., ок. 750 г.). Новый каталог о местонахождении «древневенгерских» нахо-

тверждается хронологией и типологией находок, а также письменными источниками.

Что касается контактов древневенгерского языка с тюркскими языками, данные лингвистики отличаются от археологических. Согласно лингвистическим исследованиям, территория контактов между мадьярами и тюркоязычными племенами находилась в степной зоне (южнее ареала археологических местонахождений «древневенгерского типа»), и пребывание мадьяр на степи было продолжительнее, чем полагают археологи.

В докладе я обращаю внимание на это противоречие и стремлюсь исключить его, имея в виду: 1. зону тюркских языков (диалектов) в Восточной Европе в VI-IX вв.; 2. в конце IX – нач. X в. союз древних мадьярских племён был многоязычным, разные племена присоединились к ним до переселения в Карпатскую котловину.

Что касается отношения между древнетюркским и древневенгерским языками, историки в первую очередь интересуются их местом и временем. Появления тюркоязычных племён в Поволжье и Прикавказье обычно датируется VI в. н.э. или второй половиной V в.[1] Племена, которые говорили на древневенгерском языке, в VI в. обитали, вероятно, в регионе среднего Поволжья или Южного Урала. Имеются разные гипотезы о месте и времени этих связей: по одной из них, тюрко-венгерские языковые связи происходили в Поволжье, с VII по VIII или IX в.; согласно другой гипотезе, мадьярские племена переселились из Среднего Поволжья на юг (Приазовье, Прикубанье) уже в VI или VII в., и там, на юге, в древневенгерский язык и перешло большинство древнетюркских слов (эта гипотеза опирается существующие в венгерском языке несколько названий растений и ряд терминов, относящийся к виноделию, — считается, что они могли были заимствованы только в этом южном регионе, где эти растения произрастают)[2].

док Восточной Европы: *Erdélyi I.* Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei [Археологические находки древних мадьяр до завоевания родины]. Budapest, 2008..

[1] Например: *Vásáry I.* Geschichte des frühen Innerasiens. Herne, 1999. P. 141, 159; *Róna-Tas A., Berta Á.* with assistance of *Károly L.* West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. Vol. I. Wiesbaden, 2011. P. 19-20.

[2] В начале XX в. Золтан Гомбоц считал, что древнетюркские слова перешли в древневенгерский в Среднем Поволжье в VII-IX вв. Позже он изменил свою точку зрения, переместив зону контактов на степь на север от Кавказа, а хронологические рамки изменил на VI-VIII вв.; Дъюла Немет разделял мнение Гомбоца, но позже вернулся к первой реконструкции Гомбоца. Лайош Лигети расширял зону языковых контактов, считая, что в Хазарии также говорили на тех диалектах

А. Рона-Таш обратил внимание на некоторые названия деревьев. По его мнению, девять названий деревьев являются заимствованиями в венгерском: венг. *tölgy* «дуб» (Quercus), венг. *bükk* «бук» (Fagus sylvatica), венг. *dió* «(грецкий) орех», венг. *gyertyán* «граб» (Carpinus), венг. *gyümölcsény* (*galagonya*, Crataegus) «боярышник», венг. *gyűrűfa* (*éger*, Alnus) «ольха», венг. *kőris* (Fraxinus sp.) «ясень», венг. *mogyoró* (Corylus) «орешник, лещина». Из них названия ясеня, боярышника, граба, ольхи, грецкого ореха, орешника и ещё одно название растения, венгр. *som* «кизил» являются заимствованиями из западного древнетюркского языка или диалектов. Точнее, венгр. *som* («кизил») имеет аланское происхождение, посредством древнетюркского языка[1].

Опираясь на данные палеоботаники, А. Рона-Таш выделил четыре региона, которые могли бы быть местами контактов между древневенгерским и древнетюркским языками: 1. Кавказо-Кубанский; 2. Крымский; 3. Днестро-Карпатский; 4. Карпатская котловина. Исходя из исторических данных можно не включать сюда Крым, потому что там древние мадьяры не обитали. А. Рона-Таш считает, что слово *tölgy* («дуб») перешло в древневенгереский из аланского языка, возможно в Кавказо-Кубанском регионе, но можно думать также и о Подонье. Слово *kőris* («ясень») перешло из древнетюркского языка тоже на Подонье или в Прикубанье. Но остальные названия деревьев (бук, граб, боярышник, ольха, орешник и кизил) могли быть заимствованы древними мадьярами и на Днестровско-Карпатском регионе или в Карпатской котловине[2]. Что

древнетюркского языка, из которых были взаимствованы слова в древневенгерский язык (*Зимони И.* Венгры в Волго-Камском бассейне // Бюллетень (Newsletter) Общество востоковедов. М., 2002, №9. С. 164-165; *Zimonyi I.* Ligeti Lajos magyar őstörténet-koncepciója [Концепция Лайоша Лигети о предыстории венгров]. Századok 122/1-2 (1988). P. 216-221). О важнейших вопросах древневенгерских и тюркских контактах, о месте и времени заимствований в свете новых исследований: *Róna-Tas A.* Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History. Budapest 1999. P. 108-114; *Róna-Tas A., Berta Á.* with assistance of *Károly L.* West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian.

[1] *Róna-Tas A.* Néhány megjegyzés faneveinkről (bükk, dió, gyertyán, gyümölcsény, gyűrűfa, éger, kőris, mogyoró, tölgy) [Some remarks on Hungarian names of trees] // Magyar Nyelv 100 (2004). P. 260-273, 419-438; *Róna-Tas A.* Turkic-Alanian-Hungarian Contacts // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 58 (2005). P. 205-213; *Róna-Tas A., Berta Á.* with assistance of *Károly L.* West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian, T. II., p. 1148.

[2] *Róna-Tas A.* Néhány megjegyzés faneveinkről. P. 436-437; *Róna-Tas A., Berta Á.* with assistance of *Károly L.* West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian, T. II., p . 1148.

касается грецкого ореха, его название, вероятно, перешло в древневенгерский посредством купцов и торговых контактов, то есть определить точное место и время его заимствования трудно. Орехом торговали и мусульманские купцы, так, Ибн Фадлан писал о том, что торговцы-мусульмане подарили предводителю огузов орехи[1]. Орех, и, вероятно, само дерево грецкий орех были известны тюркоязычным племенам уже в X в. (возможно и раньше). Важно отметить, что слово *kőris* «ясень» имеет древнетюркскую этимологию в осетинском и в венгерском.[2]

Что касается археологии, то важнейшая цель археологов — найти археологический материал, археологические следы древних мадьяр. Материал «мадьярского типа» в Карпатской котловине довольно многочисленный, а его параллели в Восточной Европе распространяются на широком ареале. Используя данные археологии, реконструировать древние страны мадьяр до завоевания Карпатской котловины и маршрут миграции мадьяр до Карпатской котловины непросто. Находки «мадьярского типа» имеют параллели в археологическом материале «восточного типа» Приуралья, Поволжья, нынешней мордвы и в материале Руси IX-X вв. («дружинная культура»). Новая группа «мадьярских параллелей» была определена на среднем Приднепровье (т.н. «горизонт Суботци»)[3]. Западная зона распространения «восточно-европейского» материала — Приднестровье, Нижний Дунай (территория дунайских булгар) и Карпатская котловина. Появление и распространение восточного стиля в Урало-Волжском регионе наверно было связано с торговлей с мусульманским миром (Центральная Азия, Иран, Закавказье и т.д.)[4]. В

---

[1] *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956, с. 128 (пер.), 336 (текст). В тексте имеется собирательное существительное *джауз*(*ат*) «орех'» подробнее не поясняется, о каком роде ореха идёт речь.

[2] *Róna-Tas A.* Néhány megjegyzés faneveinkről. P. 424.

[3] *Комар А.В.* Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Мадяри в Середньому Подніпров'ї. Археологія и давня історія України. Вип. 7. Київ, 2011. С 56-64.

[4] О торговых связях Поволжья с Востоком в VIII-IX вв. см., например: *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII-XIII вв. М., 2010. С. 144-160; *Noonan Th.S.* The Fur Road and the Silk Road: The Relations between Central Asia and Northern Russia in the Early Middle Ages // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert. Hrsg. Cs. Bálint. Budapest – Napoli – Roma, 2000, pp. 285-301. О влиянии искусства Средней Азии на искусство народов Поволжья VIII-IX вв.: *Fodor I.* Prémkereskedelem, művészet, hitvilág (Pelzhandel, Kunst, Glaubenswelt). Kereskedelem és hatása Őseink korában. Az Arany János Múzeum Közleményei 9. Tradicionális kereskedelem és migráció az Alföldön. Red. Novák L. F. Nagykőrös 2008.

распространении «восточного» стиля на запад, вероятно, сыграли роль и торговля и миграция мадьяр в IX в. Археологический материал Карпатской котловины X в. резко отличается от материала сопредельных территорий тоже самого хронологического периода. Относительно «восточной» части материала Карпатской котловины следует отметить, что по вопросам пропорций, происхождения и распространения мнения расходятся[1]. Но кажется, что появление и распространение этого «восточного элемента» тесно связано с восточной миграцией в Карпатскую котловину, с миграцией мадьяр. Исследователи уже долгое время опираются на этот материал и стремятся находить его параллели в Восточной Европе. Можно полагать, что зона параллелей, которая находится на запад от Предуралья и Поволжья, на северном краю степи, связана с мадьярами. Эти местонахождения отражают путь мадьярских племен в IX в. Если это так, то это означает, что миграция мадьяр была относительно быстрой, они не пребывали долго на территории между Поволжьем и Карпатами. По письменным источникам, с первой трети IX в. мадьяры находились в Приднепровье, и в середине 90-х гг. IX в. вторглись в Карпатскую котловину (время появления мадьяр на Приднепровье является спорным вопросом)[2]. Мадьяры, обитавшие на Поволжье и мигрировавшие в Карпатскую котловину, вероятно, говорили на древневенгерском языке. Может быть, конечно, что к ним присоединились группы, говорящие на других языках.

Если посмотреть на ареал распространения древнетюркских языков от VI до X в., то можно увидеть, что он распространяется широко от Поволжья до Предкавказья, до Черного моря, в степном поясе и лесостепи. Зная о местах обитания древневенгероязычного населения до IX в. и в период миграции на запад, можно предполагать, что языковые контакты осуществлялись на широком простран-

---

P. 152-153.

[1] См., например: *Fodor I.* Einige Beiträge zur Entfaltung der ungarischen Kunst der Landnahmezeit // Kunst und Mythologie der landnahmenden Ungarn. Red. J. Fitz. Székesfehérvár, 1979; *Fodor I.* In Search of a New Homeland. The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest. Budapest, 1982. P. 244-247; *Mesterházy K.* Die Kunst der landnehmenden Ungarn und die Abbasidisch-Irakische Kunst // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 49 (1997). P. 385-418; *Казаков Е.П.* О художественном металле угров Урало-Поволжья в средневековых комплексах Восточной Европы; *Langó P.* Archaeological Research on the Conquering Hungarians: A Review // Research on the Prehistory of the Hungarians: A Review. Ed. B.G. Mende. Budapest, 2005. P. 300-306.

[2] Например: *Комар А.В.* Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований. С. 38.

стве. Считается, что древнетюркские слова в венгерском языке (конечно, речь идет только о тех, что были заимствованы в раннем периоде, до XIII в.) перешли в древневенгерский в разных местах и разные времена. Одна часть могла перейти в зоне лесостепи, в Поволжье, но некоторые слова — только в ограниченном ареале. Эти слова — те, что были проанализированы А. Рона-Таш. Он, и ещё раньше другие исследователи, считали, что эти слова были заимствованы в южной зоне, в Прикубанье, или где-то в степи, к северу от Кавказа, или на Нижнем Дону. Поэтому они реконструировали миграцию мадьяр иначе, чем большинство археологов: мадьяры когда-то, между VI и IX вв. обитали на юге Восточной Европы[1].

Гипотеза лингвистов обоснована лингвистическими сведениями, а гипотеза археологов — основана на данных археологии. Но если на основе этих гипотез реконструировать историю мадьяр, можно сделать различные заключения, предположить разные пути миграции и пребывание мадьяр одновременно в двух местах. Эти две гипотезы очевидно противоречат друг другу.

Как можно исключить это противоречие? Например, можно предположить, что источником вышеупомянутых названий деревьев было то тюркоязычное население, которое присоединилось к мадьярам и вместе с ними переселилось в Карпатскую котловину. Те деревья росли и растут там, но по данным археоботаники большинство их не произрастало на Среднем Поволжье. Из этого следует, что тюркоязычной части мадьярского племенного союза были знакомы те растения в новой родине, и, конечно, они называли их своими словами, а венгероязычные мадьяры заимствовали эти названия. Сам А. Рона-Таш также не исключает эту возможность, но он считает, что эти слова были заимствованы не от союзников мадьяр, а тюркоязычного автохтонного населения Карпатской котловины (вероятно, потомков авар). Но можно предположить и влияние восточноевропейских тюркоязычных союзников, потому что в этом случае нет необходимости заключить, что древневенгероязычные мадьяры обитали на юге — об этом не упоминают письменные источники (под собственным этнонимом, мадьяр или под названием племенного союза *башкир*[2]). На юге упоминается другое название, которое тесно связано с мадьярами, *унгри*, из этнонима *оногур*.[3] Но первона-

---

[1] *Róna-Tas A.* Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. P. 321-324.

[2] О разных формах этнонима в сочинениях мусульманских авторов см., например: *Зимони И.* Венгры в Волго-Камском бассейне. С. 156-159.

[3] Например: *Róna-Tas A.* Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. P. 284.; *Комар А.В.* Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований. С. 51.

чально этноним *оногур*, скорее всего, был названием древнетюркоязычного племенного союза. Если искать истоки этих слов, необходимо обращать внимание на этнонимы *огуры*, *оногуры*, на протобулгар и на судьбу так называемых чёрных булгар. Возможно, из этих булгар, которые были данниками хазар, одна значительная группа присоединилась к мадьярам. В письменных источниках по поводу мадьяр этот этноним отсутствует, встречается только название *кавар* (или *кабар*)[1]. На основе косвенных данных язык древних булгар принадлежал к так называемым западным древнетюркским языкам или диалектам[2]. Почти все вышеупомянутые названия деревьев соответствуют этому типу древнетюркского языка. Местообитания этих подданных хазарам булгар было Восточное и Западное Приазовье, Подонье и Крым. Наверно на северном краю их ареала обитания, в Среднем и Нижнем Поднепровье (или может быть на границе степи и лесостепи между Днепром и Северским Донцом) в начале или первой трети IX в. появились мадьяры; с этого времени они были соседями и затем — союзниками.

Это предположение — также только лишь гипотеза, но один из возможных вариантов исключения противоречия между лингвистическими и археологическими данными.

Литература

Горелик М.В. Три племени кабар // Бюллетень (Newsletter). Общества востоковедов: № 9 Hungaro-Rossica: история и культура евразийской степи. Отв. ред. Д.Д. Васильев. М., 2002.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. М., 2010.

Зимони И. Венгры в Волго-Камском бассейне // Бюллетень (Newsletter). Общества востоковедов: № 9 Hungaro-Rossica: история и культура евразийской степи. Отв. ред. Д.Д. Васильев. М., 2002.

Иванов В.А. Мадьярский путь на запад // Культуры степей Евразии второй половины II тыс. н. э. Самара, 1995.

---

[1] Язык кавар неизвестен, но он отличался от языка мадьяр. Он был одним из языков Хазарии, с которым соприкасались мадьяры до завоевания Карпатской котловины: *Róna-Tas A.* Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. P. 347-350; *Róna-Tas A., Berta Á.* with assistance of *Károly L.* West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian, II. P. 475. Об этническом составе кавар см., например: *Горелик М.В.* Три племени кабар // Бюллетень (Newsletter). Общество востоковедов №9 Hungaro-Rossica: история и культура евразийской степи. Отв. ред. Д.Д. Васильев. М., 2002. С. 50-53.

[2] *Róna-Tas A.* Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. P. 108-114; *Róna-Tas A., Berta Á.* with assistance of *Károly L.* West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian I. P. 19-20.

Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.

Казаков Е.П. О художественном металле угров Урало-Поволжья в средневековых комплексах Восточной Европы // Archivum Eurasiae Medii Aevi 11 (2000-2001), с. 7-24.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956.

Комар А.В. Древние венгры // Еуразиядағиң турк мұрасы. Тюркское наследие Евразии VI-VIII вв. Астана, 2008. С. 214-216.

Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Мадяри в Середньому Подніпров'ї. Археологія и давня історія України. Вип. 7. Київ, 2011. С.21-78.

Сташенков Д.А. Памятники мадьярского круга в Самарском Поволжье // Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей. Конференция «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации». Казань, 2009. С. 228-229.

Тюрк А. Новые результаты и перспективы археологических исследований ранней истории древних венгров (угров-мадьяр) // IX Евразийский научный форум «Наследие Л. Н. Гумилева и современная евразийская интеграция». Астана, 2012. С. 22-26.

Erdélyi I. Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei [Археологические находки древних мадьяр до завоевания родины]. Budapest, 2008.

Fodor I. Einige Beiträge zur Entfaltung der ungarischen Kunst der Landnahmezeit // Kunst und Mythologie der landnahmenden Ungarn. Red. J. Fitz. Székesfehérvár, 1979. P. 7-15.

Fodor I. In Search of a New Homeland. The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest. Budapest, 1982.

Fodor I. Prémkereskedelem, művészet, hitvilág (Pelzhandel, Kunst, Glaubenswelt). Kereskedelem és hatása Őseink korában. Az Arany János Múzeum Közleményei 9. Tradicionális kereskedelem és migráció az Alföldön. Red. Novák L. F. Nagykőrös 2008. P. 127-192.

Fodor I. Őstörténet és honfoglalás [Предыстория венгров и завоевание родины] // Magyarország története [История Венгрии] 1. Budapest, 2009.

Langó P. Archaeological Research on the Conquering Hungarians: A Review // Research on the Prehistory of the Hungarians: A Review. Ed. B.G. Mende. Budapest, 2005. P. 175-340.

Mesterházy K. Die Kunst der landnehmenden Ungarn und die Abbasidisch-Irakische Kunst // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 49 (1997). P. 385-418.

Noonan Th.S. The Fur Road and the Silk Road: The Relations between Central Asia and Northern Russia in the Early Middle Ages // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert. Hrsg.

Cs. Bálint. Budapest – Napoli – Roma, 2000. P. 285-301.

Róna-Tas A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History. Budapest, 1999.

Róna-Tas A. Néhány megjegyzés faneveinkről (bükk, dió, gyertyán, gyümölcsény, gyűrűfa, éger, kőris, mogyoró, tölgy) [Some remarks on Hungarian names of trees] // Magyar Nyelv 100 (2004). P. 260-273, 419-438.

Róna-Tas A. Turkic-Alanian-Hungarian Contacts // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 58 (2005). P. 205-213.

Róna-Tas A., Berta Á. with assistance of *Károly L.* West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian I-II. Wiesbaden, 2011.

Türk A.A. A szaltovói kultúrkör és a magyar őstörténet régészeti kutatása. [Исследования по салтовской КИО и по археологии древних мадьяр] // Középkortörténeti tanulmányok. 6. [Доклады по истории средних веков]. Szerk. [Ред.] G. Tóth P. – Szabó P. Szeged, 2010. P. 261-306.

Vásáry I. Geschichte des frühen Innerasiens. Herne, 1999.

Zimonyi I. Ligeti Lajos magyar őstörténet-koncepciója [Концепция Лайоша Лигети о предыстории венгров]. Századok 122/1-2 (1988). P. 216-221.

Поогоо Чултэмсурэн
(ИИКЦ, Монголия)

Средневековая почта Монголии, или «Монгольский закон в три дня»

Древнюю монгольскую поговорку «монголын хууль гурван хоногт» — «монгольский закон в три дня» — сегодня обычно понимают в том смысле, что монгольский закон через три дня превращается в латунь — «хууль нь гууль болно», т.е. обесценивается. Но, похоже, изначально это выражение вовсе не имело столь уничижительного смысла. На самом деле во времена Великой Монгольской империи в три дня устанавливался срок, за который распространялись законодательные акты, указы, оповещения и уведомления. И эта поговорка говорит о быстроходности монгольских лошадей и выносливости монголов. Иначе говоря, это выражение свидетельствует о том, что законы и указы великого хана распространялись на всей территории огромной империи, во всех подвластных странах Востока и Центральной Азии, в течение трех дней, то есть 72 часов. Такая необычайная скорость распространения вестей, информации в период расцвета и мощи Монгольской империи установилась на последующий длительный период в несколько столетий, чем собственно и объясняется успех монголов в средние века.

Быстрая доставка вестей и распространение информации были обязанностью *уртонной службы*, а главными исполнителями этой задачи были конь и человек Монголии. Эта задача была им под силу благодаря быстроходности лошади и выносливости человека. Словом *уртон* (монг. современ.: өртөө / өртөө газар, старомонг. ürtege γajar) обозначалась почтовая станция, а также расстояние в 30 километров от одной почтовой станции до другой, или уртонная единица. В обязанности уртонных служащих входило держать лошадей в постоянной готовности для дальнейшего, беспрепятственного продвижения всадника — гонца с вестью.

Монголы почитали лошадь с древних времен и всегда считали ее верным другом мужчины. Академик Б.Я. Владимирцов писал: «В монгольском эпосе особо отмечается то, что прекрасный конь является неизменным помощником главного героя-богатыря». «Смелый, мужественный воин, в лице его огонь, в глазах его искра, в больших пальцах рук его — искусность, мужественный богатырь наш, прекрасного коня своего оседлав, пониже небесных облаков, повыше верхушек деревьев, годовой путь за месяц, месячный путь за сутки преодолевает» — так образно изображаются они в эпических сказаниях монголов. Это показывает особые качества коня, его силу, быстроходность и выносливость.

Быстроходность, выносливость и другие качества лошадей во многом зависят от их возраста. В монгольском языке есть возрастные или годовые термины-названия домашних животных от 0 до 5 лет *(унган, дааган, шудлэн, соёлон, хавчиг)*, старше 5 и примерно до 14 лет — это взрослая особь *(будуун морь)*, старше 15 — старая особь *(хугшин морь)*. Средняя продолжительность жизни лошадей в Монголии составляет около 23-25 лет.

Монгольская лошадь в среднем развивает скорость до 12-16 метров в секунду. Например, в Хэнтэйском аймаке были проведены исследования и выведено среднее значение расстояния, которое лошади преодолевают за одну секунду: так жеребец преодолевает 15 метров, взрослая лошадь— 14,9 метров, 4-летняя лошадь — 13 метров, 3-летка — 12,5 метров[1].

Кочевническая традиция имеет стойкий механизм или технологию воспитания бойцовских качеств мужчин и скоростных качеств скакунов, которые проходят ежегодную проверку на состязаниях во время ежегодного всенародного праздника «Наадам» (полное название — «Эрийн гурван наадам», т.е. «Три [вида] игрищ мужей»)[2]. Игрища включают состязания в борьбе, стрельбе из лука и конных скачках. Соревнования в конных скачках, в свою очередь подразделяются на разные дистанции — *дааган* (лошади-двухлетки) участвуют в дистанции на 10 км, *шудлэн* (лошади-трехлетки) — в дистанции на 20 км, *соёлон* (четырехлетки) и *азрага* (жеребцы) — в дистанции на 25 км, и *будуун морь* (взрослые особи) — в дистанции

---

[1] *Намнандорж.* Монголын хурдан морины тухай. («О скорости монгольской лошади»). Улаанбаатар, 1967. С. 89.

[2] Национальный монгольский праздник Наадам включен в список нематериального мирового наследия ЮНЕСКО наряду с такими элементами монгольской народной культуры, как хоомей (горловое пение) и морин хуур (скрипичный музыкальный инструмент).

на 30 км. То есть, наиболее сильными и выносливыми являются взрослые лошади, способные удерживать максимально высокую скорость на протяжении 30 км. Обычно во время Наадама на конных скачках взрослые лошади пробегают 30-ти километровую дистанцию за 15-20 минут. Совершенно очевидно, что дистанция в 30 км для традиционных видов соревнования, а также для расстояния между уртонными станциями избрана не случайно.

Итак, 30 километров — это уртон, или уртонная единица[1]. С помощью уртонных пересадок монгольская лошадь преодолевала в среднем 90 км за 1 час. Поскольку на уртонной станции лошади находились в постоянной «боевой» готовности, то срочная весть доставлялась в течение 3 суток или за 72 часа на расстояние в 6000 км. Это означает, что существовала реальная возможность для распространения законодательных ханских указов течение 3 суток на всей подвластной территории от стран Востока, Центральной Азии до Европы.

Приведем пример из одного из исторических источников. В книге «История Монголии» Плано Карпини, который, продвигаясь и днем и ночью, преодолел огромное расстояние за короткое время, чтобы принять участие в церемонии интронизации Гуюк-хана, опубликованы путевые заметки автора о скорости движения через уртонные станции: «..для того, чтобы мы поспели присутствовать на великом собрании, посвященном церемонии избрания Великого хана, доставить нас вовремя было поручено Татарам, следовавшим вместе с нами, и преодолели мы путь очень быстро. Для этого, поднявшись утром очень рано, скакали до самой ночи без еды и питья, и чаще всего ехали до наступления полной темноты, так и не успев поесть, а ужин, полагавшийся на вечер, нам давали только рано утром. Так мы скакали до исчерпания сил у наших скакунов»[2].

Он выехал из французского города Лиона 16 апреля 1245 г. и достиг западных границ великой Монгольской империи, где располагалась ставка Бату-хана на берегу реки Ижил, потратив почти год. А от ставки Бату-хана до ставки Гуюк-хана, расстояние между которыми почти в два раза превышало его предыдущий путь, он доехал

---

[1] Өртө или өртө газар — почтовая станция, а также расстояние от одной почтовой станции до другой.

[2] *Плано Карпини.* Монголчуудын түүх. Орос хэлнээс орчуулсан, С. Туяа, С. Цолмон. («История монголов». Пер. с рус. на монг. яз. С. Туяа, С. Цолмон). Улаанбаатар, 1988. С. 68-69.

за два месяца — с 8 апреля 1246 г. до 16 июня того же года[1].

Об относительно высокой для своего времени скорости продвижения по уртонному пути свидетельствуют данные Гийома де Рубрука, опубликованные в 1900 г. Вильямом Рубруком под названием «Путешествие в восточные страны»[2]. Гийом де Рубрук из черноморского порта Судак через город Укок по реке Ижил (Волга) преодолел тысячекилометровый путь до города Сарай примерно за 2 месяца. Если бы он продвигался с такой же скоростью и далее, то для того, чтобы добраться до монгольской столицы, ему бы потребовалось еще 8 месяцев. Однако остаток пути от Сарая до Каракорума в 3900 км он прошел за 3,5 месяца при помощи монгольской уртонной службы[3]. Фламандский монах-францисканец не был таким опытным наездником, как его современники-монголы, которые могли сутками не сходить с коня, именно поэтому ему потребовался столь большой срок на путь до Каракорума.

В Европе того периода почта доставлялась преимущественно пешими гонцами. В срочных случаях расстояние в 690 км преодолевалось силами 140 пеших гонцов в течение суток. В то же время один всадник половину этого пути преодолевал за 8-12 часов непрерывной скачки, что показывает высокий коэффициент эффективности монгольской лошади.

Необходимо отметить также и выносливость, целеустремленность и мужественное терпение монгольских наездников, преодолевавших такие расстояния. Это также является свидетельством очень древней монгольской традиции приручения лошади, владение верховой ездой и искусством обращения с лошадьми. Плано Карпини писал о том, что монгольские девушки и молодые женщины являются наездницами, не уступающими в своем умении мужчинам: «Мы были свидетелями того, как они облачались в доспехи и натягивали луки, они могут долго и терпеливо скакать на лошадях и стрелять, не хуже мужчин»[4]. Если даже дети и женщины обладали такой стойкостью и выносливостью, то очевидно, что взрослый мужчина мог не сходить с коня в течение 3 суток или 72 часов.

В «Сокровенном сказании» говорится, что Угэдэй-хан уста-

---

[1] Их Монгол замын харилцаа, өртөө. («Дороги и почта Монгольской империи») Улаанбаатар, 2006. С. 22.

[2] *Гийом де Рубрук.* Дорно этгээдэд зорчсон тэмдэглэл. Франц хэлнээс орчуулсан Б. Төмөрхулэг. (Записки путешествия на Восток. Перевод с французского). Улаанбаатар, 1987. С. 200.

[3] Их Монгол замын харилцаа. С. 23.

[4] *Плано Карпини.* Монголчуудын түүх. С. 25.

новил уртонные пункты и закрепил их специальным законом. Хотя большинство исследователей считает, что именно Угэдэй-хан развил уртонный путь, однако и до него было издано несколько указов, регулирующих уртонную службу. Например, запрещалось использовать уртоны без специального на то свидетельства — *пайдзы,* были определены нормы довольствия и обеспечения на уртонных станциях для официальных гонцов, превышение которых строго каралось по закону[1]. Однако, похоже, что до Угэдэй-хана почтовая-ямская служба не охватывала всю империю полностью.

В некоторых окраинах использовали такую службу как *уургийн улаа*[2]. Например, приглашенный Чингис-ханом даосский монах Чан Чунь во время путешествия по Монголии использовал службу уртонных станций, его свидетельства были первой информацией о почтовой службе средневековой Монголии. Чан Чунь, выехавший со своей родины летом 1218 г., проехал через пограничный пост в Великой Китайской стене, двигался по направлению на северо-восток и достиг ставки Тэмугэ Отчигин-нойна в низовьеях реки Керулен. Следуя далее, вверх по течению реки Керулен на запад, через четыре уртона переправился через реку, откуда открылась широкая степь. Следуя далее на север вдоль хребта Хангай-нуруу, достиг Чингай балгасуна. Как говорят, уртонные, служилые люди сказали ему, что на северной стороне снежной горы есть город Тяньчжэнь-хай[3]. Таким образом, Чан Чунь свидетельствует о существовании станций уртонов во времена Чигис-хана, однако свой совершенно отточенный вид как система, уртоная служба получила уже при Угэдэй-хане (1186-1241).

В 1235 г., в год Синей овцы на Великом курултае в местности Далан-даваан Угэдэй-хан принял решение об усовершенствовании уртонной службы. В «Сокровенном сказании» говорится: «В настоящее время существуют сложности для продвижения послов, а также и для множества людей. Теперь мы сделаем это постоянным

---

[1] Там же. С. 28.

[2] *Уургийн улаа* — вид службы, выполнявшей почтовые функции до официального создания и закрепления уртонных станций, деятельность, нормативы, стандарты которой были строго прописаны специальными законодательными актами при Угэдэй-хане.

[3] Чань Чунь бомбын өрнө зугт зорчсон тэмдэглэлэл. («Описание путешествия на Запад даосского монаха Чан Чуня». Пер. с кит. яз. на монг. Н. Ариунг). Улаанбаатар, 1997. С. 18.

принципом, из каждой тысячи выделим *замчинов-улаачинов*[1], в каждой местности установим пункт уртон, сделаем так, чтобы послы не ездили как попало, среди всего множества народа, а только лишь через установленные уртонные пункты. Это предложение внесли Чанай и Булхадар, поскольку решили, что мнение этих двоих верное, пусть узнает об этом Цагадай-аха. И пусть Цагадай-аха решит, быть тому или нет. Когда это отправили с запросом, он согласился и ответил, что пусть так будет по закону»[2]. Так говорится об установлении уртонной службы в «Сокровенном сказании». Из ответа Цагадай-аха: «Я установлю уртоны отсюда навстречу вам. Я отправил послов Бато, пусть и Бато установит уртонный путь навстречу, и так достигнем соединения. Установить уртонные пути между всеми нами — это более чем правильно»[3].

Рашид-ад-дин об этом писал: «Для того, чтобы направлять послов по важным вопросам от одного царевича к другому, в каждой местности установлен путь (*ям /зам*)[4], который называется *таян ям* — узкий путь»[5]. Для установления таких путей-*ямов*, от каждого цесаревича был призван посол. Поскольку пожелание Великого хана всеми было одобрено, Великий хан издал специальный указ о создании уртонной службы, и был принят закон. Об этом в «Сокровенном сказании» говорится: «Определены места, где будут находиться служащие уртонов, определен путь движения послов, управление поручено Арачиану и Тогучару, на каждой уртонной станции определено быть 20 служащим»[6]. Далее Рашид-ад-Дин свидетельствует: «От Хана Куридай-писец, от Цагадая — Имхолчин, Тайчудай, от Баты — Суку-Муллчитай, от Толуя — по указанию Сорхагтанибеки Элжигдэй присутствовали. Эти нойоны по всем провинциям по их широте и долготе проехали и установили уртонные станции»[7].

Уртонная служба существовала согласно «Сокровенному сказанию» во времена Чингис-хана, но именно Угедэй-хану принад-

---

[1] *Замчин-улаачин* — букв. «служащий дорожник», или служитель уртонной станции.

[2] Монголын нууц товчоо. Угсийн галиг Б. Сумъяабаатар. («Сокровенное сказание монголов». Транслитерация Б. Сумъябаатара, предисловие Ц. Дамдинсурэна). Улаанбаатар, 1990. С. 279.

[3] Там же. С. 280.

[4] Зам / ям — от монг. jam «путь, дорога».

[5] *Rashiduddin Fazlullah*. Jami'u't-Tawarikh. Compendium of Chronicles. A History of the Mongols. Translated and Annotated by W.M. Thackston. Pt. 2. Harvard University, 1999. P. 328-329.

[6] Ibid. P. 328

[7] Ibid. P. 329.

лежит заслуга по оптимизации работы уртонных станций и организации ее в системном виде почтовой службы. Его нововведение для своего времени по четкости и скорости доставки информации может быть сравнимо с созданием интернет-связи в настоящее время. Маньчжуры в Цинский период сохранили и сполна использовали это достижение Монгольской империи для своих нужд.

В период правления Хубилай-хана (1215-1294) работа уртонных станций была еще более усовершенствована. Для обеспечения работы уртонных станций Хубилай-хан выделил людей из службы собственного двора, из которых образовалась социальная прослойка служилого люда — *харчин*(ы). Свое название *харчины* получили от того рода занятий, которым были заняты при дворе — они исполняли особую службу по доставке *хар айрака*[1] ко двору императора. Среди харчинов были представители следующих родов или *овогов — мянган шилдэт, ташиигад, байран, байтут, чахар, булгачид, цолдоот, тумэн, уухан, харнуут, огинут, буглууд, тавин буглууд, могнууд* и др. О кровно-родовой близости представителей одного овога свидетельствует запрет на внутриовоговские браки, а также традиция компактных захоронений представителей одного и того же овога.

Харчины происходили из регионов западного Ордоса. Со времен правления Канси большое количество их семей были переселены из Ордоса в Халху для несения уртонной повинности. Система почтовой службы Цин поддерживала работу 84 уртонные станции от Пекина до Кобдо, местопребывания своего наместника амбаня. От этой основной линии отходили станции к крупным монастырям и храмам. (Карта уртонного пути от Пекина до Кобдо, Цинский период). Из этих 84-х уртонных станций в 44-х службу несли *харчины*. Один уртон обслуживало 20 урхо-айлов (семей). Повинность эта была довольно обременительной и тяжелой работой. Для контроля и досмотра за службой харчинами на уртонных станциях халхасцами были созданы так называемые дополнительные уртоны (монг. *хавсрага өртөө*), которые предполагали содержание по 7 семей (*өрх*), одной рабочей лошади, 90 верблюдов, 50 овец для пропитания, юрту, палатку. Для дополнительного уртона

---

[1] *Хар айрак* — букв. «черный айрак», или чистый, высококачественный продукт кумыс. В монгольском языке определение «черный» семантически близко значениям слов - чистый, натуральный, без примесей, белый, прозрачный, настоящий и т.п.

от каждого хошуна[1] выделялся человек, который освобождался от всяких прочих повинностей своего хошуна, однако заработной платы им не полагалось. Они обеспечивали сопровождение уртону, на 4 ездовые единицы уртона полагалось сопровождение от дополнительного уртона с одним верблюдом и одной лошадью. Это сопровождение получило название *цагда*, или полиция. Поначалу созданные для надзора в случаях восстаний хорчинов, позднее они превратились в их помощников.

Система управления уртонов имела свою иерархию. Так, управляющий 11-ю станциями назывался *залан*, он имел право на пользование специальной печатью. Существовала также специальная должность *занги,* которому подчинялось 8 человек — *хуяк(ов)* — рядовых охранников. Занги контролировался органом, несшим судебно-надзирательные функции — *зарагчин яам*. Должность *хунд* предполагала 20 ланов в год жалование и 10 человек *улачинов* в подчинении. *Улачин* — непосредственный исполнитель доставки информации, или курьер, получал жалование 18 ланов в год. *Бошиг* — в обязанности этого служилого входило обеспечение встречи и проводов официальных послов, пропитания и ночлега. *Бичеч*, или писарь обеспечивал делопроизводство для послов и проч. *Гэрийн бянд* — молодые люди в возрасте 16-17 лет, которые выполняли роль кухонных помощников. Для гонцов и послов, официально следующих по уртонному пути, полагалось предоставление трех чаш горячей пищи в сутки.

Литература

Гийом де Рубрук. Дорно этгээдэд зорчсон тэмдэглэл. Франц хэлнээс орчуулсан Б. Төмөрхулэг. (Записки путешествия на Восток. Перевод с французского). Улаанбаатар, 1987.

Их Монгол замын харилцаа, өртөө. («Дороги и почта Монгольской империи»). Улаанбаатар, 2006.

Монголын нууц товчоо. Угсийн галиг Б. Сумъяабаатар. («Сокровенное сказание монголов». Транслитерация Б. Сумъябаатара, предисловие Ц. Дамдинсурэна). Улаанбаатар, 1990.

Намнандорж. Монголын хурдан морины тухай. («О скорости монгольской лошади»). Улаанбаатар, 1967.

Плано Карпини. Монголчуудын түүх. Орос хэлнээс орчуулсан, С. Цолмон. («История монголов». Пер. с рус. на монг. яз. С. Туяа, С. Цолмон) Улаанбаатар, 1988.

[1] *Хошун* — минимальная единица административного деления средневековой Монголии.

Rashiduddin Fazlullah. Jami'u't-Tawarikh. Compendium of Chronicles. A History of the Mongols. Translated and Annotated by W.M. Thackston. Pt. 2. Harvard University, 1999.

Чань Чунь бомбын өрнө зугт зорчсон тэмдэглэлэл. («Описание путешествия на Запад даосского монаха Чан Чуня». Пер. с кит. яз. на монг. Н. Ариунг). Улаанбаатар, 1997.

В.В. Прудников
(ИВ РАН, Москва)

Норманнская и сельджукская конница в Малой Азии XI – XII вв.: копье и лук как преимущества завоевателей

Профессор университета Прованса М. Баливе нашел немало сходных черт в политико-религиозной и военной экспансии норманнов и сельджуков в Восточном Средиземноморье[1]. В частности, он считает, что норманнскую и сельджукскую конницу объединяла страсть к метательному оружию — копьям и стрелам[2], а также применение маневра ложного отступления, который были способны осуществить только дисциплинированные конные войска[3].

Современному историку нелегко вообразить себе как происходили сражения тысячу лет назад, что представляли собой тактика и вооружение норманнских рыцарей или сельджукских конных лучников. В данном случае археологические данные крайне скудны, а нарративные источники полны противоречий и зачастую имеют мало общего с исторической реальностью. В результате исследователи нередко оказываются в плену стереотипов. Автор статьи видит свою задачу в выявлении подобных стереотипов, связанных с вооружением и тактикой норманнов и турок сельджуков в Малой Азии, с последующим критическим осмыслением.

В XI в. орды кочевников — огузов и туркоманов — устремились завоевывать Малую Азию, принадлежавшую Византии. Их усилия координировали и направляли султаны из династии великих

---

[1] *Balivet M.* Normands et Turcs en Méditerranée médiévale: deux adversaires "symétriques"? // Turcica. 1998, vol. 30. P. 309–329.

[2] Ibid. P. 320. Как это наглядно демонстрирует вышивка ковра из Байо, норманнские рыцари использовали копье не только для таранного удара, но и в качестве метательного оружия – дротика.

[3] Ibid.

Сельджуков (1037–1157), поэтому кочевников завоевателей принято называть сельджуками. Результатом завоеваний сельджуков стало образование государства на огромной территории от Средиземного моря до Китая. Победа над византийцами при Манцикерте в 1071 г. дала сельджукам возможность прочно утвердиться в Малой Азии и основать первые государства с тюркскими династиями.

В то же время, на западных границах Византийской империи появились завоеватели другого рода, которые происходили из провинции Нормандия. Эти норманны были крайне немногочисленны, но в течение нескольких десятилетий они отвоевали Южную Италию у византийцев, Сицилию — у арабов и попытались захватить византийские владения на Балканах.

С середины XI в. норманнские контингенты появляются на службе у византийских императоров, и местом их преимущественного расселения и деятельности является Малая Азия. Норманнские предводители «франкских тагмат» отличались склонностью к мятежу и стремлением к созданию собственных независимых княжений. Удачно сложились обстоятельства для образования норманнского государства в Северной Сирии во время первого крестового похода. Антиохийское княжество, созданное южноиталийскими норманнами, оказалось самым жизнеспособных из всех государств, основанных крестоносцами на Востоке.

Очевидно, что достигнутые к концу XI в. успехи в немалой степени были следствием не только высокого военного искусства двух различных народов: норманнов и турок сельджуков, но и применения некоторых тактических приемов, умений и навыков, которые давали преимущество в глазах современников.

В качестве примера можно привести обмен посольствами между султаном Маликшахом и Караханидским правителем Шамс ал-Мульком, когда последний прислал великому Сельджукиду палицу и меч со зловещим описанием силы применения этого оружия в руках Караханидов[1]. В ответ, Маликшах показал перед свидетелями блестящее искусство владения палицей, мечем, а также луком. А затем отправил Шамс ал-Мульку оружие сельджуков — лук, который тот, по словам хрониста Садр ад-Дина, не смог даже натянуть[2]. Таким образом, искусное владение оружием рассматривалось средневековыми авторами не только как символ превосходства одного

---

[1] *Садр ад-Дин Али ал-Хусайни.* Ахбар ад-Даулат ас-седжукийя. Пер. З.М. Буниятова. М., 1980. С. 67.

[2] Там же.

народа над другими, но и как отличительный признак того или иного этноса.

В какой степени стереотипы восприятия норманнской и сельджукской конницы современниками соответствовали реалиям XI–XII вв. мы попытаемся выяснить на широком круге источников, представленных византийскими, латинскими и мусульманскими авторами.

Византийцы считали норманнов образцом для подражания в военном искусстве верховой езды и владения копьем[1]. Они также считали ношение копья отличительным признаком норманнских всадников в противоположность варягам с острова Фулы, «вооруженных секирами»,[2] или варягам, «носящих мечи на плечах»[3].

Для византийской принцессы Анны Комнин норманнские и сельджукские конники представлялись самыми страшными бедами империи в период правления ее отца Алексея I (1081–1118), которые она очень образно описала в «Алексиаде»: «пришел в движение и показал острие своего копья кельт[4], натянул тетиву лука исмаилит[5], на тысячах колесниц ринулись на нас все кочевые и скифские племена»[6].

Именно сочинению Анны мы обязаны лучшим сравнительным описаниям тактики и вооружения как норманнской, так и сельджукской конницы. «Боевой порядок турок строится не так, как у других народов, не как у Гомера «щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком», а правый, левый фланги и центр турецкого строя расположены на определенном расстоянии друг от друга, и

---

[1] *Анна Комнина.* Алексиада. Спб.: Алетейя, 1996. X,3, с. 270.

[2] Там же. II, 9, с. 108; *Михаил Пселл.* Хронография. М.: Наука, 1978. С. 145.

[3] *Анна Комнина.* Алексиада. II, 9, с. 108.

[4] Византийские авторы называли норманнов «франками», «кельтами», «латинянами». Под «латинянином» византийцы подразумевали человека с Запада вообще. Под термином «франк» они имели в виду человека, который пришел из «Франкии», т.е. Франции. Термин «кельт» означал для византийца то же самое, что и «франк», с той только разницей, что он был частью античной традиции, которая оказывала сильное влияние на восприятие византийцев, которые использовали названия давно уже не существовавших племен эпохи Римской империи в отношении народов, занимавших территорию расселения древних народов.

[5] По замечанию Н.Я Любарского, «под исмаилитами часто имеются в виду вообще мусульмане, и в том числе турки» (*Анна Комнина.* Алексиада. Прим. № 964, с. 670). Термин «скифы» кажется еще менее определенным, т.к. «на античный манер писательница часто называет всех кочевников скифами» (там же. С. 21). В данном случае, судя по контексту, Анна Комнин говорит скорее всего не о мусульманах вообще, а о мусульманах-кочевниках, т.е. турках-сельджуках.

[6] *Анна Комнина.* Алексиада. XIV, 7, с. 390.

фаланги стоят как бы разорванно. Если враг нападает на правый или левый фланг, на него обрушивается центр и часть строя, расположенная за ним, и они, как ураган, сметают противника. Что же касается вооружения, то турки, не в пример кельтам, мало пользуются копьями, а стараются окружить врага со всех сторон и обстрелять его из луков; защищаться турки предпочитают издали. Когда турок преследует, он захватывает свою жертву при помощи лука; когда его преследуют самого, одолевает врага при помощи стрел; турок мечет стрелу, и стрела на своем лету поражает коня или всадника; пущенная сильной рукой, она пронзает тело насквозь. Вот какие искусные лучники турки»[1].

В другом месте Анна описывает стычку византийцев с норманнской конницей Боэмунда Тарентского: «Император щедро снабжал воинов стрелами и приказывал не жалеть их, но метать не в кельтов, а в их коней. Ведь император знал, что из-за своих панцирей и кольчуг кельты почти неуязвимы, а попусту расходовать стрелы Алексей считал совершенно бессмысленным.

Кельтские доспехи представляют собой железную кольчугу, сплетенную из вдетых друг в друга колец, и железный панцирь из такого хорошего железа, что оно отражает стрелы и надежно защищает тело воина. Кроме того, защитой кельту служит щит — не круглый, а продолговатый, широкий сверху, а внизу заканчивающийся острием; с внутренней стороны он слегка изогнут, а внешняя его поверхность гладкая, блестящая, со сверкающим медным выступом. Стрела, безразлично какая — скифская, персидская или даже пущенная рукой гиганта, отскакивает от этого щита и возвращается назад к пославшему ее. Поэтому-то, думается мне, император, знакомый с кельтским вооружением и стрельбой наших лучников, и приказал им, пренебрегая людьми, поражать коней и «окрылять» их стрелами, чтобы заставить кельтов спешиться и таким образом сделать их легкоуязвимыми. Ведь на коне кельт неодолим и способен пробить даже вавилонскую стену; сойдя же с коня, он становится игрушкой в руках любого»[2].

Эту мысль Анна высказывает неоднократно, всякий раз, когда пишет о столкновениях византийцев с норманнами под руководством Алексея I, который, по мнению его дочери, был автором передовой тактики борьбы с конницей «кельтов». «Ведь любой кельт, пока он сидит на коне, страшен своим натиском и видом, но стоит

---

[1] Там же. XV, 3, с. 405.
[2] Там же. XIII, 8, с. 356.

ему сойти с коня, как из-за большого щита и длинных шпор он становится неспособным к передвижению, беспомощным и теряет боевой пыл»[1].

Византийский военачальник Никифор Вриенний[2] с военной точностью описал одно из первых сражений норманнов во главе с Русселем де Баллиолем и сельджуков эмира Артуха, произошедшее в 1074 г. в районе реки Сакарья. Зная о многочисленности неприятеля, в качестве места сражения Руссель избрал ровную и узкую долину у подножия горы Софон. Артух начал обстреливать стрелами с окрестных высот и, разделив войско на три части, попытался окружить норманнов. Отряд Русселя терял лошадей до тех пор, пока норманны не «решились наконец выйти против неприятелей, чтобы поразить их быстрым натиском конницы»[3]. Никифор констатирует, что в результате этой стремительной атаки погибло много врагов, но сами норманны попали в окружение и большей частью были взяты в плен[4].

Данное описание битвы вполне можно было бы назвать «классическим» для сражений, в которых принимали участие норманны и сельджуки. В соответствие с традиционной тюркской тактикой, Артух стремится измотать противника стрельбой из луков и окружить. Руссель группирует силы в заранее выбранном месте и под обстрелом ожидает момента для решительной конной атаки. И хотя численный перевес был не на стороне Русселя, он явно надеялся на победу.

В какой степени можно доверять византийским авторам при описании вооружения и тактики норманнов и сельджуков? Очевидно, что эти описания полны стереотипов, ведь в соответствие с античной традицией византийцы называют норманнов «кельтами», а тюрок «скифами». Но, в то же время, их нельзя упрекнуть в невнимательном отношении к врагам империи, которых они очень хорошо знали и имели возможность близко познакомиться.

Сельджукские конные лучники вызывали шок и восхищение у латинских авторов первого крестового похода[5]. Аноним говорит,

---

[1] Там же. V, 6, с. 167-168.

[2] *Никифор Вриенний.* Исторические записки. М.: Посев, 1997.

[3] Там же. С. 90–92.

[4] Там же.

[5] *Tudebod, Peter.* Historia de Hierosolymitano Itinere // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Tome troisième. P., 1866. P. 1-119; *Guiberti, abbate monasterii Sanctae Mariae Novigenti.* Historia quae dicitur Gesta Dei per Francos //

что турки пытались устрашить грозой своих стрел норманнов, как до этого им удалось устрашить «арабов, сарацин, армян, сирийцев и греков»[1]. По мнению Петра Тудебода турки «очень свирепы и носят за плечами колчаны полные отравленных стрел»[2]. Гвиберт Ножанский пишет, что сельджукская конница «удивительно легко уклонялась от наших атак и ударов: в особенности полной неожиданностью была их способность пускать стрелы во время отступления»[3].

Фульхерий Шартрский описывает сельджуков в битве при Дорилее, как «... лучников. Ибо в их обычае было использовать это оружие. Все они были всадниками»[4], которые обрушили на крестоносцев «дождь из стрел»[5]. В битве под Антиохией турки под ударом тяжелой кавалерии крестоносцев «по своему обычаю бросились врассыпную и стали метать стрелы»[6]. В другом месте Фульхерий пишет, что «турки же лучники по обычаю нас с тыла обходившие и дождем стрел поражавшие, уже луки опустили и обнажили мечи»[7] или «турки обрушили такую тучу стрел, что у христиан не осталась целой ни одна из частей тела»[8].

Наиболее подробно и красочно описал атаку сельджукской кавалерии при Дорилее латинский хронист XII века Вильгельм Тирский. «Отряды турок, тотчас же ринувшись на наше войско, выпустили такое огромное количество стрел, что казалось это град, падающий с неба; едва первая туча упала, описав дугу, как за ней последовала другая, не менее густая; и те, кто остались невредимыми

Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Tome quatrième. P., 1869. P. 113- 221.

[1] Histoire anonyme de la premiere croisade, texte etabli et traduit par L. Brehier. P.: Les Belles Lettres, 1924. III, 9, P. 50.« Qui putabant terrere gentem Francorum minis suarum sagittarum, sicut terruerunt Arabes, Saracenos, et Hermenios, Suranios et Grecos».

[2] *Tudebod, Peter.* Historia de Hierosolymitano Itinere. P. 27-28. «Sunt namque ferocissimi, humeris et sagittas et pharetras toxicatis refertas portantes».

[3] *Guiberti.* Historia quae dicitur Gesta Dei per Francos.P. 162. «Nostris enim inexperta erat tanta eorum in equitando agilitas, in evitandis nostrorum incursibus vel ictibus mira pernicitas : praesertim quum non soleant ipsas emittere nisi fugaciter pugnando sagittas».

[4] Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana: 1095-1127. Heidelberg: Winter, 1913. P. 193. «... sagittariorum. mos enim eorum est talibus uti armis. equites erant omnes».

[5] Ibid. P. 194. «... pluviam sagittarum vehementer emittentes».

[6] Ibid. P. 255–256. « ... sparsim, ut mos eorum est, prosilire et sagittas coeperunt jacere».

[7] Ibid. P. 498. « Turci autem ex more sagittarii nos retro gyrantes et sagittarum pluvia plagantes, iam arcuum officia dimiserant, iam vaginis enses traxerant».

[8] Ibid. P. 790. «tantus tamen nimbus sagittarum ingruebat a Turcis, ut nulla pars corporis ab ictu et vulnere tuta esset Christianis».

сначала, были сражены мгновение спустя. Эта манера боя была полностью не знакома нашим воинам; они не могли его вести на равных, ибо не имели к нему никакой привычки и видели, как их лошади, оставшиеся без защиты, падают; сами же они, неожиданно получившие смертельные раны, которых невозможно было избежать, попытались отогнать врага, бросившись на него и разя мечом и копьем. Однако те в свою очередь неспособные противостоять подобному натиску, не замедлили ускользнуть, чтобы уйти от первого удара, и наши воины, не найдя никого перед собой, обманутые в своих ожиданиях, были вынуждены вернуться к своему войску. Тогда как они удалялись, не достигнув успеха в своих намерениях, турки вновь стремительно соединились и начали метать свои стрелы, обрушивавшиеся на наши ряды подобно ливню, не оставляли никого без гибельной раны. Наши люди как могли противостояли, защищенные своими шлемами»[1].

Вильгельм говорит о значительных потерях в войске крестоносцев, даже среди хорошо экипированных рыцарей, вследствие столкновения с сельджуками[2]. Вслед за этим Вильгельм описывает, как сельджуки собирались перейти к последней стадии сражения: «повесив луки на плечи, не нуждаясь более в их услугах, приступили с мечами в рукопашную»[3].

При рассмотрении приведенных отрывков становится ясно, но латинские авторы при создании своих произведений зачастую следовали не реальности, а вымыслам. Трудно поверить Петру Тудебоду, который говорит о тюрках, что они носили на плечах или за плечами «колчаны полные отравленных стрел». А также Вильгельму Тирскому, который сообщает, как сельджуки «повесили луки на плечи».

Английский исследователь Р. Смайл, полный доверия к авторитету архиепископа Вильгельма Тирского, признает этот способ ношения лука и стрел за «натуральный тюркский обычай»[4]. Другой английский ученый Д. Николь видит в этом необычном поведении

---

[1] Цит. по: *Перну Р.* Крестоносцы. Пер. с франц. А. Ю. Карачинский, Ю.П. Малинин / Научный ред. Ю.П. Малинин. СПб.: Евразия, 2001. С. 139.

[2] *Guillaumus, Tyrensus Archiepiscopus.* Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. Migne J.P. T. 201. P., 1855. P. 209–892. III, 14, - P. 288.

[3] Ibid. III, 14. P. 288. «arcu ab humeris dependente, et ejus neglecto officio, gladiis instant cominus».

[4] «... a normal Turkish custom». См.: *Smaile R.C.* Crusading Warfare 1097–1193 [Text] / R.C. Smale. Cambridge University Press, 1995. P. 82.

сельджуков указание на то, что в данном случае речь идет о тяжеловооруженных воинах «гулямах, а не о кочевых тюрках»[1].

Более всего вероятно, что в этих и подобных случаях создатели хроник следовали не реальности, а античной традиции, ведь подобным образом носили луки и колчаны герои поэмы Вергилия «Энеида»[2]. Поэт и его произведение о странствиях Энея были необычайно популяры в средневековой Европе. Аноним, Петр Тудебод, Гвиберт Ножанский и даже Вильгельм Тирский искренне считали, что турки являлись потомками троянцев[3]. Поэтому кажется очевидным, что в представлении латинских авторов тюрки при Дорилее вели себя как «троянцы».

Наиболее интересные отчеты о столкновении норманнской и сельджукской конницы в Малой Азии и Сирии можно найти у норманнского автора Родульфа Каэнского, который, хотя и не был очевидцем многих описываемых им событий, тем не менее, бывал на Востоке после 1107 г. и имел возможность получать информацию из первых рук: от Боэмунда Тарентского и Танкреда.

Родульф Каэнский дает более сложное и подробное описание битвы при Дорилее, в котором присутствует как традиционное для латинских авторов описание тактики сельджуков, так и оригинальные сравнительные характеристики различных видов вооружения. В одном месте он говорит, как отряд конных тюркских «стрелков»[4] обошел тяжеловооруженных западноевропейских всадников и напал на многочисленную, но плохо вооруженную толпу крестоносцев, которых сначала обстреляли из луков, а затем стали истреблять мечами[5].

Родульф считает, что сельджуки воспринимали происходящее при Дорилее не как битву с врагами, а как наказание «осужден-

---

[1] *Николле Д., МакБрайд А.* Армии мусульманского Востока VII–XI века. М.: Астрель, 2004. С. 29–30.

[2] *Vergili P.* Maronis Opera. Ed. John Conington. N.Y.: Harper and Brothers, 1895. «humeris de more habilem suspenderat arcum» Vergili I, 318, p. 90; «Gorytique leves humeris et letifer arcus» Vergili X, 169, p. 271.

[3] *Прудников В.В.* Миф о троянском происхождении норманнов и турок сельджуков в латинской традиции XI–XII вв. // Французский ежегодник. М., 2013.

[4] «spiculatores», см.: *Cadomensis, Radulfus.* Gesta Tancredi principis in expedicione Hierosolyminata // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. Ed. J. Migne. T. 155. P., 1844-1891. P. 510.

[5] Ibid. «Turba itaque illa equites nostros praetervolans, ad plebeculam transilit, numero tamen maximam, sed viribus imbecillam. Hi palantes praefestinantis militiae vestigia legebant, muros periculis opposuisse putantes, cum subito irruunt primo sagittis, mox ensibus saevientes».

ных за тяжкие преступления»[1]. Поэтому они отложили луки и «отважно» схватились за мечи[2], в то время как норманны «потрясали копьями»[3]. Родульф говорит, что в этом противостоянии «наконечники копий оказали огромную услугу»[4] норманнам, в то время как меч показался Родульфу менее эффективным оружием. «Что против этого меч? Я считаю, что мечем можно убить ближнего и пощадить дальнего, проткнуть в рукопашном бою и угрожать издалека. Если в нескольких словах сказать о его свойствах, то длина меча определяет его возможности. На расстоянии обнаженным мечем можно только угрожать, но поразить невозможно»[5].

Вслед за этим Родульф говорит, что сельджуки отступили и начали обстреливать норманнов. «Но когда они снова взялись за луки, полет великого множества стрел не пощадил тех, кого пощадили мечи и поразил того, кого не поразил меч. Там где мечи не продвинулись, проникли стрелы. Что до этого момента представляло собой тяжелое бремя: кольчуга, щит и шлем, теперь определяли границу между жизнью и смертью»[6].

Родульф Каэнский передает, как отряд Танкреда попал в засаду устроенную тюрками под Артахом. По словам Родульфа у последних было преимущество внезапности и в знании местности, а также в количестве: на каждое латинское копье приходилось по десять и более тюркских луков[7]. «При первом столкновении копье действовало энергично, пробивало и выбивало. Но вскоре от подобной нагрузки утомилось настолько, что было не способно пробивать как щиты, так и броню на груди и животе. И потому что у одной лошади ослабла подпруга седла, у другого был срезан наконечник

---

[1] Ibid. P. 511: «Quibus quidem jam non putabatur haec pugna, sed poena: nec adversus hostes confligendum, sed tanquam de capitalium rerum condemnatis, ultio secunda».

[2] Ibid.: «Irruunt itaque primi arcubus projectis, audacius strictis mucronibus saevituri».

[3] Ibid.: «Fit fragor; hi lanceas vibrant, illi gladios».

[4] Ibid.: «Adeo cuspis fraxinea largae prodiga opis ».

[5] Ibid.: «Quid contra haec mucro? Mucro, inquam, cujus est proximum caedere, remotis parcere; immergi cominus, minari eminus; utque paucis ejus facultatem includam, cujus licentiae pares habet terminos longitudo, evaginatus minari poterat, laedere non poterat vel emissus».

[6] Ibid.: «Sed resumptis arcubus, grando volans quibus enses pepercerant, non parcit; quos non attigerant, perfodit; ubi nec ascenderant, descendit. Hactenus ergo sarcina tantum gravis, loricae, scuta et galeae: nunc gratissimus obex, vitae mortisque fines disterminat».

[7] Ibid. P. 525: «Caeterum hostis sagittifer plurimo sui numero plurimum immanis, nostro viso latebras spernit, occurrit palam, pudet latuisse, qui hastas singulas denis et supra arcubus oppugnabat. Congrediuntur itaque Turci Latinis, incolae peregrinis, gnari locorum, hominumque locorumque ignaris».

копья, или турок мечем разрубил копье пополам, то можно было подумать, что этот потрясающий дротиком человек скорее вооруженный дубинкой пехотинец, чем рыцарь с копьем. В то же время более скромный лук, наносит гораздо большее количество ран. Лук стреляет всегда и часто становится причиной ранений. Лучника почти невозможно достать и он начинает страдать от ран в самый последний момент сражения. Лук полезен как с близкого расстояния, так и с дальнего, при наступлении и при отходе. Даже когда с помощью лука нельзя добиться желаемого успеха, он редко становится причиной разочарования своего владельца»[1].

Даже поверхностное знакомство с византийскими и латинскими источниками позволяет утверждать наличие связи между искусным владением оружием и принадлежностью к определенному этносу. Но является ли в таком случае упоминание определенного оружия и его использования в исторических хрониках только символом или для этого были вполне реальные основания, на которые могли бы опираться идеи о военно-тактическом превосходстве над противником?

Д. Николь[2] считает, что в Западной Европе этого времени наиболее значительное развитие получило взятое наперевес копье, зажатое между согнутой в локте рукой и туловищем, при котором всадник вкладывал в удар поступательный момент движения на коне[3]. По его мнению, именно норманны стали проводниками этого нового тактического приема в районе Средиземноморья[4]. Ряд важнейших побед норманнов в Южной Италии, Балканах и Сирии были одержаны благодаря именно такому способу применения копья[5].

---

[1] Ibid.: «Primo in congressu lancea viget, lancea perfodit, lancea dejicit: quae mox tanto sub onere fatiscens, ut penetrare peltas, pectora, clavengos nequit integra: quoniam hanc clitellae dissilientes extenuant; illam cuspis truncata decurtat, aliam Turcus ensis dimidiat, ut hastitenens putetur potius venisse armatus sude pedes, quam lancea miles: at frugalior longe arcus vulnerumque ditior, semper mittit, crebro laedit, nunquam mittitur, sero laeditur: cominus, eminus, ante, retro fervidus; etiam cum ab intentione propria fallitur, casu saepe ministro, non permittitur falli».

[2] *Nicolle D., McBride A.* The Normans // Elite Series. Vol. 9. L.: Osprey Publishing, 1987.

[3] Лучшее описание этой манеры боя «франкских» рыцарей дал арабский писатель и полководец Усама ибн Мункыз: «Я считаю, что всякий, кому случится биться копьями, должен прижимать руку с копьем и локоть к своему боку, предоставив коню делать то, что он захочет, во время удара. Ведь если он пошевелит рукой с копьем или вытянет ее, удар не оставит следа и даже царапины» (*Усама ибн Мункыз.* Книга назидания. Пер. И.Ю. Крачковского. М.: ИВЛ, 1958. С. 91-92).

[4] *Nicolle D., McBride A.* The Normans. P. 6.

[5] Ibid. P. 7.

Известный исследователь истории средневекового рыцарства Ж. Флори рассматривает эту новую манеру боя в специальной работе[1]. На основе изучения западных и восточных источников он пришел к следующим выводам: начало применения рыцарской конницей копья наперевес он датирует примерно серединой XI в.[2] Местом появления этой новой техники конного боя являлась Нормандия, откуда норманны принесли ее в Испанию, Южную Италию, Сицилию и Анатолию[3]. Во время первого крестового похода новый метод атаки галопом стал хорошо известен византийцам, туркам сельджукам и арабам на Ближнем Востоке, где, в частности, его мог изучить и перенять знаменитый арабский полководец и писатель Усама ибн Мункыз[4].

Эта тактика была не только очень эффективна при завязке боя, но и выглядела очень эффектно в глазах современников. Д. Дуглас считает, что «... на Востоке, к первой четверти XII в. норманнский тип атаки и «прославился» и внушал страх. Считали, что эта атака почти «неотразима», а ее эффект был таков, как «если бы в стенах Вавилона проделали дыру». Поэтому неудивительно, что в первом крестовом походе тактика турок сводилась в основном к уменьшению этой труднопреодолимой атаки...»[5]. Д. Дуглас продолжает, что конные атаки норманнов разрабатывались «с расчетом на массовый шок врага»[6].

Вместе с тем Д. Дуглас специально оговаривает тот факт, что большинство побед норманнов были следствием тактических действий конницы против пехоты[7]. В то же время, при встрече с более подвижным противником, например с легкой конницей сельджуков, или же с дисциплинированной и хорошо обученной пехотой подобная манера боя была менее эффективной[8]. Победа при Гастингсе в 1066 г., а также при Диррахии в 1081 г., были одержаны во

---

[1] *Flori J.* Encore l'usage de la lance... La technique du combat chevaleresque vers 1100 // Cahiers de Civilizations Medievales. 1988, no. 31. P. 213-240.

[2] Ibid. P. 238.

[3] Ibid. P. 239.

[4] Ibid. P. 240.

[5] *Дуглас Давид Ч.* Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050–1100 гг. Пер. с англ. Е.С. Марницина. СПб.: Евразия, 2003. С. 117-118. Арабский историк Каланиси называет конную атаку франков не иначе, как «знаменитой».

[6] Там же. С. 119.

[7] Там же.

[8] *Nicolle D., McBride A.* The Normans. P. 7.

многом благодаря применению не только рыцарской конницы, но пехоты: пеших копейщиков и лучников[1].

Известно, что турки-сельджуки отдавали предпочтение луку и благодаря использованию конных лучников выиграли немало сражений, в том числе битву при Манцикерте[2].

К сожалению, современной исторической науке неизвестно что представлял собой сельджукский лук. Но с большой долей вероятности можно предположить, что он принципиально по своим характеристикам не отличался от своих собратьев, распространенных на огромных просторах Евразии на протяжении тысячелетий являвшихся основным оружием кочевников. Композитный лук, состоящий из дерева, рогов, костей и жил, представлял собой идеальное сочетание веса, размера и силы, и давал возможность поражать цель на значительном расстоянии[3].

На изготовление лука уходило от одного года до двух лет. Различные виды материалов, служивших для изготовления лука, зависели от климата и региона, где лук применялся. Как правило, на создание среднеазиатского типа композитного лука шли бараний рог и ахиллесовы сухожилия животных[4]. Р.А. Гусейнов отмечает, что для производства сельджукского лука применялась осина и рог козла, а на тетиве имелось специальное кольцо для оттягивания[5].

Тюркский конный лучник был способен на полном скаку прицельно поражать врага на расстоянии 35 метров, выпуская пять стрел за две с половиной секунды[6]. Луки и стрелы помещались в специальные футляры или колчаны, которые носились на поясном ремне. В колчан помещалось до 90 стрел с железными наконечниками, которые изготовлялись из тростника и березы[7]. Стрелы отли-

---

[1] *Bennett M.* The Myth of the Military Supremacy of Knightly Cavalry / Ed. J. France // Medieval Warfare 1000–1300. Aldershot: Ashgate, 2006. P. 178.

[2] *Ammatucci G.* Storia dell'Arcieria Islamica: i Trattati. [Electronic resource] / G. Ammatucci //Arcosofia. No. 2, Suplemento di n. 3 di Arco, Aprile/Maggio, 2005. Mode of access: http://www.arcosophia.net/database/N2/storia_amatuccio1.htm (29.11.2013).

[3] *Nicolle D., McBride A.* Attila and the Nomad Hordes: Warfare on the Eurasian Steppes 4th-12th centuries // Elite Series. Vol. 30. L.: Osprey Publishing, 1990. P. 12. Патерсон приводит дальность стрельбы из туркоманского лука в 260 метров (*Paterson W.F.* The Archers of Islam // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1966, vol. 9, no. ½. November. P. 82-83).

[4] *Nicolle D.* Saracen faris 1050–1250 // Warrior Series . Vol. 10. L.: Osprey Publishing, 1994. P. 46.

[5] *Гусейнов Р.А.* Сельджукская военная организация // Палестинский сборник. Л., 1967, №17(80). С. 140.

[6] *Nicolle D.* Saracen faris. P. 11.

[7] *Гусейнов Р.А.* Сельджукская военная организация. С. 140.

чались огромным разнообразием в зависимости от цели применения. «Имелись трехперые, двойные и двурогие стрелы, а также особые, пробивавшие щит и панцырь»[1]. Важной особенностью тюркских стрел была способность воспроизводить различные звуки во время полета: во время охоты это были, как правило, нейтральные, призванные не вспугнуть жертву. Зато во время войны применялись стрелы, издававшие истошный «вой», который наводил ужас на противников, в особенности осажденных.

В 1964 г. византинист У. Каэги[2] выдвинул впервые тезис о том, что искусное владение сельджуков луком и стрелами стало важнейшим военным фактором, который в сочетании с политической, экономической и социальной слабостью Византии в XI в. позволил им стать господствующей силой в Малой Азии[3].

Ч. Боулс[4] категорически не согласен с мнением У. Каэги, в своей работе он попытался доказать, что «огневая мощь и мобильность» турок сельджуков не могли дать им решительного преимущества над противником на полях сражений Анатолии[5]. Ч. Боулс отмечает ряд существенных недостатков тактики и вооружения кочевников: зависимость от климатических и экологических условий[6], необходимость находится в опасной близости от противника[7]. Главный вывод Ч. Боулса состоит в том, что при столкновении с тяжелой конницей, поддерживаемой другими родами войск, у конных лучников не было ни малейшего шанса победить, кроме как заманить противника в засаду или ловушку[8].

С другой стороны, нельзя отрицать наличие в войсках сельджуков тяжелой конницы[9]. По мнению Р.А. Гусейнова, тяжелая конница «страдала малоподвижностью и не получила у сельджуков большого распространения, так как имела ограниченную зону действия и не могла достаточно быстро исполнять маневр»[10]. Однако данное утверждение вызывает определенные сомнения, так как в

---

[1] Там же.

[2] *Kaegi W.E.* The Contribution of Archery to the Turkish Conquest of Anatolia // Speculum. 1964, vol. 39, no. 1. P. 96-108.

[3] Ibid. P. 108.

[4] *Bowlus C.R.* Tactical and Strategic Weaknesses of Horse Archers on the Eve of the First Crusade // Autour de la Premiere Croisade. P., 1996. P. 159–166.

[5] Ibid. P. 162.

[6] Ibid. P. 160-162.

[7] Ibid. P. 163.

[8] Ibid. P. 166.

[9] *Гусейнов Р.А.* Сельджукская военная организация. С. 136, 140.

[10] Там же. С. 136.

этот период тяжелая конница была более, чем когда либо жизнеспособной в государствах Ближнего Востока[1].

Насколько эффективной не была бы тактика сельджукских лучников на расстоянии, тем не менее исход сражения решался в следующей за атакой рукопашной схватке[2].

Вероятно, что данный род войск комплектовался не из кочевников, а состоял из класса военных рабов-гулямов[3]. В первую очередь Сельджукиды нуждались в поддержке этих немногочисленных элитных подразделений против своих кочевых единоплеменников, а точнее против беспорядков и анархии, вносимой кочевниками, в налаженный быт завоеванных провинций Ближнего и Среднего Востока[4]. В целях сохранения мира и спокойствия сельджукские султаны своих подданных кочевников «стремились отправлять на границы государства, для набегов и борьбы с христианскими государствами»[5]. Подобная политика стала одной из причин образования «республик гази» в Малой Азии: Румского султаната, эмирата Данышмендов и т.д., «питательной основой» которых были кочевые орды туркоманов и огузов.

По всей видимости, именно тяжеловооруженную конницу гулямов упоминает анонимный автор[6], участник первого крестового похода, итало-норманнский рыцарь под именем «Agulani»[7]. «И Агуляне были числом три тысячи, которые не боялись ни копья, ни стрел и никакого другого оружия, поскольку все они и их лошади были со всех сторон покрыты железом. Они не желали идти в бой, ни с каким иным оружием, как только с мечами»[8].

Очевидно, что тяжеловооруженная конница гулямов была бы незаменима для решающего удара в Манцикертском сражении или в битве при Дорилее. Но, тем не менее, уникальность и драматизм данной ситуации состоит в том, что основная роль в завоева-

---

[1] *France J.* Crusading Warfare and Its Adaptation to Eastern Conditions in 12th Century// Mediterranean Historical Review. 2000, № 15. P. 55.

[2] *Smaile R.C.* Crusading Warfare 1097 – 1193. P. 83.

[3] *Sourdel D., Bosworth C.E., Inalcik H.* Chulam // The Encyclopedia of Islam. New edition. Vol. II. Leiden: E.J. Brill, 1991. P. 1079–1091.

[4] Ibid. P. 1083; *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 411-412.

[5] *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. С. 412.

[6] Histoire anonyme.

[7] Histoire anonyme. III, 9, p. 48 при Дорилеи и IX, 21, p. 112 под Антиохией.

[8] Ibid.: «Et Agulani fuerunt numero tria milia; qui neque lanceas neque sagittas neque ulla arma timebant, quia omnes erant undique cooperti ferro et equi eorum, ipsique nolebant in bellum ferre arma nisi solummodo gladios».

нии Малой Азии принадлежала именно легковооруженной коннице кочевников[1].

Как бы то ни было, применение противоборствующими сторонами различных видов вооружений и войск не может противоречить тому утверждению, что в Анатолии основу обеих армий составляла конница, с той разницей, что первоначально сельджуки использовали легкую кавалерию кочевников[2], а норманны в качестве ударной силы отдавали предпочтение тяжеловооруженным конным воинам-рыцарям (milites).

Возможно, что данные предпочтения в оружии и его применении были обусловлены не только причинами этнокультурного характера, но и социальной принадлежностью. Когда и почему норманнские рыцари стали презрительно относится к любому другому виду боя, кроме как на коне с копьем или на мечах?[3] Дать развернутый ответ на вопрос в рамках данной работы не представляется возможным, но этот стереотип был очень жизненным на протяжении XII столетия в Западной Европе и на Востоке[4].

Норманны и другие крестоносцы по прежнему делали ставку на массированную атаку тяжелой кавалерии[5]. Для борьбы с сельджуками Боэмунд Тарентский применял специальный тактический прием, при котором пехота использовалась «исключительно для поддержки кавалерии»[6].

Тем не менее, можно утверждать, что ни одна армия, действовавшая на Востоке в ту эпоху, не смогла бы выжить без конных лучников. Легкая кавалерия, известная как конные сержанты, была в западноевропейских армиях наряду с тяжелой конницей[7]. Но специфика боевых действий в Азии против сельджуков поставила перед крестоносцами вопрос о создании нового вида легкой кавалерии известного, как туркополы[8].

---

[1] *France J.* Crusading Warfare and Its Adaptation to Eastern Conditions in 12th Century. P. 55.

[2] *Гусейнов Р.А.* Сельджукская военная организация. С. 136.

[3] *Hatto A.T.* Archery and Chivalry: A Noble Prejudice // Modern Language Review. 1940, no 35. P. 43.

[4] Ibid. P.47.

[5] *France J.* Crusading Warfare and Its Adaptation to Eastern Conditions in 12th Century. P. 61.

[6] *Дуглас Давид Ч.* Норманны. С. 132.

[7] *France J.* Crusading Warfare and Its Adaptation to Eastern Conditions in 12th Century. P. 51.

[8] На данный момент туркополы и все, что с ними связано — происхождение, этническая и конфессиональная принадлежность и т.д. — являются наиболее спорным

Туркополы были незаменимы в качестве разведчиков, вестовых, проводников, охранения на марше, преследователей, устроителей засад[1]. Но на полях сражений, действующие как самостоятельные тактические единицы против сельджукской конницы, туркополы были не просто бесполезны, но даже опасны для собственных войск. Попытка туркополов вступить в перестрелку с противником привела к поражению норманнов у Сармина в 1115 г. и настоящей катастрофе на Кровавых полях в 1119 г.[2] Харрари считает, что именно после этих двух сражений и неспособности туркополов противостоять давлению сельджукской конницы, использовали конных лучников в составе массированной атаки тяжелой кавалерии[3].

Д. Николь[4] считает, что с XI по XIII вв. сельджукская конница претерпела значительные изменения. Если первая волна сельджукских конных лучников применяла тактику «рассредоточения и преследования»[5], то в течение двух поколений сельджукская конница обратилась к давней традиции конных лучников Среднего Востока: ведение залпового обстрела плотными группами, зачастую стоящими на месте[6]. Это позволяло сократить количество запасных лошадей и использовать более тяжелое вооружение.

По его мнению, уже с XII в. на пространствах Азербайджана и Анатолии профессиональная элита сельджукской конницы больше отдавала предпочтение копьям, мечам, булавам и дротикам, а не стрельбе из лука. При этом Д. Николь отмечает, что эти изменения практически не коснулись воинов из тюркских племен, которых принято называть туркоманами[7].

Д. Николь предполагает, что данные изменения в тактике сельджукской конницы произошли в конце XI в. и стали следствием столкновений с крестоносцами во время первого крестового похода[8]. Чтобы сохранить эффективность этой тактики в борьбе против тяжеловооруженной «франкской» конницы требовался высокий

вопросом в историографии крестовых походов. По мнению автора статьи, проблема туркополов достаточно полно и удачно раскрывается в специальной работе, посвященной данному вопросу: *Harrari Y.* The Military Role of Frankish Turcopoles: A Reassessment // Mediterranean Historical Review. 1997, № 12:1. P. 75–116.

[1] *Harrari Y.* The Military Role of Frankish Turcopoles. P. 114.

[2] Ibid. P. 97.

[3] Ibid., P. 97, 114.

[4] *Nicolle D.* Saracen faris 1050 – 1250.

[5] Ibid. P. 9.

[6] Ibid.

[7] Ibid.

[8] Ibid. P. 27-28.

уровень тренированности, осознание морального превосходства и бесперебойное снабжение войск всем необходимым, в особенности стрелами[1]. Д. Николь делает вывод о том, что успех первого крестового похода был следствием не столько превосходства европейского вооружения и тактики, сколько упадком в военном отношении раздробленных сельджукских формирований[2].

М. Шатцмиллер[3] отмечает полное отсутствие в мусульманских сочинениях о военном искусстве, созданных до эпохи крестовых походов, какого-либо упоминания о тактике тюркских конных лучников[4]. Но уже в XII в. появляются военные трактаты, созданные по заказу правителей Айюбидской династии, в которых обобщается многолетний опыт борьбы с крестоносцами и немало места уделяется руководству по обучению стрельбе из лука. В их числе можно назвать труд Мурды ибн Али Марди ат-Тарсуси «Ал-Табсира»[5], написанный между 1187 и 1192 гг.

В главе «Упоминания о превосходстве стрельбы из лука и стрелами» Мурда подробно рассматривает традиции стрельбы из лука; его происхождение; различные типы; девять качеств неотъемлемых стрелка; положение туловища, головы, ног; мысленный настрой; различные этапы обучения стрельбе, включая пятнадцать техник стрельбы, в том числе шесть техник в нетрадиционных условиях: стрельба с неподвижно стоящей лошади; с несущейся галопом и рысью; стрельба из положения лежа на спине лошади; стрельба из максимально натянутого лука; стрельба из двух луков одновременно; стрельба сидя; различные техники хвата лука; стрельба по движущемуся и по стоящему на месте всаднику; стрельба по всаднику с копьем и по всаднику с мечем и множество прочих деталей[6].

М. Шатцмиллер предполагает трактат Мурды является попыткой записать существующую давнюю и богатую устную традицию отлично зарекомендовавшей себя системы обучения стрельбы из лука. По ее мнению в данном случае Мурда исходил из совре-

---

[1] Ibid. P. 28.

[2] Ibid.

[3] *Shatzmiller M.* The Crusades and Islamic Warfare — a Re-evaluation / Ed. S. Heidemann // Der Islam. Vol. 69, Issue 2. Hamburg, 1992. P. 247–288.

[4] Ibid. P. 261.

[5] *Cahen C.* Un traité d'Armurerie composé pour Saladin // Bulletin d'Etudes Orientales. T. XII. Damascus: Institut Francais De Damas 1947-1948. P. 103–163; *Boudot-Lamotte A.* Contribution à l'étude de l'archerie musulmane // Arabica. T. 17, Fasc. 1 (Feb., 1970). P. 47–68.

[6] *Boudot-Lamotte A.* Kaws // The Encyclopedia of Islam. New Edition. Vol. IV. Leiden: E.J. Brill, 1997. P. 795–803; *Ammatucci G.* Storia dell'Arcieria Islamica: i Trattati.

менных ему военных реалий и все вышеизложенные инструкции предназначались «конному лучнику, Тюрку»[1].

На вопрос, почему в написании руководств среди прочих военных дисциплин стрельба из лука выходит на первый план, М. Шатцмиллер отвечает, что это искусство было более развито и пользовалось популярностью, как один из видов спорта[2]. В данном случае, объяснение, которое дает Д. Николь, выглядит более убедительным: военная необходимость борьбы с крестоносцами привела к введению тактики залповой стрельбы по площадям большими группами конных лучников, что в свою очередь обеспечивал высокий уровень тренированности последних.

Подобную мысль высказывают в своих исследованиях и другие ученые. Специалист в области изучения истории мусульманских лучников Д. Аматуччи рассматривает конных сельджукских лучников как представителей кочевых народов Евразии, которые с раннего возраста обучались искусству верховой езды и стрельбы из лука. Однако в военном контексте без должной дисциплины и организации эти навыки были на довольно примитивном уровне. По этой причине, а также благодаря тяжелому вооружению и тактике рыцарей, во время первого крестового похода удалось одержать верх над сельджукскими ордами. Но это преимущество будет длиться недолго, пока присущий тюркам способ сражения не получил развитие в наиболее эффективных и передовых военно-политических системах, созданных Саладином и мамлюками Египта[3].

По мнению Д. Аматуччи поединок между тяжеловооруженной рыцарской конницей и тюркскими конными лучниками продолжался в течение двух столетий и закончился с падением Акры в 1291 г. и полным изгнанием крестоносцев из Святой земли. В числе главных военных причин поражения христиан в этом противостоянии Аматуччи называет полное отсутствие знаний о Востоке и слепую веру в превосходство тяжелой кавалерии, что привело к недооценке эффективности мусульманских лучников[4].

---

[1] *Shatzmiller M.* The Crusades and Islamic Warfare. P. 263.

[2] Ibid.

[3] *Ammatucci G.* Storia dell'Arcieria Islamica: i Trattati.

[4] Ibid. Д. Аматуччи ссылается на христианские трактаты XIII-XIV вв., в которых рассматривались различные способы отвоевания Святой земли. В 1309 г. Раймонд Луллий предлагал комплектовать армии крестоносцев лучниками христианами для борьбы с мусульманской легкой кавалерией. В 1291 г. францисканец Фиденцио из Падуи предложил не только набирать в экспедицию на Восток лучников и

Исследование Д. Аматуччи подтверждает тот факт, что традиция использования конных лучников была привнесена в Исламский мир именно тюрками, поскольку данная традиция получила развитие только на Ближнем Востоке. Арабы Испании со временем сделали выбор в пользу арбалета. Мусульмане Сицилии под владычеством норманнов сохранили верность традиции стрельбы из арабского лука и на протяжении трех столетий служили норманнам, швабам и анжуйцам в качестве пеших лучников[1].

Таким образом, и у норманнов и у сельджуков существовали предпочтения в выборе и применении определенного вида оружия, обусловленные, прежде всего, этнокультурными и социальными предпосылками. Неудивительно, что мы находим указания на это у византийских и латинских авторов XI–XII вв.

Литература

Анна Комнина. Алексиада. Спб.: Алетейя, 1996.

Гусейнов Р.А. Сельджукская военная организация // Палестинский сборник. Л., 1967, №17(80).

Дуглас Давид Ч. Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050–1100 гг. Пер. с англ. Е.С. Марницина. СПб.: Евразия, 2003.

Михаил Пселл. Хронография. М.: Наука, 1978.

Никифор Вриенний. Исторические записки. М.: Посев, 1997.

Николле Д., МакБрайд А. Армии мусульманского Востока VII–XI века. М.: Астрель, 2004.

Перну Р. Крестоносцы. Пер. с франц. А. Ю. Карачинский, Ю.П. Малинин / Научный ред. Ю.П. Малинин. СПб.: Евразия, 2001.

Прудников В.В. Миф о троянском происхождении норманнов и турок сельджуков в латинской традиции XI–XII вв. // Французский ежегодник. М., 2013

Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-Даулат ас-силджукийя. Пер. З.М. Буниятова. М., 1980.

Усама ибн Мункыз. Книга назидания. Пер. И.Ю. Крачковского. М.: ИВЛ, 1958.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.

Ammatucci G. Storia dell'Arcieria Islamica: i Trattati. [Electronic resource] / G. Ammatucci //Arcosofia. No. 2, Suplemento di n. 3 di Arco, Aprile/Maggio, 2005. Mode of access:

арбалетчиков в большем количестве, но и обучать поголовно всех христианских солдат вплоть до рыцарей стрельбе из лука.

[1] Ibid.

http://www.arcosophia.net/database/N2/storia_amatuccio1.htm (29.11.2013)

Balivet M. Normands et Turcs en Méditerranée médiévale: deux adversaires "symétriques"? // Turcica. 1998, vol. 30. P. 309–329.

Bennett M. The Myth of the Military Supremacy of Knightly Cavalry / Ed. J. France // Medieval Warfare 1000–1300. Aldershot: Ashgate, 2006. P. 171 – 184.

Boudot-Lamotte A. Contribution à l'étude de l'archerie musulmane // Arabica. T. 17, Fasc. 1 (Feb., 1970). P. 47–68.

Boudot-Lamotte A. Kaws // The Encyclopedia of Islam. New Ed. Vol. IV. Leiden: E.J. Brill, 1997.

Bowlus C.R. Tactical and Strategic Weaknesses of Horse Archers on the Eve of the First Crusade // Autour de la Premiere Croisade. P., 1996. P. 159–166.

Cadomensis, Radulfus. Gesta Tancredi principis in expedicione Hierosolyminata // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. Ed. J. Migne. T. 155. P., 1844-1891.

Cahen C. Un traité d'Armurerie composé pour Saladin // Bulletin d'Etudes Orientales. T. XII. Damascus: Institut Francais De Damas 1947-1948. P. 103–163

Flori J. Encore l'usage de la lance... La technique du combat chevaleresque vers 1100 // Cahiers de Civilizations Medievales. 1988, no. 31. P. 213-240.

Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana: 1095-1127. Heidelberg: Winter, 1913.

Guiberti, abbate monasterii Sanctae Mariae Novigenti. Historia quae dicitur Gesta Dei per Francos // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Tome quatrième. P., 1869.

Guillaumus, Tyrensus Archiepiscopus. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. Migne J.P. T. 201. P., 1855.

Harrari Y. The Military Role of Frankish Turcopoles: A Reassessment // Mediterranean Historical Review. 1997, № 12:1. P. 75 – 116.

Hatto A.T. Archery and Chivalry: A Noble Prejudice // Modern Language Review. 1940, no 35.P. 40-54.

Histoire anonyme de la premiere croisade, texte etabli et traduit par L. Brehier. P., 1924

Kaegi W.E. The Contribution of Archery to the Turkish Conquest of Anatolia // Speculum. 1964, vol. 39, no. 1. P. 96-108.

Nicolle D. Saracen faris 1050–1250 // Warrior Series. Vol. 10. L., 1994.

Nicolle D., McBride A. Attila and the Nomad Hordes: Warfare on the Eurasian Steppes 4th-12th centuries // Elite Series. Vol. 30. L., 1990.

Nicolle D., McBride A. The Normans // Elite series. Vol. 9. L., 1987.

Paterson W.F. The Archers of Islam // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1966, vol. 9, no. ½. November. P. 69-87.

Shatzmiller M. The Crusades and Islamic Warfare — a Re-evaluation / Ed. S. Heidemann // Der Islam. Vol. 69, Issue 2. Hamburg, 1992.

Smaile R.C. Crusading Warfare 1097–1193 [Text] / R.C. Smale. Cambridge University Press, 1995.

Sourdel D., Bosworth C.E., Inalcik H. Chulam // The Encyclopedia of Islam. New ed. Vol. II. Leiden: E.J. Brill, 1991.

Tudebod, Peter. Historia de Hierosolymitano Itinere // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Tome troisième. P., 1866.

Vergili P. Maronis Opera. Ed. John Conington. N.-Y.: Harper and Brothers, 1895.

Т.Д. Скрынникова
(ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Значение линиджа и рода в социальной структуре Монгольского улуса начала XIII в.

Общественные институты, выполняющие потестарно-политические задачи на ранних этапах общественного развития, могут быть включены в число «объективных элементов потестарной культуры... именно понимание потестарной или политической организации (речь в данном случае идет преимущественно об относительно поздних стадиях потестарной организации) как системы культурно-детерминированных ролей, пронизывающей всю структуру общества, позволяет рассматривать эту организацию в качестве концентрированного выражения потестарной или политической культуры»[1]. Данная статья — это очередная попытка реконструировать социально-политическую структуру монгольского общества на основе анализа терминов, выявленных в оригинальных монгольских рукописях, показать вариативность обозначений ее элементов на примере Монгольской империи начала XIII.

При анализе монгольских терминов я учитываю, на мой взгляд, справедливую мысль А.М. Хазанова о том, что «у кочевников аборигенную модель нельзя представлять как жесткий структурный каркас для фиксации малоизменяющейся реальности. Сам каркас подвижен и в соответствии со спецификой конкретной действительности приспособлен не только для статичности функционирования социальных форм, но и для их трансформаций и изменений. Не случайно сами кочевники явно осознают структурные принципы своих моделей, но в то же время нередко весьма смутно представ-

[1] *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 57.

ляют их границы и отдельные детали»[1]. Подтверждением полисемантичности терминов структурной организации кочевников монгольских степей может служить информация об этнических группах, упомянутых в самом начале текста «Сокровенного сказания» (§§ 8, 9) (подробнее об этом ниже), где представлены разные термины низшей социальной структуры, отразившие разную этническую и лингвистическую принадлежность обозначенных ими групп.

Посмотрим, подтверждается ли мысль А.М. Хазанова о том, что «главными особенностями аборигенной модели у многих (но далеко не у всех) кочевников являются представления об обществе как разросшейся семье или линидже, основанном на принципе происхождения от общего предка и генеалогиях... Разумеется, вслед за многими наблюдателями и учеными можно отметить, что социально-политическая структура наиболее развитых кочевых обществ евразийских степей, Ближнего и Среднего Востока приобретает вид приблизительно следующей схемы: семья — линидж или линиджи различной генеалогической глубины — род — секция или секции — племя — племенная конфедерация. Но подобная модель является скорее грудой кирпичей, чем построенным зданием, и едва ли много приближает нас к пониманию кочевого общества»[2]. При этом автор отмечает, что это не аборигенная, а научная модель.

Я не ставлю в этой статье перед собой глобальной задачи реконструкции всей социально-политической структуры монгольского общества, но представляется, что, если не полная реконструкция, то некоторое понимание сложной и многоуровневой социально-политической структуры монгольского общества, оставившего письменные свидетельства, возможно в той степени, в какой она (структура) концептуализирована в понятиях родства и происхождения. При этом, безусловно, и мне не удастся полностью избежать «того самого смешения различных типологических планов»[3] против которого призывал А.М. Хазанов.

Терминами, маркировавшими наименьшую группу (основу) социальной организации, были термины гентильного уровня — *uruq*, *yasu[n]*, ярчайшим примером синонимичности которых является сюжет о тайджиутах: после победы над ними Чингис-хан уничтожает именно правящую элиту — *tayici'utai yasutu* они же *tayi-*

---

[1] *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. С. 152.

[2] *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. С. 153.

[3] *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. С.155

ci'ud-i uruq-un uruq-a[1], т.е. людей *кости тайджиут* или *потомков потомков тайджиут*. Этими терминами подчеркивается патрилинейное кровное родство, что становится особенно актуальным в обществе, структура которого быстро меняется и требуется постоянное подтверждение границ общности. Синонимичность монгольского термина *yasu[n]* ('кость') и *uruq*, который понимается как «мужской потомок — член одной семьи, т.е. кровный родственник (*uruq*)» объясняется тем, что они обозначают группу, представляющую собой *гомогенную* структуру, и маркируют патрилинейную группу кровных родственников — *линидж*. В тексте часто встречается фраза «uruq-un uruq» (потомки потомков). Эта фраза употреблялась и при перечислении милостей, оказываемых Чингисханом, — они предназначены и потомкам потомков; уничтожение людей тоже происходило до потомков потомков[2]. Как правило, употребление этого термина связано с чьим-либо именем: Шиги-Хутуху, Мухули, Мунлик-эчигэ и др. Употребление фразы *uruq-un uruq* (потомки потомков) позволяет предполагать значение термина *uruq* как линидж, поскольку подчеркивается принадлежность представителей данной группы к разным поколениям и их потомкам, что не может представлять собой семью.

Патрилинейное родство, выраженное через термин *кость*, упоминается в «Сокровенном сказании» редко. Кроме упомянутого случая с тайджиутами отмечается еще «некто кости меркитов» — merkidei ele yasutu gü'ün[3].

Но следует обратить внимание и на основной смысл слова *uru* в тексте «Сокровенного сказания». Как правило, термином *урук*[4] обозначается родство по отцу. *Урук* (линидж) как часть рода, — это потомки по отцу, и, когда автор «Сокровенного сказания» сообщает о сыновьях Хабул-хана, что они не имели сыновей, он использует

---

[1] *Rachewiltz I., de.* Index to The Secret History of the Mongols. Bloomington, 1972. P. 66-67

[2] *Rachewiltz.* Index to The Secret History of the Mongols. P. 40, § 103; 46, § 112; 88, § 117; 120, § 208; 66—67, § 148; 95, § 185; 96, § 187; 113, § 201; 116, § 203; 118, § 206; 125, § 217; 126, § 219; 133, § 231; 153, § 256; 130, § 226; 144, § 246.

[3] Ibid. P. 46.

[4] Только однажды в тексте «Сокровенного сказания» указывается родство по женской линии — «родство по печени» (heligen-ü uruq [*Rachewiltz.* Index to The Secret History of the Mongols. P. 41, § 105]). Именно так говорит о себе и Чингис-хане Чжамуха (о родстве по печени как о родстве по женской линии мне сообщила Г.Р. Галданова), поскольку их далекий общий предок — урянхайка Аданхан, жена Бодончара.

именно этот термин: «Ни Хадаан, ни Тодоён потомства не имели»[1] (qada'an tödö'en qoyar uruq üge'ün büle'e[2]). Синонимичность слов *урук* и «сын» подтверждается в § 135: sayin gü'ün-ü kö'ün = Sayitu gü'ün-ü uruq[3]. Об этом же говорит парное слово haci uruq, которое можно перевести как «потомок»[4]. Автором «Сокровенного сказания» отмечались *уруки* Чингис-хана, его братьев Хасара и Отчигина[5], *уруки* Мухули, Боорчу, Алчи, Илгутая, Чжурчедая[6]. Причем, например, Чингис-хан разделяет свой *урук* и *урук* Угэдэя, своего сына (§ 255). Перед походом на сартулов в семье Чингис-хана обсуждался вопрос о преемнике, и был выбран Угэдэй, который, обещая приложить все усилия для выполнения своего долга, выразил сомнение в том, что после него в его *уруке* найдется достойный. На это Чингис-хан заявил: «Неужели в моем *уруке* не родится ни одного хорошего [правителя]?» (minu uruq-tur niken-ü'ü sayin ülü töregü aji'u[7]). Все эти случаи позволяют утверждать, что основная функция использования термина *урук* — прежде всего, подчеркнуть границы семьи.

Но одновременно термином *урук* маркировалось кровное родство. Так, после смерти Дува-Сохора, его четыре сына манифестировали отрицание своей принадлежности к семье во главе с дядей по отцу — Добун-Мэргэном: «§ 11. *dörben kö'üt inu dobun mergen abaqa-yu'an uruq-a ülü bolqan*»[8] («...четыре сына больше не считали своего дядю Добун-Мэргэна членом семейства»[9]). Перевод И. де Рахевилца подчеркивает принадлежность семье, а комментарий поясняет значение термина *уруг*: приводится буквальный перевод — lit. "in the kin" (*uruq-a*) и дается значение монгольского термина — *uruq* (= mo. *uruy*) "family, kin" < tu. *uruy* 'seed, progeny'[10]. Хотя его дословное значение в переводе текста не вызывает возражений, возможно стоило бы привести и термин социальной антро-

---

[1] *Козин С.А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.—Л., 1941. С. 84, § 51

[2] *Rachewiltz*. Index to The Secret History of the Mongols. P. 22

[3] Ibid. P. 58

[4] Ibid. P. 88

[5] Ibid. P. 153, § 255

[6] Ibid. P. 129, 266

[7] Ibid. P. 153, § 255

[8] Ibid. P.14

[9] *Rachewiltz I.,de.* The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Translate with a Historical and Philological Commentary by Igor de Rachewiltz. Leiden-Boston, 2004. P. 3

[10] *Rachewiltz I.,de.* The Secret History of the Mongols. P. 254-255.

пологии, передающий, на мой взгляд, это понятие, а именно *lineage*, поскольку главный смысл содержания этого отрывка в том, что потомки Добун Мэргэна выводятся из группы кровных родственников. А линиджем, согласно теории родства, называется группа потомков, образованная на основе унилинейного десцента. Выведение из группы кровных родственников (patrilineal kinship or blood relationship) вело к изменению социальных связей (social bonding) и характера коллективных действий (collective action), в частности отстранение от коллективного ритуала.

Непризнание за кем-либо права быть членом рода — *уруком* — в тексте отмечается дважды. Это уже упоминавшийся случай с Добун-Мэргэном, когда его племянники откочевали от него после смерти своего отца. Причем братья, родившиеся при жизни Добун-Мэргэна, в сущности, дают объяснение этому: «Вот наша мать родила троих сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовских братьев, родных или двоюродных, ни мужа»[1] (Ene eke bidan-u aqa de'ü üye qaya qü'ün ügei ere üge-[i]üi bö'etele ede qurban kö'üt töre'ül bi[2]). Это и отношение братьев к Бодончару, когда они, «не считая *уруком*» (uruq-a ese to'a[q]daju[3]), «не считая *уруком*, не выделили доли» (uruq-a ulu to'an qubi ese okba[4]). Хотя в этом тексте упоминаются все четыре брата (два сына Добун-Мэргэна и два — родившиеся у Алан-Гоа после смерти мужа), можно предположить, что решение принимали Бельгунотай и Бугунотай, сыновья Добун-Мэргэна, к уругу которого Бодончар действительно не относился. Из содержания §§ 28—38, в которых рассказывается о присоединении Бугу-Хатаги (старшего брата, родившегося у Алан-Гоа после смерти мужа) к Бодончару, кочевавшему по Онону, и о подчинении народа, у которого не было правителя, можно заключить, что Бугу-Хатаги и Бухату-Сальджи тоже не наследовали ничего из владений Добун-Мэргэна.

Но внимательное прочтение текста «Сокровенного сказания» и сравнительно-исторических трудов этнологов привлекли мое внимание еще к двум словам, которые, на мой взгляд, выполняют ту же функцию. Показателен пример Хорилартай-мэргэна, описанный в § 9: «В связи с тем, что в землях хори-туматов люди ссорились за земли, где водились соболи, белки и другие дикие животных, Хори-

---

[1] *Козин С.А.* Сокровенное сказание. С. 80, § 18

[2] *Rachewiltz I.,de.* Index to The Secret History of the Mongols. P. 15.

[3] Ibid. P. 17, § 24.

[4] Ibid. § 23

лартай-мэргэн, узнав о богатых лесах Бурхан-Халдуна, решил перекочевать туда вместе с родом хоринцев»[1]. Хотелось бы уточнить перевод второй части последнего предложения, которая по-монгольски пишется так: 'qorilartai-mergen... qorilar oboqtu bolju[2]'

В данном случае слово «хорилар» состоит из этнонима «хори», что подтверждает обозначение территории их проживания как земли хори-туматов, т.е. хори и туматов, и аффикса «-лар» — показателя множественного числа в тюркских языках, и может быть интерпретировано как «множество хори» или «хоринцы». Следовательно, эту фразу можно понимать как то, что «Хорилартай-мэргэн стал владеть родом (досл.: "стал с родом") хоринцев», что дублируется и его именем-эпонимом. Соответствие эпонима этнониму позволяет говорить о том, что Хорилартай-мэргэн был главой рода (обог), состоявшего из нескольких групп, идентифицируемых как хори. Можно предположить, что это линиджи, и в данном случае подчеркивается этническая однородность обога-рода.

Здесь я хотела бы сделать замечания об этнонимах и группах, ими обозначаемых. Безусловно, трудно предполагать, что этнический состав хори и баргу не изменился за 7 веков. Поскольку известно о длительном пребывании хоринцев в Предбайкалье, когда, с одной стороны, часть их могла там и остаться, с другой — часть предбайкальских бурят вошла в состав хори, то можно допустить возможность трансляции социальной лексики в их среде. Что же касается баргу, то Ц.Б. Цыдендамбаев писал: «Стало быть, разбираемое предание повествует о родстве всех этих племен, о том, что какие-то части баргутов постепенно превратились в олетов»[3]. Эти замечания по этногенезу монголоязычных народов показывают, что допустимо применение сравнительно-исторических данных.

Следует обратить внимание субъектно-объектные отношения: Хорилартай-мэргэн назван нойоном хори-туматов[4], что отличается несколько от его обозначения в *Алтан тобчи* Лубсан Данзана[5].

---

[1] Ibid. P. 2.

[2] Ibid. P. 15.

[3] *Цыдендамбаев Ц.Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972. С. 192.

[4] *Rachewiltz I.,de.* Index to The Secret History of the Mongols. P. 14

[5] *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монгольского, введ., комментарий и приложения Н.П. Шастиной. М.: ГРВЛ, 1973. С. 54 (Памятники письменности Востока. X). Точнее монгольское выражение qorilar-un omoγtan bolba (Altan Tobči. A Brief History of the Mongols by bLo-bzaṅ bsTan-'jin with a Critical Introduction by The Reverend Antoine Mostaert, C.I.C.M. *Arlington, Virginia* and An Editor's Foreword by Francis Woodman Cleaves *Associate Professor of Far Eastern*

В этой хронике территорию, на которой Хорилартай-мэргэн запретил охотиться, он назвал «своей землей тумэтов»[1]. Интересно, что выше Лубсан Данзан называет Хорилдай Мэргэна «владыкой того народа баргуджин тумэтов» (tere irgen bargujin tümet-ün ejen[2]). Представляется, что в данном случае отмечается владение людьми, причем подчеркивается их этническая принадлежность — баргузинскими туматами.

В «Сокровенном сказании» термин "ejen" («владетель, владыка») выступает в качестве титула правителя определенной группы и впервые в тексте употребляется по отношению к тестю Хорилартай-мэргэна, когда дается этнопотестарная характеристика группы, пришедшей с Хорилартай мэргэном: «§ 8. а по поводу той племенной группы выяснилось так: Баргучжин-гоа, дочь Бархудай-Мэргэна, владетеля Кол-баргучжин-*догумс*кого, была выдана замуж за Хорилартай-Мэргэна, нойона Хори-Туматского»[3] ("8. tede bölök irgen ber köl-barqujin-*tögüm*-ün ejen barqudai-mergen-nü ökin barqujin-go'a neretei ökin-ni qori-tumd-un noyan qorilartai-mergen-ne ökdeksen aju'u")[4]. Хочу обратить внимание на три факта в этом небольшом отрывке. Первое. Привлекает внимание различие титулатуры в обозначении правителей разных этнических групп: ejen у баргу и noyon у хори-туматов, что, возможно, может определяться как подчеркиванием их различных функций, так и их этно-культурными различиями, а именно языковыми (диалектными). То, что позже (в хронике XVII в.) Хорилартай-мэргэн обозначается как ejen, позволяет предположить идентичность их значений.

Второе. Мое понимание фразы "köl-barqujin-tögüm-ün ejen barqudai-mergen" отличается от перевода, предложенного И. де Рахевилцем, который обозначает его как "lord of the Köl Bargujin Lowland"[5]. На мой взгляд, Баргудай-мэргэн называется «владыкой Кол-баргуджинского линиджа». Как мы видели выше, С.А. Козин оставил слово *tögüm* без перевода. К этнониму «баргу» нас отсылают:

Languages Harvard University. Harvard-Yenching Institute. Scripte Mongolica 1. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 1952. P. 9) можно перевести как «стал владеть родами хориларов». Причем мн.ч. здесь фиксируется дважды: аффиксом — tan и аффиксом —lar (тюрк.) в этнониме. Как и имя главы хори — Хорилдай — является эпонимом: «владеющий хори».

[1] «tümed-ün γajar-dur-iyan» (Altan Tobči. P. 8).

[2] Altan Tobči. P. 8

[3] *Козин С.А.* Сокровенное сказание. С. 79.

[4] *Rachewiltz I.,de.* Index to The Secret History of the Mongols. P. 14.

[5] Ibid.

имя тестя Хорилартай-Мэргэна — Баргудай-Мэргэн, т.е. глава группы баргу. А обозначение его владения — köl-barqujin-tögüm. Слово tögüm, попавшее в тюркские языки из иранских, означает: «*tohum… а) семя, семена — тур., гаг, турк., кирг.;…г) род, племя, потомство — кум., кирг., узб.»[1], что синонимично слову «уруг», а аффиксом —*джин* образуется прилагательное от имени «баргу».

Его связь с монгольским миром подтверждает и наличие данного термина в калмыцком языке. «Kalm. *toxm* 'Rasse, Herkunft, Stamm; Nachkommenschaft' (KWb 397b), MKalm. *toxm* 'poroda' (Mun. 510), Oir.Dial.Xj. *toxom* 'rod, pokolenie; proishoždenie' (Todaeva 335); - Turkic, cf. Kaz. *tuqïm* 'zerno; potomki; semja; semena; plod; potomstvo; pokolenie; poroda; rod', Kir. *tukum* 'semja, semena', Tat. *tokïm* 'poroda; potomstvo, potomok'»[2]. Данный термин встречается и в настоящее время, так «…у ряда кавказских народов употребляется для обозначении патронимии большое число различных ираноязычных терминов, обозначающих в соответствующих языках родственную группу вообще или, в свою очередь, патронимию в частности. Таковы иранские термины: тохум, или тухум, — “семя” (балкарцы, кумыки, аварцы, даргинцы, лезгины, азербайджанцы, таты)»[3], «…они выражают в форме существительного единство происхождения или родственную близость»[4].

Таким образом, Баргудай-Мэргэн отмечается как владелец köl-barqujin-tögüm — линиджа, являвшегося той части баргу, которая проживала около озера (тюркское обозначение — köl)[5].

Третье. Обращает на себя внимание слово, упомянутое в «Сокровенном сказании» — «bölök», которое я также перевела как «линидж» Хорилартай-мэргэна. На мой взгляд, позволяет предложить подобную интерпретацию синонимичность bölök и uruγ, сохранившаяся в бурятской традиционной культуре. Описывая начало образования общности хори, которую исследователи обозначают как племя, Вандан Юмсунов, автор летописи (1868 г.), пишет, что они: «Хоорондоо обог обогоор гу, али яһаар болон *булэг айлнуу-*

---

[1] Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. С. 116.

[2] *Kempf B.* Kalmyk — Semantical Categories of Turkic Elements in Kalmyk // Oirad and Kalmyk Linguistic Essays. Ed. Agnes Birtalan. 2012. P. 144.

[3] *Косвен О.М.* Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 187.

[4] Там же. С. 100.

[5] Подробнее см.: *Скрынникова Т.Д.* Этнотопоним Баргуджин-токум // История и культура народов Центральной Азии. Источниковедение. Сборник статей. Улан-Удэ, 1993. С. 41-50.

дааар хамтаран нийлэдэг»[1], то есть: «Между собой объединялись в роды, или в кости и *в группы аилов*» (пер. мой. — *Т.С.*)[2]. Здесь мы видим ту же структуру: хори (племя) — роды (obog obogoor) — линиджи (yahaar = buleg ailnuudaar = uruγ), причем подчеркивается именно кровнородственная связь. Представляет интерес общности, обозначенные как группы айлов — buleg ailnuudaar, которые приравниваются к кости. Что они собой представляли, видно из следующего описания: «Родители мужа, его братья, как родные, так и коллатеральные, жили рядом в особых юртах или домах, расположенных вокруг юрты предка, основателя урука. Этот круг имел общую городьбу, которая охватывала все юрты членов урука. Круг этот называется "булэг" или "ураг"»[3].

Таким образом, мы можем видеть, что группа айлов, состоявшая из представителей нескольких поколений, имеет и специальное терминологическое обозначение: «булэг» или «ураг». Так, территория проживания семьи старшего брата огораживалась, «далее, рядом, вблизи, в другой подобной загороди живут ближайшие родственники главы первой группы юрт, например, его братья со своими семьями, со своим единокровным родом, — и тут опять в одной общей загороди, посередине стоит юрта старшего в роде, по бокам же стоят юрты его сыновей. Дальше, в более отдаленных загородях, живут более отдаленные родственники»[4]. Как видно из текстов, живущие в поселении мужчины связаны между собой кровным родством. Более того, «в некоторых уруках дети называли всех мужчин возраста своего отца "баабай" (отец), причем для отличия их друг от друга и от своего отца прибавляли к этому слову "баабай" отличительные физические черты каждого. Всех женщин возраста своих матерей они называли "иибии" (мать), но опять-таки прибавляя к слову "иибии" отличительные черты»[5]. Эти описания позволяют прийти к выводу о том, что этими терминами, с одной стороны, маркируются представители родственных семейств, связанных кровными узами по мужской линии, т.е. очерчиваются границы линиджа. С другой стороны, этими терминами маркируется семейно-родственная группа, живущая на одной территории. Вожможно, в

---

[1] Буряадай туухэ бэшэгуудэ. (Бурятские исторические хроники). Сост. Ш.Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ, 1992. С. 75.

[2] Там же.

[3] *Балдаев С.П.* Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ, 1959. С. 20.

[4] *Щапов А.П.* Бурятская улусная родовая община // Известия ВСОРГО. 1875. Т. 5. № 3-4. С. 129.

[5] *Балдаев С.П.* Бурятские свадебные обряды. С. 6

качестве хозяйственно-экономической единицы она может быть названа большесемейной общины.

Представляется, что в Монгольском улусе до и в период Чингис-хана мы наблюдаем такую же ситуацию: отдельные поселения, в которых проживала группа родственников, назывались уруг (ауруг[1]). Можно с большой долей уверенности говорить о том, что и у средневековых монголов уруг/ауруг представлял собой поселение, в котором проживали кровные родственники — братья с семьями, имевшие общую собственность, что демонстрирует история Бодончара. После смерти матери братья стали делить наследство (табуны и средства пропитания): четыре старших брата оставили себе все, а «Бодончару совсем не дали его доли, ... не признавая его даже за родственника»[2] (uruq-a ulu to'an qubi ese okba[3]). Бодончар, подумав, зачем ему оставаться здесь, если его не считают членом уруга, откочевал от них (§ 24). Старшие братья продолжали жить вместе.

Представляется, что именно это значение — проживание в поселении кровных родственников — подчеркивается обозначением данного поселения термином aγuruγ. Этот термин встречается впервые в § 136 «Сокровенного сказания»: «Старики и дети Чингисханова куреня, так называемый Аурух, находились в ту пору при озере Харилту-наур. Так вот, из этих людей, оставленных в Аурухе, Чжуркинцы донага обобрали пятьдесят человек, а десятерых при этом еще и убили. Чингис-хану доложили о том, как Чжуркинцы поступили с нашими людьми, оставленными в Аурухе»[4]. Из этого отрывка можно понять, что речь идет об определенной территории, на которой живет достаточно большая группа, мужчины которой принадлежат к одному линиджу (уруг) — в данном случае Чингисхана, причем *ауруг* не следует за военным предводителем, что является имплицитным подтверждением его локальности[5]. Безусловно, в

---

[1] Аурух (монг. a'uruq или aγuruγ [*Rachewiltz I.,de.* The Secret History of the Mongols. P. 499]) — на мой взгляд, слово, состоящее из двух частей — aγur-uγ. Причем первая часть (aγur) представляет собой трансформацию слова egür (совр. үүр)— гнездо, логово, рой, ячейка. И. де Рахевилц отмечал, что в средне- и преклассическом монгольском языке встречаются переходы заднеязычных в переднеязычные и наоборот: ümere ~ umara, angqan ~ enggen и т.п. (*Rachewiltz I.,de.* The Secret History of the Mongols. P. 777), т.е. egür ~ aγur. Последнее в устной речи произносится как уур/ур, т.е. a'uruq или aγuruγ может звучать как «уруг». В тексте статьи сохраняется письменная форма.

[2] *Козин С.А.* Сокровенное сказание. С. 81.

[3] *Rachewiltz I.,de.* Index to The Secret History of the Mongols. P. 17.

[4] *Козин С.А.* Сокровенное сказание. С. 114.

[5] Там же. С. 182.

aγuruγ Чингис-хана находились не только члены линиджа, поскольку период войны требовал охраны находящихся в нем стариков, женщин и детей. Важным в данном случае является то, что в «Сокровенном сказании» подчеркивается проживание кочевников кровнородственными группами.

Это сохраняется и при перекочевках, о чем свидетельствует упоминание Великого aγuruγ при упоминании одной из обязанностей кебтеулов — его охране: («Легко ли попечение о Великом Аурухе и во время кочевок и на стоянках?»[1]), что было связано с необходимостью как обеспечивать кормом скот, так и бежать от наступающего неприятеля. Aγuruγ стал называться Великим после того, как власть в Монгольском улусе закрепилась за Чингис-ханом и его потомками. Как и в бурятском уруге, у средневековых монголов в одном ауруге жили братья и их семьи. Подтверждением этого являются и вышеупомянутый случай с Бодончаром и его старшими братьями, и рассказ о том, что когда Чингис-хан отправился в поход на сартулов, он «управление Великим Аурухом возложил на младшего брата Отчигин-нойона».[2]

Aγuruγ являлся наименьшей хозяйственной экономической единицей, мужчины которой представляли союз кровных родственников — уруг, имеющих владение землей и, возможно, скотом. Вероятно, как и у бурят, поселение кровных родственников (уруг/ауруг) состояло из айлов.

Как мы видели в изложении истории четырех сыновей Дува Сохора Du'a Soqor, отделившихся от своего дяди Добун Мергена Dobun Mergen, uruq становится основой обога (*oboq/otoq*). В последнее время дискуссия по поводу значения термина *oboq/otoq* возобновилась (см.: Ab Imperio 2009, № 4.). Статья Дэвида Сниса, задавшая тему дискуссии, демонстрирует необходимость дальнейшего исследования феномена, обозначаемого термином «oboq», у монголоязычных народов. Дэвид Снис пишет: «Главное, что стоит здесь отметить, это то, что, по-видимому, обог был структурой скорее политической, чем генеалогической»[3]. По мнению Д. Сниса, «согласно данным о других обществах Внутренней Азии, о которых есть исторические сведения, мы должны заключить, что полностью разработанная структура родства "разрушена", потому что ее мы просто не

---

[1] Там же. С. 173.

[2] Там же. С. 187. Подробнее см.: *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006. С. 361-363.

[3] *Sneath D.* Tribe, Ethnos, Nation: Rethinking Evolutionist Social Theory and Representations of Nomadic Inner Asia // Ab Imperio. № 4, 2009. P. 93.

находим»[1]. И автор объясняет феномен, обозначаемый термином *oboγ*, следующим образом: «Я утверждал (2007), что объединение людей в группу, обозначаемую как группа унилинейных потомков, обладающая политическими функциями, являлась результатом деятельности государственной администрации в большей части Внутренней Азии. Где бы ни возникала всеобъемлющая кровнородственная организация, она была, по-видимому, продуктом государства, а не предшествовала ему... В средневековой Монголии объединения, обозначенные как кланы (обог), вообще не напоминали модель предгосударственного кровнородственного общества, а, скорее, представляли собой проект властвующей аристократии. В царской России термин "род" (административный клан) также использовался как обозначение сообществ в управлении субъектами Внутренней Азии»[2].

Употребляем ли мы термин *род* (clan) при передаче монгольского *oboq/otoq* с определенной степенью условности, поскольку не имеем альтернативного варианта, или этот монгольский термин вполне соответствует содержанию понятия clan[3], обозначающих

---

[1] *Sneath D.* Tribe, Ethnos, Nation. P. 94. В подтверждение своей концепции Д. Снис ссылается на статью Павла Рыкина, который «пришел к заключению, что нет никаких оснований считать, что он (обог. — *Т.С.*) представлял собой кровнородственную группу, и что основные данные свидетельствуют, что он (обог. — *Т.С.*) использовался для обозначения как правителей группы людей, так и самих групп» (*Sneath D.* Tribe, Ethnos, Nation. P. 94). «OBOQ 1. 'название тех, кто управляет какой-либо общностью людей'; 2. 'название какой-либо общности людей'» (*Рыкин П.* Социальная группа и ее название в среднемонгольском языке: понятия *irgen* and *oboq* // Антропологический форум. 2004, № 1. С. 194). В заключение своей статьи П.О. Рыкин пишет: «Вместе с тем следует оговориться, что предложенная здесь экспликация значений слов *oboq и irgen* ни в коей мере не претендует на окончательность. Она скорее ставит вопросы, чем разрешает их. В рассмотренных словах заключены чрезвычайно идиосинкретичные понятия, точных эквивалентов которым в европейских языках, по-видимому, невозможно подыскать» (там же. С. 206). Но следует заметить, что не только исследователь в качестве объекта исследования изучает общества определенного типа, которые он должен маркировать терминологически, но и сами общества — субъекты действия — себя обозначают и иерархически структурируют. Употребление терминов имеет инструментальное значение как в языке изучаемой культуры, так и в языке описания.

[2] *Sneath D.* Tribe, Ethnos, Nation. P. 105.

[3] «Clans are unilineal descent groups that unite a series of lineages descended from a theoretical common ancestor, the genealogical links to whom are often either not remembered or who may be purely mythological. Thus a clan's members may share a common name or ancestor, assume they are related, but not be able to trace the links among the component lineages. Clans are often exogamous, and localized clans can serve as territorial political units. A matriclan is a clan organized on matrilineal descent principles, a patriclan is a clan organized on patrilineal principle» (*Rhum M.* Clan // The

унилинейную группу людей, объединенных кровным родством? Всегда ли этот термин в сочетании с соответствующим этнонимом отражает реальное родство по крови представителей данной группы? Представляется, что решение проблемы возможно только в том случае, если мы будем учитывать два разных параметра общественного устройства: социально-политическую структуру общества и этнокультурную[1] общность.

Рассмотрим содержание этого понятия на примере баяутов. Описывая распределение Чингис-ханом наград и должностей своим сторонникам после второй интронизации 1206 г., автор «Сокровенного сказания» сообщает следующее: «§ 213. Еще Чингис-хан сказал Онгуру-баурчи: " Три тохураута, пять тархутов. Вы, Онгур[2], сын Монгэту-Кияна, [со своими] чаншиутами и баяутами, стали у меня одним куренем" (монг. ta nadur niken güre'en bolju)[3]. (здесь ссылка на монгольский текст, пер. мой. — *Т.С.*). И С.А. Козин, и И. де Рахевилц перевели этот отрывок как информацию о том, что все вышеперечисленные группы, пришедшие к нему с поддержкой и маркируемые этнонимами (тархуты, тохурауты, чаншиуты и баяуты), были включены в войско Чингис-хана как один курень[4]. Это не соответствует сказанному в § 120, где отмечается, что они прибыли не одновременно, т.е. не составляли общности.

Dictionary of Anthropology /Ed. by Thomas Barfield. Blachwell Publishing Company, 1997. P. 62)

[1] Употребляя понятие «этнокультурная общность», я имею в виду, что ее представители сохраняют память о своей этнической идентичности, которая воспроизводится в ритуальном поле культуры. Причем не только в календарных праздниках, но и в повседневной жизни.

[2] Онгур-баурчи (впоследствии Онгур-черби) — старший сын Мунгэту-Кияна, который был старшим братом Есугэй-багатура. Онгур-баурчи был одним из первых нукеров Чингис-хана, он участвовал еще в первой интронизации последнего в 1189 г. «§ 120. Днем увидели, что подошли джалаиры — три брата: Хачиун-Тохураун, Харахай-Тохураун и Харалдай-Тохураун, которые двигались всю ночь. Еще тархуты — Хадаан-Далдурхан с братьями, всего пять тархутов. С сыном Мунгету-Кияна — Онгуром чаншиуты и баяуты» (*Rachewiltz I.,de.* Index to the Secret History of the Mongols. P. 122).

[3] *Rachewiltz I., de.* Index to the Secret History of the Mongols.

[4] И С.А. Козин (*Козин С.А.* Сокровенное сказание. С. 112), и И. де Рахевилц (*Rachewiltz I.,de.* The Secret History of the Mongols. P. 54) в своих переводах-интерпретациях пишут, что Чжамуха возглавил 13 племен джадаран. В монгольском тексте нет упоминания таксона (племя) тех тринадцати, которые собрались под эгидой Чжамухи, отмечается только, что какие-то тринадцать групп (общностей?) стали его сторонниками (harban qurban qarin nökücejü), составившими три тумена. Аналогичные группы у Чингис-хана обозначаются как курени (*Rachewiltz I.,de.* Index to the Secret History of the Mongols. P. 54).

Согласно «Сборнику летописей», курень баяут назывался также отогом[1]: «В начальную пору молодости Чингиз-хана, когда у него началась война с племенем тайджиут и он собирал войско, большинство племен баяут было с ним союзниками. Из тринадцати куреней его войска один курень составляли они, он повелел тому племени именоваться утеку (= *отог.* — *Т.С.*)»[2]. Т.е. *güre'en*/отог, обозначаемый именем лидирующего рода — баяут, не был этнически однородным, поскольку как в § 213, так и в § 120, что в его составе находятся и чаншиуты, и другие этнические группы: три тохураута и пять тархутов.

Но одновременно есть свидетельства того, что otoq сохраняет функции клана как унилинейной группы. На это указывает диалог Чингис-хана и Онгура, связанный с награждением последнего: «"Какую же ныне награду ты хочешь?". ... "Если мне дозволено, — отвечал Онгур, — если мне дозволено выбирать, то дозволь мне *собрать воедино братьев* (*старших и младших братьев. — Т.С.*) *моих Баяутов* (baya'ut aqa de'ü-yen ci'ulqasuqai[3]), которые разбросаны и разметаны по всем концам". "Хорошо, — изволил он повелеть, — разрешаю тебе собрать твоих братьев Баяутов. Будь у них тысячником"»[4].

Актуальность рода как коллектива патрилинейных кровных родственников манифестируется участием в общественном социально значимом ритуале, который, как правило, подтверждает и закрепляет границы общности. Когда речь идет о рождении у наложницы Бодончара сына — Джеуредея, исключение его из состава участников ритуала объясняется подозрением о его чужеродности: «§§ 43-44. ...Прежде Джеуредей принимал участие в обряде дзугэли. После смерти Бодончара этого Джеуредея отстранили от [участия в обряде] дзугэли, говоря: "В доме постоянно находился человек [по имени] Аданха-Урянхадай[5], вероятно, [он] его [сын]". Бу-

---

[1] Как показывает материал летописей, термины *отог* и *обог* выступают в одном значении, маркируя определенный уровень социальной структуры. В примечании А.А. Семенова в публикации перевода «Сборника летописей» Рашид-ад-дина написано: «Убаг (или обог, обок) — род... Между прочим, в рукописи В и у Березина вместо слова убаг употреблено тюркское умаг также в значении рода. Слово это то же, что и уймак, иногда произносимое и пишущееся как аймак» (*Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.—Л., 1952: 153).

[2] *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. С. 176.

[3] *Rachewiltz I.,de*. Index to the Secret History of the Mongols. P. 122

[4] *Козин С.А*. Сокровенное сказание. С. 164.

[5] В § 38 именем Аданхан-Урянхаджина называется пленница, ставшая женой Бодончара.

дучи отстраненным от обряда дзугэли, стал владеть родом джэврейт, он стал предком джэуред» (монг. jewüredei urida jügelitü oron büle'e. 44. bodoncar ügei boluqsan-u qoina tere jewüredei-yi ger daru'a adangqa-uriangqadai gü'ün alu'a te'ün-ü'ei bui-je ke'egü jügeli-dece qarqaju jewüreyit oboqtu bol<u>qaju jeüred-ün ebüge tere bol<u>ba[1]).

Еще одним примером того, что oboq выступает в функции маркера кровного родства, служит описание победы Чингис-хана над чжуркин: «тех, кто принадлежал роду чжуркин, уничтожил, а людей (или племя) Чингис-хан сделал *своей собственностью*» (jürkin oboqtu-yi ülitkeba irgen-i ulus-i inu cinggis-qahan *ö'er-ün emci* irgen bolqaba[2]). Следует обратить внимание на идентичность контекста, когда описывается одна модель: уничтожаются противники (правящая элита — тайджиуты и чжуркинцы), а входившие в состав политии иноэтничные группы становятся собственностью победителя. Хотя чжуркинцы упоминаются как род (jürkin oboq), в данной ситуации подчеркивается принадлежность к коллективу кровных родственников, как и в случае с тайджиутами, где упоминаются их линиджи (*yasu[n]* и *uruq*).

Таким образом, можно говорить о том, что термин oboq использовался и как маркер кровнородственной группы, и для обозначения этнически смешанной структуры — локальной группы, обозначаемой этнонимом лидирующего рода с наследственным правителем во главе. Именно поэтому называние прибывших к Темучжину в 1189 г. куреней *güre'en* производится через перечисление имен глав лидирующих групп. Данная социально-политическая единица, маркируемая именем (этнонимом) лидирующего рода с институциализированной властью наследственных лидеров, в которых власть имела преимущественно военный характер, вероятно, представляла собой полиэтничный социально-потестарный союз. Однако вышеупомянутый случай с баяут является примером именно того, что термин oboq в соотношении с *güre'en* прежде всего маркировал ядро — группу, связанную кровным родством: все баяуты — старшие и младшие братья. Обозначение *güre'en* баяутов как оток — единственный известный нам случай, который, вероятно, отсылает нас ретроспективно к его первоначальному значению.

И. де Рахевилц проанализировал предложенные исследователями интерпретации данного термина: «*Güri'en* (~*güre'en* [this is the most frequent form], mo. *küriye*[*n*]), lit. "circle" (Pelliot's "en-

---

[1] *Rachewiltz I.,de.* Index to the Secret History of the Mongols. P. 20

[2] Ibid. P. 60, § 139

clos"...), was "an encampment around which the carts are drawn up in the form of a circle for protection"... Rašīd al-Dīn explains that the *kūrēn* (=*küriyen*) was made up of "many tents pitched on the steppe forming a circle"... In contrast to the *ayil* which ...was composed of one or more tents belonging to the single family, the "circular camp" was a larger conglomeration of tents belonging to different households, thus comprising various *ayils*, which in time of warfare became a fortified military camp. Old people, women and children were sheltered within the inner ring, as were the valuable, victuals and weapons. These large camps eventually came to designate tribal units which, in Mongol military system, were assimilated to sections or wings of the army. The tern *güre'en* (*küriyen*) has therefore different connotations pertaining to the social economic and military organization of semi-nomadic tribs of Mongolia as these evolved in the time of Činggis Qan in the 12th-13th centures»[1].

Güre'en был не только формой поселения или формой организации армии в войне, но и единицей социальной структуры формирующейся политии, что и отметил И. де Рахевилц. С одной стороны, *güre'en* был связан с родовой организацией (oboq), поскольку практически во всех случаях состав куреней маркировался через этнонимы и имена глав родов. С другой стороны, мы встречаем употребление *güre'en* с другим таксоном социально-потестарной иерархии — *irgen*. Когда Чингис-хан отправился на поиски украденных у них восьми меринов, ему вызвался помочь Боорчи. Они шли по следам, «205. ...достигли одного куреня-иргэн (монг. güri'en irgen), восемь соловых паслись на границе того большого куреня (güri'en)»[2]. Как мы видели на примере четырех сыновей Дува Сохора, *irgen* представлял собой союз нескольких обоков.

Рашид-ад-дин перечисляет тринадцать куреней — те владения, которые получили в уделы его родственники. В качестве примера можно упомянуть некоторые güri'ens «Пятый и шестой: Сыновья Соркукту-Юрки, Сэчэ-беки и сын его дяди по отцу, Тайчу, и племена джалаир. Соркукту ... [племя] кият-юркин принадлежит к его потомству; из его уруга был эмир Нурин... Восьмой: Дети Мунг[эд]у-Кияна Чаншиут и [его] братья, которые суть двоюродные братья Чингиз-хана, и племя баяут из дарлекин, предводитель их — Онгур»[3]. В качестве примера можно рассмотреть пятый курень — джалаиров, состав которого нам известен из § 120: джалаиры (пле-

---

[1] *Rachewiltz I., de.* The Secret History of the Mongols. P. 387

[2] Ibid. P. 117.

[3] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. С. 84-86.

мя, получившее имя по лидирующему роду) включали в себя еще и тохураунов и тархутов (oboqs), которые в свою очередь состояли из линиджей (uruqs), обозначенных именами их лидеров. На то, что это уруги, указывает имя одного из них — Харалдай-Тохураун, т.е. владеющий линиджем «хара» рода тохураун.

Несколько уругов, состоящих из айлов кровных родственников, складывались в роды, на что указывает употребление этнонима лидирующего рода. Роды, как завоеванные, так и добровольно присоединившиеся к более успешному лидеру, составляли совокупность, именуемую курень-иргэн, которую можно обозначить термином *племя*, имея в виду его второе значение — как специфическую форму *социальной организации* (надобщинная потестарно-политическая структура). [1] Таким образом, следует отметить важнейшую черту термина *güre'en* — неопределенность его границ. *Güre'en* мог определяться как маркером *oboq* в его значении локальной гетерогенной группы, так и понятием *irgen* в качестве специфической формы *социально-политической организации* (some form of *political unit*).

Можно говорить о том, что собственно аборигенная иерархия идентичностей представлена в цитируемом отрывке: "dörben kö'üt inu dobun mergen abaqa-yu'an *uruq*-a ülü bolqan ...Dörben *oboq*tan bolju Dörben *irgen* tede bolba". Эта аборигенная модель является механизмом социализации членов сообщества, легитимизации социальных, политических и даже экономических отношений, существующих в монгольском обществе в эпоху Чингис-хана. Это и позволило мне прийти к следующему выводу.

Сложность интерпретации терминов социальной структуры состоит в том, что одними и теми же терминами обозначались как таксоны, маркирующие кровное родство, так и таксоны потестарной структуры: *уруг* — это и линидж, и минимальная хозяйственно-экономическая единица (уруг/ауруг); *обог* — род и как коллектив кровных родственников, и как территориальное (территориально-административное) сообщество, осуществлявшее общую экономическую деятельность; *иргэн* — это таксон, маркирующий племя двух видов: как один из типов *этнических общностей* (совокупности родственных родов) и как специфическая форма *социальной организации* (надобщинная потестарно-политическая структура). Причем в последнем значении термин *иргэн* мог обозначать как вождество, так и политию. Двойственность терминов языка описываемой куль-

---

[1] *Крадин Н.Е., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. С. 95-100

туры, в данном случае политической, породила и заблуждения исследователей в интерпретации социальных феноменов, поскольку зачастую при их реконструкции анализ социальной структуры строился на выявлении взаимосвязей межу таксонами разного ряда. В данной статье я предложила детализированную и не столь жесткую модель, реконструированную с учетом идеи А.М. Хазанова о недифференцированности терминологического обозначение структурных элементов общественного устройства Монгольского улуса.

Анализ текста «Сокровенного сказания» позволяет утверждать, что следует рассматривать термин *обог* как маркер, используемый для обозначения двух различных субъектов. С одной стороны, и, возможно, в первую очередь, этим термином обозначались патрилинейные родственные группы. Этот термин маркирует кровно-родственные связи (и именно это прежде всего) и, соответственно, может обозначать род как расширенную группу кровных родственников, состоящую из нескольких линиджей нескольких поколений. Причем территориально род может расселяться как локально, что скорее относится к части рода, так и дислокально. Последнее происходило во все времена и повсеместно, что было обусловлено как тем, что размеры территории могли уже не соответствовать (не вмещать) расширившейся общности, так и конфликтами между ее членами. Группы, отколовшиеся от основного рода и сохранявшие первоначальное имя, могли входить в другие объединения.

Соответственно, с другой стороны, этим термином *обог* стали обозначаться и социально-экономические субъекты, часто состоявшие из хотя и родственных (и не только родственных), но не принадлежавших к одному роду, групп, связанных хозяйственной деятельностью, т.е. территориально-административный род. Все члены «рода» (*обога*) данного типа, сохраняя и собственное родовое наименование, одновременно носили имя рода-ядра.

Представляется важным, что наряду с общеизвестными терминами, обозначавшими линидж (*уруг*, *ясун*), в тексте «Сокровенного сказания» следует выделить и другие — *токум*, *болок*/*булэк*, имеющее то же значение.

Можно говорить о полисемантичности знаков традиционной культуры: с одной стороны, один и тот же феномен обозначается рядом терминов (линидж — tögüm, bölög, uruγ, yasun), с другой, один термин может означать разные феномены (tögüm, bölög, uruγ, yasun — и семья, и линидж; yasun — линидж, род; oboγ — род как коллектив кровных родственников, и как административно-территориальное сообщество). Это можно объяснить как полиэт-

ничностью образующихся сообществ, так и нестабильностью их границ.

Можно сказать, что монгольский материал подтверждает следующую мысль А.М. Хазанова: «Сами кочевники, прекрасно осознавая многоступенчатость и иерархичность своей социальной структуры, тем не менее пользуются для обозначения ее соответствующих звеньев (сегментов) весьма недифференцированной терминологией, и отчасти это связано с их неполной функциональной дифференцированностью и изменчивостью»[1].

Литература

Балдаев С.П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ, 1959.

Буряадай туухэ бэшэгуудэ. (Бурятские исторические хроники). Сост. Ш.Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ, 1992.

Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.—Л., 1941.

Косвен О.М. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Крадин Н.Е., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006.

Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монгольского, введ., комментарий и приложения Н.П. Шастиной. М.: ГРВЛ, 1973. (Памятники письменности Востока. X)

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.—Л., 1952.

Рыкин П. Социальная группа и ее название в среднемонгольском языке: понятия *irgen* and *oboq* // Антропологический форум. 2004, № 1.

Скрынникова Т.Д. Этнотопоним Баргуджин-токум // История и культура народов Центральной Азии. Источниковедение. Сборник статей. Улан-Удэ, 1993.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М. Наука. 1997.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. СПб.: Филологический факультет СпбГУ, 2008

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.

Щапов А.П. Бурятская улусная родовая община // Известия ВСОРГО. 1875. Т.5. № 3-4.

Altan Tobči. A Brief History of the Mongols by bLo-bzań bsTan-'jin with a Critical Introduction by The Reverend Antoine Mostaert, C.I.C.M. *Arlington, Virginia* and An Editor's Foreword by F.W. Cleaves.

[1] *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. С. 153.

Harvard-Yenching Institute. Scripte Mongolica 1. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 1952.

Kempf B. Kalmyk — Semantical Categories of Turkic Elements in Kalmyk // Oirad and Kalmyk Linguistic Essays. Ed. Agnes Birtalan. 2012. P. 134-162.

Rachewiltz I., de. The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth Century. Translate with a historical and philological Commentary by Igor de Rachewiltz. Leiden-Boston, 2004.

Rachewiltz I. de. Index to the Secret History of the Mongols. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Bloomington, 1972, vol. 121.

Rhum M. Clan // The Dictionary of Anthropology /Ed. by Thomas Barfield. Blachwell Publishing Company, 1997.

Sneath D. Tribe, Ethnos, Nation: Rethinking Evolutionist Social Theory and Representations of Nomadic Inner Asia // Ab Imperio. 2009, № 4. P. 80-109.

С.Д. Сыртыпова
(ИПЭЭ РАН, Москва)

Искусство выколотки по металлу в Монголии: *ХӨӨМӨЛ* от средневековья до наших дней

Кочевой быт, продиктованный резко-континентальным климатом, аридными условиями и оголенными почвами в Монголии предполагает сохранение человеком постоянной мобильности, а стало быть, экономность в потреблении, использование в быту предметов прочных, компактных по форме, легких на вес, хорошо поддающихся утилизации. Экологичность и простота в утилизации предметов для представителя кочевой культуры были очень важны – место стоянки после откочевки должно оставаться чистым, и это закон, который соблюдался тысячелетиями. Поэтому во всем, где это было возможно, предпочтение веками отдавалось предметам из органических материалов. И все же там, где прочность и долговечность в использовании была важнее, органику вытеснил металл.

Современный мир, в особенности исследователи Центральной Азии и коллекционеры, прекрасно знакомы с шедеврами изобразительного и прикладного искусства монгольских народов, выполненными из металла. Непревзойденными шедеврами остаются образцы буддийской скульптуры Дзанабазара (1635-1723), крупнейшего политического и религиозного деятеля Монголии, которого искусствоведы заслуженно называют «монгольским Микеланджело». Бронзовые изображения Пяти Дхъяни Будд, Белой и Зеленой Тары, 21 Тары и другие его работы признаны во всем мире как уникальные творения, воплотившие духовное величие и красоту просветленного сознания в зримых формах идеальной физической красоты. Знаменитые скульптуры буддийских божеств Дзанабазара Ундур-гэгэна были выполнены бронзовым литьем. Это дорогой, ресурсозатратный и технологически сложный способ, который в условиях кочевой Монголии был под силу незаурядному человеку на

уровне правителя. Однако и в таком случае, шедевры не рождаются вдруг, без предпосылок и причин.

Уникальные образцы художественных изделий из металла, выполненные монгольскими мастерами в разное время, предполагают существование древней и длительной традиции добычи и обработки металлов: золота, серебра, меди, олова, свинца, железа и др. Виды деятельности, связанные с обработкой металлов у монгольских народов, являлись наследственными, передавались из поколения в поколение внутри рода, члены которого считались одаренными свыше: *darqan-u uγ-tu* — т.е. имеющие дарханские корни, происходящие из рода *дарханов*. Дар небес, ниспосланный *дарханам* (кузнецам, мастерам), связанный с искусством обращения с огнем и металлом — darqan-u uγ — считается более сильным и сакральным нежели шаманский дар и наследственность (bŏg-e udaγan-u uγ). Неслучайно, позднее, в средние века, слово *дархан* стало использоваться для обозначения обособленности, заповедности и даже кастовости[1].

Результаты археологических исследований свидетельствуют о существовании металлургии в кочевой культуре Центральной Азии в I тысячелетии до н.э. По свидетельству археологов Д. Цэвэндоржа, Н. Баарай, Д. Наваана, Д. Пэрлээ и др., центры древней металлургии бронзовой эпохи обнаружены в Увс аймаке Цагаанхайрхан сомоне, Омноговь аймаке Булган сомоне, Сухбаатар аймаке Мункхан сомоне и др. Судя по многочисленным находкам остаточного металлургического материала, шлака и пр., эти центры специализировались на бронзовом литье[2].

IV-III веками до н.э. датируется один из самых ранних на территории Монголии центров железоплавильной деятельности в Омноговь аймаке, сомонах Номгон и Ханбогд. Археологические памятники эпохи хунну (Ноён-уула, Ильмова падь, Иволгинский

---

[1] Так во времена Хубилай-хана (1215-1294) своего рода кастовый характер получила социальная прослойка из 500 привилегированных семей *дархатов* – хранителей великоханских реликвий, выполнявших ритуалы культа Чингис-хана — «восьми белых юрт» (naiman čaγaan čomčoγ), которые освобождались от государственных налогов и податей (см.: *Жамцарано Ц.* Культ Чингиса в Ордосе (Из путешествия в Южную Монголию в 1910 году) // Central Asiatic Journal. 1961, vol. VI, №3. С. 194-234). Природные заповедники, существующие в Монголии «дэ юре» с 1778 г., называются *дархан цааст газар* – заповедные, лицензированные места.

[2] *Пэрлээ Х.* Монголын нуудэлчдийн металлурги боловсруулалтын асуудалд //Studia Archeologica. 1982. Tomus IX. P. 255-293.

комплекс[1], Гол Мод в Архангае, Ордос и др.) содержат металлические предметы, изготовленные в технике выколотки по металлу (Рис. 1, 2).

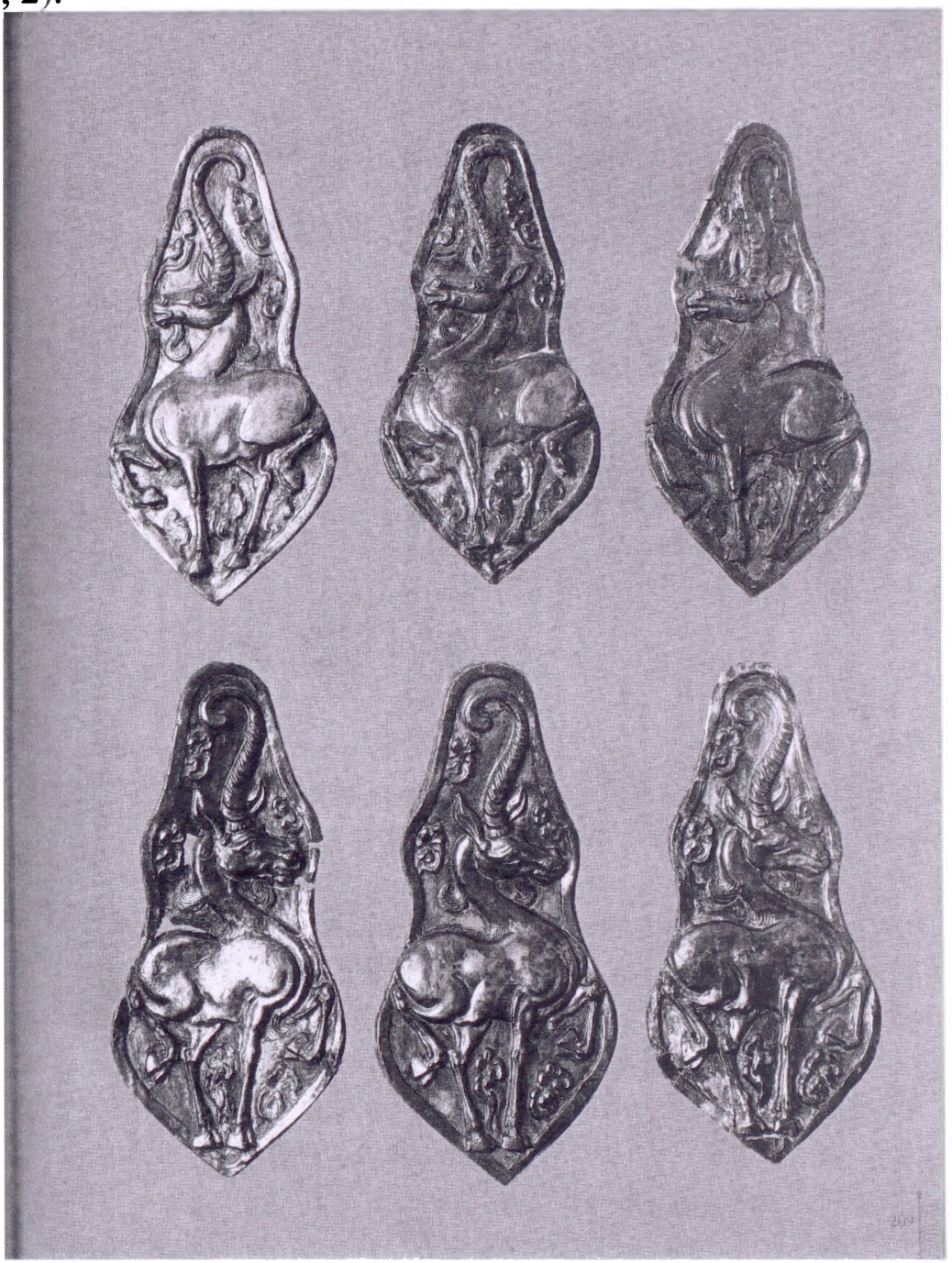

Рис. 1. Мифический единорог.
Выколотка, серебро, позолота. 14,3х7см. Архангайский аймак. Гол-мод, курган №20. Захоронения хуннуской эпохи. Материалы монголо-американской археологической экспедиции (Treasures of the Xiongnu. Хуннугийн өв. P. 304-305).

[1] *Давыдова А.В.* Иволгинское городище. (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье). // Советская археология XXV. 1956. С. 273-274; *Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.-Л.: 1962.

Рис. 2. Мифическая птица с ликом зверя. Выколотка, бронза, позолота. Гол-мод-2 - Архангайский аймак, Ундэр-Улаан сомон. Захоронение хуннуского правителя. Материалы монголо-американского проекта 2001 г. (Treasures of the Xiongnu. Хуннугийн өв. P. 304-305)

Со второй половины VI в. и до начала X в. в течение 400 лет Тюркский, Уйгурский, Киргизский каганаты продолжали традиции металлического производства. В Орхонской долине, колыбели тюркских каганатов, сохранились замечательные образцы металлических изделий, выполненных в технике выколотки. Широко известны золотая корона, инкрустированная рубинами, серебряный олень и серебряные кувшин и чаши из мемориального комплекса Билге-кагана и Культегина, выполненные выколоткой. В этих изделиях хорошо видны различия в технологии выколотки: если корона была сделана с жесткой матрицы, кувшин путем разгона металла на мягкой, вероятно, песчаной, подушке, то олень выполнен в сложной, смешанной технике, с использованием отлива мелких деталей, спайки частей, декоративной гравировки и подчеканки (Рис. 3, 4, 5).

В эпоху расцвета киданьской империи мастерство художественной обработки металла достигло высочайшего уровня. Монголы являются этническими наследниками и культурными преемниками киданей, лучшие достижения монголов имперского периода имели свои предтечи и стали продолжением традиций империи Ляо. Об этом безмолвно, но выразительно свидетельствуют сохранившиеся артефакты ляоского и юаньского наследия.

Рис. 3. Золотая корона Билге-кагана. Выколотка, золото. Мемориальный комплекс тюркской эпохи VI-VIII вв. Увэр-Хангайский аймак, Хархорин сомон. Выставка.

Рис. 4, 5. Серебряный кувшин и серебряный олень. Выколотка. Мемориальный комплекс тюркской эпохи VI-VIII вв. Увэр-Хангайский аймак, Хархорин сомон.

Предметов киданьской империи сохранилось, по счастью, репрезентативно много, однако, к сожалению, в настоящее время они рассеяны в самых разных, музейных и частных коллекциях по всему миру, и вероятно еще очень многое остается не опубликованным. Особенно примечательны погребальные маски киданьских правителей, обладающие невероятным эмоциональным воздействием на зрителя. Погребальные киданьские маски с головными уборами скреплялись с металлическим сетчатым погребальным костюмом. Один из самых известных в настоящее время образцов погребального киданьского комплекта хранится в Парижском музее Чернуски (Рис. 6, 7).

Рис 6. Погребальная маска. Бронза, позолота, выколотка. 24.1 x 21.5 см. MC 2001-8. Головной убор с изображениями фениксов. 23.7 x 28.3 см. MC 2001-9. Бронза, позолота, выколотка. Начало XII в., Династия Ляо (907 - 1125). Внутренняя Монголия, Ляонин. Музей Чернуски, Париж. Выставка.

О том, что изготовление погребальных масок у киданей носило характер автохтонной традиции, говорит их огромное количество, обнаруженных из различных уголков государства Ляо. Кроме того, средневековые китайские письменные источники свидетельствуют об изготовлении у северных соседей посмертных золотых образов правителей и их жен. В *Цидань го чжи* говорится: «Когда правитель умирает, устанавливается большая юрта, а из золота отливается его изображение, перед которым в дни новолуния и полнолуния, в дни праздников и в дни кончины императора и императриц приносятся жертвы»[1]. Судя по качеству дошедших до нас погребальных масок, изображения правителей прекрасно передавали индивидуальные, портретные черты их прообразов. Глаза на киданьских масках обычно закрыты, в отличие, например, от редчайших масок из древнегреческих колоний Северного Причерноморья (гробница Рескупорида), датируемых III-IV вв. н.э.

[1] Цидань го дзи: 315 (*Е Лун-Ли*. История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. В.С. Таскина. М.: ГРВЛ, 1979).

Рис. 7. Погребальная маска. Бронза, позолота, выколотка. 23 х 21.1 см. МС 2001-4. Головной убор. 24.1 х 21.5 см. МС 2001-5. Бронза, позолота, выколотка. Имеет форму парадной, зимней, стеганой шапки киданьских сановников, декорирован изображениями китайских мандаринок. Начало XII в., Династия Ляо (907 - 1125). Внутренняя Монголия, Ляонин. Музей Чернуски, Париж. Выставка.

Согласно *Ляо-ши*[1], на горе Муешань родоначальнику империи Абаоцзи (872-926) был сооружен мавзолей там, где он был похоронен. С тех пор вся окрестность стала называться Цзучжоу — Областью предков, так как это было местом рождения отца, деда, прадеда и прапрадеда Абаоцзи, и вероятно, оно получило особый статус заповедника. В северо-западной части главного города этой области, окруженного стеной без бойниц высотой в два чжана и длиной в девять ли[2], находился внутренний город. В его пределах, в дворцовых зданиях имелись специальные залы, где стояли изображения отца Абаоцзи, изображение самого Абаоцзи, отлитое из серебра, а также хранились оружие, вещи и одежды Абаоцзи, оставшиеся со времен, когда он еще не был императором. «В пяти ли к западу от города находилась гора Цзушань, на которой стоял храм в честь Абаоцзи. В храме хранились его сапоги. В этой же горе была

---

[1] *Ляо-ши* – «История династии Ляо» была написана в 1343-1344 гг.

[2] Единица измерения 1 чжан = 3,2. м., 1 ли = 500 м., 1чи = разным значениям от 0,175 до 0,308 м. См.: *Березкина Э.И.* Математика древнего Китая. М.: Наука, 1980.

выкопана могила Абаоцзи, и над ней возвышался зал Миндянь», говорится в *Ляо ши*[1]. Е Лун-ли, закончивший свою «Историю государства киданей» (*Цидань го чжи*) в 1180 г., писал, о том, что в его время там сохраняется храм, где «все еще находятся сапоги Тай-цзу длиной более четырех-пяти чи»[2].

Рис. 8. Корона с изображением пламенеющей драгоценности и пары фениксов. Выколотка, медь, позолота. Высота 18,5 см. Киданьская империя Ляо (907–1125). (Arts of India, China, the Himalayas and Southeast Asia. Catalogue of Exhibition 1-10 November, 2012 // www.asianartinlondon.com).

Тема чудесного феникса[3], приносящего благоденствие правителю и его народу, отмеченная ранее в предметах пользования хунну и тюрков, остается востребованной в погребальном убранстве и инвентаре и в период империи киданей. Сюжеты с мифической птицей, обладающей бессмертием солнца, повторяются в золоченой короне, а также изголовной бронзовой подставке (Рис. 6–9). На примере предметов из древнемонгольской столицы Хархорина (Рис. 10, 11) мы увидим, что мода на фениксов сохранялась и в период возвышения монголов[4].

---

[1] *Ляо ши,* гл. 37, л. 6а-6б, по: *Таскин В.С.* «История государства киданей» как исторический источник // *Е Лун-Ли.* История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. В.С. Таскина. М.: ГРВЛ, 1979. С.364-365

[2] *Цидань го дзи*: 53 (*Е Лун-Ли.* История государства киданей (Цидань го чжи)).

[3] Мифический образ чудесной птицы, называемой нами феникс (фенхуан), известен как тотем иньских племен (п-о Шаньдун) уже в XV в. до н.э., он также, очевидно, связан с солярным культом. Его появление считалось благим признаком, предвещающим процветание в стране. Позднее, пара фэнхуан с драконом стали символами императорской супружеской четы, как гармоничное сочетание инь-ян.

[4] Любопытно, что на золотом браслете из Хархорина кроме феникса изображен оскаленный лик еще одного существа с выдающимися клыками и небольшими острыми ушами, похожий на маску киртимукхи, но вполне вероятно, что это изображение волка, мифического предка монголов и тюрков, традиционного про-

Рис. 9. Изображение на подушке «Пара фениксов и пламенеющая драгоценность». Дерево, золото, выколотка. 10,1 х 37,8 х 23,2 см. Династия Ляо (907–1125). Внутренняя Монголия, КНР. Музей Чернуски, Париж.

Использование столь изысканных предметов говорит о богатстве и вкусах элиты средневекового общества, достигшего небывалой власти и размаха.

Рис. 10. Браслет с изображением феникса и демоническими ликами хранителей. Выколотка, золото. Хархорин, эпоха Юань, XIV в. (Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen. Katalogbuch zur Ausstellung. Bonn, 2005).

Народ монголо-тунгусского происхождения, известный под именем киданей, отмечается китайскими летописцами с IV в. н.э., как кочевники, проживавшие на землях по берегам реки Шара-мурэн[1].

водника кочевника в потусторонний мир, а также мужского символа мужской доблести.

[1] *Кычанов Е.И.* Солнечные кидани: Абаоцзы и Шулюй // *Кычанов Е.И.* Властители Азии. СПб., 2004. С. 111.

Рис. 11. Бронзовая матрица для выколотки с изображением феникса. Хархорин, эпоха Юань, XIV в. (*Pohl E., Erdenebat U.* The Crossroads in Khara-Khorum. Excavations at the Center of Mongol Empire // Chingis Khaan and the Mongol Empire. Ed. by W. Fitzhugh, M. Rossabi, W. Honeychurch. Houston Museum of Natural Sciences, 2009. P. 143).

Во времена своего могущества X-XI вв. империя киданей Ляо занимала территорию, которая «включала бескрайние степи и пустыни, плодородные земли по берегам Ляохэ и в Северном Китае, лесные районы Маньчжурии, прекрасные пастбища и рощи той части Автономного района Внутренняя Монголия, которая составляла провинцию Чахар (Жэхэ). Именно здесь был с древности центр размещения киданьских племен»[1]. Киданьский император Тай-цзун (Абаоцзы 872-926) «в результате военных побед сам возвел на китайский престол угодного ему императора, который официально признал его отцом, а себя сыном, что выражает, по китайским понятиям, отношения подданного к государю. Другими словами, впервые в своей истории Китай признал чужеземное господство»[2].

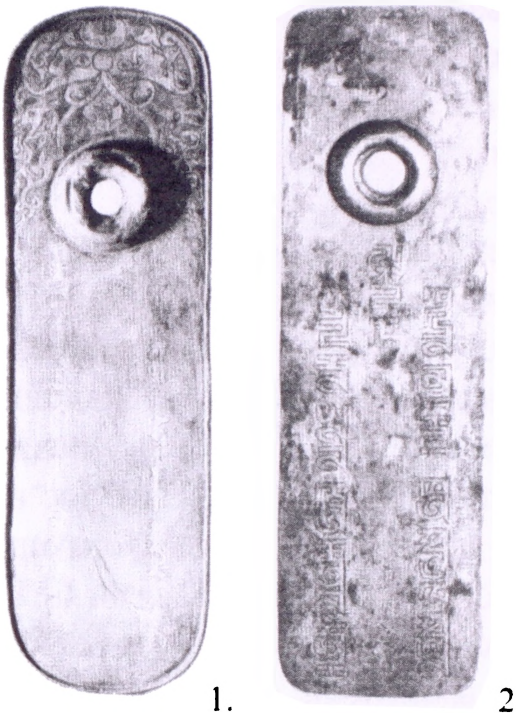
Позднее, монголы, создавшие еще более могущественную и обширную империю, сполна использовали опыт ведения войн и искусство управления завоеванными странами и народами, отработанный киданями в империи Ляо. Несомненно, огромную роль в успехе военных операций и управленческой политики Чингис-хана и его ближайших потомков сыграла блестяще организованная почтовая или уртонная служба (ürtege), скорость доставки информации которой для своего времени была просто стремительной. Послания Великого хана в течение трех суток могли достичь 6000 км, т.е. всех

---

[1] Там же. С. 112.

[2] *Таскин В.С.* «История государства киданей» как исторический источник // *Е Лун-Ли.* История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. В.С. Таскина. М.: ГРВЛ, 1979. С. 15.

самых удаленных окраин империи[1]. Беспрепятственному продвижению вестей способствовала *пайдза* — специальная верительная грамота, имевшая статус государственного мандата на всей подвластной монголам территории, которую получали послы и гонцы с депешами.

1. 2.

Рис. 12. Серебряные пайдзы Монгольской империи. 12-1. Пайдза, серебро, позолота, выколотка. СПб., Кунсткамера. Надпись гласит: «Силой Вечного Синего Неба, милостью Великого Их суу. Кто не подчинится с поклоном Амуудале [Абдулле], тому – смерть». 12-2. Пайдза, серебро, позолота, выколотка. 29,5х8,5 см. СПб., Эрмитаж. Надпись: «Силой Вечного Синего Неба. Да славится имя Мункэ-хана, кто не почтит, того убить». Аналогичная серебряная пайдза Мункэ-хана (29,2х7,9 см.) хранится в Институте культурных реликвий и археологии во Внутренней Монголии КНР (*Watt James C.Y.* The World of Khubilai Khan. Chinese Art in the Yuan Dinasty. The Metropolitan Museum of Art. New York—New Haven—London. 2011. P. 6).

Идея и технология изготовления *пайдзы* уже существовала у киданей, и возможно даже у гуннов, и связана она была именно с почтовым делом. *Пайдза* у киданей представляла собой серебряную дощечку с двумя вырезанными киданьскими знаками «следует спешить»[2].

---

[1] *Чултэмсурэн П.* Монголын хууль гурав хоногт ба өртөө улааны алба // ШУА ХЗХ Аман зохиол судлал. Улаанбаатар, 2007. х.133-143.

[2] Как сообщается в *Цидань го цзи*, «гонец, имеющий дощечку, проезжает на лошадях несколько сот ли в один день. Куда бы он ни приезжал, дощечка рассматривается как [знак] личного прибытия главы государства, поэтому все необходимое гонцу заменяется вне очереди, и никто не смеет отказывать ему» [Цидань го дзи,

Пайдзы — монгольские верительные грамоты, мандаты для послов, гонцов высокого ранга, изготавливались из драгоценных металлов — серебра, в особых случаях из золота, также в технике выколотки с гравировкой (Рис. 12). Их легитимность распространялась на все государства, подвластные монголам. В Этнографическом музее Внутренней Монголии есть один из редчайших экземпляров золотой монгольской пайдзы.

В эпоху Великой Монгольской империи благодаря интенсивному этно-культурному взаимообмену ремесла переживают новый этап своего развития. Древняя столица Монгольской империи Кара-Корум (Хархорин) в XIII в., по мнению С.В. Киселева, была «прежде всего, металлургической военной базой государства. На это указывают анализы кара-корумских изделий, произведенные в Институте стали в Москве. Интересными оказались образцы белого чугуна и стали»[1]. Подтверждением служат все новые и новые археологические находки в древней столице Монголии[2]. Одним из образцов золотых дел Хархорина служит золотой браслет с изображением феникса и звериной оскаленной морды, а также найденная здесь же бронзовая форма для выколотки, с которой был сделан браслет (Рис. 10, 11.) Присутствие матрицы говорит о тиражированном местном производстве, а не индивидуальном предназначении браслета. Вероятно, трактовка изображений также носила уже более общий и местный характер, нежели китайские символы имперского величия. Поэтому вполне вероятно, что оскаленная морда на браслете является уже не «ликом славы» киртимукхи, а ликом степного волка, родового тотема некоторых монгольских и тюркских племен, а также символа мужской доблести.

331]. Авторы официальной истории *Ляо ши* даже сообщают о размерах дощечки – один чи, и их количестве – двести штук. «Когда в государстве случались важные дела, император лично вручал гонцам дощечки, по которым им предоставлялось нужное количество почтовых лошадей. Если почтовых лошадей не хватало, они заменялись другими лошадьми. По закону за день и ночь гонцы должны были проезжать семьсот или пятьсот ли.... Когда гонец возвращался, император сам принимал дощечку и лично осматривал ее. Затем она уносилась и хранилась...» [Ляо ши, гл.57, л.3а – по: *Таскин В.С.* «История государства киданей» как исторический источник // *Е Лун-Ли.* История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. В.С. Таскина. М.: ГРВЛ, 1979. С. 545].

[1] *Киселёв С.В.* Древние города Монголии // Советская археология. 1957, № 2. С. 91-101.

[2] *Pohl E., Erdenebat U.* The Crossroads in Khara-Khorum. Excavations at the Center of Mongol Empire // Chingis Khaan and the Mongol Empire. Ed. by W. Fitzhugh, M. Rossabi, W. Honeychurch. Houston Museum of Natural Sciences, 2009. P. 143-144.

Особенно богатым на изделия из драгоценных металлов был период Золотой орды, предметы которой обнаруживаются повсеместно от китайской провинции Шэньси, Ордоса Внутренней Монголии КНР до евразийских степей Ставрополья, Крыма и даже Болгарии и хранятся во многих музеях мира. Наиболее известны золотые кубки, поясные чаши-ковши, украшения чингисидов-золотоордынцев в Эрмитаже, в России и музеях КНР (Рис. 13-18).

Рис.13. Золотой бокал 14,3 см. XIV в. Выколотка. Этнографический музей Внутренней Монголии КНР. (*Watt James C.Y.* The World of Khubilai Khan. P. 6).

Рис.14-15.
1. Золотой бокал 13 см. XIII в. СПб. Эрмитаж, Золотая кладовая. Инв. Ski-588. (*Крамаровский М.Г.* Сокровища Золотой Орды (каталог выставки). СПб., 2001).
2. Золотой бокал, 12,6 см. XIII в. Выколотка. СПб. Эрмитаж, Золотая кладовая. Инв. Ski-587 (*Крамаровский М.Г.* Сокровища Золотой Орды).

Вариант чаши-ковша с плоской горизонтальной ручкой бытовал у киданей, чжурчжэней и тангутов и представлен в России находкой 1876 г. на реке Иртыш Тобольской губернии[1]. Плоская с фестонча-

[1] *Крамаровский М.Г.* Сокровища Золотой Орды (каталог выставки). СПб., 2001; *Неглинская М.А.* О стилевых тенденциях в архитектуре, изобразительном искусстве и ремесле эпох Юань и Мин // Общество и государство в Китае: Т. XLII, ч. 3. / Ученые записки ИВ РАН. Отдел Китая. Вып. 7 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. М.:

тым краем ручка, закреплённая горизонтально у верхнего борта, украшена рельефными изображениями цветов и пары уток-мандаринок (Рис. 17).

Рис 17. Серебро, позолота, выколотка, 10,5 см. Великое монгольское государство или Улус Джучи, XIII в., золоченое серебро, выколотка, чеканка. 10,5 см. XIII в. СПб., Эрмитаж. Инв. № Ski-597. Найдена в 1876 г. на р. Иртыш (*Крамаровский М.Г.* Сокровища Золотой Орды).

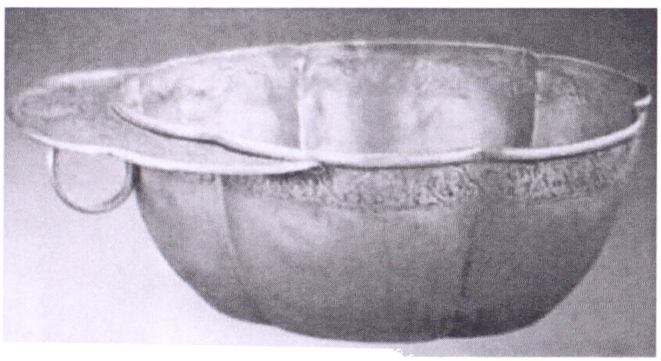

Рис. 18. Поясная чаша. Золото, выколотка. Этнографический музей Внутренней Монголии КНР (*Watt James C.Y.* The World of Khubilai Khan. P. 6).

Особое развитие художественная обработка металла, в том числе выколотка получила в период активного распространения буддизма и все большего его слияния с правящей политической элитой Монголии в XVII-XVIII вв. Львиную долю заказов формируют культовые предметы, ритуальный инвентарь, украшения алтарей, а также и образа будд, бодхисаттв и буддийских божеств. Художественный гений Дзанабазара Ундэр-гэгэна (1635-1723) состоял в том, что ему удалось вписать в математически строгие, канонизированные рамки буддийский иконографии живой идеал физической красоты человека, вдохнув в него силу монгольского духа захватывающей глубины. Мы не знаем, делал ли сам Ундэр-гэгэн выколотку по металлу, во всяком случае, в настоящее время таких предметов

ИВ РАН, 2012. С. 395-433; *Watt James C.Y.* The World of Khubilai Khan. Chinese Art in the Yuan Dinasty. The Metropolitan Museum of Art. New York—New Haven—London, 2011.

нами не обнаружено. Хорошо известно, что массовое изготовление буддийской скульптуры выколоткой было организовано с начала XIX во Внутренней Монголии, в местности Долоннор, где работали наемные ремесленники, в том числе много китайцев. Это производство должно было обеспечить широкий спрос в недорогих образах, их изделия не отличались высокими эстетическими и качественными стандартами.

К сожалению, приходится констатировать факт гибели большей части культовых предметов в период атеистических гонений на религии в XX столетии. До сих пор по существу не оценен монгольский вклад во II мировой войне с фашизмом, когда тонны цветного металла буддийской скульптуры были переплавлены на военные нужды советской армии. Вещи, изготовленные выколоткой, были подвержены уничтожению гораздо легче, нежели литые, тем не менее, кое-что удалось сохранить в храмовых и частных коллекциях. Классические древнеиндийские культовые символы получили широкое признание в монгольских степях и тиражировались для многократного использования на алтарях. Сегодня их лучшие образцы можно обнаружить не только в буддийских храмах и монастырях, но и во многих частных коллекциях. Как например, алтарные украшения сокровище-лошадь и сокровище-слон из комплекта «Семь сокровищ царя-чакравартина», выполненные выколоткой по меди с позолотой, высота 56 см. Монголия, XVII-XVIII в. (Рис. 19, 20, 21).

Рис. 19. «Восемь благих знаков» и «Семь сокровищ чакравартина». Серебро, позолота, выколотка, 64 х 24 см. XVIII в. Хархорин, работа неизвестного мастера. Монастырь Эрдэнэ-дзу, № Nr-65-1162.

Рис. 20. Дхармачакра. Литье, серебро. Мастер Лувсандагзан, XIX в.

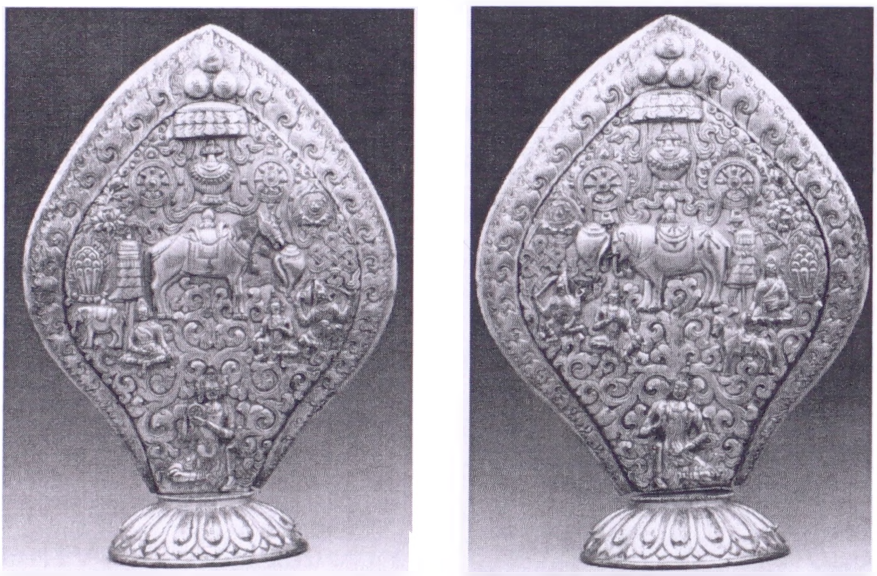

Рис. 21. Алтарные украшения сокровище-лошадь и сокровище-слон из комплекта «Семь сокровищ царя-чакравартина». Выколотка, медь, позолота, высота 56 см. Монголия, XVII-XVIII в. Частная коллекция. (Treasures of Mongolian Art. Collections of A. Alatangerel. Ulaanbaatar, 2005).

Шедевры культовых буддийских образов, созданные бурятскими мастерами, сохранились в музейных фондах России. Это неповторимые предметы из драгоценных кладовых Санкт-Петербурга в Эрмитаже и Русском этнографическом музее, изготовленные бурятскими мастерами XIX в. Серебряная скульптура богини Белой Тары (монг.: Цагаан Дара Эхэ, тиб.: sgrol dkar санск.: sita tara) была подарена наследному цесаревичу Николаю II во время его путешествия на Восток на сибирском участке пути хоринскими бурятами в Ацагатском дацане 20 июня 1891 г. Скульптура выполнена в технике выколотки из листового серебра (Рис. 22). Изображение Белой Тары относится к традиции великого пандиты Джово Атиши (982-1054), так называемой Семиглазой Тары: у нее третий глаз во лбу и дополнительные пары глаз на ладонях и ступнях. Она сидит в позе *vajrasana*, ее правая рука — в жесте *varadamudra*, левой рукой в

harinamudra она держит стебель лотоса, располагающийся у левого плеча. Пятичастная корона, атрибуты, цветы, серьги и шелковые ленты отлиты отдельно, но столь ювелирно, что фигура выглядит полностью монолитной.

Рис.22. Цагаан Дара Эхэ (тиб.: sgrol dkar, санск.: sita tara) - Белая Тара. Хори-бурятский мастер Ацагатский дацан. 1891 г. Серебро, выколотка, литье 35 см. Уникальный шедевр бурятского буддийского искусства художественной обработки металла - серебряная скульптура боттхисатвы Белой Тары, подаренная бурятским духовенством цесаревичу Николаю II во время его путешествия на Восток 1890-1891 в Ацагатстком дацане 20 июня 1891 г.

Лотос-постамент скульптуры выколочен с крупными, сочными лепестками цветка, он очень большой и просторный, заметно выдается за окружность очертаний скульптуры. Литая, ажурная корона на голове Тары состоит из пяти лепестков, в центре каждой изображена чиндамани — драгоценность, излучающая завитки сияния, в основании их распустившиеся двойные лотосы и 8-лепестковые цветочные розетки. Тонкий стан богини в изящном изгибе тонкой талии склонен влево, а точеная головка в роскошной, тяжелой, резной короне слегка склонена вправо. В маленьких пухлых губках таится легкая, лукавая улыбка.

При полном соблюдении строгих иконографических правил автору удалось создать облик живой и трепетный, несущий впечатление грациозной легкости, словно юное божество готово легко вспорхнуть и воспарить над лотосовым троном. Уникальность скульптуры состоит в том, что образ богини меняется в зависимости от ракурса взгляда на нее, что вкупе с ее загадочной, пленительной

улыбкой создает эффект знаменитой Моны-Лизы, поэтому скульптуру без преувеличений можно назвать Серебряной Бурятской Джокондой. К сожалению, имена мастеров-буддистов никогда не фиксировались в силу ряда причин. Во-первых, из-за анонимности авторов согласно буддийской традиции, отрицающей существование эго, как самостоятельной субстанции; во-вторых, ввиду политических и религиозных гонений с начала революционных событий XX века в России, когда за культовую практику можно было поплатиться жизнью. Однозначно, автор серебряной, бурятской Джоконды был еще жив в 1913 г., так как на праздновании в честь 300-летия Дома Романовых Хамбо-лама Даши-Доржо Итигэлов (1852-1927) вновь поднес теперь уже государю Николаю II серебряную буддийскую скульптуру, выполненную в той же манере, размерах и технологии (серебро, выколотка, высота 41 см.) и с тем же мастерством, что и Белая Тара. И это, как и Белая Тара, божество, дарующее долголетие, — Будда Амитаюс (тиб. *min thug pa*, санскр. *amitayus*); в настоящее время хранится в особой кладовой Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге[1]. Данное обстоятельство наводит на мысль, что мастер или мастера, которые были удостоены специальных заказов для императорского двора, могли быть только лучшими, и стало быть, хорошо известными своим современникам. В 1902 году по личному заданию С.Ф. Ольденбурга (1863-1934) в Монголию, Забайкалье и Калмыкию был командирован Андрей Руднев (1878–1958)[2]. Руднев собирал полевой материал по фольклору и истории монгольских народов, а также изучал особенности местных технологий буддийского искусства. Он называет имена лучших мастеров литейного дела из хоринских бурят, которые стали победителями художественной выставки в Чите в 1899 году[3]: Аюши Луду-

---

[1] Изображение Будды Амитаюса впервые было опубликовано Ю.И. Елихиной, высказавшей предположение о бурятском авторстве данной скульптуры (*Елихина Ю.И.* Буддийские дары дому Романовых (Из фондов Галереи драгоценностей Эрмитажа) // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 14-20).

[2] Андрей Дмитриевич Руднев (1878—1958) – талантливый русский ученый, востоковед, музыкант, один из основателей монголоведной лингвистики. Судьба его была драматичной. В 1918 г. он вынужден был эмигрировать в Финляндию, где зарабатывал себе на жизнь в качестве учителя музыки. Многие его труды остались неопубликованными, а другие попали под длительный цензурный запрет и в результате были почти забыты.

[3] В Чите XIX в. проводились регулярные выставки сельскохозяйственных и промышленных достижений Забайкалья. Известно о выставках в 1862 и 1899 гг., на которых выставлялись произведения изобразительного искусства, в том числе

пов, Цэмпэл Хайдупов, Бальшин Сэдэнов. Руднев даже пишет, что изделия по металлу забайкальских мастеров считаются лучше китайских, так как ввозившиеся китайские предметы были грубее, массивнее и тяжелее. Вероятнее всего, названные Рудневым мастера и есть авторы серебряных шедевров, изготовленных бурятами специально для императорского двора.

Отдельного внимания, несомненно, заслуживают такие виды использования технологии выколотки, как ювелирные изделия, женские украшения и предметы аксессуара степняков, украшения конской упряжи и седел, декоративное оформление оружия и т.д. Формат статьи не позволяет рассмотреть все эти разновидности изделий на основе выколотки, но невозможно не сказать о таком очень обыденном, но крайне необходимом и колоритном монгольском предмете, как монгольская чаша.

Мөнгөн аяг — традиционная монгольская серебряная чаша — березовый кап, опоясанный серебром, также изготавливается на основе выколотки с использованием других дополнительных технологий обработки металла — ковка, плетение, насечка, гравировка и др. Чаша, как посуда для еды и питья — предмет индивидуального назначения в кочевом быте. Поэтому каждая из них обычно выполняется с неповторяющимся филигранным узором, спокойный и нежный характер которого сравним с серебряным ноктюрном. В искусстве изготовления монгольских серебряных чаш существуют разные стили, различающиеся своими технологическими и изобразительными особенностями[1]. Наиболее известные стили изготовления серебряных монгольских чаш:

- Даригангский (Сухэбатарский аймак, сомон Дариганга);
- Борджигин-хуннуский (сомон Батноров Хэнтэйского аймака, Восточногобийский, Среднегобийский, Сухэбаторский аймаки);
- Центрально-монгольский (Центральный, Овэр-Хангайский, Булганский аймаки);
- Ноён-сэврэй (Южное Гоби);
- Инжаан (китайских мастеров, осевших в Монголии).

Справедливости ради следует сказать, что самыми известными своим мастерством и традициями являются дарханы Дариган-

---

иконописцев, по-видимому, и христиан, и буддистов.

[1] Монгол ундэстний биет бус соёлын өв. Эрх. Н.Уртнасан. Улаанбаатар, 2010. С. 138; *Нарантуяа Ц., Шур Б.* Нуудэлч монголын сод бутээлудийн дэжээс. Сономын Гансухийн хувийн цуглуулгаас - Masterpieces of Nomadic Mongilia. Collections of Gansukh Sodnom. Улаанбаатар, 2010. С. 94-111.

ги – знаменитого региона серебряных дел Монголии. Особенность их изделий состоит в относительно малом удельном весе серебра, очень тонкой обработке; серебряный плетеный узор даригангцев накладывается в несколько слоев[1] (см. Рис. 23).

Рис. 23. Серебряные монгольские чаши в даригангском стиле. (*Нарантуяа Ц., Шур Б.* Нуудэлч монголын сод бутээлудийн дэжээс. С. 106-107).

Хунну-борджигинский стиль характерен для мастеров из многих сомонов Хэнтэйского, Сухбаторского, Восточногбийского, Среднегобийского аймаков. Для чаш этого стиля характерным отличием является окантовка цветочных лепестков по верхнему краю донышка, в центре донышка изображается цветок лотоса как символ вечного процветания, отлитой узор заполняет почти всю поверхность чаши до ободка верхнего края, выколачиваемого из листа, покрывающего внутреннюю часть чаши. Узор батноровских чаш повторяет рисунок водной волны, кучерявых облаков и лепестков лотоса.

Стиль Ноён-сэрвэй: чаши южногобийских дарханов отличаются более высокой ножкой-донышком (*ондор ёроо*), как правило,

Рис. 24. Декорированы чаши Ноён-сэрвэй очень лаконично и просто, что придает им особую элегантность. Предметы из коллекции Гансух С., г. Улан-Батор, XVIII-XX в. (*Нарантуяа Ц., Шур Б.* Нуудэлч монголын сод бутээлудийн дэжээс. С. 106-107).

[1] *Нарантуяа Ц., Шур Б.* Нуудэлч монголын сод бутээлудийн дэжээс. С. 99-101.

имеют три крученых пояска-браслета (боорний бугуувч) — по самому низу донышка, по верхнему краю серебряного донышка и посередине. Декорированы чаши Ноён-сэрвэй очень лаконично и просто, что придает им особую элегантность (Рис. 24).

Центрально-монгольский стиль, в свою очередь, внутри себя имеет региональные особенности по аймакам: Тов, Оворхангай, Булган. В целом, характерно смешение многих стилей и влияний, в том числе и зарубежных, а также сильное влияние буддийских мотивов, т.к. здесь находится исторический религиозный центр Монголии (Рис. 25).

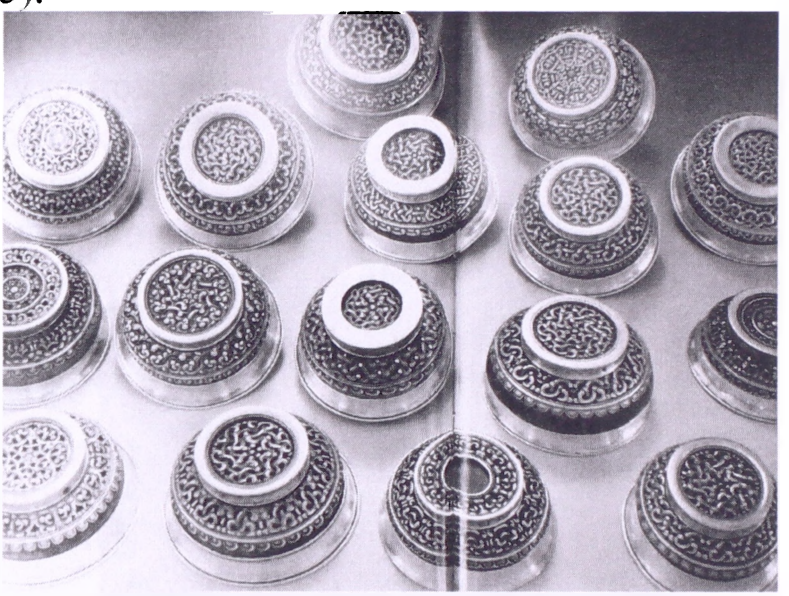

Рис. 25. В декоре чаш Центрально-монгольского стиля заметно смешение многих стилей и влияний, в том числе и иностранных. Предметы из коллекции Гансуха С., г. Улан-Батор, XVIII-XX в.

Стиль Инжаан возник в среде китайских мастеров, осевших в Монголии и воспринявших технологии и стиль монголов в изготовлении чаш из березового корня, опоясанного листовым серебром.

Рис.26. Чаши в стиле инжан включают в свои декоративные мотивы флористические и фаунистические элементы (дракон, цветы, крупный узор и др.), иногда используется глазурь.

Они создали собственный изобразительный стиль, так как включали китайские декоративные флористические и фаунистические элементы (дракон, цветы, крупный узор и др.), иногда включали глазурь (Рис.26).

Технология выколотки остается востребованной для современных мастеров изобразительного искусства Монголии. Одними из лучших художников монгольской выколотки нашего времени считаются С. Жанатхан, Ж. Тумэрбагана[1]. Можно отметить такие работы как восстановленная статуя Авалокитешвары в одноименном храме Гандан монастыря в Улан-Баторе, будда Майтрейя в Цугольском дацане Забайкалья, реконструированный бурятскими мастерами с использованием фрагментов исторической скульптуры, разрушенной в 1940 г. Уникальным творением безвестного и уже погибшего молодого, талантливого мастера Д. Эрдэнэбата является серебряная скульптура Сарасвати, образ которой он увидел во сне (Рис.27) и многие, многие другие.

Рис. 27. Янжима бурхан - тиб.: dbyangs can ma санкр.: Sarasvati. Дархан: Б. Эрдэнэбат (1958-2000). Выколотка, литье, филигрань. Серебро, коралл, бирюза. Высота с постаментом 30 см. Монголия. Частная коллекция.

Продолжение традиций звериного стиля в современном прикладном искусстве ярко проявляется в работе мастеров ювелирной компании "Master Jewelry". Удивительно красивый комплект — золоченый кувшин с бокалами, украшенный жемчугом, перламутром, бирюзой

[1] *Батчулуун Л.* Монгол дархан урлаг. Улаанбаатар, 2009. С. 310-311.

и кораллом, сделан в сложной технологии на основе выколотки с элементами ковки, плавки, инкрустации, гравировки, плетения, скани (Рис. 28).

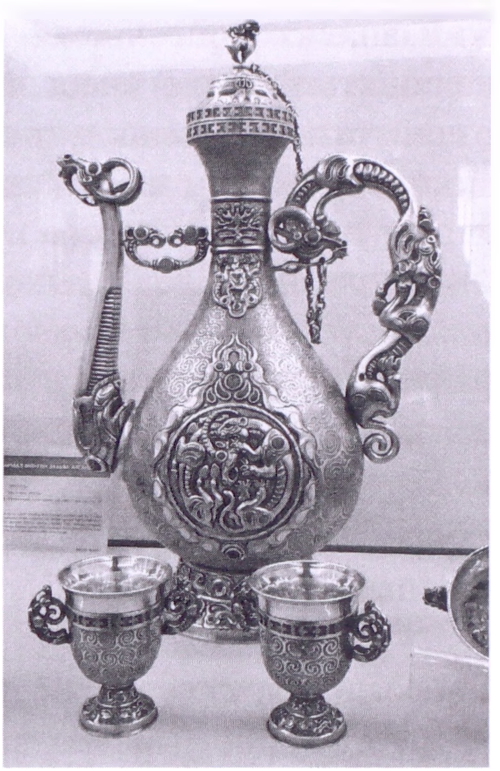

Рис. 28. Кувшин для вина с бокалами. Выколотка, скань. Серебро, позолота, коралл, бирюза, жемчуг, перламутр. Высота 33 см. Улан-Батор, Ювелирная компания "Master Jewelry" 2013г. Выставка.

Истоки монгольской технологии выколотки, судя по археологическим находкам, были заложены в эпоху бронзы, когда насельники территории научились делать металлические сплавы на основе меди, свинца, олова, с использованием золота, серебра и других элементов. Однако расцвет искусства выколотки на территории Монголии, опять же судя по имеющимся на сегодня в нашем распоряжении артефактам, пришелся на период средневековья, особенно киданьскую эпоху, и с тех пор сохранял неугасающую традицию.

Традиционными видами обработки металла на протяжении многих веков в Монголии являются: 1) *дэлдмэл* - ковка, 2) *хөөмөл* – выколотка / дифовка, 3) *сулжмэл* – букв. плетение или скань, 4) *сийлмэл* – букв. резьба или гравировка[1], 5) *жийжуу* – насечка[2], 6) *цутгамал* – литье [Энхдаваа, 2010: 9, МУББСО, 2010: 135].

Выколотка была и остается одним из излюбленных технологических приемов обработки металла с ранних исторических эпох, так как качества этих предметов, более всего отвечали запросам и

---

[1] *Энхдаваа Д.* Монгол Дархчлал. Улаабаатар, 2010. С. 9.

[2] Монгол ундэстний биет бус соёлын өв. С. 135.

вкусам кочевников: они значительно экономичнее литых – меньше расход металла, они легче по массе, удобны в перевозке, при этом достаточно прочны и долговечны.

Лингвистический анализ монгольской терминологии выколотки позволяет лучше понять технологический смысл данного вида обработки металла и попытаться проникнуть в дух этого ремесла, так как дает возможность взглянуть на ситуацию как бы изнутри процесса. Для обозначения технологического процесса выколотки, а также изделий, выполненных на основе выколотки по металлу, в монгольском языке используется слово *хөөмөл*. Рассмотрим семантический ряд, однокоренных слов, имеющих в основе форманту *хөө-*:

- *хөөрөх* — «подниматься в воздух, вспучиваться, вскипать»;
- *хөөх* — «выгонять, изгонять»;
- *хөө* — «1) пена, 2) сажа, 3) кольчуга»;
- *хөөрөг* — «1) кузнечные меха, 2) табакерка-бутылочка для нюхательного табака»;
- *хөөмий* — «1) зев, носоглотка, 2) горловое пение»;
- *хөндий* — «полость, пустое пространство, впадина».
- *хөөмөл* — «выколотка по металлу».

Таким образом, термин *хөөмөл* отчетливо подразумевает создание объема путем вспучивания, разгонки, буквально «выдувания» полости в металле. Технология *хөөмөл* основана на использовании пластичности металла, способного под ударами молотка садиться, вытягиваться и изгибаться. В отличие от ковки для выколотки применяется предварительно подготовленный тонкий листовой металл, который обычно обрабатывается в холодном состоянии и нагревается лишь для снятия нагартовки[1]. От чеканки выколотка (дифовка) отличается тем, что вся работа от начала до конца ведется не чеканами, а специальными разгонными молотками.

Монгольские мастера различают несколько разновидностей изображений, выполненных выколоткой по металлу:

Хавтгай /Нимгэн ингэмэл – букв. «плоская или тонкая чеканка», т.е. рельеф;

Хотгор хөөмөл – букв. «углубленный выдув», т.е. контррельеф (изображение ниже плоскости фона);

Хөөлтуур /товгор ингэмэл хөөмөл - койланаглиф (вид углубленного рельефа с углубленным контуром и выпуклой моделировкой,

[1] Нагартовка – потеря эластичности металла в процессе механического воздействия на материал в результате межмолекулярного напряжения.

само изображение обычно находится на уровне фона, используется для печатей);

Төвгөр ингэмэл – выпуклая чеканка или барельеф (невысокий рельеф, когда выпуклое изображение выступает над плоскостью фона, как правило, не более чем на половину объёма);

Товгор ингэмэл – букв. высокая чеканка, т.е. горельеф (высокий рельеф, выдающийся над плоскостью фона более половины объема);

Бутэн товгор ингэмэл – цельно-высокая чеканка или круглая скульптура[1].

Представленные образцы художественной обработки металла в технологии выколотки демонстрируют различные этапы истории ремесел в Монголии от древности, средневековья до наших дней. Кочевники в силу своей мобильности создавали каналы транскультурных коммуникаций, в которых встречались и взаимообогащались художественные ценности всего евразийского материка. На обширном евразийском пространстве от Китая до Венгрии, и от Индии, Ирана до Урала искусство средневековых кочевников распространяло художественные достижения различных народов и культур. Но это была не просто трансляция идей, по справедливому заключению А.В. Шипилова, «кочевнические мастера творчески преображали используемые мотивы и образы, и создавали свои произведения, которые оказывали влияние на развитие художественного творчества в оседлых цивилизациях, граничащих с Великим поясом степей, причем не только в пространстве, но и во времени. Искусство средневековых степных объединений явилось выражением творческих способностей населения евразийских степей, создавшего яркую и самобытную культуру, оставившую свой след в мировой истории»[2].

Литература

Батчулуун Л. Монгол дархан урлаг. Улаанбаатар, 2009.

Березкина Э.И. Математика древнего Китая. М.: Наука, 1980.

Давыдова А.В. Иволгинское городище. (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье). // Советская археология. XXV. 1956. С. 261-300.

---

[1] *Батчулуун Л.* Монгол дархан урлаг. С. 308-309; *Энхдаваа Д.* Монгол Дархчлал. С. 8-29.

[2] *Шипилов А.В.* Художественная культура средневековых кочевников // Гуманитарные и культурно-исторические аспекты развития российского общества. Сборник научных трудов. Вып. 1. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2005. С. 17.

Е Лун-Ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. В.С. Таскина. М.: ГРВЛ, 1979.

Елихина Ю.И. Буддийские дары дому Романовых (Из фондов Галереи драгоценностей Эрмитажа) // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 14-20.

Жамцарано Ц. Культ Чингиса в Ордосе (Из путешествия в Южную Монголию в 1910 году) // Central Asiatic Journal. 1961, vol. VI, №3. С. 194-234.

Киселёв С.В. Древние города Монголии // Советская археология. 1957, № 2. С. 91-101.

Крамаровский М.Г. Сокровища Золотой Орды (каталог выставки). СПб., 2001.

Кычанов Е.И. Солнечные кидани: Абаоцзы и Шулюй // *Кычанов Е.И.* Властители Азии. СПб., 2004.

Монгол ундэстний биет бус соёлын өв. Эрх. Н.Уртнасан. Улаанбаатар, 2010.

Нарантуяа Ц., Шур Б. Нуудэлч монголын сод бутээлудийн дэжээс. Содномын Гансухийн хувийн цуглуулгаас — Masterpieces of nomadic Mongilia. Collections of Gansukh Sodnom. Улаанбаатар, 2010. С. 94-111.

Неглинская М.А. О стилевых тенденциях в архитектуре, изобразительном искусстве и ремесле эпох Юань и Мин // Общество и государство в Китае: Т. XLII, ч. 3. / Ученые записки ИВ РАН. Отдел Китая. Вып. 7 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. М.: ИВ РАН, 2012. С. 395-433;

Пэрлээ Д. Хар хятаны хаант улсын туухийн асуудалд // Бутээлийн чуулган. Улаанбаатар, 2012. С. 103-120.

Пэрлээ Х. Монголын нуудэлчдийн металлурги боловсруулалтын асуудалд //Studia Archeologica. 1982. Tomus IX. P. 255-293.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.-Л.: 1962.

Руднев А.Д. Заметки о технике буддийской иконографии у современных зурачинов (художников) Урги, Забайкалья и Астраханской области // Сборник Музея антропологии и этнографии имени императора Петра Великого при Императорской академии наук. Т. I. Вып. 5. СПб., 1905.

Таскин В.С. «История государства киданей» как исторический источник // *Е Лун-Ли.* История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. В.С. Таскина. М.: ГРВЛ, 1979. С. 8-37.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов // Памятники древнего искусства. М.: Искусство, 1976.

Чултэмсурэн П. Монголын хууль гурав хоногт ба өртөө улааны алба // ШУА ХЗХ Аман зохиол судлал. Улаанбаатар, 2007. х.133-143.

Шипилов А.В. Художественная культура средневековых кочевников // Гуманитарные и культурно-исторические аспекты развития российского общества. Сборник научных трудов. Вып. 1. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2005. С. 79–93.

Энхдаваа Д. Монгол Дархчлал. Улаабаатар, 2010.

Arts of India, China, the Himalayas and Southeast Asia. Catalogue of Exhibition 1-10 November, 2012. // www.asianartinlondon.com

Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen. Katalogbuch zur Ausstellung. Bonn, 2005.

Pohl E., Erdenebat U. The Crossroads in Khara-Khorum. Excavations at the Center of Mongol Empire // Chingis Khaan and the Mongol Empire. Ed. by W. Fitzhugh, M. Rossabi, W. Honeychurch. Houston Museum of Natural Sciences, 2009. p.137-145.

Treasures of Mongolian Art. Collections of A. Alatangerel. Ulaanbaatar, 2005.

Treasures of the Xiongnu. Хуннугийн өв. Ed. by G. Eregzen. Catalog Published in Commemoration of the 2220-th Anniversary of Xiongnu Empire, Mongolia's First Great Empire. Ulaanbaatar, 2011.

Watt James C.Y. The World of Khubilai Khan. Chinese Art in the Yuan Dinasty. The Metropolitan Museum of Art. New York—New Haven—London. 2011.

Д.М. Тимохин
(ИВ РАН, Москва)

Тюркские кочевники в составе хорезмийской армии при Ала ад-Дине Мухаммаде ибн Текише и Джалал ад-Дине Манкбурны

Исследователи, как в России, так и за рубежом всегда уделяли существенное внимание при изучении государства хорезмшахов-Ануштегинидов, а равно и самого монгольского вторжения на территорию Ирана и Центральной Азии, наличию в составе хорезмийской армии тюркских кочевников. Такой интерес объясним с одной стороны тем количеством тюркских воинов, которые входили в состав армии указанного государства, зачастую составляя большинство, как среди военачальников, так и среди рядовых солдат. С другой стороны, не следует забывать и о тех оценочных суждениях, которыми изобилуют арабо-персидские источники по этой проблематике: можно вспомнить в качестве примера труд ан-Насави, где опора на тюркских воинов признается автором как одна из главных ошибок хорезмшахов. Образ тюркских воинов хорезмийской армии, сформированный в трудах средневековых историков, во многом был заимствован современными исследователями, зачастую безо всякой попытки критического анализа.

В рамках данного исследования нам хотелось бы в первую очередь проанализировать ту роль, которую играли тюркские кочевники в составе хорезмийской армии при Ала ад-Дине Мухаммаде ибн Текише и Джалал ад-Дине Манкбурны, указать причины, по которым они активно использовались этими правителями и подчеркнуть к чему же в итоге это привело. Отдельно хотелось бы выделить степень участия тюркских военных сил в противостоянии хорезмийского государства монгольской угрозе, особенно в период правления последнего хорезмшаха – Джалал ад-Дина Манкбурны. Здесь нами будут рассмотрены эпизоды участия тюркских кочевни-

ков в составе хорезмийской армии не только в период боевых действий против монголов на территории Хорасана и Мавераннахра, но и на территории западного Ирана, в частности в битве при Исфахане в 1227 г.

Отдельным сюжетом в рамках этого исследования следует признать попытку вычленить тот образ тюркских кочевников, который был сформирован в трудах средневековых арабо-персидских историков, указать его характерные черты и возможные причины формирования. Не менее важно, на наш взгляд, уяснить, почему данный образ продолжал транслироваться в рамках современной отечественной и зарубежной историографии, понять претерпел ли он какие-либо изменения и насколько они были существенны. Все это позволит нам, с одной стороны, показать эволюцию образа тюркских кочевников на разных этапах развития историографии монгольского периода истории Центральной Азии и Ирана, а с другой – выяснить, как этот образ соотносился с реальными историческими фактами участия тюркских кочевников в военных действиях хорезмийского государства при Ала ад-Дине Мухаммаде ибн Текише и Джалал ад-Дине Манкбурны.

Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть тот факт, что практически с самого начала существования независимой династии Ануштегинидов в Хорезме с 1097 г., ее представители активно используют тюркских кочевников и формируют из них собственные военные соединения. В частности, правители Хорезма планомерно подчиняют себе территории, заселенные, в том числе, тюркскими кочевниками, заставляя последних нести военную службу в интересах этой новой династии. Именно указанный выше процесс станет первым шагом хорезмийских правителей к обретению независимости и положит начало их борьбе с зависимостью от Сельджукидских правителей, чьими подданными они изначально являлись. З.М. Буниятов подчеркивает, что сам процесс завоевания новых территорий и, следовательно, усиления военной мощи Хорезма за счет тюркских племен начался во время правления хорезмшаха Атсыза (1127/1128–1156 гг.).

«Как и другие вассалы Санджара, хорезмшах Атсыз, будучи владыкой Хорезма, земель, пограничных с “неверными” кочевыми тюрками, был обязан постоянно совершать набеги на них и подчинять их, но только с согласия или по приказу сюзерена. Самостоятельные шаги в данном случае не допускались. Однако хорезмшах нарушил этот приказ и захватил земли подвластных Сельджукидам тюрок по нижнему течению Сырдарьи, включая город Дженд, и

продвинулся на север, присоединив к своим владениям Мангышлак. Это было, по существу, первое независимое действие Атсыза по отношению к его сюзерену Санджару»[1].

В дальнейшем процесс перехода на службу к хорезмшахам тюркских кочевников приобретал все более масштабный характер, так что на службу к правителям Хорезма стали поступать целыми племенами. Так, например, хорезмшах Текиш благодаря своей женитьбе на дочери кыпчакского хана Джанкиши, Теркен-хатун, не только заручился этого правителя, но к нему на службу в полном составе перешел целый ряд кочевых тюркских племен. «Вступив в союз с кыпчаками, хорезмшах Текиш женился на дочери кыпчакского хана Джанкиши Теркен-Хатун. Происходившая из племени Баят, Теркен-хатун привела с собой в Хорезм ряд тюркских племен (источники называют племена уранийцев, карлуков, уграков, халаджей) и со временем стала их могущественной покровительницей»[2]. Именно эта миграция, с точки зрения З.М. Буниятова, и стала причиной конфликта внутри государства хорезмшахов на рубеже XII–XIII вв., поскольку в период правления сына Теркен-хатун, Ала ад-Дина Мухаммада ибн Текиша, практически все военные посты в государстве контролировались ставленниками Теркен-хатун. В результате, тюркская военная знать не только обособилась от всего остального хорезмийского общества, но и во многом противопоставила себя ему[3].

Необходимо так же осветить в рамках этой статьи более подробно причины противостояния оседлого населения и кочевых тюркских племен в государстве хорезмшахов в период правления Ала ад-Дина Мухаммада ибн Текиша, поскольку это позволит лучше понимать, в свою очередь, отдельные события монголо-хорезмийской войны. Итак, в конце XII–начале XIII в. население государства хорезмшахов состояло из большого числа различных иранских и тюркских народностей, а также оседлых и кочевых племен, еще не сложившихся в отдельные народности. Отечественные исследователи в советский период объясняли противостояние в государстве хорезмшахов между кочевыми тюркскими племенами и оседлым населением исходя из их неравного социально-экономического положения. Такое объяснение базировалось на том,

---

[1] *Буниятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097-1231 г. М., 1986. С. 9.

[2] Там же. С. 62.

[3] *Буниятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097-1231 г. С. 62.

что ираноязычное, оседлое население государства хорезмшахов в массе своей составляло большинство податного населения (райаты). В свою очередь, тюркские кочевники, с самого начала своей миграции на территорию указанного государства, образуют слой военной знати и получают значительные земельные владения (икта). Кроме того, именно они составляли подавляющее большинство в армии в целом, преимущественно из них комплектовался «офицерский состав» особенно при хорезмшахах Текише и Ала ад-Дине Мухаммаде. В полученных за службу владениях тюркская знать, как отмечали многие исследователи монгольского вторжения в Центральную Азию, «тиранией и притеснениями возложили на плечи раийатов тяжкое бремя»[1].

Подобный взгляд на проблему в определенной мере находит свое подтверждение в исторических источниках, преимущественно персидских, чьи авторы, преимущественно, негативно относились к тюркской военной знати в рамках хорезмийского государства. Так, Джувейни пишет о тюркской военной знати и об их деятельности внутри государства хорезмшахов следующее: «...сострадание и милосердие было далеко от их сердец; где бы им ни случалось проходить, та область оказывалась разоренной, и райаты искали убежище в крепостях»[2].

Тем не менее, с нашей точки зрения, такого рода противостояние нельзя объяснить исключительно социально-экономическим фактором: тюркские кочевники, безусловно, составляли военную опору хорезмийского государства, однако в управленческой сфере их было не так уж и много, а некоторые должности в государственном аппарате были, по-видимому, им вообще недоступны: «В списке везиров Хорезмшахов мы не находим тюркских имен»[3]. С другой стороны, что податное ираноязычное оседлое население грабили не только представители тюркской военной знати, но и их собственные соотечественники, чиновники государственного аппарата и сборщики налогов. Так, И.П. Петрушевский, несмотря на упомянутую выше цитату о произволе тюркской военной знати, в своем труде не мог обойти этот факт и пишет о деятельности упомянутых сборщиков налогов следующее. «Они одним росчерком пера покушаются на земельные владения мусульман и

---

[1] *Петрушевский И.П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 107.

[2] *Djuveini.* The History of the World-conqueror / Trad. J.A. Boyle. Vol. 2. Manchester, 1959. P. 198.

[3] *Буниятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097-1231 г. С. 94.

постановляют то, что незаконно, вроде того, что пусть такое-то селение уплатит 100 динаров, такие-то мясники — 50 динаров, такие-то бакалейщики — 100 динаров...»[1].

Как было указано нами выше, причины конфликта лежат отнюдь не в социально-экономической сфере: податное население грабили и тюрки, и представители ираноязычных народностей, однако арабо-персидские историки того времени выказывают враждебное отношение именно к тюркам. Показательным будет в данном случае описание египетского историка Ибн Фадлаллаха ал-Омари кипчаков Северных областей Хорезма, перешедших на военную службу к хорезмшахам: «В числе тех, кто пришли под защиту этого султана, находится и тюркский народ, на крайнем севере у пределов его; он в нищете вследствие бедственного существования, ибо это не оседлые люди, у которых есть посевы и сильная стужа губит их скотину. Это тупоумный и жалкий народ, у которого нет ни привязанности к какой-либо вере, ни проницательности ума»[2].

При анализе арабо-персидских источников, описывающих эпоху правления Ала ад-Дина Мухаммада ибн Текиша и Джалал ад-Дина Манкбурны, можно увидеть, что разделение на «своих» и «чужих» происходит по признаку «тюрк / не тюрк», что всячески подчеркивается историками при описании событий монгольского завоевания Центральной Азии. Ярким примером такого разделения и веским доказательством в пользу того, что данный конфликт базируется вовсе не на социально-экономической базе, является одно из описаний Джувейни, касающееся противостояния монгольским завоевателям Джалал ад-Дина Манкбурны. Персидский историк пишет о том, что накануне прихода Джалал ад-Дина в Газну в 1220/1221 г., командующий гурийским гарнизоном города отказался впустить в город тюркские отряды Джалал ад-Дина, обратившись к тюркам с такими словами: «Мы — гурийцы, а вы тюрки, мы не можем жить вместе»[3]. В данном случае речь не идет о традиционном противостоянии кочевник — оседлый, поскольку гурийцы сами были на тот момент еще полукочевым народом. Данное высказывание гурийского военачальника ярко демонстрирует неприязнь к тюркским кочевым народам в государстве Хорезмшахов.

---

[1] *Петрушевский И.П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия. С. 106.

[2] Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Сост. В.Г. Тизенгаузен. Т. 1. СПб., 1884. С. 231.

[3] *Джувейни.* Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер. Е.Е. Харитонова. М., 2004. С. 327.

Неудивительно, что главным виновником монгольского вторжения на территорию государства хорезмшахов становится, согласно трудам все тех же арабо-персидских историков, представитель тюркской военной элиты — правитель города Отрара, Инал-хан. Будучи родственником матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада ибн Текиша, Теркен-хатун, он сумел сделать себе хорошую военную карьеру и даже стать правителем пограничного города Отрар, через который проходили многие торговые караваны, шедшие из Центральной Азии и Китая. В 1218 г. в этот город прибывает караван, принадлежащий Чингиз-хану, купцы которого были обвинены Инал-ханом в шпионаже и промонгольской пропаганде и убиты. Имущество купцов, по мнению ряда историков того времени, было разделено между хорезмшахом и Инал-ханом. «Отрарский инцидент» стал поводом к войне между Хорезмом и империй Чингиз-хана, поскольку хорезмшах отказался выдать Инал-хана монголам, опасаясь бунта среди тюркских военачальников своей державы. Отметим, что в самом «Отрарском инциденте» все не так просто, поскольку сам факт шпионажа и пропаганды купцов находит подтверждение в целом ряде источников. Например, ан-Насави пишет следующее. «Когда они (купцы. — прим. авт.) уединяются с кем-то из простонародья, они угрожают ему и говорят: "Вы в полном неведении относительно того, что творится вокруг вас; скоро вы увидите такое, что никто из вас раньше не видел". И далее в таком духе[1]».

Однако, несмотря на то, что в «Отрарском инциденте» вполне мог иметь место факт шпионажа и пропаганды, арабо-персидские историки выражают достаточно негативное отношение к личности Инал-хана, что особенно заметно при описании его гибели. Вот как описывает ан-Насави смерть Инал-хана от рук Чингиз-хана, после того как в 1219 г. монголы штурмом овладели Отраром. «Он (Чингиз-хан) велел привести к нему Инал-хана, затем приказал расплавить серебро и влить ему в уши и глаза. Так он убил его, мучая и наказывая, за позорный его поступок, за гнусное дело и происки осужденные всеми»[2].

Примерно схожее описание гибели Инал-хана оставил Джувейни в своем труде. «Исполнив свое намерение, Гаир-хан (Инал-хан) лишил жизни и имущества не только этих людей, он подверг истреблению и опустошению целый мир и целый народ

---

[1] *Ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. З.М. Буниятов. Баку, 1973. С. 79.

[2] *Ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 81.

оставил без жилищ, без добра и вождей. Ибо за каждую каплю их крови была пролита целая река Окс; и в наказание за каждый волос, упавший с их голов, на каждом перекрестке в пыль скатились, наверное, сотни тысяч голов; и за каждый динар была отнята сотня кинтаров»[1].

Важно отметить, что если описание Джувейни еще можно оправдать тем, что он находился на службе у монгольских ханом и, по этой причине, имел право негативно относиться к врагам монголов, коим и являлся Инал-хан, то позиция ан-Насави, историка, служившего Хорезмшахам, непонятно.

Исходя из вышеприведенных описаний, в том числе и труда ан-Насави, Инал-хан, хорезмийский военачальник, мусульманин, великолепный воин, который был способен в течение пяти месяцев сдерживать монгольский натиск, предстает пред нами как «чуждый» всему мусульманскому миру. Инал-хан становится виновником уничтожения хорезмийской державы даже несмотря на то, что целый ряд исторических источников приписывает приказ об уничтожении каравана непосредственно хорезмшаху и именно последний приказал убить монгольское посольство, требовавшее выдать Инал-хана. В этой ситуации правитель Отрара показан чуть ли не единственным виновником сложившегося положения и последовавшего нашествия, что заставляет задуматься о том, чем при этом руководствовались арабо-персидские историки. Единственным объяснением в такой ситуации может служить этническая принадлежность губернатора Отрара: вместо обвинения в недальновидности верховного правителя страны арабо-персидским историкам было гораздо проще выставить в роли «козла отпущения» представителя чуждой им этнической группы, занимавшего при этом высокое место в военном и государственном аппарате. Разобраться в истинной картине Отрарского инцидента вряд ли было возможно, а такое объяснение вполне устраивало самих историков, видевших в тюркских кочевников «чужих».

Нельзя исключать того факта, что в определенной степени помимо этнической принадлежности, была важна и религиозная принадлежность: кипчаки, принявшие ислам в ряде случаев могли быть менее «чужими» для прочих народов государства хорезмшахов, чем те же кипчаки не принявшие ислам. В пользу этого замечания можно привести цитату из труда арабского историка Ибн ал-Асира, который подчеркивает значимость принятия ислама как для

---

[1] *Джувейни.* Чингиз-хан. История завоевателя мира. С. 53.

самих кипчаков, так, судя по всему, и для этого арабского историка Так, например, описывая ситуацию на Кавказе к 1225 г., когда в туда вторгаются кипчаки, Ибн ал-Асир приводит следующие слова одного из кипчакских военачальников-мусульман, требовавшего у правителя Аррана войск. «Я служил Хорезмшаху и я мусульманин, моя вера позволяет мне быть для тебя искренним другом. Итак, знай, что Кипчаки — твои враги, и что они хотят тебя убить. Не позволяй им задержаться в твоей стране и предоставь мне армию для сражения и для погони за противником»[1].

Все-таки не следует переоценивать важность религиозного фактора в связи с указанным конфликтом. Арабо-персидские историки, высказывая свое негативное отношение к кипчакам, в большинстве своем, оставляли их религиозную принадлежность в стороне и их мало заботил тот факт, что «чужие» кипчаки являются их единоверцами. Так было и в случае с Инал-ханом, которого практически все арабо-персидские историки описывают как виновника конфликта с монголами и не выказывают ему ни малейшего сочувствия, не смотря на то, что он был мусульманин. Это также подчеркивает тот факт, что кроме как в труде Ибн ал-Асира, более практически не встречается намеков на то, что принадлежность к исламу могла делать кипчаков менее «чуждыми» остальным народам империи хорезмшахов.

Любопытен также и тот факт, что если в Хорезме высокое социально-экономическое положение кипчаков было дополнительным фактором, способствовавшим усиление вражды, то в других регионах исламского мира дело могло обстоять и иным образом. В частности тот же египетский историк Ибн Фадлаллах ал-Омари негативно писавший о кипчаках Хорезма, восторженно отзывается о тех кипчаках, но входивших в состав верхушки египетского общества. «Тюрки этих стран, говорю я, одни из лучших родов тюркских по своей добросовестности, храбрости, избеганию обмана, совершенству своих станов, красоте своих фигур и благородству своих характеров. Из них состоит большая часть войска Египетского, ибо от них происходят султаны и эмиры Египта. С тех пор как ал-Малик Ас-Салих Неджад ад-Дин Айуб, сын ал-Малика ал-Камила, стал усердно покупать кыпчакских невольников. Потом господство перешло к ним. Цари из них чувствовали склонность к своим родичам и хлопотали об усилении числа их, так что Египет заселялся ими и стал охраняем ими со всех сторон. Из них были светила государевой

---

[1] *Al-Asir ibn.* Al-Kamil fi-t-tarih // Journal Asiatique. P., 1849. T. XIII. P. 464.

свиты, председатели собраний, предводители войск и вельможи земли его. Мусульманство прославляет их подвиги в защите веры и что они за дело Аллахово воевали со своими родичами и соплеменниками, причем не отклоняла их от этого дела любовь к соплеменникам и не останавливала их в деле Аллаховом хуление порицателей»[1].

Осветив, таким образом, ситуацию в хорезмийском государстве накануне монгольского вторжения и указав роль тюркских племен в военной системе и государственном аппарате этой державы, остановимся на событиях конца правления Ала ад-Дина Мухаммада ибн Текиша и его сына, Джалал ад-Дина Манкбурны. Речь идет, безусловно, о времени монгольского завоевания Центральной Азии и Ирана, когда хорезмийское государство перестало существовать, а созданная впоследствии держава Джалал ад-Дина погибла вместе со своим правителем в 1213 г. Несмотря на появление нового врага и вторжения его войск на территорию государства хорезмшахов противостояние между оседлым населением и тюркскими кочевыми народами, так же конфликт между различными тюркскими группировками вовсе не был исчерпан. Более того, он приобрел, согласно арабо-персидским источникам новые черты.

После гибели Ала ад-Дина Мухаммада ибо Текиша в 1220 г. Джалал ад-Дин прибывает в тогдашнюю столицу своего государства, Гургандж, незадолго до его осады монголами. По всей видимости, он предполагал собрать войско именно там и нанести удар монголам либо при осаде города, либо в полевом сражении невдалеке. Учитывая громадный гарнизон столицы и личные качества хорезмшаха, такие военные действия вполне могли стать успешными. Однако тюркские эмиры, родственники Теркен-хатун, матери Ала ад-Дина Мухаммада, отказались признать его власть и объявили султаном брата Теркен-хатун — Хумар-Тегина. Вместо сплочения перед угрозой всеобщего истребления, «несмотря на согласие самого бывшего наследника (т.е. Узлаг-шаха), тюркские эмиры не могли примириться с такой переменой; во главе недовольных встал Туджи-Пехлеван, носивший титул Кутлуг-хана... Был составлен заговор с целью захватить или убить Джалал ад-Дина»[2]. Казвини пишет об этом событии следующее: «Эмиры Хорезма разделились в этом вопросе поровну. Джалал ад-Дин не мог больше оставаться здесь, ни

---

[1] Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды. С. 232.

[2] *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 1. М., 1963. С. 500.

сопротивляться этим эмирам; он направился к Газне. Его братья – Азерлаг и Ак-султан отправились в погоню за ним, чтобы вернуть обратно; но не смогли его догнать. Затем эти два брата выступили с войсками против монголов и были убиты»[1].

Как показывает этот пример, противостояние между различными группировками внутри тюркской военной элиты было настолько серьезным, что даже угроза извне не могла примирить противников. Еще одним примером этому станет конфликт, возникший в войске хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны накануне битвы при реке Инд в 1221 г. Незадолго до этого хорезмийским войскам удалось разбить монгольский корпус при Перване и после этой победы против них выступили войска под руководством непосредственно Чингиз-хана. Вместо того, чтобы сплотиться в борьбе против общего врага, который уже уничтожил большое количество населения Хорезма и сровнял с землей цветущие города Хорасана и Мавераннахра, военачальники Джалал ад-Дина ссорятся между собой из-за добычи. В сочинении ан-Насави мы находим весьма подробное и любопытное описание этого события.

«Случилось так, что к этому времени войска халаджей [и карлуков] под предводительством Сайф ад-Дина Играка, А'зам-Малика и Музаффар-Малика в гневе покинули Джалал ад-Дина как раз тогда, когда он больше всего нуждался в их присутствии и их помощи. А причина этого была в том, что когда они разбили сына Чингиз-хана у Парвана, то тюрки при разделе добычи, доставленной им Аллахом, поспорили с ними на [свой] позор, печатью которого они были клеймены и его огнем таврованы. Некоторые из тюрок Амин-Малика даже оспаривали у А'зам-Малика коня из татарской конницы, и спор между ними затянулся. Тюрк ударил его своей плетью, и это вызвало возмущение в их душах и ненависть в их сердцах. В их умах закипела злоба, так как они видели, что не могут добиться справедливого дележа. И как ни старался Джалал ад-Дин удовлетворить их, тюрки становились еще злее и несдержаннее в своем обращении и в отсутствии учтивости, у них было мало опыта в этих делах и они не хотели видеть, каковы будут последствия. Чужеземцы (*ал-гураба'*)[2] жаловались друг другу, что эти тюрки считают, что татары не из рода людского, они не знают страха, так как мечи не оставляют на них следа, и они не отступают, ибо на них не действуют копья. Но ведь мы видели, как мечи расправлялись с их

---

[1] *Hamdallah Kazvini.* Tarihi gouzide / Trad. Y. Le Strange. Vol. 1. P., 1903. P. 420.

[2] Здесь имеются в виду гурцы и афганцы (прим. редактора издания).

суставами, а с племенами — копья и камни, [как] они довольствовались обетом, который нарушается, и соглашением, которое расторгается. [Они совершали это] "превознесением на земле и ухищрением зла. Но злое ухищрение окружает только обладателей его" (Коран 35:41(43)). Когда Джалал ад-Дин ублаготворял их, чтобы возвратить, и направлял послов для заключения прочного союза, тюрки отвечали ненавистью. "Дело Аллаха было решением предрешенным" (Коран 33:38(38)), и они покинули его. Таким образом, государи этого дома (Хорезмшахов) совершили ошибку, взяв в помощь тюрок против такого же племени из числа многобожников. Ведь кто сражается без непоколебимой веры и твердой убежденности, не надеется на воздаяние и не боится [адских] мучений, не гарантирован от слабости при нужде и от того, чтобы следовать своим желаниям в любое время и ежечасно. Да!»[1].

В первую очередь хотелось бы отметить, что изначально конфликт возникает между различными тюркскими группировками внутри хорезмийской армии Джалал ад-Дина, что в итоге приводит к расколу самой армии и тому, что значительная часть ее просто покидает последнего хорезмшаха, несмотря на все его попытки найти компромисс. С другой стороны, в этом же описании можно найти и пережитки противостояния кочевых и оседлых народов государства хорезмшахов: речь идет о тех эпитетах, которыми снабжает описание тюрок ан-Насави в самом начале своего повествования, из чего складывается стойкое ощущение о личной неприязни историка к этому этносу. Отметим, что ан-Насави подчеркивает, что отрицательные качества тюрок заложены в их природе, то есть изначально они склоны к преступлениям и к поступкам такого рода, как описывает персидский историк.

Стоит отметить и то, что ан-Насави, ссылаясь на чьи-то рассказы, говорит о страхе тюрок перед татарами, что те наделяют воинов Чингиз-хана «сверхъестественными» способностями и боятся с ними сражаться. Сложно поверить в такое не только потому, что тюрки составляли основу армии хорезмшаха и успели себя зарекомендовать в боях, в том числе и с татарами, но и потому, что сведения эти персидский историк черпает из рассказов представителей тех этнических групп, которые отрицательно относились к тюркам. Ан-Насави завершает свой рассказ признанием того, что государи Хорезма изначально совершили большую «ошибку» призвав на службу тюрок: автор мотивирует это тем, что тюрки являются «мно-

[1] *Ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 120-121.

гобожниками» как и монголы, что не позволяет им сражаться бесстрашно и с непоколебимой верой в посмертное воздание. Уже в самой аргументации ан-Насави просматривается явное противоречие: «многобожие» мешает сражаться тюркам, но при этом почему-то никак не мешает это делать монголам. С другой стороны, нельзя не отметить и это было прекрасно известно ан-Насави: многие тюркские воины Хорезма к тому времени приняли ислам, и обвинять их в язычестве уже было никак нельзя.

События самого монгольского завоевания Центральной Азии наглядно подчеркивают еще один крайне важный сюжет, который особенно любопытен в свете приведенного выше отрывка из сочинения ан-Насави. Речь идет о том, что в большинстве случаев, согласно все тем же арабо-персидским источникам, тюркские кочевники в составе хорезмийских военных сил оказывали сопротивление завоевателям, но в то же время этого нельзя сказать относительно других этнических групп, населявших хорезмийское государство. Чтобы проиллюстрировать это положение хотелось бы привести описание взятия Самарканда войсками Чингиз-хана, которое было приведено в сочинении персидского историка Джувейни. «Жители Самарканда были напуганы битвой, и их страсти и мнение разделились: одни желали сдаться и покориться, в то время как другие испытывали страх за свою жизнь; одни, следуя велению неба, не желали заключения мира, а другие, под воздействием силы, исходящей от Чингиз-хана не решались продолжить сражение. Наконец, на следующий день... последние оставили мысли о войне и перестали сопротивляться. Кади и шейх-уль-ислам вместе с несколькими имамами поспешили к Чингиз-хану; его обещания ободрили их и укрепили их силы, и с его разрешения они вернулись в город. Во время молитвы они открыли ворота мусалла и затворили двери сопротивления»[1].

В качестве обратного примера в том же сочинении Джувейни мы находим описание осады и взятия города Отрара, где, как уже говорилось выше, наместником был Инал-хан, считавшийся большинством арабо-персидских историков той эпохи главным виновником начала монголо-хорезмийской войны. Несмотря на это, Джувейни не смог обойти вниманием тот факт, что гарнизон Отрара даже после того, как монголам удалось проникнуть в его пределы, в течение месяца продолжал сражаться с монголами и Инал-хан показал при этом чудеса храбрости и бесстрашия. «Так как повсюду

[1] *Джувейни.* Чингиз-хан. История завоевателя мира. С. 80-81.

могла быть использована конница, гарнизон продолжал сражаться не переставая и продержался пять месяцев. Наконец, когда положение жителей Отрара стало отчаянным Карача предложил Гаиру[1] прекратить сопротивление и сдать город монголам. Но Гаир знал, что он был причиной этих бед, он не мог надеяться на то, что монголы его пощадят; и не было у него ни одной лазейки, через которую можно было бы ускользнуть. Поэтому он продолжал сражаться изо всех сил, зная, что перемирие было бы неразумным, и слышать не хотел о сдаче. "Если, — сказал он, — мы предадим своего властелина (имея в виду султана), как оправдаем мы свое вероломство и избежим упреков мусульман?"»[2].

Таким образом, далеко не все социальные и этнические группы, входившие в состав хорезмийского общества, были одинаково готовы к упорной борьбе с монгольскими завоевателями. При этом, как указывают арабо-персидские историки того времени, что именно представители тюркских кочевых племен, находясь на службе у хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада ибн Текиша, а впоследствии и у его наследника Джалал ад-Дина Манкбурны, оказались наилучшим образом готовы к противостоянию захватчикам даже находясь в самом тяжелом положении.

Свою роль здесь могло сыграть и уже упомянутое выше противостояние, которое складывается в хорезмийском государстве в домонгольский период: жители городов предпочитали сдаваться противникам-монголам и не полагаться на защищавшие их тюркские гарнизоны. Можно предположить, что Чингиз-хан с самого начала кампании в Центральной Азии быстро уловил эту тенденцию и постарался ею воспользоваться в своих интересах. Так, после взятия некоторых крупных городов захваченное в плен население разделялось таким образом, в результате чего тюркская его часть полностью уничтожалась, а остальным или сохраняли жизнь или отправляли в «хашар». Так обстояли дела при взятии Фанаката, где были уничтожены лишь тюркские солдаты Ала ад-Дина Мухаммада ибн Текиша. «Солдаты были отделены от жителей города; после чего первые были истреблены все до одного, кто мечом, а кто градом стрел, в то время как последние были поделены на сотни и десятки»[3].

Сами по себе факты массовой резни тюркского населения не

---

[1] Гаир, он же Инал-хан, губернатор Отрара. Прим. автора.

[2] *Джувейни.* Чингиз-хан. История завоевателя мира. С. 56.

[3] Там же. С. 60.

были единичным случаем и зафиксированы при взятии практически каждого из городов Хорасана и Мавераннахра. Так, при взятии Бухары, «из народа канглы не был пощажен ни один человек мужского пола ростом выше кнутовища, и среди убитых насчитали тридцать тысяч человек; а их малые дети, дети их вельмож и их женщины, стройные как кипарисы, были обращены в рабство»[1].

В связи с этим можно говорить о сознательном истреблении представителей тюркских кочевых племен, что могло носить, в том числе, и демонстративный характер: монгольские завоеватели сознательно уничтожали одну часть населения и при этом сохраняли жизнь другой. Безусловно, были ситуации, когда монголы вырезали полностью населения городов безо всякого разбора, но в большинстве случаев, если город сдавался, населению сохраняли жизнь, а вот тюркские гарнизоны уничтожали вне зависимости от того, сдались ли они сразу или оказали сопротивление. Таким образом, вполне вероятно, что монгольский правитель, действуя подобным образом, намеревался, в том числе, воспользоваться уже имеющимися противоречиями и настроить одну часть населения хорезмийской державы против другой.

Скажем несколько слов и о правлении последнего хорезмшаха, Джалал ад-Дина Манкбурны. Получив власть от своего отца в 1220 г., Ала ад-Дина Мухаммада ибн Текиша, он также продолжал активно использовать тюркские кочевые племена в качестве основной военной силы как в борьбе с монголами, так и при последующих военных кампаниях в Северной Индии, Иране и на Южном Кавказе. При этом, как уже отмечалось выше, арабо-персидские историки указывают на то, что такая ставка на тюркские кочевые племена в военном отношении является ошибкой: «Таким образом, государи этого дома (Хорезмшахов) совершили ошибку, взяв в помощь тюрок против такого же племени из числа многобожников»[2].

Такой же взгляд на эту проблему можно найти и в трудах отдельных исследователей, которые также подчеркивают, что военная опора Джалал ад-Дина Манкбурны на тюркские кочевые племена была ошибочной и имела негативные последствия. «Джалал ад-Дин был талантливым полководцем, отличался храбростью и несгибаемой волей. Но он воевал силами тюркских кочевых ополчений, недисциплинированных и нередко изменявших ему. Он не был способным политиком: не понял необходимости опереться в борьбе

---

[1] Там же. С. 71.

[2] *Ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. С. 121.

с завоевателями на народные массы, особенно на ополчения горожан, проявивших себя самыми стойкими бойцами против «неверных» завоевателей»[1].

Сложно согласиться с этой точкой зрения, поскольку необходимо несколько более критично подходить к информации из арабо-персидских источников по данной проблеме уже хотя бы потому, что уже в домонгольский период в хорезмийском государстве существовали противоречия между оседлыми и кочевыми народами, а сами арабо-персидские историки, в большинстве своем занимали в этом вопросе строго одну сторону. Кроме того, опора на тюркские военные соединения позволила Джалал ад-Дину не только противостоять монголам на территории Центральной Азии и Афганистана, но вести успешные боевые действия на территории Северной Индии, Иране и на Южном Кавказе. Им была также одержана победа над монгольской армией при Перване в 1221 г. и при Исфахане в 1227 г. Конечно, можно вспомнить приведенный в этом исследовании эпизод, произошедший после победы при Перване, когда, в результате конфликта внутри тюркской части хорезмийской армии, войско Джалал ад-Дина фактически развалилось, однако в тех арабо-персидских источниках мы больше не находим подобных примеров применительно к биографии последнего хорезмшаха.

При этом хотелось бы привести любопытный эпизод из истории жизни Джалал ад-Дина Манкбурны, связанный с хорезмийским завоеванием Южного Кавказа, который демонстрирует нам, что опора на тюркские кочевые племена была полезной для последнего хорезмшаха в самом широком смысле. «Когда подошло грузинское войско, воины султана вынули свое оружие, а султан взошел на высокую гору, чтобы лучше рассмотреть врага. Справа он увидел двадцать тысяч воинов с кифчакскими знаками и знаменами. Вызвав Кошкара, он дал ему хлеб с солью и послал его к кифчакам напомнить им об их обязательстве перед ним. В правление его отца их заковали в цепи и подвергли унижениям, и он своим посредничеством спас их и ходатайствовал за них перед своим отцом. Разве, обнажив теперь мечи против него, они не нарушили свои обязательства? По этой причине кифчакское войско воздержалось от битвы и, тут же покинув поле боя, расположилось в стороне от остальных»[2].

Подводя итоги этого исследования, хотелось бы остановить-

---

[1] *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия. С. 130.

[2] *Джувейни.* Чингиз-хан. История завоевателя мира. С. 311.

ся на нескольких важных, с нашей точки зрения, выводах. Хорезмийская держава накануне монгольского вторжения оказалось заложником тех противоречий, которые существовали между тюркским населением и другими этническими группами, а также самими тюркскими кочевыми племенами. Указанные конфликты впервые проявляются в период массовой миграции тюркских кочевников на территорию Хорезма в XI–XII вв., которая достигает своего пика в период правления хорезмшаха Текиша, когда они окончательно составляют костяк армии и офицерского состава хорезмийской армии. При Ала ад-Дине Мухаммаде ибн Текише эта тенденция только усиливается, но при этом же все более явным становится и конфликт внутри тюркской военной знати, в который был втянут, с одной стороны, наследник престола, Джалал ад-Дин, а с другой — мать султана, Теркен-хатун. «Мать Узлаг-шаха была из того же племени и рода, что и Теркен-хатун, и ненавидела Ай-Чичек, мать Джалал ад-Дина» [1].

Следствием этого можно считать с одной стороны тот факт, что хорезмийское общество осталось разобщенным перед лицом общего противника, которым стали монгольские завоеватели, и чем попытался с нашей точки зрения, воспользоваться Чингиз-хан. С другой стороны, отсутствие единства внутри самой тюркской военной знати привело к тому, что, несмотря на героизм и яростное сопротивление, хорезмийская военная машина была обречена на поражение в результате столкновения с таким мощным противником. Локальные успехи, например победа при Перване в 1221 г., были сведены на нет именно благодаря противостоянию внутри тюркской части хорезмийского войска и монголо-хорезмийская война во многом была проиграна, на наш взгляд, именно по этой причине.

Хотелось бы отметить и то, что на наш взгляд следует признать заблуждением мнение отдельных исследователей, заимствованное из сочинений некоторых арабо-персидских авторов, что сама по себе военная опора хорезмшахов на тюркские кочевые племена была ошибочной и имела исключительно негативные последствия. С нашей точки зрения, ошибкой была нерешенность указанных противоречий, а вовсе не само использование тюрок в качестве основной военной силы. Подтверждением этому служит и само героическое сопротивление большинства тюркских гарнизонов хорезмийских городов монголам, и последующие победы над этим противников при Перване и при Исфахане. Со своей стороны, последний хо-

[1] *Буниятов З. М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 г. С. 129.

резмшах, Джалал ад-Дин Манкбурны, продолжая делать ставку именно тюркские военные формирования, сумел не только закрепиться на землях Индии, а затем Ирана и Южного Кавказа, но и создать собственную державу, которая долгое время была единственной преградой монгольской экспансии. «Джалал ад-Дин и его армия создали стену между Исламом и татарами. Эта стена была разрушена, и теперь ни Айюбиды, ни Сельджуки не были способны сдержать завоевание (монголов)»[1].

Литература

Ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. З.М. Буниятов. Баку, 1973.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 1. М., 1963.

Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097-1231 г. М., 1986.

Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер. Е.Е. Харитонова. М., 2004.

Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.

Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Сост. В.Г. Тизенгаузен. Т. 1. СПб., 1884.

Al-Asir ibn. Al-Kamil fi-t-tarih // Journal Asiatique. P., 1849. T. XIII.

Cambridge History of Iran / Ed.: J. A. Boyle. Vol. 5. Cambridge, 1968.

Djuveini. The History of the World-conqueror / Trad. J.A. Boyle. Vol. 2. Manchester, 1959.

Hamdallah Kazvini. Tarihi gouzide / Trad. Y. Le Strange. Vol. I. P., 1903.

[1] Cambridge History of Iran / Ed.: J. A. Boyle. Vol. 5. Cambridge, 1968. P. 335.

В.В. Тишин
(ИВ РАН, Москва)

К вопросу о клане и патронимической организации у древних тюрков VI–VIII вв.

Учеными затрагивались лишь отдельные аспекты проблемы механизмов социальных связей в древнетюркском обществе VI–VIII вв. Еще В.В. Бартольд отмечал касательно Тюркского каганата, что «от большей части кочевых государств империя VI в. отличалась тем, что с самого начала находилась под властью только одной династии, но не одного лица», хотя и «ханы, правившие в западной половине империи, с самого начала были совершенно самостоятельны»[1]. Ф. Ласло писал об идее распространения харизмы правителя на всю его династию[2]. А.Н. Бернштам, признавая, что прямых указаний о существовании рода у тюрков в источниках нет, считал, что родовая организация у них совпадала с общинной[3]. Р. Жиро и Е.И. Кычанов находили соответственно в орхонских текстах и китайских источниках указание на осознание коллективной ответственности у тюрков[4]. П.Б. Голден, развивая мысль Ф. Ласло, сформулировал тезис о принципе коллективного правления ('collective sovereignty') в Тюркском каганате, согласно которому держава рас-

---

[1] *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // *Бартольд В.В.* Сочинения: в 9 т. М., 1968. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 20.

[2] *László F.* A kagán és családja // Kőrösi Csoma Archivum. Leiden, 1967. Vol. III. 1941–1943. S. 9–12.

[3] *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.—Л., 1946 (Труды института востоковедения. Т. XLV). С. 109, 111.

[4] *Giraud R.* L'Empire des Turcs Célestes. Les règnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680-734). Contribution à l'histoire des Turcs d'Asie Centrale. Illustré de 4 cartes en hors texte. P., 1960. P. 109; *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 96.

сматривалась как собственность всего рода[1]. Было ли осознание рода у древних тюрков? Обобщение непосредственных источниковых данных позволяет сделать достаточно конкретные выводы.

В древнетюркских текстах зафиксированы термины с подобным значением: в Хошо-Цайдамских памятниках это глагол *uruγ-sïra-t-* 'пресечь, прекратить род' [КТб, 10 = БК, X, 9], в енисейской рунике отмечена лексема *u^{l}r^{l}γn^{l}* [E-41, 10][2], возможно, являющаяся падежной формой известного термина *uruγ* 'род', 'племя' < 'потомство' < 'семена, зерна'[3].

С ним тесно связан, другой термин *urï*, значение которого в древнетюркских рунических текстах[4] соответствует указанному у

---

[1] *Golden P.B.* Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Činggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. T. II. P. 45–46; *idem.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992 (Turkologica. Bd. 9). P. 131.

[2] Впервые такое чтение предложено Х. Намыком (Оркуном) (*Orkun H.N.* Eski Türk yazıtları. 3. baskı. Ankara, 1994 (Türk Dil Kurumu Yayınları 529). S. 490, 491, 494), при этом у него здесь значение *uruγ* 'kabile, soy, klan' (*Orkun H.N.* Eski Türk yazıtları. S. 876), Совсем иначе читал и транскрибировал С.Е. Малов (*Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. М.—Л., 1952. С. 75), и совсем иначе выглядит новое прочтение И.В. Кормушина (*Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М., 2008. С. 54–55, 56–57) с уточненной транскрипцией, предложенной еще Д.Д. Васильевым (*Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983. С. 29 (транскрипция), 67 (прорисовка), 106 (фотография)). Однако чтение Х.Н. Оркуна повторяет Э. Айдын (*Aydın E.* Yenisey Yazıtlarında Geçen Türk Boyları Üzerine Notlar // Turkish Studies. — 2011. Vol. 6/1. P. 391; *Айдын Э.* Заметки по поводу названий тюркских племен, встречающихся в енисейских надписях // Эпиграфика Востока. 2011. Вып. XXIX. С. 4).

[3] *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxf., 1972. P. 214; *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974. С. 605–606; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М., 1997. С. 308, 324; *Gülensoy T.* Türkiye Türkçesindeki Türkçe Sözcüklerin Köken Bilgisi Sözlüğü: tarihi – yaşayan Türk lehçeleri (şiveleri/dilleri). Anadolu ağızları ve Altay dilleri ile karşılaştırmalı: (etimolojik sözlük denemesi). Cilt II (O–Z). Ankara, 2007 (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Türk Dil Kurumu Yayınları; 911). S. 970.

[4] *Radloff W.* Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. III. Lief. SPb., 1895. S. 359; *Orkun H.N.* Eski Türk yazıtları. S. 876; *Gabain A. (von)* Alttürkische Grammatik. Mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch. Mit vier Schrifttafeln und sieben Schriftproben. 2. verbesserte Auflage. Lpz., 1950 (Porta Linguarum Orientalium, Sammlung von Lehrbüchern für das Studium der orientalischen Sprachen, herausgegeben von Richard Hartmann, XXIII). S. 347; *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951. С. 439; Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенише-

Махмуда Кашгарлы *urı* ‘дети мужского пола’, *urı oğlan* ‘сыновья’[1], где вторая лексема имела, как правило, значение ‘сыновья’, ‘дети’[2]. В орхонских памятниках форма *urï oγul* встречается в противопоставлении с термином *qïz oγul*. Например, *urï oγlïn qul qïltï silik qïz oγlïn küŋ qïltï* ‘мужское потомство (т.е. сыновья) рабами сделалось, женское потомство (т.е. дочери) рабынями сделалось’ [БК, X, 7 = КТб, 7. Ср.: БК, X, 20 = КТб, 24]. Хотя в орхонских памятниках больше нет случаев употребления подобных терминов[3], ситуацию проясняют енисейские тексты. В памятнике Уюк-Аржан, наиболее твердо датированном и одном из самых ранних (763—840 гг.)[4], предварительно читается *(u)rïm* [E-2, 1], ведь в других случаях инициальный гласный выписывается. Мемориант Суджинской стелы (840—860 гг.) говорит, что имел семь младших братьев, трех сыновей, трех дочерей (*ini-m jiti urï-m üč qïz-ïm üč erti*) [C/E-47, 6]. В памятнике Чаа-Холь I герой прощается с восемью сыновьями — *sekiz urï-m* [E-13, 1]. В Абаканском тексте фигурируют *jeti urï oγlï-ŋïzqa* ‘семь сыновей’ [E-48, 14], но ниже сочетание *jeti urï* употребляется самостоятельно [E-48, 15], т.е. в стк. 14 термин *urï* играет здесь роль

ва, А.М. Щербака. Л., 1969. С. 614; *Clauson G.* An Etymological Dictionary. P. 197.

[1] Divanü Lûgat-it-Türk ve Tercümesi / Çev. B. Atalay. Cilt I. Ankara, 1985. S. 88; *Mах%му# д ал-Ка# шг%ари#*. Ди# ва# н Луг%а# т ат-Турк / Пер., предисл., коммент. З.-А.М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы, 2005. С. 120; *Mах#мӯд ал-Кāшг#арӣ.* Дӣвāн Луг#āт ат-Турк (Свод тюркских слов) / Пер. с арабск. А.Р. Рустамова; под ред. И.В. Кормушина. Прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова Т. 1.. М., 2010 (Памятники письменности Востока. Вып. CXXVIII). С. 117; *Gömeç S.* Divanü Lügati’t-Türk’te Akrabalık Bildiren Terimler // Tarih Araştırmaları. 2002. Cilt 20. Sayı 32/6. S. 141.

[2] *Radloff W.* Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. III. Lief. S. 355; *Gabain A. (von)* Alttürkische Grammatik. S. 320; *Orkun H.N.* Eski Türk yazıtları. S. 821; *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. С. 403; *он же.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959. С. 100; Древнетюркский словарь. С. 364; *Clauson G.* An Etymological Dictionary. P. 83–84; *Rybatzki V.* Die Personennamen und Titel der Mittelmonfolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki, 2006 (Publications of the Institute for Asian and African Studies 8). S. 56.

[3] Указание С.Е. Малова (*Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. 1959. С. 37, 105) на термин в памятнике Могойн Шине Усу [МШУ, 42 (3 3)] сомнительно (см.: *Moriyasu T.* Site and Inscription of Šine Usu (シネウス遺蹟・碑文) // Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (モンゴル国現存遺蹟・碑文調査研究報告) / Ed. by T. Moriyasu and A. Ochir. Toyonaka, 1999. P. 181, 185, 194).

[4] *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960, № 3. С. 98–100, 99 рис. 2, с. 119; *он же.* О датировке памятников енисейской письменности // Там же. 1965, № 3. С. 46.

определения в изафетной конструкции. В памятнике Хербис-Баары термин предшествует слову *qadaš-ïm*, и в отличие от него не содержит личного аффикса, а далее следует сочетание *qïz qadaš-ïm* [E-59, 7], что свидетельствует о единстве грамматических значений терминов *urï* и *qïz*, как и в Суджинской стеле [C/E-47, 6], и позволяет переводить конструкцию *urï qadaš-ïm* как 'мужского пола товарищи [мои]'. В памятнике Ачуры~Очуры есть фраза: *oγlï atï küč urï oγlan toγ[dïm]* [E-26, 2], где сочетание *küč urï* отделено от предшествующих знаков словоразделителем, как и от следующего дальше слова *oγlan*, поэтому следует читать буквально 'сына [его?] имя Кюч Уры (букв. 'сильный мужчина'), мóлодцем родился [я]'[1].

Таким образом, слово *urï* имеет самостоятельное значение с преимущественной семантикой 'мужской', а также выступает в новых грамматических функциях, что проявляется также в уйгурских текстах и памятниках периода Караханлы[2]. Ср. также его производную: *urïlan-* 'рожать мальчика' [ЫБ, V][3]. Но позже памятников Караханлы второй половины XI в. слово *urï* не встречается[4]. Этот термин образован простым морфологическим способом как отглагольное имя: **ur-* *'рожать', *'зачать', *'приносить потомство', архаичная глагольная основа, + афф. *-i*[5]. Примечательно, что П.А. Будберг находил соответствующий корень **uru-* ~ **urï* (именно со вторым гласным!) в личной ономастике То-ба 拓拔[6]. Как видно по руническим текстам, в соответствующем семантическом поле это слово вытесняется термином *oγul* [БК, Ха, 10], упоминающимся уже и наравне с ним [C/E-47, 2, 6, 10, 11][7], впоследствии обрастающим

---

[1] Иначе читает и переводит И.В. Кормушин: *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. С. 18, 19. О дифференциации терминов *oγul* и *oγlan* в енисейских памятниках см.: там же. С. 266–268.

[2] *Caferoğlu A.* Eski Uygur Türkçesi Sözlüğü. İstanbul, 1968. S. 266; *Clauson G.* An Etymological Dictionary. P. 197, там же см. примеры.

[3] Древнетюркский словарь. С. 614.

[4] *Clauson G.* An Etymological Dictionary. P. 197; *Li Yong-Song.* Türk Dillerinde Akrabalık Adları. İstanbul, 1999. S. 201.

[5] *Севортян Э.В.* Этимологический словарь. С. 604, 605.

[6] *[Boodberg P.A.]* Selected Works of Peter A. Boodberg / Compl. by A.P. Cohen. Berkeley, Los Angeles—London, 1979. P. 155, 230.

[7] Примечательно, что есть свидетельства, прямо говорящие, что для древнетюркской эпохи, в целом, так же было характерно такое социальное явление как усыновления. Точно об этом говорить позволяют те факты, что уйгурский каган Ачжо 阿啜, не имевший детей, воспитывал «вместо сына» китайца, дав ему каганскую фамилию Йаглакар (Йо-ло-гэ 药罗葛) (*Бичурин Н.Я. [Иакинф].* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Редакция текста, вступ. ст., комм. А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера Т. I. М.—Л., 1950. С. 330;

новой семантикой и так же приобретающим широкий спектр лексических и грамматических значений[1].

Эти наблюдения представляют особую важность для понимания сохранившего основу **ur-* термина *uruγ* в значении социальной единицы[2], определения его роли в системе общественной организации конкретно в древнетюркский период VI—X вв.

Очень важно в этом плане прочтение Т. Осава в стк. 2 правой Онгинской надписи выражения *urlï qaŋlï* [Oa, 2], соответственно 'the people of the son's generation' и 'the people of the father's generation'[3], что подчеркивает восприятие членами семей разного поколения, принадлежащих к одному роду как генеалогической структуре, своей принадлежности к различным ячейкам в общественной организации. Это так, поскольку обе лексемы выступают в качестве однородных членов единой синтаксической конструкции с сочинительной связью, обозначенной аффиксом *-lï*, в этой функции отмеченным еще В.В. Радловым, что было обоснованно П.М. Мелиоран-

---

Позднеев Д.М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб., 1899. С. 89; *Mackerras C.* The Uighurs // The Cambridge History of Early Inner Asia: From Earliest Times to the Rise of the Mongols / Ed. by D. Sinor. Vol. 1. Cambridge, 1990. P. 318), а взошедший затем в 795 г. на уйгурский престол Кутлуг (Гу-долу 骨咄祿) «еще в детстве осиротел, и воспитан одним из главных старейшин» (*Бичурин Н.Я. [Иакинф]*. Собрание сведений о народах... Т. I. С. 330–331; *Васильев В.П.* Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Кара-Балгасуне // Сборник Трудов Орхонской экспедиции. Т. III. СПб., 1897. С. 31; *Mackerras C.* The Uighurs. P. 318). Что касается более раннего времени, периода собственно Тюркского каганата, то интересно, что Н.Я. Бичурин называет кагана Дянь-цзюэ 玷厥 «вотчимом», т.е. отчимом Шэ-ту 攝圖 (Ша-бо-люэ 沙鉢略 кагана), правда, неясно, на каком основании (*[Бичурин Н.Я. (Иакинф)]*. Записки о Монголии сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов. Т. II. Ч. 3–4. СПб., 1828. С. 111). Примечательно, что Шэ-ту 攝圖 был сыном рано умершего Кэ-ло 科羅, а Дянь-цзю 玷厥, считающийся сыном Истеми, возможно, был по возрасту самым старшим в роде А-шина 阿史那.

[1] См.: *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. II: Türkische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1965. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Komission. Bd. XIX). S. 81–82; *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. С. 416–417; Сравнительно-историческая грамматика. С. 314.

[2] См.: *Li Yong-Song.* Türk Dillerinde Akrabalık Adları. İstanbul, 1999. S. 55–58.

[3] *Ōsawa T.* Revisiting the Ongi inscription of Mongolia from the Second Turkic Qaγanate on the basis of rubbings by G.J. Ramstedt // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja / Journal de la Société Finno-Ougrienne. 2011, № 93. P. 170, 174, 190.

ским[1].

У нас нет возможности проверить правильность чтения Т. Осава, но, судя по транскрипции, для того, чтобы принять этого, мы имеем препятствие в виде наличия предполагаемого корня *ur- без второго гласного.

Китайские источники приводят лишь отдельные упоминания о коллективной ответственности у тюрков: убийство малого кагана И-ли 乙利 западным Сы шэ-ху 肆葉護 каганом со всей семьей (*цзу* 族)[2], убийство сыновьями *Ильтериш кагана Бёгю кагана со всеми его родственниками[3], казнь Бильге каганом предавшего его Мэй-лу-чжо 梅錄啜 со всеми сообщниками (*дан* 黨)[4]. Так же уйгуры убили сеяньтоского До-ми 多弥 кагана и «истребили весь его род» (*цзинь-ту ци-цзун* 尽屠其宗)[5].

---

[1] *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-Тегина. С двумя таблицами надписей // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1899. Т. XII. Вып. II–III (с приложением одинадцати таблиц). С. 96–98; *Щербак А.М.* П.М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности // Тюркологический сборник. 1972. Памяти П.М. Мелиоранского. М., 1973. С. 31; *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980. С. 107. Ср. у О. Прицака, отметившего в аналогичной конструкции *ini+li äči+li* ‘die älteren und jüngeren Brüder’ аффикс в функции «um Kollektiva von den Verwandtschaftsbeziehungen zu bilden» (*Pritsak O.* Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker // Ural-Altaische Jahrbücher. 1952. Bd. XXIV. H. 1–2. S. 78; *idem.* Tribal Names and Titles amongst the Altaic Peoples // The Turks in the Early Islamic World / Ed. by C.E. Bosworth. Ashgate, 2007 (The Formation of the Classical Islamic World. Vol. 9). P. 99).

[2] *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. P., 1903. P. 27; *Бичурин Н.Я. [Иакинф].* Собрание сведений о народах. Т. I. С. 285; *Taşağıl A.* Gök-Türkler II (fetret devri 630—681). Ankara, 1999 (Türk Tarih Kurumu Yayınları VII. Dizi — Sayı 160[a]). S. 93.

[3] *Taşağıl A.* Gök-Türkler III. Ankara, 2004 (Türk Tarih Kurumu Yayınları VII. Dizi — Sayı 160[b]). S. 46. См.: *Pelliot P.* La fille de Mo-tch’o Qaghan et ses rapports avec Kültegin // T’oung Pao. 1912. Vol. XIII. P. 301–306.

[4] *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T’u- küe). I. Buch: Texte. Wiesbaden, 1958. (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Bd. 10). S. 179; *Лю Маоцай.* Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках / [пер. с нем. В.Н. Добжанской и Л.Н. Ермоленко, отв. ред. Д.Д. Васильев] // Бюллетень (Newsletter). Приложение 1. М., 2002. С. 87.; *Бичурин Н.Я. [Иакинф].* Собрание сведений о народах. Т. I. С. 277; *Julien S.* Documents... Vol. IV. P. 471. А. Ташагыл дает транскрипцию его имени Buyruk Çor (*Taşağıl A.* Gök-Türkler III. S. 50, 51).

[5] *Бичурин Н.Я. [Иакинф].* Собрание сведений о народах. Т. I. С. 343 (здесь — Дони хан); *Taşağıl A.* Gök-Türkler II. S. 104.

Как показал М.В. Крюков, значение иероглифа *цзу* 族, как и тождественного ему *цзун* 宗, в Древнем Китае было одинаковым, это — группы, обозначавшие определенное общественное объединение, характеризовавшиеся территориальным единством[1]. Позже, с начала н.э., *цзу* 族 стал обозначать 'потомков', 'родственников'[2]. Термины *цзу* 族 и *цзун* 宗 еще с чжоуского времени (с периода *Чуньцю* 春秋, VIII—III вв. до н.э.) составили новую единицу: *цзун-цзу* 宗族, все члены которой подчинялись интересам всей группы, они были связаны обязанностью кровной мести и других видов взаимопомощи[3]. Но *цзун-цзу* 宗族 делились на *цзу* 族 — семьи. Таким образом, *цзун-цзу* 宗族 — «совокупность семей, происходящих от общего предка и соподчиненных между собой с соответствующим делением на прямую и боковую ветви родства»[4], вплоть до пятого колена[5], но это не род, а патронимическая организация[6]. Это доказывается и случаями употребления термина *цзу* 族[7]. Из древней китайской истории известны казни всех членов *цзу* 族 за проступок одного члена, или насильственные переселения целым *цзун-цзу* 宗族[8]. В конце правления династии Хань 漢 (нач. III в. н.э.) такая патриархальная, клановая организация переживала новый подъем, когда *цзун-цзу* 宗族 становились основной социальной единицей, а входившие в них семьи, по сути, превращались в своеобразные расширенные семьи, достигавшие внушительных размеров, включая в себя родственников по боковым линиям и однофамильцев, вплоть до VI в.[9]

В тексте Кюль тегина тюркский каган именует «сыновьями» народ десяти стрел (*on oq oγl-ïŋa*) [КТ, Хб, 12] и называет «сыном»

---

[1] *Крюков М.В.* Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967. С. 84–85.

[2] Там же. С. 86.

[3] Там же. С. 86, 87, 88–91; *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. С. 47.

[4] *Крюков М.В.* Формы социальной организации древних китайцев. С. 91.

[5] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. С. 39, прим. 2.

[6] *Крюков М.В.* Формы социальной организации древних китайцев. С. 96.

[7] Там же. С. 97 прим. 114.

[8] Там же. С. 87–88.

[9] *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. С. 48–49.

Тюргешского кагана (*on oq oγl-ïm türgäš qaγan-ta*) [Кб, 12][1]. С.Г. Кляшторный предположил, что «слово oγul в обоих случаях употреблено как политический термин, указывающий на вассальную зависимость, реальную или номинальную, западнотюркских владетелей от орхонских каганов»[2]. Ученый отметил также, что выражение «мой десятистрельный сын, тюргешский каган» может отражать китайское влияние, ведь в своих письмах императоры именовали кагана тюрков «сыном»[3].

То-бо 佗鉢 каган ранее называл зависимые от него и платившие ему дань два китайских государства двумя покорными «детьми», «сыновьями» или «молокососами»[4]. В оригинале *лян гэ эр сяо-шун* 兩個兒孝順 («Чжоу шу» 周書) или *лян эр чан сяо-шун* 兩兒常孝順 («Суй шу» 隋書) [Чжоу шу, цз. 50, с. 8б; Суй шу, цз. 84, с. 4б], где перевод иероглифа *эр* 兒 позволяет предполагать любое из названных значений[5], иероглиф *сяо* 孝 означает традиционную для конфуцианской системы ценности категорию ‘почитание (уважение) родителей; преданность (усердное служение) родителям; усердное исполнение воли (осуществление идеалов) родителей (предков)’[6], а *сяо-шун* 孝順 ‘1) почтительный и послушный родителям (старшим в семье); 2) чтить, уважать; быть преданным; питать сыновью любовь и преданность [к...]’[7]. По мнению Х. Токуда, в этой фразе нашла отражение принятая у тюрков концепция отноше-

---

[1] Литературу, где обосновывается значение термина *oγul* как ‘сын’ для памятников древнетюркской рунической письменности см. выше.

[2] *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 126, прим. 236.

[3] Там же. С. 148, прим. 54.

[4] *Бичурин Н.Я. [Иакинф].* Собрание сведений о народах. Т. I. С. 233; *Julien S.* Documents. Vol. III. P. 353; *Parker E.H.* The Early Turks (From the PEI SHI and the SUI SHU) // The China Review. 1900, vol. 24, № 4. P. 172; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten... I. Buch. S. 13; *Лю Маоцай.* Сведения о древних тюрках. С. 46; *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. С. 259, 261; *Jagchid S., Symoms V.J.* Peace, War, and Trade along the Great Wall. Nomadic-Chinese Interaction through Two Millenia [Translation of: Pei Yay u mu min tsu yü chung yüan nung yeh min tsu chien ti ho p'ing, chan cheng, yü mao I chih kuan hsi]. Bloomington; Indianopolis, 1989. P. 39, 121; *Taşağıl A.* Gök-Türkler I. 2. baskı. Ankara, 2003 (Türk Tarih Kurumu Yayınları VII. Dizi — Sayı 160[1]). S. 27.

[5] Большой китайско-русский словарь по русской графической системе: В 4 т.: Ок. 250 000 слов и выражений / Сост. под рук. и ред. И.М. Ошанина. Т. 4: Иероглифы № 10746—№ 15505. М., 1984. С. 438–439.

[6] Там же. Т. 2: Иероглифы № 1–№ 5064. М., 1983. С. 1091.

[7] Там же. С. 1092.

ний к вассалам на основе принципа отец–сын[1].

В Хошо-Цайдамских текстах о периоде расцвета Второго Тюркского каганата говорится: «Младшие братья старших братьев [их] не знать стали, сыновья отцов [их] не знать стали» (*ini-si eči-sin bil-mäz er-ti oγl-ï qaŋ-ïn bil-mäz er-ti*) [КТб, 21 = БК, X, 18]. В.В. Бартольд видел здесь указание на ослабление родовых связей ввиду обогащения членов рода[2]. Прежде П.М. Мелиоранский толковал фразу как свидетельство хорошего экономического состояния, будто младшие так забиты стадами, что не замечают старших[3]. Позже С.Е. Малов прокомментировал эту фразу как «по благосостоянию и обширности и дальности кочевий»[4], считая ее, по-видимому, метафорой. А. Инайет отметил, что здесь не следует видеть буквальное указание на родственные связи, а понимать фрагмент как метафорическое указание на утрату родственной и возрастной субординации[5].

Отношение тюркских каганов к подчиненным правителям как к ‘детям’ (*oγlï, эр* 兒), оппозиция «старший–младший» древнетюркских текстов свидетельствуют о распространении принципа генеалогического старшинства как на социальную, так и на политическую сферу жизнедеятельности общества.

Однако следует обратить внимание еще на одну группу фактов. Самоубийства после смерти Се-ли 頡利 кагана его приближенного с титулом *ху-лу да-гуань* 胡祿達官 (< *uluγ tarqan?*) Ту-юй-хунь-се 吐谷渾邪 и его дяди и полководца Су-ни-ши 蘇尼失[6], а также по-

---

[1] *Tokuda H.* Uygur-Çin Ticari İlişkilerinin Gelişimi (8 ve 9. Yüzyıllarda): T.C. Ankara Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayınlanmamış Doktora Tezi. Ankara, 2010. S. 51.

[2] *Бартольд В.В.* Образование империи Чингиз-хана (пробная лекция, читанная в СПб. унив. 8 апреля 1896 г.) // *Бартольд В.В.* Соч. Т. V. С. 265; *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-Тегина. С. 113.

[3] *Мелиоранский П.М.* Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. CCCXVII, июнь. Отд. 2. С. 276.

[4] *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. С. 39.

[5] *İnayet A. bir kişi : y(a)ŋ(ı)ls(a)r : og(u)şı : bod(u)nı : bişükiŋä : t(ä)gi : kıdm(a)z : (ä)rm(i)ş* ve *in(i)si : [(ä)ç]isin : bilm(ä)z : (ä)rti : oglı : k(a)ŋın : bilm(ä)z : (ä)rti* İbareleri Üzerine // III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu. Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl. (Bildiri kitabi) / Ed. Ü. Çelik Şayık. 1. Cilt. Ankara, 2011. S. 452–454.

[6] *Ecsedy H.* Tribe and Tribal Society in the 6th Century Turk Empire // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. T. XXV. P. 258; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten. I. Buch. S. 145, 198; *Parker E.H.* The Early Turks — Part IV

пытка самоубийства на похоронах императора Тай-цзуна 太宗 его тюркского полководца А-ши-на Шэ-эр 阿史那社爾[1] позволяют говорить о существовании у тюрков представлений об определенной системе подчинения в как рамках кровнородственных, так и межличностных связей[2]. Эти случаи и попытки самоубийств тюркских вождей и командиров после смерти правителей, которым они служили, говорят об индивидуальном характере внутренних связей в древнетюркском обществе.

Таким образом, у древних тюрков существовала единая система иерархического подчинения, пронизывающая все уровни социальной организации, не просто имеющая патримониальный характер, а основанная на генеалогическом принципе старшинства, но с преобладанием личностных, а не кровнородственных связей на уровнях выше семьи, лишь в пределах которой также сохраняется и принцип коллективной ответственности.

По-видимому, как раз объединение нескольких, как правило, родственных, семей, первичную общину, т.е. семейно-родственную группу как единицу производственной и социальной организации[3], мог обозначать термин *uruγ*[4].

(From the T'ang Shu; Continued from where it leaves off at Part I) // The China Review. 1901, vol. 25, № 5. P. 242; *Лю Маоцай.* Сведения о древних тюрках. С. 71–72; *Taşağıl A.* Gök-Türkler I. S. 84, 106.

[1] *Chavannes E.* Documents. P. 178; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten. I. Buch. S. 265; *Лю Маоцай.* Сведения о древних тюрках. С. 94.

[2] Ср.: *Jagchid S., Symoms V.J.* Peace, War, and Trade along the Great Wall. P. 158, 216 note 76; *Ecsedy I.* A Note on "Slavery" in the Turk Rulers' Burial Customs // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1988. T. XLII (I). P. 9.

[3] *Масанов Н.Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX вв. Алма-Ата, 1984. С. 97–103; *он же.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы—Москва, 1995. С. 134–141; *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World / Transl. by J. Crookenden; with a foreword by E. Gellner. 2-nd ed. Madison, 1994. P. 128, 135, 139; *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы, 2002. С. 229, 238, 244.

[4] Интересно, что в свое время примерно такое значение ('yakın ve uzak kan kardeşlerden kurullan muayyen bir topluluğu') для термина *uruğ* предложил А. Инан, что позже в более конкретной форме ('aileler birliği'), в контексте социальной организации, попытался обосновать И. Кафесоглу (*İnan A.* Türk Etnolojisini İlgilendiren Birkaç Terim-Kelime Üzerine // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1956. Ankara, 1956. S. 183; *Kafesoğlu İ.* Türk Milli Kültürü. 4. baskı. Istanbul, 1997. S. 227, 229 not. 76; Türk Dünyası El Kitabı. Cilt 1.; Türk Dünyası El Kitabı. 2. baskı. Cilt 1. Coğrafya–Tarih. Ankara, 1992 (Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü. Yay.: 21, Ser.: 1, Sayı: A-23). S. 191.

Шифры памятников

БК, Х — большая надпись на восточной стороне стелы Бильге кагана

БК, Ха — продолжение большой надписи на левой боковой (южной) стороне стелы Бильге кагана

Е — енисейские надписи

Кб — боковая надпись на правой боковой (северной) стороне стелы Кюль тегина

КТб — большая надпись на лицевой (восточной) стороне стелы Кюль тегина

КТ, Хб — малая надпись на левой боковой (южной) стороне стелы Кюль тегина

МШУ — стела Могойн Шине Усу

Оа — надпись с правой (южной) стороны Онгинского памятника

С/Е-47 — Суджинская надпись

ЫБ — Ырк Битиг («Книга гаданий»

Чжоу шу — «История [династии] Чжоу». Цит. по: Цинь-дин си ку цюань шу хуэй-яо: Чжоу шу. — Чанчунь: Цзи-линь чу-бань ци-туань ю-сянь цзэ-жэнь гун-сы, 2005 [钦定四庫全書荟要 — 周书. — 長春: 吉林出版集团有限责任公司, 2005].

Суй шу — «Истории [династии] Суй». Цит. по: Цинь-дин си ку цюань шу хуэй-яо: Суй шу (гон эр цо). — Чанчунь: Цзи-линь чу-бань ци-туань ю-сянь цзэ-жэнь гун-сы, 2005 [钦定四庫全書荟要: 隋书(共2册). — 長春: 吉林出版集团有限责任公司, 2005].

Литература

Айдын Э. Заметки по поводу названий тюркских племен, встречающихся в енисейских надписях // Эпиграфика Востока. 2011. Вып. XXIX. С. 3–13.

Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // *Бартольд В.В.* Сочинения: в 9 т. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. С. 19–192.

Бартольд В.В. Образование империи Чингиз-хана (пробная лекция, читанная в СПб. унив. 8 апреля 1896 г.) // *Бартольд В.В.* Сочинения: в 9 т. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. С. 253–265.

Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы.

М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1946 (Труды института востоковедения. Т. XLV).

[Бичурин Н.Я. (Иакинф)]. Записки о Монголии. Сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1828. Т. II. Ч. 3–4.

Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Редакция текста, вступ. ст., комм. А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера. Т. I. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Большой китайско-русский словарь по русской графической системе: В 4 т.: Ок. 250 000 слов и выражений [Текст] / Сост. под рук. и ред. И.М. Ошанина. М.: Наука, 1983.

Васильев В.П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Кара-Балгасуне // Сборник Трудов Орхонской экспедиции. Т. III. СПб., 1897. С. 1–36.

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, 1983.

Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л.: Наука, 1969.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, 1980.

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука, 2008.

Крюков М.В. Формы социальной организации древних китайцев. М.: Наука, 1967.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979.

Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960, № 3. С. 93–120.

Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. 1965, № 3. С. 38–49.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит., 1997.

Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках / [пер. с нем. В.Н. Добжанской и Л.Н. Ермоленко, отв. ред. Д.Д. Васильев] // Бюллетень (Newsletter). Приложение 1. М.: ИВ РАН, 2002.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы—Москва, 1995.

Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков. Алма-Ата: Наука, 1984.

Мах%му␣д ал-Ка␣шг%ари␣. Ди␣ва␣н Луг%а␣т ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.

Мах#мӯд ал-Кāшг#арӣ. Дӣвāн Луг#āт ат-Турк (Свод тюркских слов) / Пер. с арабск. А.Р. Рустамова; под ред. И.В. Кормушина. Прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. Т. 1. М.: Вост. лит., 2010 (Памятники письменности Востока. — Вып. CXXVIII).

Мелиоранский П.М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. CCCXVII, июнь. Отд. 2. С. 263–292.

Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина. С двумя таблицами надписей // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1899. Т. XII. Вып. II–III (с приложением одинадцати таблиц). С. 1–144.

Позднеев Д.М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1899.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1997.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.

Щербак А.М. П.М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности // Тюркологический сборник. 1972. Памяти П.М. Мелиоранского. М.: Наука, 1973. С. 24–35.

Aydın E. Yenisey Yazıtlarında Geçen Türk Boyları Üzerine Notlar // Turkish Studies. 2011. Vol. 6/1. P. 390–398.

[Boodberg P.A.] Selected Works of Peter A. Boodberg / Compl. by A.P. Cohen. Berkeley; Los Angeles—London: University of California Press, 1979.

Caferoğlu A. Eski Uygur Türkçesi Sözlüğü. İstanbul: Edebiyat fakültesi basımevi, 1968 (Türk dil Kurumu yayınları: sayı 260).

Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. — Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve, 1903. — IV, 380 p.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish.

Oxf.: Clarendon Press, 1972.

Divanü Lûgat-it-Türk ve Tercümesi / Çev. B. Atalay. Cilt I. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1985.

Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1965. Bd. II: Türkische Elemente im Neupersischen (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Komission. Bd. XIX).

Ecsedy H. Tribe and Tribal Society in the 6th Century Turk Empire // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. T. XXV. P. 245–262.

Ecsedy I. A Note on "Slavery" in the Turk Rulers' Burial Customs // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1988. T. XLII. Fasc. 1. P. 3–16.

Gabain A. (von) Alttürkische Grammatik. Mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch. Mit vier Schrifttafeln und sieben Schriftproben. 2. verbesserte Auflage. Lpz., 1950 (Porta Linguarum Orientalium, Sammlung von Lehrbüchern für das Studium der orientalischen Sprachen, herausgegeben von Richard Hartmann, XXIII).

Giraud R. L'Empire des Turcs Célestes. Les règnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680—734). Contribution à l'histoire des Turcs d'Asie Centrale / Illustré de 4 cartes en hors texte. Рю: Librairie d'Amerique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1960.

Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992 (Turkologica. Bd. 9).

Golden P.B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Činggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. T. II. P. 37–76.

Gömeç S. Divanü Lügati't-Türk'te Akrabalık Bildiren Terimler // Tarih Araştırmaları. 2002. Cilt 20. Sayı 32/6. S. 133–142.

Gülensoy T. Türkiye Türkçesindeki Türkçe Sözcüklerin Köken Bilgisi Sözlüğü: tarihi – yaşayan Türk lehçeleri (şiveleri/dilleri). Anadolu ağızları ve Altay dilleri ile karşılaştırmalı: (etimolojik sözlük denemesi). Cilt II (O–Z). Ankara: Türk Dil Kurumu, 2007 (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Türk Dil Kurumu Yayınları; 911).

İnan A. Türk Etnolojisini İlgilendiren Birkaç Terim-Kelime Üzerine // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1956. Ankara, 1956. S. 179–195.

İnayet A. bir kişi : y(a)ŋ(ı)ls(a)r : og(u)şı : bod(u)nı : bişükiŋä : t(ä)gi :

kıdm(a)z : (ä)rm(i)ş ve *in(i)si : [(ä)ç]isin : bilm(ä)z : (ä)rti : oglı : k(a)ŋın : bilm(ä)z : (ä)rti* İbareleri Üzerine // III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu. Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl. (Bildiri kitabi) / Ed. Ü. Çelik Şayık. 1. Cilt. Ankara, 2011. S. 451–457.

Jagchid S., Symoms V.J. Peace, War, and Trade along the Great Wall. Nomadic-Chinese Interaction through Two Millenia [Translation of: Pei Yay u mu min tsu yü chung yüan nung yeh min tsu chien ti ho p'ing, chan cheng, yü mao I chih kuan hsi]. Bloomington; Indianopolis: Indiana University Press, 1989.

Julien S. Documents historiques surles Tou-kiue (Turcs) // Journal Asiatique. 1864. Ser. 6. Vol. III. P. 325–367, 491–549; Vol. IV. P. 201–242, 391–430, 453–477.

Kafesoğlu İ. Türk Milli Kültürü. 4. baskı. Istanbul: Ötüken Neşriyat, 1997.

Khazanov A.M. Nomads and the Outside World / Transl. by J. Crookenden; with a foreword by E. Gellner. 2-nd ed. Madison: University of Wisconsin Press, 1994.

Li Yong-Song. Türk Dillerinde Akrabalık Adları. İstanbul: Simurg, 1999.

Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u- küe). I. Buch: Texte. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Bd. 10).

László F. A kagán és családja // Kőrösi Csoma Archivum. Vol. III. 1941—1943. Leiden: E.J. Brill, 1967. S. 1–39.

Mackerras C. The Uighurs // The Cambridge History of Early Inner Asia: From Earliest Times to the Rise of the Mongols / Ed. by D. Sinor. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 317–342.

Moriyasu T. Site and Inscription of Šine Usu (シネウス遺蹟 碑文) // Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (モンゴル国現存遺蹟碑文調査研究報告) / Ed. by T. Moriyasu and A. Ochir. Toyonaka: The Society of Central Eurasian Studies, Osaka University, 1999. P. 177–195.

Orkun H.N. Eski Türk yazıtları. 3. baskı. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1994 (Türk Dil Kurumu Yayınları 529).

Ōsawa T. Revisiting the Ongi Inscription of Mongolia from the Second Turkic Qaγanate on the Basis of Rubbings by G.J. Ramstedt // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja / Journal de la Société Finno-Ougrienne. 2011, № 93. P. 147–203.

Parker E.H. The Early Turks (From the PEI SHI and the SUI SHU) // The China Review. 1900, vol. 24. № 4. P. 163–173.

Parker E.H. The Early Turks — Part IV (From the T'ang Shu; Continued from where it leaves off at Part I) // The China Review. 1901, vol. 25. № 5. P. 234–247.

Pelliot P. La fille de Mo-tch'o Qaghan et ses rapports avec Kül-tegin // T'oung Pao. 1912. Vol. XIII. P. 301–306.

Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker // Ural-Altaische Jahrbücher. 1952. Bd. XXIV. H. 1–2. S. 49–104.

Pritsak O. Tribal Names and Titles amongst the Altaic Peoples // The Turks in the Early Islamic World / Ed. by C.E. Bosworth. Ashgate: Variorum, 2007 (The Formation of the Classical Islamic World. Vol. 9). P. 59–116.

Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. III. Lief. SPb.: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1895.

Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmonfolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki Yliopistopaino Oy, 2006 (Publications of the Institute for Asian and African Studies 8).

Taşağıl A. Gök-Türkler I. 2. baskı. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2003 (Türk Tarih Kurumu Yayınları VII. Dizi — Sayı 160[1]).

Taşağıl A. Gök-Türkler II (fetret devri 630—681). Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1999 (Türk Tarih Kurumu Yayınları VII. Dizi — Sayı 160[a]).

Taşağıl A. Gök-Türkler III. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2004 (Türk Tarih Kurumu Yayınları VII. Dizi — Sayı 160[b]).

Tokuda H. Uygur-Çin Ticari İlişkilerinin Gelişimi (8 ve 9. Yüzyıllarda): T.C. Ankara Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayınlanmamış Doktora Tezi. Ankara, 2010.

Türk Dünyası El Kitabı. 2. baskı. Cilt 1. Coğrafya–Tarih. Ankara, 1992 (Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü. Yay.: 21, Ser.: 1, Sayı: A-23).

А.Х. Тухватулин
(Институт международных отношений К(П)ФУ, Казань)

«Родословная туркмен» и «Родословная тюрок» Абу-л-Гази как источник для мусульманских историков рубежа XIX-XX вв.

Абу-л-Гази известен как автор двух весьма важных исторических сочинений: Шаджара-і тараkіма («Родословная туркмен») и Шаджара-і турк *(«*Родословная тюрок»).

Второе сочинение Абу-л-Гази, перевод которого впервые был издан в 1726 г., получило всеобщее признание не только в Средней Азии, но и в других регионах, включая Европу.

Стараниями пленного шведского офицера Табберта (фон Страленберг) в 1726 г. в Лейдене был издан французский перевод, а в 1780 г. «Родословная тюрок» появилась в немецком переводе; затем французский перевод послужил оригиналом для русского перевода, выполненного В. Тредиаковским и изданного в 1770 г., и для английского, изданного в 1780 г.

Научное издание текста «Родословной тюрок» и перевод на французский язык осуществил Петр Иванович Демезон[1].

С текста, изданного Демезоном, в Казани был сделан перевод на казанский тюрки; переводчик Абдулла Аллам Файзхан-оглы. Изданный Демезоном текст «Родословной тюрок» был переведен на турецкий язык в Стамбуле д-ром Риза Нуром.

Труды по истории Абу-л-Гази «Родословная тюрок» и «Ро-

[1] Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghasi Behadour Khan publiee, traduite et annotee par le Baron Desmaisons. T. I, Texte. SPb., 1871; t. II, Traduction. SPb., 1874. П.И. Демезон (1807–1873) — филолог, знаток тюркских языков; в 1834—1835 г. под видом мусульманского паломника посетил Бухару; с 1843 по 1872 г. — директор Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Издание «Истории» Абу-л-Гази после смерти П.И. Демезона было закончено печатанием под наблюдением П.И. Лерха (1827–1884).

дословная туркмен» были хорошо известны мусульманским историкам Волго-Урала на рубеже XIX–XX вв.

Так, Хусаин Амирханов в книге «Таварих-е Булгарийа» («Булгарские хроники», Казань, 1883), прямо цитирует труд хивинского хана: «Сказал вышеупомянутый Абу-л-Гази: “И написали на тюркском, персидском и арабском языках историю предков каждого падишаха те, кто знал их”»[1]. А первая глава этого трактата посвящена автору «Родословной тюрок» — «Рассказ о Мухаммад-хане Абу-л-Гази Бахадир-хане Хорезми».

Известный богослов и основатель татарской исторической школы Шигабуддин Марджани в своих путевых заметках во время совершения хаджа, среди исторических сочинений, которые он взял с собой в дорогу, упоминает «Тарих Абу-л-Гази» («История Абу-л-Гази»): «Помимо священных свитков я взял экземпляры “Назурат ал-хакк” (“Обозрение истины”), “Хакк ал-марифа” (“Истина познания”), “Фаваид” (“Полезное”), “Мунтахаб ал-вафия” (“Избранное из подробного”), “Мухтасар ал-Викая” (“Сокращенное изложение "Ал-викая"”), “Бабурия” (“Бабур-наме”), “Сабат ал-аджизин” (“Стойкость слабых”), “Маджма ал-адаб” (сборник по адабу), “Фадаил аш-шухур” (“Блага, даруемые месяцами”), “Тарих Абу-л-Гази” (“"История" Абу-л-Гази”)»[2].

Татарский просветитель, богослов и историк Ризаэддин Фахреддин дает следующую справочную оценку Абу-л-Гази: «Его зовут Мухаммад б. Араб-хан. Он из знаменитого рода Чингисидов. Умер в возрасте 60 лет в 1074 (1663/64) году. Эта его “История”, повествующая о татарах, была издана в 1287 (1870/71) году в Петербурге стараниями барона Демизона. Она также переведена на европейские языки»[3]. В труде «Ханы Золотой Орды» он часто использовал сведения из «Родословной тюрков» при описании деяний того или иного хана.

Необходимо отметить, что влияние «Родословной тюрок» сильно заметно в трудах татарского историка и богослова Хасан-Гата Габаши, написавший книгу «Всеобщая история тюркских народов» (1909 г.). Преемственность заметна в структуре работы, Х.-Г. Габаши нередко ссылается на авторитет своего предшествен-

---

[1] *Амирханов Х.* Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники). М.: Издательский дом Марджани, 2010. С. 24.

[2] Рихлат ал-Марджани (Записки Марджани). *Юзеев А.Н.* Путевые заметки Марджани // Гасырлар-авазы — Эхо веков. 2001, №1-2. С. 105

[3] *Фахреддин Р.* Краткая биография уважаемого Марджани // Марджани маджмугасы (Сборник, посвященный юбилею Марджани). Казань, 1915. С. 410.

ника, особенно при описании истории огузов, кыпчаков, туркмен и тюркских племен Центральной Азии.

Так, во введении к своему труду, следуя за стилем Абу-л-Гази, он пишет: «... Решил написать это исследование на родном языке — на современном казанском диалекте тюрки, поэтому использую некоторые, возможно даже, грубые тюркские слова, не встречающиеся в научных трудах, ставя основной целью, чтобы данная работа была понятна и доступна любому читателю. По этой причине я старался писать кратко, поучительные моменты делал понятными и легкими для восприятия. Из этих же соображений, в некоторых местах вставил необходимые и уточняющие пояснения и повторения... Моя цель сделать изложенные здесь сведения общенациональным достоянием, поэтому еще раз прошу прощения у своих читателей за возможные допущенные ошибки»[1]. Для сравнения, Абу-л-Гази объясняет причину написания своего труда на тюркском языке следующим образом: «Да будет известно всем, что те, кто слагали до нас историю тюрок, чтобы показать народу свой талант и искусство, примешивали арабские слова, а также добавляли персидские слова, а тюркскую речь превращали в рифмованную прозу. Мы не делали ничего подобного, ибо тот, кто будет читать или слушать [чтение] этой книги, конечно, будет тюрок, а с тюрком надо говорить по-тюркски, чтобы каждому было понятно. А если нашу речь не понимают, то какая [от нее] польза? Если же среди них и окажется один или двое грамотных [и] разумеющих и если они постигнут [смысл сказанного], то кому из множества неразумеющих они сумеют растолковать?! Следовательно, надо говорить так, чтобы все, хорошие и плохие, понимали, чтобы до их сердец доходило»[2].

Таким образом, труд Абу-л-Гази «Родословная тюрков» оказал большое влияние для становления национальной историографии и идеологии в период формирования татарской нации.

Литература

Амирханов Х. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники) / Хусаин Амирханов; пер. со старотат., вступ. ст, и коммент. А.М. Ахунова. М.: Издательский дом Марджани, 2010.

Габаши Х.-Г. М. Всеобщая история тюркских народов / пер. со старо-

[1] *Габаши Х.-Г. М.* Всеобщая история тюркских народов. Казань, 2009. С. 28.

2 *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1958. С. 37.

тат., вступ. ст, и коммент. А.Х. Тухватулина. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009.

Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1958.

Юзеев А.Н. Путевые заметки Марджани // Гасырлар-авазы — Эхо веков. 2001, №1–2. С. 105–108.

Фахреддин Р. Краткая биография уважаемого Марджани // Марджани маджмугасы (Сборник, посвященный юбилею Марджани). Казань, 1915. С. 382–416.

Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghasi Behadour Khan publiee, traduite et annotee par le Baron Desmaisons. T. I, Texte. SPb., 1871; t. II, Traduction. SPb., 1874.

БЮЛЛЕТЕНЬ
(NEWSLETTER)

21

Материалы
VII международной конференции
"Источники по истории кочевников
средневековой Евразии"

Подписано в печать 05.09.2014 г.
Формат 60x84/16. Объем 20,2 усл. печ.л.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-89282-608-2

9 785892 826082

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru